

**Казанский
федеральный**
УНИВЕРСИТЕТ

**Казанский федеральный университет
Институт международных отношений**

**Российская академия наук
Институт всеобщей истории**

**Российское историческое общество
Казанское отделение**

**Российское общество интеллектуальной истории
Казанское отделение**

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сборник статей и сообщений

Том 2

**КАЗАНЬ
2020**

УДК 94:930
ББК 63.3(0):63
В84

*Печатается по рекомендации
кафедры всеобщей истории Института международных отношений
Казанского федерального университета*

Редакционная коллегия:
Н.В. Антонова, Н.Ю. Бикеева, Р.М. Валеев, П.В. Георгиев,
Г.П. Мягков (сост., отв. редактор), **Э.В. Рунг, Р.Р. Хайрутдинов,**
Е.А. Чиглинцев (сост., отв. редактор), **Л.М. Шмелева**

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **Р.Р. Юсупов**
(Академия наук Республики Татарстан)
кандидат исторических наук **А.К. Гладков**
(Институт всеобщей истории РАН)

В84 **Всеобщая история и историческая наука в XX –**
начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т.
Т. 2 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев.
– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 292 с.

ISBN 978-5-00130-286-5 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-260-5

В сборник включены материалы II Международной научно-образовательной конференции «Личность, общество и государство в истории Запада и Востока: Всеобщая история и историческая наука XX – начала XXI века» (Казань, 14–16 ноября 2019 г.), посвященной 20-летию Российского общества интеллектуальной истории и 75-летию кафедры всеобщей истории Казанского университета и приуроченной к 215-летию основания Казанского университета. Статьи представлены учеными вузов и академических институтов Российской Федерации, Белоруссии, Польши, Украины.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, учителям, аспирантам, магистрантам и студентам, всем тем, кто интересуется проблемами теории и методологии исторического познания, истории исторической науки.

УДК 94:930
ББК 63.3(0):63

ISBN 978-5-00130-286-5 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-260-5

© Издательство Казанского университета, 2020

Раздел 1

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

УДК 94(4)

Бобкова М.С.

Концепция всеобщей истории в историописании Раннего Нового времени

Анализируется осмысление «проектов» всемирной истории и выявляются их противоречия в эпоху Раннего Нового времени. В историзме переходной эпохи были представлены три «проекта» всемирной истории – провиденциалистский, естественно-природный и гуманитарно-научный. В провиденциалистской традиции основание целостности истории усматривалось в общих божественных началах. Естественно-природный подход рассматривает единство всемирной истории, ее географические основы, биологическую целостность человечества как результат развития Космоса. Сторонники гуманитарно-научного подхода отстаивали идею единого человечества как главного субъекта всемирной истории.

Ключевые слова: Всемирная история, целостность истории, естественно-природный подход, гуманитарно-научный подход, провиденциализм

В современной исторической науке самоочевидным является положение о том, что всемирная история – это исходное понятие, без которого нельзя сколько-нибудь осмысленно и шаг за шагом ступить в хаотическом нагромождении «локальных историй». Категория «всемирно-историческое» представляется нам системным выражением единства и целостности истории человечества. Она проявляется в пространственно-временных различиях и реализуется в универсальности поступательного движения, скрытого за внешним многообразием локально-исторических процессов. Одна из центральных идей концепции всемирной истории, зародившейся именно в XVI в., – идея основания целостности, которая своими корнями уходит в античную культуру. Мыслители конца XVI – начала XVII вв. под влиянием Великих географических открытий впервые осмыслили всеобщность истории в ее современном значении. В это время предметом всеобщей истории становится исследование

исторического движения сообществ многих людей, социальных групп, государств.

Изучение всеобщей истории диктуется тем, что все явления, события, вся многообразная деятельность людей имеют причинную обусловленность. Законы истории легко вывести, если все виды человеческой жизнедеятельности объясняются во взаимосвязи и взаимозависимости. Это первое обоснование сложной детерминантной основы трактовки истории и выявления необходимых принципов рассмотрения человеческой истории как единого целого [1, с. 119].

По определению Аристотеля, понятие «целостность» означает свойство объекта, состоящего из элементов, организованных в соответствии с теми или иными принципами. Благодаря выделению основания целостности мыслители XVI – XVIII вв. смогли увидеть в любом хронологическом отрезке глубинную взаимосвязь событий и явлений исторического развития, выступающих в единстве индивидуального и общего. Данная трактовка всемирно-исторического была положена в основу представлений о всемирной истории в XIX в.

Современная история Франции, по мнению Л. Леруа, многочисленными нитями связана с мировой и не может быть понята вне всемирного контекста [5, р. 3]. «Всеобщая история», согласно Леруа, в рамках которой все локальные исторические события рассматриваются не изолированно, а в связи с другими – наиболее адекватный современный мировой ситуации вид истории. Эта мысль имела весомое основание в исторических условиях XVI в. Интересы европейских государств устремились далеко за пределы Европы – к Новому Свету и «Восточным Индиям», где они сталкивались между собой, а иногда и с амбициями азиатских держав. Экспансия осуществлялась не только из Европы, но и в Европу. Первыми на новые исторические реалии отреагировали не методологи, а историки-практики. Так, знаменитый итальянский историк Паоло Джовио в своей «*Historia sui temporis*», написанной в 1550–1552 гг. и охватывающей события 1494 – 1540-х гг., выводит на арену истории не только европейские государства, но и Османскую империю, державу Сефевидов, страны Северной Африки, которые взаимодействуют друг с другом.

Здесь необходимо сделать оговорку. В XVI столетии в исторической мысли Возрождения возник и другой вариант идеи «всеобщей истории», который разработали Ф. Патрици, Ф. Бодуэн, Ж. Боден, Т. Кампанелла. Они писали о необходимости создать историю «всех народов от начала света до наших дней» (Кампанелла); «портрет человеческой расы, не только хронологически, но и географически» (Бодуэн); историю всех народов, о которых сохранилась память (Боден). Именно такая история, на их взгляд, которая отражала бы не только течение политической жизни, но и право, обычаи, нравы,

достижения науки и техники, была способна стать универсальной сокровищницей необходимого людям социального опыта.

Во второй половине XVII–XVIII вв. в связи с представлениями об изначальном единстве всемирной истории, о целостности, единстве, непрерывности и закономерности исторического процесса была поставлена проблема поиска общего основания целостности всемирно-исторического. В провиденциалистской традиции основание целостности истории усматривалось в общих божественных началах. Дж. Вико и И.-Г. Гердер видели его в наличии объективных законов исторического развития [2, с. 342, 347, 380], а Ж. Кондорсе и А. Тюрго объединяли поиск исторического единства со стремлением человека к свободе разума [3, с. 34, 38, 190; 4, с. 21, 24, 28]. Как видим, в интерпретации оснований целостности исторического движения, в историзме переходной эпохи были представлены несколько подходов к трактовке понятия «всемирная история».

Библиография

1. Бобкова М.С. «*Historia pragmata*». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М.: ИВИ РАН, 2010. 329 с.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
3. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Гос. истор. публ. библиотека, 2010. 233 с.
4. Тюрго А.Р.Ж. Рассуждения о всеобщей истории // Избранные философские произведения. М.: Соцэкгиз, 1937. 190 с.
5. Leroy L. Consideration sur l'histoire françoise et universell de ce temps, dont les merveilles sont succintement recitees. Paris: De l'imprimerie de Federic Moreel, 1567. 234 p.

Бобкова Марина Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; bobkova_marina@list.ru

The concept of universal history in the historical writings of the Early New Age

An analysis of the “projects” of world history is analyzed and their contradictions in the Early Modern Age are revealed. In the historicism of the transitional era, three “projects” of world history were presented – providential, natural and humanitarian-scientific. In the providential tradition, the foundation of the integrity of history was seen in the common divine principles. The natural-natural approach considers the unity of world history, its geographical foundations, the biological integrity of humanity as a result of the development of Cosmos. Supporters of the humanitarian and scientific approach defended the idea of a single humanity as the main subject of world history.

Keywords: World history, integrity of history, natural approach, humanitarian and scientific approach, providentialism

Bobkova Marina Stanislavovna, Doctor of History, Chief Researcher, Head of the Center for the History of Historical Knowledge, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bobkova_marina@list.ru

Дементьева В.В.

**Концепции «универсальной» всеобщей истории
(«типологическая модель» Я. Буркхардта
и «культурные круги» Эд. Мейера):
влияние на «ромейскую теорию»**

Проводится сравнительный анализ гипотезы И. Романидиса о единой греко-римской / ромейской цивилизации с рядом положений концепций Я. Буркхардта и Эд. Мейера. Автор выявляет точки соприкосновения данной гипотезы с теориями «универсальной истории» конца XIX – начала XX вв., обнаруживая их в трактовке роли греческой культуры, христианской религии, а также в характеристике основных черт культурно-исторической общности.

Ключевые слова: теория, концепция, гипотеза, цивилизация, государство, религия, культура

Две глобальные концепции «универсальной» истории, разработанные в конце XIX – начале XX вв. Я. Буркхардтом и Эд. Мейером [1; 3; 6; 11; 12], содержание которых (и его осмысление в конце XX – начале XXI вв.) я уже имела возможность подробно характеризовать [2], повлияли – явно или подспудно – на различные теоретические построения последующей историографии. В данном докладе предметом изучения служат проявления такового влияния на предложенную в последней четверти XX в. историком и теологом Иоаннисом Романидисом (Ιωάννης Ρωμανίδης, John Romanides, Иоанн Романидис) т.н. «ромейскую теорию» [5]. Суть ее в отечественной историографии весьма четко изложила О.Е. Петрунина [4, с. 655-675], давшая, собственно и приведенное краткое обозначение данной гипотезы, тем досаднее допущенные ею фактические ошибки в передаче событий античной истории, послуживших аргументами Романидису для обоснования его взглядов¹. Абстрагируясь в данный момент от общих оценочных характеристик «ромейской теории», тем более, в плане вытекающих из нее политико-идеологических установок (ибо это сфера историков-новистов и политологов), критика которых активна

¹ Например, при анализе позиции Романидиса (год рождения которого в монографии Петруниной ошибочно указан как 1938 [4, с. 656], тогда как он родился в 1927 г.) по поводу ромейской общности она пишет: «Здесь ему важно подчеркнуть, что с 212 г. до Р.Х., когда италийцы получили римское гражданство, слово “римлянин” перестало обозначать этническую принадлежность и начало обозначать гражданство» [4, с. 662]. Как известно, италийцы получили права римского гражданства в результате Союзнической войны 91–88 гг. до н.э., а дата 212 г., но не до, а после Р.Х. – это принятие эдикта Каракаллы о предоставлении римского гражданства всему свободному населению Империи.

– см., например, работу Дж. Келли [13] – замечу только, что о Восточной Римской империи в ней имеются довольно интересные наблюдения, и перейду к основным вопросам темы доклада.

В соответствии с теорией Буркхардта, три человеческие потребности – политические / правовые, метафизические и критические – создали каждая одну из трех исторических потенций: государство, религию и культуру. Воздействие друг на друга этих потенций создает обусловленные ими состояния исторического процесса. Э. Гризебах справедливо отмечал, что у Буркхардта «политические и религиозные потенции связаны... с культурой и одухотворены ею» [9, S. 168]. Романидис, считавший, что Восточная Римская империя есть продолжение греко-римской цивилизации, т.к. в ней сохранялась политико-правовая традиция и культурное ядро (греческое в основе), методологически близок к Буркхардту, полагавшему, что для греко-римской Античности было свойственно преобладание государства (как доминирующей потенции) в качестве общего правила, но важнейшее значение имел греческий культурный очаг в Афинах. Не варварские королевства (и выросшая на их основе западноевропейская цивилизация), утратившие греко-римскую культуру, подчеркивал Романидис, стали наследниками античной цивилизации, настоящей преемницей – а если точнее выразить его мысль – непрерывной продолжательницей, стала именно Восточная часть Империи (в течение всего периода, обычно называемого «византийским»), которая благодаря христианству приобрела новое, обусловленное религией, качество, но не утратила свой цивилизационный фундамент. В трактовке Романидисом роли христианства тоже можно усмотреть перекличку с мыслями Буркхардта, для которого с победой христианства религия – как отдельный элемент из триады потенций, на определенных этапах мировой истории обуславливающий государство – стала занимать господствующее положение по отношению к нему.

Романидис не ссылаясь непосредственно на концепцию Буркхардта, но историософские точки соприкосновения с ней нам кажутся заметными. Не ссылаясь он и на теорию Мейера, но многократно делал отсылки к труду А. Тойнби, испытавшего ощутимое влияние этого немецкого историка, которое обычно признается в историографии [7, S. 144; 8, S. 176]. Универсализм истории у основателей теории локальных цивилизаций, О. Шпенглера и А. Тойнби, показан как наличие одних и тех же жизненных циклов для каждой из них (шесть у Шпенглера, четыре у Тойнби). Но если Тойнби считал, что античную цивилизацию сменяют на стадии ее дезинтеграции, т.е. после VI в. н.э., западная и византийско-православная (фиксируемые им и при начальных 21-й его цивилизации, и при оставшихся к двенадцатому тому 13-ти), то у Романидиса греко-римская цивилизация

продолжает существовать в виде ромейской. Само же понятие цивилизации (или культуры как его синонима) Романидис использовал в том значении, которое вкладывали в него Тойнби и Шпенглер: крупномасштабный социокультурный организм, охватывающий целостность материальной и духовной жизни людей в определенных пространственных и временных границах. Другое дело, что хронологические границы той цивилизации, контуры которой пытается очертить «ромейская теория» (декларирующая, что греки в этой цивилизации составляли ядро, «но почти никогда не были единственными носителями» [4, с. 657]), проступают слишком размытыми.

Однако не только опосредованное влияние концепции Мейера – через теорию Тойнби – можно усмотреть в «ромейской» гипотезе, но и прямое. Вводя понятие «культурного круга», Мейер считал, что в нем люди объединены в историческую общность поверх расовых, этнических и языковых границ. И у Романидиса «ромейская общность» предстает надэтнической / наднациональной и многоязычной. Сближает позиции Романидиса со взглядами Мейера и оценка роли греческой культуры. К. Хачер, характеризуя мейеровский «эллино-римский культурный круг переднеазиатско-европейского культурного-пространства», справедливо отмечал, что в истории древности центром притяжения для Мейера была греческая культура [10, S. 74-75]. У Романидиса греческая культура выступает цементующим элементом греко-римской / ромейской цивилизации.

«История историографии» при фокусировании внимания на пересекающихся моментах теоретических построений нередко дает картину напластования реминисценций, как это видно, в частности, на рассмотренном примере вкрапления идей авторов концепций «универсальной истории» в «ромейскую» гипотезу.

Библиография

1. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / Пер. с нем. А.В. Дранова, А.Г. Гаджикурбанова. 2-е изд. М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. 560 с.
2. Дементьева В.В. Поиски современного универсального взгляда на древнюю историю сквозь призму моделей Я. Буркхардта и Эд. Мейера // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. №3. С. 357-368.
3. Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки / Пер. А.А. Малинина. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. 201 с.
4. Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010. 743 с.
5. Ρωμανίδης Ι. Ρωμαιοσύνη – Ρωμανία – Ροῦμελη. Θεσσαλονίκη, 1975. 416 σ.; 3η έκδ. Θεσσαλονίκη: Πουρναράς Π.Σ., 2002. 411 σ. – URL: (http://www.romanity.org/htm/rom.el.01.romiosini_romania_roumeli.01.htm (дата обращения: 22.07.2019)).
6. Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. Stuttgart: Kröner, 1978. (Krönerd Taschenausgabe. Bd. 55). 496 S.
7. Deininger J. Eduard Meyer und Max Weber // Eduard Meyer. Leben und Leistungen eines Universalhistorikers. Hrg. W.M. Calder, A. Demandt. Leiden; New York: København; Köln: E.J. Brill, 1990. S. 132-158.

8. Demandt A. Eduard Meyer und Oswald Spengler Lässt sich Geschichte voraussagen? // Eduard Meyer. Leben und Leistungen eines Universalhistorikers. Herg. W. M Calder, A. Demandt. Leiden; New York. Kobenhavn; Köln: E.J. Brill, 1990. S. 159-181.
9. Grisebach E. Jacob Burckhardt als Denker. Leipzig; Bern: Paul Haupt, 1943. 344 S.
10. Hatscher Ch. Alte Geschichte und Universalhistorie (Weltgeschichtliche Perspektiven aus althistorischer Sicht). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2003. (Historia. Einzelschriften. Heft. 169). 144 S.
11. Meyer Ed. Kleine Schriften. Zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftliche und politische Geschichte des Altertums. Halle: Verlag von Max Nimeyer, 1910. 572 S.
12. Meyer Ed. Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophische Untersuchungen. Halle: Verlag von Max Nimeyer, 1902. 56 S.
13. Kelley J.L. «Romeosyne» According to Protopresbyter John Romanides and Christos Yannaras: A Response to Pantelis Kalaitzidis. Norman, OK: Romanity Press, 2016. P. 1-15. – URL: <https://www.academia.edu/28807166/> (дата обращения: 30.07.2019).

Дементьева Вера Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия; vv_dementieva@mail.ru

Concepts of “Universal” General History (“Typology model” by J. Burckhardt and “Culture circles” by Ed. Meyer): influence on the “Romeosyne theory”

We present comparative analysis of hypothesis by J. Romanides of a unified Greek-Roman / «romeosyne» civilization with a number of theses from concepts by J. Burckhardt and Ed. Meyer. We reveal points of contact between this hypothesis and theories of “universal history” of the late XIX – beginning of the XX centuries, finding them in interpretation of roles of Greek culture, Christian religion, as well as in characteristic of basic features of cultural and historical community.

Keywords: theory, concept, hypothesis, civilization, state, religion, culture

Dement`eva Vera Viktorovna, Doctor of History, Professor, Yaroslavl State University named after P.G. Demidova, Yaroslavl, Russia; vv_dementieva@mail.ru

УДК 94

Лаптева М.П.

Идея всеобщей истории от И. Канта до М. Вебера

Прослежена преемственность идеи всеобщей истории у немецких мыслителей с конца XVIII до начала XX веков. Дан анализ взаимовлияний и различий в понимании этой идеи у Канта и Гердера, Гегеля и Маркса, Ранке и Вебера.

Ключевые слова: история, единство человечества, исторический ритм, всеобщность европейской цивилизации

Философский склад ума многих германских мыслителей вел их к размышлению над проблемами единства человечества. Идея всеобщей истории выражена у Канта не столько философски, сколько

историко-политически. Всеобщая история, по Канту, предполагает целостность человечества. Несколько двусмысленное название его трактата – «К вечному миру» – давало возможность в ироничной и даже пародийной форме поставить вопросы, продиктованные историческими реалиями рубежа XVIII и XIX веков.

Ускорение исторического ритма было осознано Кантом прагматично: его взор устремился со звездного неба на грешную землю, и идея вечного мира завершила научную систему Канта. Он увидел тенденции исторического процесса в создании добровольного союза государств на основе федерализма его свободных членов. Через 200 лет после Канта Запад пришел к необходимости европейской интеграции.

Прямым последователем Канта в области теории истории был Ф. Шиллер, занимавший кафедру истории в Йенском университете. Следуя за Кантом, он отстаивал необходимость изучения всеобщей истории, признавая, что это занятие требует философского склада мышления наряду с исторической эрудицией. Всеобщая история, по Шиллеру, это история прогресса от состояния дикости до современной цивилизации. Если Кант ограничивал область истории исследованием политической эволюции общества, то Шиллер включал в нее историю искусства, религии, экономики. Именно история должна разъяснить людям их настоящее, например, причины свободы на Темзе, причины слабости и нищеты на Висле и за Пиренеями. Историк должен объяснить обилие тронов в Италии и Германии и наличие лишь одного во Франции.

Шиллер подчеркивал, что история включает в себя весь нравственный мир, поэтому ввел в изучение прошлого идею ответственности человека перед обществом. В своих исторических трудах он стремился отобразить и объяснить противоречие между целями отдельного человека и результатами его деятельности. При этом он считал, что только «полная активность свободных мыслительных сил вместе с широчайшей активностью чувственной восприимчивости ведут к научному познанию» [1, 1957, т. 7, с. 493].

Еще один ученик Канта, Гердер, в отличие от Канта и Шиллера напрямую не высказывает идею всеобщей истории, однако констатация им общности идеалов прогресса и гуманности позволяет, как мне кажется, ставить и Гердера в рассматриваемый мною ряд немецких мыслителей.

Гердер и Гегель – фигуры разномасштабные и трудно сопоставимые, хотя и принадлежат к одной разновидности историзма, а именно романтической. Однако в контексте данной темы можно увидеть некоторые аспекты, сближающие их. Принципиально важно, что Гегель, как ранее Гердер, не сводил осмысление истории к причинному объяснению событий, как это делали выдающиеся

умы эпохи Просвещения. Если Кант провозглашал высшей целью истории объединение всего человечества на основе единого и равного для всех права, то у Гегеля сходная идея выражена в представлении о государстве как о «действительности нравственной идеи» на земле. Идея европейского единства выражена Гегелем в понятии христианско-германского мира.

Гегель делил историческую литературу на три вида – первоначальную, рефлексивную и философскую. Всеобщая история, по его мнению, была одним из подвидов рефлексивной истории, наряду с критической, прагматической и частичной историей.

Идеи Л. Ранке принципиально отличались от гегелевских прозрений. Он отрицал единство всемирно-исторического процесса и полагал, что каждая историческая эпоха может быть понята лишь сама по себе, вне связи с другими эпохами. Ранке был противником применения гегелевских обобщений к истории, однако не отрицал наличия непрерывной нити взаимодействий и взаимовлияний. Он считал, что наука всеобщей истории никогда не забывает о целом, поскольку изучение мелочей всегда связано с более широким контекстом. Ранке верил в единую судьбу человечества.

Леопольд Ранке имел не только многочисленных сторонников и последователей, но и немало убежденных противников. В рамках немецкого историзма формировалась традиция, представители которой не хотели быть «евнухами в храме истории», полагая, что беспристрастным историк может стать, только уйдя из земной жизни. Глава так называемой малогерманской исторической школы Иоганн Дройзен был во многом антиподом Ранке.

Однако идею всеобщности истории можно найти и в его научном творчестве. Дройзен ввел в историческую науку понятие эллинизма, что в какой-то степени тоже предполагало всеобщность, хотя, конечно, не в планетарных вариантах, как это было у Канта и Гегеля.

Попробую высказать несколько слов о взглядах К. Маркса. Он был близок к Канту в осознании европейского единства, но это осознание было вынужденным, носило скрытный характер, либо проявлялось с сугубо негативных позиций. Маркс называл Европу бастионом капитализма, декларируя свои интернациональные взгляды, он из политической целесообразности не мог обнаружить свои европоцентристские идеи, не мог сделать их явными.

При этом Маркс, наряду с Кантом, стал духовным наставником мыслителя рубежа XIX–XX вв. – Макса Вебера. Время его жизни было переломным в политической судьбе не только его родной Германии, но и всего мира. На его глазах был крах нескольких империй в пламени мировой войны. Рушились и возникали блоки, варьировались планы многочисленных деятелей, находившихся

на политическом этаже цивилизации, в то время как на экономическом этаже зрели предпосылки будущего европейского единства, а вслед за ним и глобализации в мировом масштабе.

Культурологические исследования Вебера проникнуты идеей одинаковой ценности больших и малых наций, но концепция рационального мира сформулирована исключительно на европейских реалиях. Без его исследований этических предпосылок западного капитализма трудно представить движение интеграционной парадигмы в том направлении, которое осуществлялось реально. Возможно, что Вебер одним из первых мыслителей осознал противоречивость и парадоксальность исторического процесса, поскольку в отличие от Гегеля и Маркса, не считал историческое время непрерывным, а видел в нем конкурирующие способы развития.

Многие авторы (в частности, немецкий историк Вольфганг Моммзен, соиздатель полного собрания сочинений Макса Вебера [2]) считают, что он предрекал распространение современной цивилизации на весь земной шар. Вообще-то Вебер подчеркивал несовпадение социологических понятий и исторической реальности, условность теоретических конструкций. При этом он сам попытался сконструировать определенные теоретические схемы, в которые можно было бы помещать эмпирический материал. Трудно судить о том, насколько верна была его мысль о будущей всеобщности европейской цивилизации, но именно в ней выражена, на мой взгляд, его идея всеобщей истории.

Библиография

1. Шиллер Фр. Письмо В. Гете от 19 янв. 1798 года // Шиллер Фр. Собр. соч. СПб., 1957. Т. 7.
2. Mommsen W. Max Weber: Gesellschaft, Politik und Geschichte. Frankfurt a. M., 1974.

Лаптева Мария Петровна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия; *Modhist@yandex.ru*

The idea of universal history from I. Kant to M. Weber

There is traced the continuity of the idea of universal history among German thinkers from the end of the 18th century to the beginning of the 20th century. The mutual influences and differences in the understanding of this idea in Kant and Herder, Hegel and Marx, Ranke and Weber are analyzed.

Keywords: history, unity of mankind, historical rhythm, universality of European civilization

Lapteva Mariya Petrovna, Candidate of History, Associate Professor, Perm State National Research University, Perm, Russia; *modhist@yandex.ru*

Леонтьева О.Б.

«Историософический размах, широта мировых перспектив»: концепции всеобщей истории российских марксистов и религиозных мыслителей начала XX в.

Значимое место в творчестве российских марксистов и религиозных мыслителей начала XX в. занимала разработка концепций всеобщей истории. Несмотря на различие концептуальных подходов к историческому процессу, тем и другим было свойственно убеждение, что поиск смысла истории придает смысл жизни человека.

Ключевые слова: история русской мысли, марксизм, религиозная философия, теория исторического процесса

Течения начала XX в., во многом определившие облик русской мысли, – марксизм и религиозная философия – обычно воспринимаются как антагонистические. Однако в истории русской мысли они связаны довольно тесно. Прежде всего, целая группа религиозных философов (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк) начинали как сторонники марксизма и участники социал-демократического движения. «В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив», – так Бердяев объяснял, почему в годы юности стал марксистом [1, с. 125]. Совершив переход «от марксизма к идеализму», а затем к религиозной философии, Бердяев и его единомышленники сохранили «историософический размах»: размышления о смысле истории занимали существенное место в их трудах. В свою очередь, в начале XX в. видные социал-демократы – А.А. Богданов, А.В. Луначарский, А.М. Горький – занялись «богостроительством», пытаясь на базе марксизма решить вопросы о смысле бытия человечества во Вселенной.

Точкой соприкосновения русского марксизма и религиозной философии было стремление отыскать смысл истории, понять и даже предсказать логику исторических перемен, разворачивающихся на глазах мыслителей. И марксисты, и религиозные философы рассматривали всемирную историю как внутренне логичный процесс, подчиненный реализации сверхличностных задач; те и другие предлагали стратегии личного поведения, тесно связанные с общим видением всемирно-исторического процесса. И хотя ответы они находили принципиально разные, в поставленных ими вопросах зачастую обнаруживается сходство.

Для марксистов ключом к пониманию всеобщей истории была концепция смены общественно-экономических формаций, которая

происходит революционным путем в результате классовой борьбы. Основоположника русского марксизма Г.В. Плеханова привлекал не только объяснительный потенциал этой схемы, но и ее нравственное звучание: согласно Плеханову, сознание исторической необходимости придает человеку силы для решительных действий и вселяет веру в победу [9, с. 304]. Отношение к формационной схеме не было догматическим: в 1920-е гг. историк-марксист Н.А. Рожков предпринял попытку дополнить схему Маркса применительно к всеобщей истории, чтобы она охватывала все известные цивилизации, страны и регионы – от Шумера до Соединенных Штатов [10].

Панорама исторического развития человечества у российских марксистов могла включать картины не только прошлого и настоящего, но и будущего: важный смысловой пласт марксистской философии составляло понимание истории как процесса освобождения человека, преодоления отчуждения и обретения человеком своей собственной (родовой) сущности. Эту тему разрабатывали «богостроители» – Горький, Богданов, Луначарский, – рисуя впечатляющие картины коммунистического будущего: победив эксплуатацию, освобожденное человечество выработает новые формы организации труда и мышления, преодолеет индивидуализм и страх смерти, а отдельные человеческие сознания сольются в коллективный разум, который обретет неограниченные возможности [8].

Для религиозных мыслителей была неприемлема и марксистская формационная схема, и марксистское понимание освобождения человека. Как подчеркивали Бердяев и Булгаков, одной из причин их отхода от марксизма стало осознание этической ущербности марксистской исторической концепции, по которой ныне живущие призваны «унавозить будущую гармонию» для потомков; религия привлекла их признанием ценности каждой человеческой души и идеей личного бессмертия [4, с. 69]. Создавая метаисторические схемы на основе христианского богословия, они трактовали историю как драму грехопадения, искупления и спасения, повторяющуюся в жизни отдельного человека и в судьбе человечества. Но по этой канве можно было вышивать разные узоры.

Вплоть до революции 1917 г. русские религиозные философы зачастую трактовали ход истории как прогрессивный. Стремясь приблизить православное христианство к духовным запросам XX в., они разрабатывали концепции поступательного развития человечества, в ходе которого человек продолжает начатое Богом дело сотворения мира («седьмой день творения»), оправдывали экономический и научно-технический прогресс с религиозной точки зрения и предрекали скорое наступление новой эры, когда будут решены

кажущиеся ныне неразрешимыми социальные и моральные проблемы [2; 3].

После Первой мировой войны, революции 1917 г., вынужденной эмиграции концепции религиозных философов становятся более пессимистичными. В их трудах 1920-1930-х гг. звучат апокалиптические мотивы; они констатируют, что гуманистическая европейская цивилизация Нового времени уходит в прошлое, и на мир опускается ночь Нового Средневековья. Разочаровавшись в прогрессистских теориях, мыслители были готовы принять концепцию исторического процесса как чередования сменяющих друг друга культурцивилизаций [7]: представление об истории как смене культур, каждая из которых реализует свою неповторимую идею, воплощено в философских и исторических трудах Л.П. Карсавина [5; 6]. В эмигрантских работах мыслителей отчетливо выступает религиозно-экзистенциальная тема стойкости человека перед лицом исторических испытаний, верности своим идеалам несмотря на то, что на этом витке истории они терпят поражение [1; 11].

Таким образом, напряженный диалог и даже открытое противостояние двух направлений русской мысли начала XX в. стало возможным именно в силу того, что они существовали в одном смысловом поле. Создание концепций всеобщей истории не было для них отвлеченным теоретизированием; оно было связано с обоснованием социального действия и исканиями смысла жизни.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж: YMCA-PRESS, 1949. 378 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
3. Булгаков С.Н. Сочинения в 2 т. Т. 1: Философия хозяйства; Трагедия философии. М.: Наука, 1993. 603 с.
4. Булгаков С.Н. Сочинения в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 752 с.
5. Карсавин Л.П. История европейской культуры. Т. 1. Римская империя, христианство и варвары. СПб.: Алетейя, 2003. 336 с.
6. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 351 с.
7. Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. 95 с.
8. Очерки по философии марксизма: Философский сборник. СПб.: Типография В. Безобразов и К^о, 1908. 328 с.
9. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. 824 с.
10. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Основы социальной динамики. Т. 1. Изд. 3-е. М.; Л.: Книга, 1923. 450 с.
11. Франк С.Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. М.: Факториал, 1998. 255 с.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия; oleontieva@yandex.ru

“Historical and philosophic breadth, width of the world prospects”: theories of world history of Russian Marxists and religious philosophers of the early 20th century

Elaboration of theories of world history occupied an important place in the works of the Russian Marxists and religious thinkers of the early 20th century. Although their theoretical foundations were completely different, they were convinced that the search for the meaning of history gives meaning to human life.

Keywords: history of Russian thought, Marxism, religious thought, theory of history

Leonteva Olga Borisovna, Doctor of History, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia; oleontieva@yandex.ru

УДК 94

Лубский А.В.

Геоисторический дискурс и конструирование концепций всеобщей истории

В рамках геоисторического дискурса всеобщую историю можно рассматривать как историю взаимодействия различных стран, регионов или цивилизаций. В связи с этим в качестве концептуальных оснований всеобщей истории можно использовать миросистемную теорию, а также неоклассическую теорию локальных цивилизаций.

Ключевые слова: миросистема, мироимперия, мироэкономика, глокализация, цивилизация

В рамках геоисторического дискурса всеобщую историю можно рассматривать как историю взаимодействия стран, регионов или цивилизаций. В качестве концептуального основания всеобщей истории как истории геопространственного взаимодействия различных стран и регионов может быть положена миросистемная теория, одним из разработчиков которой И. Валлерстайном в научный оборот было введено понятие миросистемы [6, р. 343-352]. Миросистема – это не «мировая система», а система, являющаяся «миром», под которой он понимал самодостаточную социальную систему, имеющую жизненное пространство (life-span), границы, структуру, правила легитимации и согласованность (coherence). Все миросистемы в истории И. Валлерстайн делил на мироимперии и мироэкономики. Первыми по времени возникли мироимперии, включавшие региональные «миры», или политические миросистемы, существование которых заключалась в диктате политической власти над экономикой. Мироэкономика – это миросистема, где экономика освобождена из-под диктата политической власти и нет социальных

ограничений для развития производства. И. Валлерстайн полагал, что в прошлом мироимперии периодически превращались в непрочные мироэкономики, которые, однако, вскоре гибли, вновь трансформируясь в мироимперии. И только современная миросистема, или капиталистическая мироэкономика, выжила и победила остальные социальные системы, «втянув» их в себя.

Согласно миросистемной теории, пространственно мироэкономика состоит из ядра, полупериферии и периферии. Ядро мироэкономики – это зона, выигрывающая при неэквивалентном обмене с другими ее частями. Для ядра характерны экономический рост, политические свободы, развитие науки, сильное, эффективно функционирующее государство, проводящее наступательную политику на международной арене. Ядро современной миросистемы, капиталистической мироэкономики, составляют несколько государств (core-states), но непременным условием существования такой миросистемы И. Валлерстайн считал наличие государства-гегемона. Поэтому история ядра капиталистической мироэкономики – это история борьбы за гегемонию между несколькими государствами, победы одного из них, его господства над миром и последующего упадка. В частности, в качестве таких государств-гегемонов он выделял: 1) Соединенные провинции (Голландию) в 1620–1672 гг., 2) Великобританию в 1815–1873 гг., 3) США в 1945–1967 гг. Утверждение капиталистической мироэкономики, как считал И. Валлерстайн, произошло в Европе в середине XVII в. Дальнейшее ее развитие было связано с территориальным расширением, периферизацией подчиняемых внешних арен (иных миросистем) и борьбой за гегемонию в ядре.

Миросистемная теория И. Валерстайна, содержащая важные идеи для понимания всеобщей истории, акцентирует внимание в первую очередь на том, что решающую роль в геопространственном взаимодействии различных стран и регионов сыграла начавшаяся в конце XV в. глобализация экономических связей, позволившая, как отмечают исследователи, странам «центра» эксплуатировать дешевые ресурсы и труд «периферии» [1, с. 19-24]. Развивая идеи И. Валлерстайна, некоторые исследователи обращают также внимание на то, что до конца XV в. существовало две миросистемы: Старый Свет и Новый Свет. Открытие Америки устранило эту единственную «трещину», и мир в целом стал представлять собой одну миросистему [3, с. 3-12].

Таким образом, в рамках миросистемной теории XV в. является тем рубежом, который положил начало всеобщей истории.

В условиях глокализации [5] произошла реактуализация цивилизационного геоисторического дискурса, в рамках которого была предложена неоклассическая теория локальных цивилизаций,

которая также может быть положена в качестве концептуального основания всеобщей истории. В рамках этой теории признается, что в эпоху позднего модерна, с одной стороны, разворачиваются процессы глобализации, а с другой – локализации, сопровождающиеся возрастанием значения цивилизационных различий [2, с. 65-69]. В связи с этим современный мир представляется как *polylogue of civilizations* (многозначность цивилизаций) и *civilization of meeting* (цивилизация встречи), и поэтому сами локальные цивилизации становятся возможными лишь как «встреча цивилизаций», как их диалог на базе всеобщих символических форм. На этой основе происходит как специфически цивилизационная интерпретация всеобщих универсалий, так и вырабатывается их глобальная конфигурация. Поэтому взаимодействие локальных цивилизаций рассматривается не только под углом их взаимной социокультурной соотнесенности, но и в ракурсе их сопричастности к проблемам и нормам глобального, универсального порядка. В связи с этим специалисты подчеркивают, что императивом теоретического анализа локальных цивилизаций в современном мире становится поиск принципов их взаимодействия, обусловленного и опосредованного мировым контекстом [4, с. 148].

В связи с этим исследователи, признавая существование глобальной конфигурации универсальных символических форм и даже глобального сознания, начинают применять понятие цивилизации только к тем социокультурным образованиям, которые обладают творческой способностью вырабатывать (или перерабатывать) универсальные символы, т.е. обладают способностью к коммуникации, усвоению и толкованию универсальных идиом и значений. При этом они подчеркивают, что отдельные цивилизации вырабатывают собственные оценки этих универсалий и выражают таковые через призмы своих ценностей и исторического опыта. Поэтому некоторые исследователи вообще рассматривают локальные цивилизации как «вызовы» глобальным императивам [4, с. 151].

Такая коммуникативно-герменевтическая трактовка локальных цивилизаций преодолевает представление о них как дискретных социокультурных единицах. Новации в такой трактовке понятия цивилизации состоят в том, что одновременно реализуется и цивилизационный, и мондиалистский подходы, признается социокультурная специфика цивилизаций и сохраняется экуменистское видение мира, устанавливается взаимосвязь «локализма» и «глобализма» через посредство универсально-символических форм.

Таким образом, неоклассическая теория локальных цивилизаций как концептуальное основание всеобщей истории позволяет в определенной мере преодолевать дилеммы геоисторического дискурса в эпоху позднего модерна.

Библиография

1. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. 520 с.
2. Лубский А.В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // Философия права. 2016. № 2. С. 65-69.
3. Франк А.Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад // Латинская Америка. 1993. № 2. С. 3-12.
4. Чешков М.А. Осмысление мироцелостности: новая оппозиция идей или их сближение? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2. С. 146-153.
5. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: SAGE Publications Ltd, 1995. 304 p.
6. Wallerstein I. A World System Perspective on the Social Sciences // British Journal of Sociology. 1976. V. 27. No 3. P. 343-352.

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; avlubsky@gmail.com

Geohistorical discourse and the construction of concepts of universal history

In the framework of geohistorical discourse, universal history can be considered as the history of interaction of various countries, regions or civilizations. In this regard, the world-system theory, as well as the neoclassical theory of local civilizations can be used as the conceptual foundations of universal history.

Keywords: world-system, world-empire, world-economy, glocalization, civilization

Lubskij Anatolij Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Doctor of history, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; avlubsky@gmail.com

УДК 94+902»18/19»

Мельникова О.М.

Археология и всеобщая история в университетском пространстве XX – начале XXI века

В статье обращено внимание на роль кафедр всеобщей истории в развитии университетской археологии в России на протяжении XX в. Анализируются университетские дисциплины, учебники и пособия по курсу «Археология». Показывается как содержательно в них соотносятся материалы отечественной и мировой археологии.

Ключевые слова: история археологии, университеты, учебники, дисциплина «Археология»

Профессиональное археологическое образование в России появилось только в послереволюционные годы, хотя в классических университетах на естественных и историко-филологических

факультетах в разной степени полноты и содержательной направленности археология изучалась [10]. Археологические институты в Петербурге и Москве, их филиалы в Смоленске, Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде, Ярославле также занимались подготовкой археологов. На самом закате имперской России свой опыт был в Казани в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте [8]. В 1920-е гг. вырабатывалась модель подготовки археологов в университетах на разных отделениях – естественных, математических, общественных наук в Москве и Петрограде [12].

До 1960-х гг. на весь СССР работало четыре кафедры археологии в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Киеве. В тех университетах, где их не было, археология «прописалась» на кафедрах всеобщей истории. Восстановление в правах со второй половины 1930-х гг. университетской исторической науки легитимизировало преподавание общего университетского курса археологии и актуализировало создание учебника к нему.

Первым таким изданием стало пособие А.В. Арциховского «Введение в археологию», первое издание которого вышло в 1940 г. [3]. В нем рассмотрены материалы разных регионов мира. Не случайно, А.П. Смирнов, анализируя этот труд в связи с выходом 3-го издания, указывал, что «"Введение в археологию" представляет интересный труд, объединяющий необходимые для историков сведения об археологических материалах – первобытных, античных, средневековых – СССР, Западной Европы и Ближнего Востока. Как первый шаг в изучении археологии, как введение в науку, книга удовлетворяет условиям, предъявляемым к университетским учебникам» [9, с. 118].

Это пособие определяло изучение археологии по кафедре всеобщей истории, например, в Пермском университете, где в качестве доцента кафедры всеобщей истории с 1946 по 1954 гг. преподавал археологию доцент О.Н. Бадер. Его усилиями на кафедре всеобщей истории была открыта специализация по археологии – первая в региональных университетах страны. Содержание учебного плана подготовки историков определялось Министерством высшего образования СССР и предполагало изучение дисциплины «Основы археологии» [7, с. 80]. В основе преподавания археологии было пособие «Введение в археологию» А.В. Арциховского, переизданное в 1947 г. Об этом свидетельствуют вопросы к экзамену, разработанные О.Н. Бадером: они посвящены изучению археологии в широком контексте всемирной истории. Так, среди вопросов, выносимых на экзамен, были: древние цивилизации Двуречья, Египет, бронзовая эпоха в Южной и Западной Европе, Галыштатская и Латенская эпохи в Европе, Греция и греческие колонии Причерноморья, Рим,

западноевропейское и мусульманское средневековье. Студенты-археологи на госэкзамене должны были продемонстрировать знания по зарубежной археологии и всемирной истории (медно-бронзовый век Передней Азии и Восточного Средиземноморья (Месопотамия, Египет, Крит, Микены), бронзовый век Западной Европы, археология мусульманского и западноевропейского средневековья, археология западных и южных славян, археология Греции и Рима, греческие и римские памятники Причерноморья, развитие металлургии железа (Гальштат) [7, с. 87-89].

Широкий территориальный и хронологический подход к изучению археологии был обоснован и в другом учебном издании А.В. Арциховского «Основы археологии» для университетов и педагогических институтов. Во введении ученый писал: «Археология в равной мере имеет дело с древностями первобытными, античными и средневековыми. Все они одинаково важны для университетского преподавания и взаимосвязь между ними самая тесная. Материал в курсе распределен в хронологическом и географическом порядке, поскольку изложение должно быть конкретно-историческим. Основной задачей являлось изложение истории развития социально-экономических формаций, поскольку она выяснена по археологическим материалам разных эпох и разных областей в нашей стране» (4, с. 18-19). Т.е. в этом издании началась трансформация содержания дисциплины в сторону археологии СССР, что, несомненно, было связано с успехами советской археологии, но все же исключало ее из контекста мировой науки. На это указывал и сам А.В. Арциховский: «Эта книга посвящается археологии СССР. Археология других стран не могла уместиться в узкие рамки курса. Сведения по ней привлекаются только для пояснения отдельных вопросов. В учебном пособии того же автора «Введение в археологию» (3-е издание, М., 1947) излагалась археология СССР, Западной Европы и Ближнего Востока, но лишь потому, что то пособие являлось обзором источников и исторических выводов в нём было мало» [4, с. 20]. Не обошлось и без политического контекста эпохи, когда ученый указывал, что «буржуазная археология постепенно выродилась в науку о переселениях и заимствованиях, и это не случайно. Закономерности общественного развития познаются только марксистско-ленинской наукой» [4, с. 19].

Но, несмотря на ориентированность археологии на отечественные материалы, практика изучения археологии на кафедрах всеобщей истории была и в 1960 – начале 1970-х гг. Так, в истории Удмуртского государственного университета значительную роль в становлении археологии как учебной дисциплины и научного направления сыграл заведующий кафедрой всеобщей истории, известный

медиевист В.Е. Майер. Признанный специалист в области средневековой истории Германии, он профессионально интересовался многими разделами исторической науки. При нем была организована археологическая практика студентов исторического факультета, проводившаяся при содействии Удмуртского научно-исследовательского института на севере Удмуртии и Уральского университета в зоне затопления Нижнекамского водохранилища на юге Удмуртии [6, с. 16-19]. В.Е. Маейр пригласил из Свердловска в Ижевск Р.Д. Голдину, защитившую в 1971 г. кандидатскую диссертацию, на должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории для чтения курса «Основы археологии» [5, с. 38]. УдГУ получил ученого, сыгравшего значительную роль в археологическом изучении Удмуртии и сопредельных территорий, в деле подготовки высококвалифицированных кадров местных археологов.

Последующий учебник по археологии для вузов Д.А. Авдусина уже назывался «Археология СССР» [1], что отражало, с одной стороны, успехи советской археологии в изучении практически всех археологических эпох, но также и ее изолированность в силу политических причин от мировой науки. Зарубежная археология зачастую была представлена лишь в историографических разделах о начальном периоде становления науки. Современный учебник уже вернул себе всеобъемлющее название «Археология» и, основываясь на материалах отечественной науки, удачно вписывает их в контекст всемирной истории, характеризуя исторические эпохи через археологические источники разных регионов мира [2].

Обсуждая в начале 2010-х гг. учебники по археологии, известный археолог Я.А. Шер предлагал широкую программу их создания по курсам «История российской и зарубежной археологии», «Археология Западной Европы», «Археология зарубежной Азии», «Археология Америки», «Археологические учреждения и архивы». Хотя ученый и полагал, что большая часть его предложений «выглядит утопической» [11, с. 611]. Действительно, сегодня по рубрике подготовки в вузах подготовка археологов входит в укрупненную группу «Исторические науки и археология», что делает ее статус по отношению к историческим наукам неопределенным. Ясно одно, что ее развитие как учебной дисциплины является значимой частью формирования научной картины мира студентов-историков и требует обсуждений в рамках развития отдельного направления подготовки.

Библиография

1. Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977. 271 с.
2. Археология. Учебник. Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. 608 с.

3. Арциховский А.В. Введение в археологию. М., 1940. 164 с.
4. Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954. 279 с.
5. Голдина Р.Д. Силуэты растаявших веков. Ижевск. 1996. 212 с.
6. Мельникова О.М. В.Е. Майер и развитие археологии в Удмуртском государственном университете // Историк и его дело. Ижевск, 2003. С. 13-20.
7. Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск, 2003. 183 с.
8. Мельникова О.М. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1922 гг.) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 294-300.
9. [Рец.:] Смирнов А.П. Арциховский А.В. Введение в археологию. Изд. 3-е, переработанное. М., 1947 // Вопросы истории. 1948. №5. С. 117-118.
10. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историко-графические очерки. СПб.: Изд-во Петербургского ун-та, 2003. 332 с.
11. Шер Я.А. Какие учебники по археологии нужны? // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». С. 602-613.
12. Шер Я.А. Возродится ли в России археологическое образование? // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». С. 574-588.

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; superlvovich2012@yandex.ru

Archeology and World History at the University space of XX – beginning of XX centuries

The article draws attention to the role of the General History departments in the development of University archeology in Russia throughout the 20th century. University subject, archeology textbooks and manuals are analyzed. This article shows how do materials of Russian and world archeology correspond in these tutorials.

Keywords: History of archeology, universities, textbooks, Archeology

Melnikova Olga Mikhailovna, Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; superlvovich2012@yandex.ru

УДК 930.85

Петелин Б.В.

Юваль Харари: Homo Sapiens и алгоритмы будущего в книгах популярного автора

Книги израильского историка Юваля Харари, о которых идет речь в данной статье, вызвали интерес, что объясняется актуальностью проблем, реально существующих в мире. Можно согласиться, что человечество подошло к определенному рубежу в своей истории, за которым могут последовать самые радикальные перемены в социальной и биологической сущности Homo Sapiens.

Ключевые слова: история человечества, биологическая революция, современный капитализм, новая философия, вариативность бытия

Недостатка в публикациях о будущем человечества нет. Есть те, которые стоит прочитать, хотя будущее, скорее всего, окажется иным. Главное, чтобы не прервалась жизнь, а вот с ней, судя по книгам израильского профессора Юваля Харари, все не так однозначно. На обложке его книги читаем: «Человек скоро исчезнет. С помощью новейших технологий в течение, возможно нескольких десятилетий он превратит себя в иное существо». Будущее без Homo Sapiens, с киборгами, андроидами, даже с возвращенными неандертальцами – вряд ли многим может понравиться. Благодаря рыночной раскрутке, написанные Харари книги – «Sapiens. Краткая история человечества» [3] и «Homo Deus. Краткая история будущего» [4], действительно приковали внимание. Билл Гейтс, например, заявил, что «Краткую историю человечества» он взял бы с собой на необитаемый остров. Но отклики на книги Харари в отечественных СМИ в основном критические, если не сказать большего. Так, известный публицист Егор Холмогоров, регулярно печатающийся в газете «Культура», назвал свою рецензию «*Ното глупиенс*». Изданные массовым тиражом книги Харари российские блогеры наградили эпитетами: «компилятивные», «спекулятивные», «ненаучные»...

И все же некоторые рецензенты признают, что книги Харари выделяются из ряда подобных изданий. Автор не собирался писать сутубо научную монографию (справочный аппарат в книгах есть), рассчитывая на массового читателя. Михаил Визель в обзоре «5 книг недели. Выбор шеф-редактора» (сентябрь 2018 г.) отметил, что «...сексуальные девиации автора играют книге на руку. Что нельзя озвучить обычному человеку – от добропорядочного гея выглядит откровением. Именно поэтому известная публика бьется в экстазе от новизны и вскрытия глубинных проблем человеческого социума» [6].

До «известной публики» нам дела нет, но обе книги связаны между собой. В первой: начало и становление человеческой истории, во второй – ее завершение. Впрочем, уже в первой заключительная 20 глава названа «Конец Homo Sapiens». То есть вторую книгу можно не читать, если уже сказано, что «человеческого будущего у Homo Sapiens не предвидится». Научных открытий в книгах нет. Как и каким образом появился род людской – «третий шимпанзе», по Джареду Даймонду (от двух видов шимпанзе нас отделяет всего 2 %) [1, с. 8-9], прочитав Харари, мы не узнаем и вряд ли узнаем когда-либо, если только не согласимся с какой-нибудь религиозной версией.

Если подходить к Homo Sapiens как к «проекту» («алгоритму» по Харари), у которого была начальная фаза, то значит должна быть и конечная, свидетельствующая о завершении проекта. Нам давно уже говорят о появлении «искусственного интеллекта», который вытеснит человека из многих сфер его нынешней деятельности. Сегодня даже выдающиеся шахматисты не вызывают большого интереса, ибо никто из них не может выиграть у суперкомпьютера. Вот и Харари пишет о скором приходе «сверхлюдей». Впервые, как пишет автор, «человек» будет производным не от эволюции, а по замыслу биоинженерии. Именно в этом новом качестве он приобретет бессмертие [3, с. 472]. Кто откажется от такого будущего?

Население планеты приближается к 8 млрд., если не случится планетарной катастрофы, оно и дальше будет расти, прежде всего, в бедных странах, исключая Россию. Резонно поставить вопрос: все ли эти миллиарды станут «новыми людьми», обретут «бессмертие», или им уготована иная участь? Вряд ли это будет напоминать процесс превращения гусеницы в бабочку. Многие на планете не имеют средств на простейшие лекарства и операции, пребывают в полной нищете, из которой им никогда не выбраться. Нет, им явно заказано превращение в «сверхлюдей». Собственно, и Харари это понимает: «Сверхлюди» – это удел избранных. Да, пишет Харари, «такой киборг уже не будет человеческим и даже органическим существом. Это будет нечто совершенно новое. Абсолютно неведомый нам вид» [3, с. 482]. Российские олигархи давно мечтают о продлении земной жизни, ибо за отпущенные на сегодня годы невозможно истратить «заработанные» миллиарды. Но идея превращения в киборга их не прельщает.

Харари мало волнуют социальные проблемы и последствия экспериментов с Homo Sapiens. Алгоритм уже задан и всякие этические соображения, полагает автор, должны быть отброшены. Впрочем, их и сейчас осталось не так много. В российской политике давно не принято говорить о морали, нравственности, разве что церковь пытается что-то заявлять по этому поводу, но это почти никак не влияет на состояние российского общества. Разумеется, ключей к решению российских проблем в книгах Харари мы не отыщем. С другой стороны, автор не жалуется на социализм, капитализм для него ближе. Свободы больше, он же не защитник традиций. Глубокого анализа рыночной капиталистической экономики у автора нет, так как «осмыслить истинную роль экономического фактора в современной истории не так-то просто» [3, с. 361].

Экономическим фактором у Харари выступают «деньги». Не признавать роль «денег» в развитии человеческой цивилизации – абсурдно. Вот только каким образом и почему они приобрели власть над человеком? Почему «ненависть к финансам и финансистам,

– пишет в своей замечательной книге популярный британский историк Найл Фергюсон, – часто тлеющая, но довольно регулярно и легко воспламеняющаяся, – неотъемлемый атрибут западной цивилизации» [5, с. 9]. Но именно деньги вывели Запад в мировые лидеры. Точнее, появление кредита. Нейл Фергюсон отмечает, что простая ссуда была распространена в Месопотамии, о чем свидетельствуют дошедшие до нас законы царя Хаммурапи [5, с. 41]. Но, собственно, кредитование стало складываться в систему в итальянских городах после распада Римской империи.

Юваль Харари склонен считать распространившуюся практику кредитования близкой к «мошенничеству». Кредит нужен, чтобы строить настоящее за счет будущего, надеясь, что в будущем окажется больше ресурсов и кредит будет погашен [3, с. 365]. Такое «будущее» уже наступило: задолженность по кредитам имеется, чуть ли не у всех: от обычного гражданина до государства. Тем не менее, печатаются триллионы «воздушных денег» в надежде, как пишет Харари, что ученые, технологи и инженеры изобретут по-настоящему что-то новое и серьезное. Если лаборатории не оправдают возлагаемых на них надежд до взрыва финансового пузыря, то дальше нас ожидают трудные времена [3, с. 373].

Для кого написаны эти книги? Для «золотого миллиарда» или остальных, которых куда больше на нашей планете, и у которых все будущее это выживание в настоящем. Нет, можно отыскать данные, судя по которым на планете бедных стало меньше. Популярный американский экономист Грегори Кларк, выходец из Шотландии, доказывает, что человечество может распротиться с нищетой, если власть в этом будет действительно заинтересована. Власть в бедных странах по большей части коррумпирована, мафиозна и преступна. Надежды на Запад тщетны. У Запада, пишет Кларк, нет модели экономического развития, которую он мог бы предложить бедным странам мира [2, с. 507]. Единственное, что мы видим сегодня – это либерализации иммиграции, когда сотни тысяч мигрантов устремились в богатые западные страны. Во что это, в конечном счете, выльется? Или уже вылилось? Политики XXI века лишены масштабных прозрений. Правительство, как пишет Харари в книге о будущем, «просто стало администрацией. Оно управляет страной, но уже не ведет ее за собой» [4, с. 440].

И все это происходит потому, что «человеческий мозг не способен осмыслить новые алгоритмы высшего порядка». Значит, вперед к «сверхчеловеку», который легко справится с гигантскими потоками информации. Хорошо, что Юваль Харари оговаривается: его книги – это не пророчества. Это лишь возможный вариант развития. Воспоминания о будущем.

Библиография

1. Даймонд Д. Третий шимпанзе. М.: АСТ, 2013. 475 с.
2. Кларк Г. Прощай нищета! Краткая экономическая история мира / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 544 с.
3. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 512 с.
4. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. 496 с.
5. Фергюсон Н. Восхождение денег. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 431 с.
6. <https://krupaspb.ru/...piterbook/.../spornaya-kniga-yuval-noy-harari-homo-deus-kratk...> (дата обращения 03.07.2019).

Петелин Борис Валентинович, доктор исторических наук, доцент, профессор, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия; pbwtscherepowez@mail.ru

Yuval Harari: Homo Sapiens and Future Algoritmus in the books of a popular author

The books of the Israeli historian Yuval Harari, which are discussed in this article, aroused interest, which is explained by the relevance problems actually existing in the world. We can agree that humanity has come to a certain point in its history, which may be followed by the most radical changes in the social and biological essence of Homo Sapiens.

Keywords: human history, biological revolution, modern capitalism, new philosophy, the variability of being

Petelin Boris Valentinovich, Doctor of History, Associate Professor, Professor, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia; pbwtscherepowez@mail.ru

УДК 94:070

Рокина Г.В.

Всеобщая история на страницах научно-практического ежегодника «Запад – Восток»

В статье показаны основные вехи изучения и преподавания всеобщей истории в Республике Марий Эл. Автор подчеркивает сложности и особенности институционализации преподавания зарубежной истории в Марийском педагогическом институте и Марийском государственном университете. Представлена краткая история публикации научно-практического ежегодника «Запад – Восток», который стал основной научной площадкой для публикации основных достижений в области изучения всеобщей истории в марийском вузе.

Ключевые слова: историческая наука, всеобщая история, Марийский государственный университет, ежегодник «Запад – Восток», новая историческая наука

В исторической науке рубежа XX – XXI веков произошли революционные методологические изменения. Одно из них – возникновение новой исторической науки, характерной чертой которой является междисциплинарный подход в изучении прошлого

человечества. Для всеобщей или мировой истории это означало синтез политической и социальной истории, эволюцию национальных исторических школ и возникновение новых направлений исторических исследований [3]. Все это получило отражение в университетском историческом образовании России. В российских регионах эти процессы происходили по-разному, и по темпам, и со своей спецификой формирования или эволюции научных школ [4].

Изучение и преподавание всеобщей истории в Марийском крае прошло сложный путь становления и развития. Основы преподавания зарубежной истории были заложены в Марийском государственном педагогическом институте, созданном в Марийской АССР в 1931 году. Изучение основных разделов всеобщей истории и институционализация зарубежных исследований в МАССР (а позже в Республике Марий Эл) прошли сложный путь становления и развития, который был связан с запросами Советского государства и современного российского общества. Необходимые для научной деятельности в области всеобщей истории знания иностранных языков и опыт зарубежных командировок долгие годы оставались или недоступными, а порой и запретными для ученых республики. Только благодаря подвижничеству ряда ученых в послевоенный период в истории вузовской исторической науки удалось сохранить не только изучение всеобщей истории, но и развивать научные направления. В 1946 году из кафедры истории СССР была выделена кафедра всеобщей истории, просуществовавшая очень краткий период. В эти годы появляются основные направления в изучении всеобщей истории. В основном это были античная история и славистика. Их развитие во многом происходило благодаря интеллектуальной «подпитке» из вузов Казани, Горького, Ленинграда, Москвы и Саратова. Контакты с представителями исторических школ университетов этих городов во многом способствовали появлению в марийской республике собственных научных направлений изучения и преподавания всеобщей истории. Это произошло благодаря таким ученым как В.М. Тарасова, А.М. Басевич, С.И. Ройтман, С.П. Сингалевич, П.П. Вандель, И.Р. Фишер [5].

После объединения педагогического института и Марийского государственного университета в 2008 году потенциал двух учреждений удвоился, что благотворно сказалось на изучении и преподавании всеобщей истории в республике. В университете, образованном в 1972 году, изначально существовала кафедра всеобщей истории [2].

Последние два десятилетия XX и начала XXI века были достаточно благоприятными для развития направлений всеобщей истории: появились возможности зарубежных стажировок, участия

в международных форумах, получения грантов международных фондов. На кафедре было защищено несколько диссертаций по направлению «Всеобщая история» (А.В. Рандин, Г.В. Рокина, А.А. Ярыгин, Г.Ф. Горбашова, В.М. Новик, О.В. Кулишова, В.П. Лихобабин, Ю.С. Обидина). Еще ранее до объединения вузов диссертации по всеобщей истории и историографии в диссоветах Саратовского, Московского и Казанского университетов защитили И.Р. Фишер, В.Л. Ларионов, Т.Г. Нефедова, Е.В. Колесова. Но собственного диссертационного совета по защите диссертаций по всеобщей истории в республике так и не было создано.

На рубеже XX-XXI веков традицию преподавания всеобщей истории в вузах Марий Эл продолжили ученики первых преподавателей-«всеобщников». В настоящее время это известные ученые в области изучения всеобщей истории – О.В. Кулишова (профессор кафедры древнего мира Санкт-Петербургского университета), Ю.С. Обидина (профессор Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского), А.В. Рандин (доцент Трнавского университета Кирилла и Мефодия в Словацкой Республике).

Задача издания собственного журнала, посвященного вопросам всеобщей истории, всегда была актуальной для историков-зарубежников университета. К сожалению, ни в педагогическом институте, ни в университете не было традиции издания исторического журнала по примеру ведущих вузов. Правда, в МГПИ им. Н.К. Крупской еще в 1930-1960-е годы издавались «Записки института», где публиковались и историки. В университете на кафедре всеобщей истории в 1990-1996 годы выходил сборник научных статей «Политика и культура стран Европы и Америки». Собственного исторического журнала, специализирующегося по всеобщей истории, не было.

Только с 2008 года начинается история издания журнала «Запад – Восток». Журнал организован коллективом кафедры всеобщей истории и продолжает традицию кафедральных сборников. Научно-практический ежегодник посвящен актуальным вопросам зарубежной и российской истории, историческим и культурным параллелям Запада и Востока. Цель издания – распространение научного знания, информационное сопровождение достижений ученых в области гуманитарных наук, повышение авторитетности и влияния российского научно-информационного и научно-издательского сегмента в мировом сообществе. С 2012 года ежегодник выходит под грифом Российского общества интеллектуальной истории. В состав редсовета с 2018 года входит председатель РОИИ Л.П. Репина, которая также является председателем международной комиссии историков России и Словакии. При информационной поддержке журнала в 2016 году на базе Марийского государственного университета

состоялось очередное заседание этой комиссии и международная конференция [1].

Международный состав редакционного совета ежегодника представляют ученые академических и вузовских сообществ Австрии, Словакии, Беларуси и России. Значительный объем публикаций принадлежит авторам – членам международной комиссии при национальных комитетах историков Словацкой академии наук и РАН. Тематика выпусков ежегодника отражает основные проблемы, которые входят в круг научных интересов историков-«всеобщников». С каждым годом усиливается междисциплинарный характер публикаций, учитывая тенденции новой исторической науки. Сегодня ежегодник является важной научной площадкой, где публикуются результаты исследований специалистов по зарубежной истории и культуре не только из России, но и партнерских зарубежных университетов и академических организаций. У ученых Марий Эл появилась возможность научного диалога с зарубежными коллегами, публикации результатов собственных исследований по проблемам всеобщей истории, апробации новых методологических подходов в изучении различных периодов мировой истории. При этом журнал сохраняет и продолжает те традиции, которые были заложены в университетской исторической науке Республики Марий Эл несколько десятилетий назад: приоритетными темами остаются интеллектуальная история, межкультурные контакты, университетология, теории национализма, гендерные исследования и славистика.

Библиография

1. Дронов М.Ю., Рокина Г.В. Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1 (86). С. 164–167.
2. Обидина Ю.С., Рокина Г.В. Традиции и новации исторического образования на кафедре всеобщей истории Марийского государственного университета // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения). Чебоксары, 2014. С.316–320.
3. Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М.: ЛКИ, 2009.
4. Рокина Г.В. Становление высшего образования и преподавания зарубежной истории в Марийском государственном педагогическом институте (1930–1960-е годы) // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Г.П. Мягков (сост., отв. редактор), О.В. Сеницын (сост., отв. редактор). 2016. С. 93–99.
5. Рокина Г.В. Из истории преподавания зарубежной истории в Марийском государственном педагогическом институте в советский период // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2016. Т. 3. № 7. С. 62–68.

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая учебно-исследовательской лабораторией, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия; galina@rokina.ru

General History on the Pages of the West-East Scientific and Practical Yearbook

The article shows the main milestones of the study and teaching of General History in the Republic of Mari El. The author emphasizes the complexities and particularities of institutionalizing the teaching of General history at the Mari Pedagogical Institute and Mari State University. The article presents a brief history of the publication of the scientific and practical yearbook West-East, which has become the main scientific platform for publishing the main achievements in the field of studying General History at the Mari university.

Keywords: historical science, general history, Mari State University, West-East Yearbook, new historical science

Rokina Galina Viktorovna, Doctor of History, Professor, Head of the Research Laboratory, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia; galina@rokina.ru

УДК 94(410) «18/19»

Сидорова Т.А.

Всеобщая история в академических традициях Оксфорда и Кембриджа конца XIX – начала XX вв.

В статье исследуется британская модель всеобщей истории – «Кембриджская история Древнего мира», «Кембриджская история Средних веков», «Кембриджская Новая история». Анализируются основные принципы её создания, холистический, плюралистический и системный подходы к истории в Оксфордской и Кембриджской исторических школах, дисциплинарное наполнение «всеобщей истории», содержание и соотношение понятий «General – Universal – World History».

Ключевые слова: всеобщая – всемирная – мировая история, «Кембриджская история Древнего мира», «Кембриджская история Средних веков», «Кембриджская Новая история», Оксфордская и Кембриджская исторические школы, холистический, плюралистический и системный подходы к истории

Классическим примером воплощения английского варианта всеобщей истории является знаменитая «Кембриджская триада» – «The Cambridge Ancient History», «The Cambridge Medieval History», «The Cambridge Modern History» [5; 6; 7]. В академической практике Оксфорда и Кембриджа конца XIX–начала XX вв. она укоренила трехчастную периодизацию исторического времени и реализовала британскую модель всеобщей истории.

В британской историографии понятие «всеобщая история» имеет три не идентичных по смыслу значения – «general, universal, world history». «General history», «общая история», при доминировании европоцентристского подхода в историописании интерпретируется как история Европы и связанных с ней *общим* историческим прошлым стран, определяет выбор объектов исследования

и содержание многотомных исторических трудов [7, v. 1, p. V-VIII, p. 1-6; 6, v. 1, p. V]. «The Cambridge Modern History», повествующая о странах и событиях, сопряженных с историей Европы, при сохранении приоритетного к ней внимания, – типичная «общая история». Под «universal history», «всемирной историей», понимается единая история всех стран и народов безотносительно к Европе. «Universal History» лорд Актон называл незавершенную «Weltgeschichte» Л. фон Ранке, которую считал «самой продуманной и содержательной из всех книг с аналогичным амбициозным названием» [2, p. 19; 1, p. 359]. В процессе подготовки «Кембриджских историй» предлагалось назвать всю «триаду» «History of World» или «Universal History», что предполагало создание иного по содержанию монументального исторического труда, рамки которого были затем сознательно сужены [4, p. 723].

«Universal Modern History», «всемирная Новая история», использовалось для характеристики томов «The Cambridge Modern History», что объяснялось концентрацией в ней полноты знаний по Новой истории, целостностью повествования, отображающего «непрерывное развитие» народов, «в зависимости от их влияния на общие судьбы человечества». В «Кембриджской Новой истории» «universal Modern History» поглощает «general history», подчеркивая глобальность исторического контента [7, v.1, p. V-VIII].

Грандиозная и беспрецедентная по замыслу и результатам в национальной историографии, масштабная по хронологической протяженности и тематике, мастерская по авторскому составу [6, v. 1, p. V; 10, p. 57], «Кембриджская триада» стала научным воплощением интеллектуальной кооперации британских историков Оксфордской и Кембриджской школ и демонстрацией достижений профессионального сообщества Великобритании, Европы и Америки, университетских и не-университетских историков.

По авторскому составу «Кембриджская триада» являлась международным проектом: в нем участвовали ученые Германии, Франции, США, Италии, Испании, России, Австрии, Болгарии, Венгрии [6, v. 1, p. V]. Но концептуально, по замыслу и вкладу в его реализацию, титульному названию и месту публикации «Кембриджские истории» были трудом английским, на английском языке, но «не британским по предубеждению», безотносительно к принадлежности авторов «к стране, религии или партии». Британской же была сама идея, объединявшая разделы и их создателей [11, p. 19].

Идейным вдохновителем, организатором и научным руководителем «Кембриджской триады» вплоть до 1902 г. стал королевский профессор Новой истории, глава Кембриджской исторической школы лорд Джон Эмерих Актон, разработавший в 1896 г.

генеральный план и основные принципы построения «The Cambridge Modern History» [7, v. 1, p. V; 11, p. 19-20]. Взгляды Дж. Актона на историю, прежде всего Новую, размышления о ремесле историка, его целях и задачах, стали определяющими ориентирами в написании всеобъемлющих «Кембриджских историй»: персональная ответственность за результаты исследования; опора на достоверные источники и факты, их строгий отбор и критическое осмысление; отделение истины от вымысла; объективное, беспристрастное освещение исторических событий; проблемный подход; бережное отношение к наследию предшественников [2, p. 8-20]. Этим установкам Дж. Актона стремились следовать авторы «The Cambridge Modern History» и последовавших за ней разделов «триады». Научные принципы построения исторического исследования лорда Актона стали профессиональными заповедями для историков, призывом к научности, добросовестности и ответственности в изучении и презентации исторического прошлого.

Расхождения с первоначальными установками обнаружились к моменту публикации «The Cambridge Ancient History»: надежды на возможности «жесткого редакторского руководства», призванного сообщить научное единство всем томам, были переоценены; тексты оказались излишне сложными для обычных читателей; не удовлетворяли интересам студентов и ученых, искавших «большей научности»; имели крен в политическую и военную историю [11, p. 19-21; 6, v. 1, p. V-VIII]. Но в целом «Кембриджские истории» получили широкое международное признание и высокую оценку академического сообщества: отмечалась их значимость для обучения студентов, ценность для читательской аудитории; труд называли памятником достижений английской исторической науки, энциклопедией всеобщей истории [6, v. 1, p. V; 8, v. I, p. XVII; 7, v.1, p. 5; 11, p. 19; 9, p. 57].

«Кембриджские истории», выполненные в жанре «больших нарративов», базируются на сочетании холистического, плюралистического и системного подходов, обеспечивающих целостность изучения истории с древнейших времен до начала XX в. как единого объекта с акцентом на историю отдельных стран. Представление о единстве истории достигалось участием в создании «триады» историков различных специализаций (но многоавторность исключала «бесшовность» текста) и дисциплинарным наполнением понятия «всеобщая история» в Оксфордской и Кембриджской исторических школах: помимо традиционных, ее компонентами были церковная, экономическая, политическая, конституционная история, история права, история колониальной политики и т.д. [3, p. 363; 10, p. 40-50, 1-10, IX-XX, 11-30, 51-68].

«Кембриджская триада» – результат восьмивекового пути развития исторической науки и исторического образования в Великобритании, прежде всего во флагманских университетах Оксфорда и Кембриджа. Огромный вклад в ее создание внесли британские историки, связанные с Оксбриджем академической биографией.

Библиография

1. Acton J. Historical Essays and Studies. Ed. by J.N. Figgis and R.V. Laurence. London: Macmillan, 1907. 564 p.
2. Acton J. Inaugural Lecture: On the Study of History // Acton J. Lectures on Modern History. Ed. by J.N. Figgis and R.V. Laurence. London: Macmillan, 1906. 241 p.
3. Alexander J. The Cambridge School, c. 1875 – c. 1975 // History of Political Thought. 2016. Vol. XXXVII. No 2. P. 360-386.
4. Altholz J.L. Lord Acton and the Plan of the «Cambridge Modern History» // Historical Journal. 1996. Vol. 39. Issue 3. P. 723-736.
5. The Cambridge Ancient History. Ed. by I.E.S. Edwards, C.J. Gadd, N.G.L. Hammond. Cambridge: University Press. 1923–1939. 12 vols.
6. The Cambridge Medieval History. Ed. by J.B. Bury, H.M. Gwatkin, M. Bateson, G.T. Lapsley. Cambridge: University Press. 1911–1936. 8 vols.
7. The Cambridge Modern History. Ed. by A.W. Ward, G.W. Prothero, S.M. Leathes. Cambridge: University Press. 1902–1912. 14 vols.
8. Clark G.N. General Introduction // New Cambridge Modern History. Cambridge. 1964. I, XVII.
9. Clark G.N. The Origin of «The Cambridge Modern History» // Cambridge Historical Journal. 1945. Vol. 8. Issue 2. P. 57-64.
10. Essays on the Teaching of History. By F.W. Maitland, H.M. Gwatkin, R.L. Poole, W.E. Heitland, W. Cunningham, J.R. Tanner, W.H. Woodward, C.H.K. Marten, W.J. Ashlet. Cambridge: University Press, 1901. 104 p.
11. Rhodes P.J. The Cambridge Ancient History // Histos. 1999. № 3. P. 18-26.

Сидорова Тамара Анатольевна, доктор исторических наук профессор, Российский университет Дружбы народов, Сочинский Институт (филиал), г. Сочи, Россия; *tasidorova-05@mail.ru*

General History in the Academic Traditions of Oxford and Cambridge in the end of the XIX – the beginning of the XX Centuries

The article studies the British model of general history – «The Cambridge Ancient History», «The Cambridge Medieval History», «The Cambridge Modern History». The main principles of its creation, holistic, pluralistic and system approaches to history in Oxford and Cambridge historical schools, disciplinary content of «general history», content and correlation of «general-universal-world history» are analyzed.

Keywords: general-universal-world history, «The Cambridge Ancient History», «The Cambridge Medieval History», «The Cambridge Modern History», Oxford and Cambridge historical schools, holistic, pluralistic and system approaches to history

Sidorova Tamara Anatolievna, Doctor of history, Professor, Peoples' Friendship University of Russia Sochi Institute (affiliated; branch), Sochi, Russia; *tasidorova-05@mail.ru*

Синицын О.В.

**Валентин Андреевич Гавриличев
как историограф и методолог**

В статье характеризуется научно-педагогическая деятельность историка-всеобщника, кандидата исторических наук, доцента В.А. Гавриличева (1935–1989), выпускника исторического факультета Казанского государственного университета, преподававшего в различных высших учебных заведениях Казани, Томска, Йошкар-Олы, Донецка, Иваново, известного в свое время специалиста по историографии Великой французской революции, методологическим вопросам исторической науки.

Ключевые слова: история, историография, методология, университет, учитель, кафедра, научная школа, исследования, Россия, Германия, Франция

Валентин Андреевич Гавриличев (1935–1989) являлся одним из представителей томской историографической школы видного советского историка, организатора науки и образования Александра Ивановича Данилова. Оценка научного наследия В.А. Гавриличева содержится в статьях И.Я. Биска и И.И. Шарифжанова, А.С. Хуморова, в рецензии В.В. Гусева [2; 12; 11].

В.А. Гавриличев, по национальности русский, родился 27 декабря 1935 г. в городе Коканде Ферганской области Узбекской ССР в семье рабочего-механика [1, л. 5]. В школе увлекался историей, что и определило его профессию. В 1953–1958 гг. учился на историко-филологическом факультете Казанского университета по специальности «История», занимался новой историей стран Запада под руководством Василия Ивановича Адо. По окончании университета решением ГЭК 26 июня 1958 г. ему была присвоена квалификация историк, учитель истории средней школы [1, л. 7]. Трудовую деятельность В.А. Гавриличев начал в августе 1958 г. учителем истории средней школы № 9 им. Н.К. Крупской в г. Коканде Узбекской ССР, с декабря 1959 г. до августа 1961 г. работал литературным сотрудником редакций газет «Акмолинская правда» и «Целинный край» в г. Целиноград Казахской ССР. Для дальнейшего жизненного и творческого пути «решающее значение, – как писал в своей автобиографии Валентин Андреевич, – имела учёба в очной аспирантуре в 1961–1964 гг. Томского государственного университета по специальности «историография всеобщей истории» [1, л. 6]. Профессор А.И. Данилов, заведовавший кафедрой всеобщей истории Казанского государственного университета в 1961 г., был назначен ректором Томского университета и одновременно – заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков ТГУ. Вместе

с научным руководителем в Томск приехали некоторые казанские студенты и аспиранты. Переехал в Томск и В.А. Гавриличев. Здесь началась активная научная и педагогическая деятельность молодого ученого и преподавателя.

Первая научная публикация В.А. Гавриличева вышла в 1961 году, когда Казанский университет издал его работу «Великая Французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии (1917–1960 гг.): Библиографический указатель» [3]. Подготовлена она была еще в студенческие годы, и инициировал ее издание, несомненно, его научный руководитель В.И. Адо, который, как известно, и рекомендовал А.И. Данилову выпускника В.А. Гавриличева в аспирантуру. В Томске Валентин Андреевич продолжил разрабатывать тему Великой французской революции, но с ориентацией на зарубежную историографию. Поскольку аспирант владел немецким языком А.И. Данилов предложил ему заняться немецкой историографией XIX века. Работа над кандидатской диссертацией шла у В.А. Гавриличева успешно, и уже в 1963 году в первом выпуске официального печатного органа томской историографической школы А.И. Данилова «Методологические и историографические вопросы исторической науки» вышла его статья «Теоретико-методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибеля» [10].

В 1964 году во втором выпуске «Методологических и историографических вопросов исторической науки» вышла статья аспиранта В.А. Гавриличева «Великая французская революция в освещении малогерманской школы историков (50–60-е гг. XIX в.)» [4], и в этом же году он завершил написание и в срок – 21 декабря 1964 года – защитил в Томском университете кандидатскую диссертацию «Великая Французская революция в немецкой буржуазной историографии 50–60-х гг. XIX в.», а 24 апреля 1965 года был утвержден в ученой степени кандидата исторических наук ВАК СССР [1, л. 8].

С 1 сентября 1964 года В.А. Гавриличев был принят на должность ассистента кафедры новой и новейшей истории Томского государственного университета, а затем попеременно работал старшим преподавателем, доцентом кафедр всеобщей истории в Марийском государственном педагогическом институте, Донецком госуниверситете, Казанском пединституте, Ивановском госуниверситете. В этих вузах он преподавал новую историю стран Западной Европы и Америки, историю средних веков, спецкурсы [1, л. 6], продолжал вести активную научно-исследовательскую работу по историографическим и методологическим проблемам всеобщей истории [6; 7; 8; 9]. Решением ВАК от 5 мая 1972 г. Гавриличев Валентин Андреевич был утвержден в ученом звании доцента по кафедре всеобщей истории

[1, л. 9]. В период своей работы в Ивановском государственном университете В.А. Гавриличев целеустремленно трудился над докторской диссертацией, вновь обратившись к опыту отечественной историографии XIX–XX вв. о Великой французской революции конца XVIII века. В 1988 году он стал заведующим кафедрой новой и новейшей истории ИГУ, но внезапная смерть на 54 году жизни оборвала научно-педагогическую деятельность В.А. Гавриличева. В 1990 году Ивановский университет посмертно издал его книгу «Великая французская революция в советской историографии 1956–1986 гг.» [5].

В научном наследии историка можно выделить две крупные тематические проблемы: отечественная и немецкая историография Великой французской буржуазной революции и идейно-методологические основы исторического познания. Впрочем, это деление весьма условное, поскольку как у всех представителей томской школы А.И. Данилова во всех работах В.А. Гавриличева многогранный историографический анализ всегда соединялся с разработкой теоретико-методологических проблем исторического знания.

Библиография

1. Архив Казанского федерального университета. Фонд Р-1487. Описание 39. Дело № 3040. Личное дело Гавриличева Валентина Андреевича, доц., каф. всеобщей истории, 26.03.1973 – 06.09.1979. 69 л.
2. Биск И.Я., Шарифжанов И.И. История Франции нового и новейшего времени в трудах казанских ученых // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции: Материалы межвузовской научной конференции / отв. ред. В.М. Бухараев, О.В. Сеницын. Казань: Форт Диалог, 1996. С. 113–116.
3. Гавриличев В.А. Великая Французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии. (1917–1960 гг.): Библиограф. указатель / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань: [б. и.], 1961. 255 с.
4. Гавриличев В.А. Великая французская революция в освещении малогерманской школы историков (50–60-е гг. XIX в.) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964. Вып. 2. С. 94–145.
5. Гавриличев В.А. Великая французская революция в советской историографии 1956–1986 гг.: учебное пособие [науч. ред. В.А. Дунаевский]. Иваново: [б. и.], 1990. 78 с.
6. Гавриличев В.А. Н.М. Лукин и его роль в развитии советской историографии Великой Французской революции // Французский ежегодник. 1964. М., 1965. С. 254–283.
7. Гавриличев В.А. Научно-исследовательская работа историков Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева // Вопросы истории. М., 1966. № 7. С.138–142.
8. Гавриличев В.А. Об идейно-методологических принципах немецкой буржуазной историографии 50-х – 60-х гг. XIX в. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. Вып. 5. С. 267–284.
9. Гавриличев В.А. Теоретико-методологические основы гейдельбергской школы историков (20–40-е гг. XIX в.) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1966. Вып. 4. С. 241–269.

10. Гавриличев В.А. Теоретико-методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибея // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сборник статей / [Отв. ред. проф. А.И. Данилов]. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1963. Вып. 1. С. 107-136.

11. Гусев В.В. Рец.: В.А. Гавриличев. Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. в советской историографии (1917–1960 гг.) // Вопросы истории. 1963. № 5. С.130–132.

12. Хуморов А.С. Историографический аспект в трудах В.А. Гавриличева. – URL: <http://uverenniy.ru/sbornik-statej-nauchno-prakticheskoy-konferencii-aktuale> niepr.html?page=27 (дата обращения 16.05.2019).

Синицын Олег Владимирович, доктор исторических наук профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; olvsin@yandex.ru

Gavrilichev Valentin Andreevich (1935-1989) as a historiographer and methodologist

The article describes the scientific and pedagogical activity of universal historian, candidate of historical sciences, associate professor V.A. Gavrilichev, a graduate of the history department of Kazan State University, who taught at various higher educational institutions of Kazan, Tomsk, Yoshkar-Ola, Donetsk, Ivanovo, who was a well-known specialist in historiography of the Great French Revolution and methodological issues of historical science.

Keywords: history, historiography, methodology, university, teacher, department, scientific school, research, Russia, Germany, France

Sinicyn Oleg Vladimirovich, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; olvsin@yandex.ru

УДК 94

Соколов А.Б.

Эдвард Радзинский об истории Французской революции и наполеоновского времени

В статье рассмотрен ряд трудов Э. Радзинского, посвященных Французской революции, времени и личности Наполеона Бонапарта. Радзинского часто характеризуют как писателя, чьи исторические взгляды не заслуживают доверия. Такой подход представляется ошибочным; его правомерно рассматривать как историка, работающего в рамках постмодернистской методологии. В идеологическом отношении взгляды Радзинского на Французскую революцию выглядят как синтез идей либеральной и ревизионистской историографии.

Ключевые слова: Радзинский, личность в истории, литература, историография, постмодернизм, Французская революция, Наполеон

Споры о Радзинском продолжаются как в пространстве публичной истории, например, в Интернете, так и в профессиональной историографии. До последнего времени он остается востребованной медийной фигурой, часто выступает как эксперт, и не только в СМИ.

В канун празднования столетия Октябрьской революции в 30-минутном выступлении на Совете Федерации Радзинский четко и ярко сформулировал либеральную концепцию истории России [7]. Авторы, относящие себя к профессиональной историографии, давали преимущественно отрицательную характеристику его творчеству, хотя и различались в оттенках. Наиболее типичным является, возможно, мнение, высказанное И. Дедковым: «Творчество Радзинского, при всей его популярности и всех недостатках, серьезным вызовом историческому сообществу назвать трудно. Писатели, подвигающиеся на ниве истории, всегда были и всегда будут. Необходимо смириться с тем, что история необходима не только ученым... Авторы вроде Радзинского в целом останутся в русле традиционных представлений об истории и не пытаются их перевернуть» [2, с. 291-292]. Здесь нет обвинений в адрес Радзинского, которые обнаруживаются у О.И. Елисеевой и создают впечатление, что он беспринципный писака и фальсификатор, скользящий по истории, как «Летучий Голландец», однако стиль Дедкова выдает отношение к нему как к «чужому», как к беллетристу, от которого заведомо не стоит ожидать новизны или научно-исследовательского подхода.

Я уже писал о том, что считаю взгляд историков на Радзинского «сверху–вниз» проявлением профессионального снобизма [5]. Хотя Радзинский сам предпочитает называть себя писателем или «человеком, который пишет об истории», он в самом деле является одним из немногочисленных в нашей стране историков-постмодернистов, продвигавшимся теми же путями, что и некоторые западные историки старшего поколения, такие как Саймон Шама, Натали Дэвис, Филипп Ариэс или Карло Гинзбург. Один из классиков постмодернизма в историографии Хайден Уайт утверждал: понимание истории как науки, сложившееся к концу XIX в. под влиянием позитивизма, не сделало историю наукой. С утверждением уверенности в способности историков раскрыть историческую истину и с установлением так называемого «научного стиля», история, назвавшись наукой, лишилась многих преимуществ, которыми обладала историческая литература XIX в., в частности, привлекательности для широкого круга читателей. В конце XX в. некоторые постмодернистские авторы возвращались (на ином уровне исторических представлений) к нарративу, к языку и форме, которыми пользовались такие великие историки прошлого, как О. Тьерри, Ж. Мишле или Т. Карлейль. Для историков постмодернистов характерен отказ от исчерпывающих структурных подходов, от теоретических обобщений и таких исторических концепций, которые основываются на долговременности и пространственной масштабности. Если традиционная герменевтика объясняет действия людей их осознанными

намерениями, то сегодня многими признано, что регулирование поведения людей проходит на более глубоком (дискурсивном) уровне, а не в рациональном обсуждении, основанном на знании. Постмодернистское влияние проявляется в отказе от понимания деятельности историка как научной процедуры и в восприятии ее как лингвистического конструирования, даже как поэзии. Известный методолог Ф. Анкерсмит суммировал эти идеи следующим образом: «История больше не реконструкция того, что произошло с нами в разные моменты жизни, но непрерывная игра с памятью об этом. Само воспоминание имеет приоритет над тем, что запомнилось. Нечто подобное верно и для историописания. Дикое, жадное и безудержной копание в прошлом, вдохновленное желанием обнаружить реальность прошлого и восстановить ее с позиций науки, не является больше задачей историка... Пришло время скорее подумать о прошлом, чем исследовать его» [1, с. 341]

На мой взгляд, данное определение в полной мере относится к Радзинскому. Его работы выполнены в жанре нарратива. В упомянутой выше статье я обосновывал постмодернистский характер методологических подходов Радзинского и приверженность либеральной концепции на примере его работ по истории России и СССР. В данной публикации обратимся к его трудам по всеобщей истории, в частности по эпохе, которую условно называют эпохой Французской революции. В ней учтены пять отличных по жанру и объему работ: «Любовные сумасбродства Джакомо Казановы», «Несколько встреч с покойным господином Моцартом», «Прогулки с палачом», «Игры писателей», «Наполеон: жизнь после смерти».

В методологическом отношении выделим несколько моментов. Во-первых, те самые «игры с памятью», упомянутые Анкерсмитом. Иными словами, речь идет о влиянии концепции исторической памяти на современную постмодернистскую историографию. Эта черта отчетливо преломляется в «Наполеоне». Это не просто биография Бонапарта, как бы написанная от его лица, с комментариями Лас-Каза, и в этом отношении вполне сопоставимая с точки зрения информативности с известными трудами Е.В. Тарле, А.З. Манфреда или книгами Марка Алданова. В ней воспоминания Наполеона преломляются с воспоминаниями Лас Каза, что позволяет автору создать глубокий психологический портрет императора. Через книгу стрелжнем проходит главная гипотеза Радзинского: Наполеон осознанно создал «черную легенду», отдавшись в 1814 г. англичанам и будучи уверенным в том, что таким путем он подорвет репутацию Англии. К этой легенде потомки и историки многое добавили [4]. Во-вторых, Радзинский смело использует различные техники конструирования нарратива, в том числе диалоговые, он пишет

историю как пьесу, в чем сказывается опыт драматурга. Но не стоит забывать, что подобная традиция идет, по меньшей мере, от «риторической школы» эпохи Возрождения. Радзинский не скрывает субъективности, делая себя одним из героев. В «Прогулке с палачом» он рассказывает, как приехал в Париж, чтобы ощутить атмосферу, в которой жил его герой – палач Сансон. «И однажды, придя в гостиницу, я услышал голос. Слов не было, было далекое невнятное бормотание. Я бросился к крохотному гостиничному столу и начал торопливо писать» [3, с. 465]. Этот отрывок удивительно напоминает Мишле, любимым местом прогулок которого было кладбище Пер-Лашез, где он слышал голоса мертвых, слышавший голоса своих героев, когда в одиночестве работал в Национальном архиве. В-третьих, сочинения Радзинского основаны на источниках, в первую очередь, личного происхождения. Он прекрасный знаток мемуарной литературы той эпохи, к которой применяет методы дискурсивного анализа. Достоверность основана на использовании «глубокого языка» (выражение писателя) при изучении сочинений всех тех лиц, которых он делает героями своей исторической пьесы. Нельзя доверять источникам безусловно, надо видеть, что «на кончике языка». В-четвертых, Радзинский не стремится к открытию того, что называют «исторической истиной», но он выдвигает гипотезы, которые, по крайней мере, не противоречат источникам. Можно сомневаться, что Бомарше был главным сценаристом «дела об ожерелье» (за ним в этом случае стоял герцог Орлеанский, ставший во время революции Филиппом Эгалите) или «вареннского бегства», или, что Лафайет видел, как королевская карета покидает Тюильри, но эти предположения не идут вразрез с логикой развития событий и выглядят психологически достоверно. Радзинский не боится исторических аналогий: в «Прогулках с палачом» он находил мистическую связь между двумя венценосными парами: Людовиком и Марией Антуанеттой, Николаем и Александрой. В «лучшей книге» о Сансоне Великом, написанной, когда во Францию вернулись короли, внуком палача, дед выглядел «добрым роялистом»: «Но мы-то хорошо понимаем этих вчерашних революционеров, которым пришлось менять свои убеждения». Трагедия российской истории всегда присутствует, иногда почти незримо. [3, с. 464]. В-пятых, Радзинский конструирует не только образы людей, но и эпохи. Например, XVIII в. – век Галантный и легкомысленный, век, когда «правили женщины».

С идеологической точки зрения Радзинский противник марксистской радикальной трактовки истории. Революция – это стихия безумия, террор, в описании которой автор подчас натуралистичен (хотя далеко не в той степени, в какой позволяют источники). Много раз повторяется знаменитая фраза, в которой революция сравнивается

с Сатурном, пожирающим собственных детей. В революции выживают гнуснейшие – примером служит, в первую очередь, Фуше. Неприятие революции и подспудная апология умеренности – черты либерального дискурса. Но у Радзинского ход событий – это рок, это близко к Шатобриану, тоже герою его труда, к историографии первой половины XIX в. Недаром он не раз возвращается к пророчеству Казаса. Интерпретируя Радзинского, можно уловить черты ревизионистской историографии конца XX в., в том числе в разоблачении либеральной мифологии, например, в описании падения Бастилии. Здесь невольно улавливается связь с «Гражданами» С. Шамы [6, р. 389-394]. В интерпретации де Сада, одного из действующих лиц его «Игр писателей», Радзинский приближается к концепции американского историка Л. Хант: сочинения этого писателя – это отражение перевернутого революцией мира, в каком-то смысле пародия на террор.

Библиография

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 493 с.
2. Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Д.А. Бродягова. М.: АИРО-XXI, 2011. 520 с.
3. Радзинский Э. Загадки истории. М.: Вагриус, 2003. 1037 с.
4. Соколов А.Б. К проблеме конструирования образов: остров Святой Елены в сочинении Александра Битсона // История Британии: современные исследования. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 131-143.
5. Соколов А.Б. Эдвард Радзинский как историк // Запад и Восток: история и перспективы развития / Сб. статей 30-й Юбилейной международной научно-практической конференции; под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: РГУ, 2019. С. 594-605.
6. Schama S. Citizens. A Chronicle of the French Revolution. L.: Penguin Books, 1989. 951 p.
7. URL: [youtube.com>video/B62ToKNfJo](https://www.youtube.com/watch?v=B62ToKNfJo) Доступ 10 декабря 2018 г.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия; sokolov_1457@mail.ru

Edward Radzinsky on the history of the French Revolution and Napoleonic time

Some works of E. Radzinskiy devoted to French Revolution, time and personality of Napoleon are regarded in this article. Radzinskiy is often characterized as a writer whose views are not worth to be trusted. This approach seems false; he may be regarded as historian working in the frames of post-modern methodology. Ideologically, his views on the French revolution looks like synthesis of the ideas of liberal and revisionist historiography.

Keywords: Radzinskiy, personality in history, literature, historiography, postmodernism, French Revolution, Napoleon

Sokolov Andrej Borisovich, Doctor of History, Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia; sokolov_1457@mail.ru

Соломеин А.Ю.

Репрезентация всеобщей истории в «Опыте о нравах и духе народов» Вольтера: роль и структурная организация эмпирического материала

В статье рассматриваются формы представления Вольтером фактической, событийной истории, на фоне декларируемого им отказа от традиционной политической истории. Формулируется специфика отношения идейно-теоретических оснований вольтеровского историописания и непосредственной работы с фактическим материалом. Описываются типы представления эмпирического материала и его композиционные особенности.

Ключевые слова: всемирная история, эмпирика, детерминизм, нарратив, история нравов, дух

Обращение к всеобщей истории неизменно указываются при перечислении заслуг Вольтера в развитии исторической науки. «Опыт о нравах и духе народов» – крупнейшее и наиболее концептуализированное историческое произведение Вольтера, охватывающее историю человечества с древнейших времен до XVII в., рассматривающее историю всей Евразии, а начиная с эпохи великих географических открытий – также Африку и Новый свет. Академик Е.А. Косминский отмечал: «Опыт», действительно, первая по настоящему всемирная история» [3, с. 192].

Важной чертой всеобщей истории Вольтера стал и новый подход к отбору исторического материала. «Прежде рамками истории, – замечает в связи с этим Марк Блок, – служили битвы, политика дворов, восшествие или падение великих династий. Под их знаменами выстраивались, как придется, искусство, науки, литература. Отныне следует все перевернуть. Эпохам истории человечества придают особую окраску самые утонченные проявления человеческого духа, благодаря изменчивому ходу своего развития. Вряд ли найдется другая идея, несущая на себе столь явственный отпечаток вольтеровских когтей» [2, с. 97]. Событийно-эмпирическая история была рьяно третируема Вольтером, который противопоставлял ей историю нравов и обычаев. Свой «Опыт о нраве и духе народов» Вольтер характеризует так: «Это не книга хронологии или генеалогии. Их имеется предостаточно. Это картина веков...» [4, р. 888]. Вольтер провозглашал: «Моя основная идея – узнать, насколько я смогу, нравы людей и революции человеческого духа» [4, р. 816].

Однако, эти новые приоритеты вовсе не влекли за собой абсолютное игнорирование событийного, линейного исторического

повествования. Исторические труды Вольтера содержат обширные блоки нарративного характера. Даже если не принимать во внимание «Историю Карла XII» – первый исторический труд Вольтера, решенный еще в традиционном повествовательном ключе, то и в более зрелых исторических работах французский просветитель много внимания уделяет событийной истории. Так, в «Веке Людовика XIV» событийный блок занимает 21 главу из 39, несмотря на то что Вольтер прямо и неоднократно декларирует свой новый подход, например: «Здесь не одни только военные действия, но более человеческие нравы изображаются. Довольно без того книг, которые наполнены описаниями ничего не значащих военных происшествий и подробностями ожесточения, и несчастьями человеческого рода. Имея в предмете описания главных отличительных свойств этих переворотов, я опускаю мелочи, чтобы яснее выставить достопамятные случаи и, если возможно, сам дух ими управляющий» [5, р. 127].

Следует особо отметить, что для просветительской историографии события, выстроенные в системную взаимосвязь, имели важное философско-историческое значение. Как указывал М.А. Барг: «История не была бы в глазах просветителей научной, если бы она не усвоила принцип всеобщей связи вещей и ей не открылась возможность извлекать свои истины из универсальных оснований. История стала философской, поскольку она связала себя с принципами всеобщей каузальности, благодаря чему ей открылась связь событий» [1, с. 330]. Таким универсальным основанием стал механицизм, определивший мировоззренческий стиль эпохи, переносивший модель механистической каузальности и в область исторической картины мира, где каждое событие определено предыдущим, выстраивается в бесконечные ряды причинно-следственных связей, взаимовлияния локальных тел (физических или социальных) и локальных же причин, определяющих их поведение.

Именно в «Опыте о нравах и духе» Вольтер свел к минимуму политическую, событийную историю. Большая его часть посвящена описанию обычаев, форм правления, экономике, истории наук, искусств, быта и т.д. То есть именно здесь Вольтер наиболее последовательно реализует свою программу историописания. Но перед нами отнюдь не пример бессобытийной истории. «Опыт о нравах и духе народов» содержит сравнительно немного дескриптивного представления материала. Вышеперечисленные обычаи, формы правления, история быта, науки и искусства представлены по преимуществу в виде конкретных фактов, событий, деяний конкретных исторических лиц. Они чаще всего неотделимы от событийно-эмпирической истории. Даже сам «дух»,

«разум» (*l'esprit*), который Вольтера и провозглашал главным предметом исторических трудов в противовес событийно-политической истории, не становится предметом непосредственного описания, анализа, не выступает субъектом высказываний и суждений. Он репрезентируется не непосредственно, а через фактологическую сторону. В итоге в «Опыте» Вольтер и разрушает событийные каузально-механистические цепочки, и не создает бессобытийной истории. Какова же в таком случае вольтеровская репрезентация исторической эмпирики?

Если рассматривать типы подачи исторического материала, его композицию в «Опыте о нравах и духе народов», то первыми выступают эссеизированные очерки просветительской философии истории, в которых представлено, не столько изложение конкретного материала, сколько свободные рассуждения на некие исторические темы. Наиболее часто такой подход мы встречаем во введении к «Опыту», так называемой «Философии истории», либо в главах, где содержание носит декларируемо обобщающее содержание, например, «Общая идея XVI века» (глава CXVIII).

Второй тип представлен материалом, организованным как «состояние» (*l'etat*). Нередко наименование глав так и звучит: «Состояние Европы после смерти Людовика Благочестивого» (глава XXIV) или «Состояние Франции в X и XI веках» (глава XXXIX) и т.д. Здесь отсутствуют сюжетно-событийные нарративы, это именно описание состояния стран, регионов, указание на заметные и важные события. Главы, посвященные состоянию Европы, задают синхронный обзор по странам. Причем, нередко, это не исчерпывающие характеристики, а серия аналогичных событий, касающаяся, только какого-либо конкретного сюжета (например, роль женщин-правительниц в христианизации раннесредневековой Европы).

Третий тип содержит материал, непосредственно представляющий «нравы»: «Нравы, управление и обычаи во времена Карла Великого» (глава XIX), «Нравы, обычаи, торговля, богатства в XIII и XIV веках» (глава LXXXI) и т.д. Сюда же можно отнести науки и искусства – «Науки и искусства в XIII и XIV веках» (глава LXXXII). Третий и второй типы близки композиционно. Вольтер, реализуя культурно-историческую программу, ориентированную на дух, нравы и т.п., практически не характеризует их непосредственно, напрямую, а делает это только через эмпирический материал, приводя конкретные факты. Отказываясь от хронологически-событийного повествования, он разворачивает перед читателем общий для некоего исторического периода, но детерминистически не связанный набор фактов, который выступает аргументами тех или иных положений вольтеровского видения, понимания истории.

Четвертый тип представлен классическими нарративами. Войны, борьба за власть монархов, церковных иерархов (последнее Вольтер любит особенно), увязанные в повествовательные детерминистические ряды. Характерно, что в последних главах, посвященных позднему средневековью, нарративные блоки имеют тенденцию к увеличению.

Таким образом, декларируемый Вольтером отказ от событийной истории не выливается в отказ от событийно-фактологического материала, а скорее в отказ от выстраивания детерминистических сюжетных повествований, заменяемых дискретными фактами, сопоставленных на основе принципов эстетики классицизма.

Библиография

1. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с.
3. Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в.: Лекции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 430 с.
4. Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations. Paris: Frederick A. Praeger, 1963. Volume II.
5. Voltaire. Siecle de Louis XIV. Paris: Garnier, 1878.

Соломеин Аркадий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский имени В.В. Бобкова филиал Российской таможенной академии, г. Санкт-Петербург, Россия.

Representation of general history in Voltaire's Experience on the Morals and Spirit of Peoples: Role and Structural Organization of Empirical Material

The article discusses the forms of presentation of Voltaire's actual, eventual history, against the background of his declared rejection of traditional political history. The specificity of the relationship between the ideological and theoretical foundations of Voltaire's historical description and direct work with factual material is formulated. The types of representation of empirical material and its compositional features are described.

Keywords: world history, empiricism, determinism, narrative, history of manners, spirit

Solomein Arkadij Yurevich, Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg named after V.V. Bobkova branch of the Russian Customs Academy, St. Petersburg, Russia.

Старкова Н.Ю.

Изучение и преподавание всеобщей истории в УдГУ: эпоха профессора В.Е. Майера

В статье рассматривается история изучения и преподавания всеобщей истории в Удмуртском государственном университете. Вуз был основан в 1932 году как педагогический. Особая роль в формировании научного направления в изучении всеобщей истории и конкретно – школы по аграрной истории средневековой Германии принадлежало профессору В.Е. Майеру.

Ключевые слова: Удмуртия, университет, всеобщая история, В.Е. Майер

*«Классическое образование – есть
дело социологического отбора»*

Ф.Ф. Зелинский

Особая страница в преподавании всеобщей истории и культуры в Удмуртском государственном университете открылась с 1964 г., когда кафедру возглавил Василий (Вильгельм) Евгеньевич Майер (1918–1985). Большую часть своей жизни В.Е. Майер прожил в Удмуртии. С сентября 1945 г. по 10 февраля 1985 г. его жизнь была связана с УГПИ (с 1972 г. – УдГУ), где он прошел путь от ассистента до профессора, зав. кафедрой всеобщей истории, проректора. Здесь он вырос в крупного медиевиста-германиста, ученого-энциклопедиста, исследователя с европейским именем. Это была многогранно одаренная личность, прекрасный педагог, совершенно замечательный по своим душевным дарованиям человек.

Будучи учеником М.М. Смирин, Василий Евгеньевич многие годы занимался изучением аграрной истории средневековой Германии [2; 3]. Кроме того, параллельно он разрабатывал проблемы теории и методологии истории в приложении к другим областям медиевистики, а также с большой любовью читал курсы по истории Итальянского и Северного Возрождения.

Большое значение для интенсификации исследовательской работы по проблемам средневековой истории имела защита В.Е. Майером в 1968 году докторской диссертации, первой в УГПИ. Одной из главных забот профессора В.Е. Майера в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории стало создание коллектива единомышленников, ученых-педагогов. Именно в это время по его инициативе на кафедру были приглашены выпускница Пермского университета, ученица проф. Л.Е. Кертмана (1917–1987), специалист по новейшей истории Англии В.П. Коротова (с 1967), выпускница Казанского университета, ученица проф. А.С. Шофмана Н.С. Талашова

(1942–2000), занимавшаяся проблемами античной истории и историографии, а также вернувшийся из аспирантуры МГУ, выпускник УГПИ Н.И. Санников (1937–2013), защитивший кандидатскую диссертацию по проблемам германского неонацизма. Вскоре к ним присоединились И.Ф. Сергеенкова (с 1976), Н.Е. Цепулина (с 1977), С.С. Дерендяев (с 1976).

В университете у В.Е. Майера появились научные единомышленники в лице тех его учеников, кого заинтересовали проблемы германской истории. В результате на историческом факультете оформилось научное направление, тесно связанное с изучением средневековой Германии. Непосредственно аграрной проблематикой занимались В.А. Чиркин и Л.В. Котова, изучением историографии проблемы коллегами из ГДР увлеклась Н.Г. Шишкина, а В.В. Иванов в качестве приоритетных выбрал темы, связанные с идеологией Реформации в Германии и Швейцарии.

Профессиональное изучение истории Германии требовало от исследователей знания не только современного немецкого языка, но и его диалектов и хронологических особенностей. Преподаватели также привлекали студентов к выполнению курсовых и дипломных работ, основанных на работе с источниками и специальной литературой на немецком языке. Можно сказать, что на кафедре всеобщей истории царил атмосфера увлечения иностранными языками, в том числе и «мертвыми», осознавалась необходимость совершенствования в их изучении. Историков-медиевистов поддерживали коллеги, специализировавшиеся в древней и новой истории, а чуть позже – и этнологи.

Таким образом, в этот период сложились основные научные направления в деятельности кафедры – изучение проблем средневековой истории Европы в целом и Германии, в частности, античной истории и культуры, а также преподавание древних языков.

В середине 70-х гг. на кафедре заметно активизировалось изучение античности, историю которой преподавала Н.С. Талашова. Ее научные интересы были многогранными, включая исследования по конкретно-исторической проблематике греко-римского мира (античный полис и экономика, нравственный императив полисной экономики и т.д.). Надежду Степановну интересовали экономическая теория Ксенофонта, рассуждения Феогида о бедности, социальная этика Плутарха и другие сюжеты из источниковедения античной истории [5]. Н.С. Талашова была известным специалистом и по историографии античности и относилась к тому поколению российских антиковедов, которое прошло путь от догматического признания принципов марксистской идеологии к их переосмыслению, в данном случае на материалах исследования темы «К. Маркс и античная история».

В 1985 г. в МГУ была защищена диссертация Н.Г. Шишкиной по проблемам историографии истории классовой борьбы в Германии после Крестьянской войны, а в 1986 г. в МГПИИ – диссертация В.А. Чиркина по истории средненемецкого крестьянства начала XVI века, в ЛГУ – диссертация В.В. Иванова, посвященная отражению событий Крестьянской войны в Германии в источниках (памфлетах и программах) и реформации У. Цвингли.

Не пропали усилия В.Е. Майера и в том, что молодые коллеги в дальнейшем использовали и развивали его опыт педагога в работе со студенческой молодежью: коллоквиумы, зачеты по карте мира, совместные заседания кафедры со студентами и т.д. В 1983 г., после окончания исторического факультета УдГУ, на кафедру была приглашена Н.Ю. Старкова, продолжившая обучение в аспирантуре Горьковского пединститута по специализации античная история (научный руководитель – профессор В.М. Строецкий). Таким образом, к середине 80-х гг. стабилизировался состав кафедры, определились ведущие направления в научных исследованиях, укрепились связи с научными центрами страны. Благодаря огромной научной и организаторской деятельности Василия Евгеньевича всеобщая история в Удмуртском университете стала одним из приоритетных направлений в научной и учебной работе в последней трети двадцатого – начале двадцать первого века [6; 8].

По инициативе В.Е. Майера на кафедре всеобщей истории появилось и новое в те годы направление – этнография, а возглавил его В.Е. Владыкин. Доктор исторических наук, профессор В.Е. Владыкин в настоящее время – один из ведущих специалистов в области финно-угроведения. [7; 1]. В 1985 г., после безвременного ухода В.Е. Майера, во главе кафедры всеобщей истории встал именно В.Е. Владыкин. В это непростое время он продолжил (а во многом развил) основные направления в деятельности кафедры. С 1987 г. кафедрой руководила Н.Г. Шишкина – специалист по историографии Германии.

В 1987 г. логическим завершением процесса становления коллектива стало разделение на два специализированных направления – историю древнего мира и средних веков, а также новую и новейшую под руководством Н.И. Санникова. В области новой и новейшей истории приоритетными направлениями стало изучение культуры западной Европы в новое и новейшее время (И.Ф. Сергеевкова), особенностей европейской политической культуры (В.В. Пушкарёва), характеристика американского консерватизма как политической модели (В.Р. Золотых) и ряд других. Дело В.Е. Майера в области германистики продолжает В.В. Иванов, плодотворно исследующий вопросы Реформационного движения в Европе и проблематику раннего нового времени.

Библиография

1. Владыкин В.Е. Диалог продолжается / Сост. А.А. Арзамазов; отв. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск, 2018. 400 с.
2. Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (Развитие производительных сил). Л., 1979. 169 с.
3. Майер В.Е. Крестьянство в немецких землях к западу от Эльбы и в Австрии в XVI – середине XIX вв. // История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 3. С. 126–144.
4. Старкова Н.Ю. Мои университеты: страны и люди. Культурологические очерки: учебное пособие. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. 212 с.
5. Талашова Н.С. Избранные труды: В 2-х т. / Сост. В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков, Н.О. Талашов. Иваново: Изд. Центр «Юнона», 2001.
6. Шишкина Н.Г., Владыкин В.Е. Научно-педагогическое наследие профессора В.Е. Майера // Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск к 80-летию профессора В.Е. Майера. Ижевск: изд-во УдГУ, 1998. С. 3–18.
7. Этнос, культура, человек. Материалы международной научной конференции. К 60-летию доктора исторических наук профессора В.Е. Владыкина. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2003.
8. Nadeschda Starkova, Andrei Turkewitsch und Natalya Schischkina W.J. Meyer und Agrargeschichte des mittelalterlichen Deutschlands // Europäische Interaktionsfelder. Studies in Euroculture. Band 3. Univeritatverlag.Gottingen. 2017. S. 249–261.

Старкова Надежда Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; nadstark@yandex.ru

The study and teaching of universal history at UdSU: era of professor V.E. Mayer

The article focuses on the history of the research and teaching of General History in Udmurt State University. This educational institution was established as a Teacher Training Institute in 1932. V.E. Mayer, an expert in Agrarian History of Medieval Germany played the major role in the development of the scientific school.

Keywords: Udmurtia, university, General History, V.E. Mayer

Starkova Nadezhda Yurevna, Candidate of History, Associate Professor, Udmurt state University, Izhevsk, Russia; nadstark@yandex.ru

УДК 94(410):378»18/19»

Чернова Л.Н.

Британские штудии в Саратовском университете в XX – начале XXI века

В статье рассматриваются основные проблемы британской истории, нашедшие отражение в научном творчестве М.М. Ябровой и Т.В. Мосолкиной. Анализ их работ позволяет выделить приоритетные направления исследований. Во-первых, это ранняя колониальная экспансия Англии в XVI–XVII вв. как один из важнейших методов первоначального накопления капитала. Во-вторых, изучение истории английского

города XIV–XVII вв. как системного явления, в котором взаимодействуют экономические, социальные, политические и социокультурные практики.

Ключевые слова: Саратовский университет, кафедра истории средних веков, М.М. Яброва, Т.В. Мосолкина, Англия, ранняя колониальная экспансия, средневековый город

В данной публикации остановимся на британских штудиях сотрудников кафедры истории средних веков, учрежденной в Саратовском университете вместе с историческим факультетом в 1935 г., восстановленной в 1949 г. и воссозданной усилиями С.М. Стама (1913–2010).

В начале 1950/51 учебного года на работу на кафедру истории средних веков Саратовского университета была направлена Мария Моисеевна Яброва (род. в 1923 г.), окончившая аспирантуру Ленинградского университета. В 1951 г. под научным руководством О.Л. Вайнштейна (1894–1980) она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Начало колониальной экспансии Англии (70–80-е гг. XVI века)» [2, с. 5]. Поиск истоков, причин феномена превращения Англии в одну из крупнейших колониальных империй мира – интереснейшая исследовательская проблема.

В 1966 г. вышли «Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления» [14], где были систематизированы исследования М.М. Ябровой в этой области. Исследуя начальный этап колониальной экспансии Англии, который исследователь рассматривала в качестве одного из важнейших источников первоначального накопления капитала, она обратилась к нескольким аспектам этой проблемы: пропаганде колониальной экспансии в XVI – начале XVII в., ранним колониальным экспедициям и началу колониальных войн, методам колониального проникновения.

М.М. Яброва приходит к выводу, что для снаряжения экспедиций были необходимы люди и денежные средства, для привлечения которых требовалось разъяснить, какие выгоды сулит колониальная эксплуатация, важно было убедить королевскую власть в необходимости колониальных захватов для государства. Эти задачи призвана была решить пропагандистская литература, распространившаяся в Англии в XVI–XVII вв. [14, с. 16]. При этом правительство поддерживало экспедиции Джильберта и Рэли не только из материальных соображений, но и внешнеполитических. Особенно ярко это прослеживается при изучении англо-испанских и англо-голландских колониальных противоречий [14, с. 87–103].

Выясняя социальный состав людей, финансировавших экспедиции, Мария Моисеевна показывает, что доминировали среди них купцы Лондона и провинциальных городов – Саутгемптона,

Эксетера, Бристоля, Плимута и др. Автор обоснованно замечает, что роль «городов в общей внешней торговле Англии XVI–XVII вв. еще крайне мало изучена» [14, с. 78–83]. Этот тезис сохраняет свою актуальность и сегодня.

М.М. Яброва проанализировала методы раннего колониального проникновения Англии и их эволюцию. Среди них – изгнание туземного населения с насиженных мест и захват их территорий, прямое насилие, система заложничества, вмешательство во внутренние дела того или иного государства, игра на внутренних противоречиях в своих интересах, неравноправные договоры и колониальная торговля, религия, теснейшим образом связанная с насилием [14, с. 104–128].

М.М. Яброва показала, что для осуществления колониального подчинения и колониальной эксплуатации совершенно необязателен был территориальный захват. Содержание колониальной экспансии значительно шире: создание какого-либо форта и даже простая торговля уже были началом колониального проникновения [14, с. 134].

Впоследствии это научное направление получило развитие в исследованиях Татьяны Валентиновны Мосолкиной (род. в 1954 г.) о пропаганде колониальной экспансии в Англии XVII в. В 1983 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Пропаганда колониальной экспансии в Англии в начале XVII в.», а также увидели свет ряд статей автора [напр.: 10; 7].

С начала 1970-х гг., в контексте смены исследовательского вектора кафедры, М.М. Яброва обратилась к изучению истории английского позднесредневекового города и зарождения раннего капитализма в Англии. Результаты исследований нашли отражение в серии статей автора, а общие итоги были подведены в монографии «Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века)» [13], вышедшей в свет в 1983 г. и в 1985 г. защищенной в Саратове в качестве докторской диссертации [2, с. 8]. Выбор хронологических рамок дал возможность М.М. Ябровой проследить эволюцию городских истоков капитализма в Англии на материале Лондона. Основными вопросами, которые поднимает автор, являются: развитие купеческого капитала и зачаточных форм капиталистического производства, возникновение ливрейных, купеческих по сути, компаний, развитие разных форм кредита и внешней торговли. Подлинно критический подход к разнообразным источникам, глубина их анализа и строгая логика изложения позволили М.М. Ябровой сделать основательно фундированные выводы. Главный из них нацеливает на городские истоки английского капитализма и заключается в том, что корни

капиталистических отношений в Англии уходят в историю ее городов, в XIV в.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. М.М. Яброва обратилась к малоизученной деловой переписке лондонских купцов семьи Сели (вторая половина XV в.). Перевод данных писем со староанглийского и комментарии к ним явились основой для сборника источников [3] и ряда статей. В данной публикации хотелось бы специально остановиться только на одной из них, посвященной проблеме этики в торговле Англии XV в. [12]. М.М. Яброва показывает, что в XV в. купцы стремились «сохранить свое доброе имя, репутацию, выглядеть в глазах партнеров и общества не только процветающими, но и порядочными деловыми людьми, на которых можно положиться» [12, с. 78]. Автору удалось выявить ряд механизмов, способствовавших закреплению определенных этических норм во взаимоотношениях между купцами. Это – сложившиеся традиции, постановления компаний, королевская политика [12, с. 83]. Но главное: «...само товарное производство предполагает определенную рыночную честность, деловую порядочность... сама стихия рынка заставляла вырабатывать гарантии...» [12, с. 82]. Фактически, М.М. Яброва стоит у истоков изучения социальной психологии горожан в отечественной историографии.

Проблема английского города в Средние века и Раннее Новое время на многие годы определила «лицо» кафедры истории средних веков и продолжает сохранять свою актуальность сегодня. Социальная и политическая история Бристоль XIV–XV вв. и Йорка XV в., городская повседневность, социальная психология и культурные запросы горожан Англии в XIV–XVII вв. получили всестороннее освещение в переводе и публикации уставов бристольских ремесленных цехов [1] и в исследованиях Т.В. Мосолкиной [напр.: 8; 9; 6; 4]. В 1997 г. Т.В. Мосолкина защитила в Саратове докторскую диссертацию по социально-экономическому развитию Бристоль в XIV–XV вв., материалы которой получили отражение на страницах монографии [5]. В 2017 г. увидела свет новая монография Т.В. Мосолкиной [11], отразившая произошедшие за последние десятилетия методологические изменения в отечественной медиевистике и новистике. Исходя из нового понимания социальной истории, автор рисует яркую картину английского жизненного уклада и менталитета во времена Столетней войны, военных конфликтов с Бургундией и Шотландией, войн Алой и Белой Роз, в эпоху Реставрации.

Таким образом, обращение к научным интересам в изучении британской истории на кафедре истории средних веков Саратовского университета отражает смену исследовательских приоритетов

и методологических подходов в отечественной историографии на протяжении XX – начала XXI вв.

Библиография

1. Бристольские ремесленные цехи в XIV–XV веках. Сб. текстов / пер., ст. и прим. Т.В. Мосолкиной. Саратов: Издательство «Слово», 1995. 96 с.
2. Галимичев А.Н., Мосолкина Т.В. М.М. Яброва – видный историк-медиевист // Средневековый город. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: «Научная книга», 1998. Вып. 12. С. 5–11.
3. Купцы-складчики Кале. Деловая переписка семейной компании Сели / пер. со староангл., вступ. ст., примеч. М.М. Ябровой; ред. С.М. Стам. Саратов: «Научная книга», 1998. 160 с.
4. Мосолкина Т.В. Борьба за власть в среде городской элиты Англии в XIV–XV веках // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 195–198.
5. Мосолкина Т.В. Город Бристоль в XIV–XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. 214 с.
6. Мосолкина Т.В. Город Йорк и англо-шотландские противоречия во второй половине XV века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 309–312.
7. Мосолкина Т.В. Джон Смит – авантюрист, колонизатор, теоретик // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2002. Вып. 8. С. 408–415.
8. Мосолкина Т.В. Культурная и интеллектуальная жизнь английского города эпохи Реставрации в восприятии современников // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 17–20.
9. Мосолкина Т.В. Преступность в английском средневековом городе в последней трети XV века (на материалах города Йорка) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 57–60.
10. Мосолкина Т.В. Пропагандистская деятельность С. Пэрчеса и английское купечество первой трети XVII века // Средневековый город. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. Вып. 8. С. 157–162.
11. Мосолкина Т.В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с. (MEDIAEVALIA)
12. Яброва М. М. Торговля и этика (на материале Англии XV века) // Средневековый город. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: «Научная книга», 1997. Вып. 11. С. 77–84.
13. Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 230 с.
14. Яброва М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966. 134 с.

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; larisachernova@mail.ru

British studies at Saratov University in the XX – early XXI centuries

The article discusses the main problems of British history, which are reflected in the scientific work of M.M. Yabrova and T.V. Mosolkina. Analysis of the researchers' work allows to identify priority areas in their study. Firstly, it is the early colonial expansion of England in the 16th – 17th centuries as one of the most important methods of initial capital accumulation. Secondly, the study of the history of the English city of the 14th – 17th

centuries as a systemic phenomenon in which economic, social, political and sociocultural practices interact.

Keywords: Saratov University, Department of History of the Middle Ages, M.M. Yabrova, T.V. Mosolkina, England, Early colonial expansion, Medieval City

Chernova Larisa Nikolaevna, Doctor of History, Assistant Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia; la-risachernova@mail.ru

УДК 069 (460)

Горшкова К.Г.

Вклад археолога Луиса Сирета в музейно-выставочное дело Испании

В статье анализируется вклад Луиса Сирета в исследование археологических памятников Иберийского полуострова, открытие главных археологических культур Альмерии. Находки, сделанные Сиретом, вошли в состав экспозиции Национального археологического музея (г. Мадрид) и стали основой для создания Музея Альмерии.

Ключевые слова: Испания, музей, археология, Альмерия, Луис Сирет

«...чего не хватает провинции Альмерия и остальному юго-востоку Испании, так это крыши, чтобы стать огромным и непревзойденным музеем предыстории и протоистории», – так говорил Луис Сирет – человек, отчасти создавший эту «крышу».

Луис Сирет – горный инженер, ставший не только одной из самых значимых фигур европейской археологии конца XIX – начала XX века, но и – несомненно – отцом научной археологии в Андалусии, одним из пионеров внедрения современного археологического метода в Испании. Будучи в 1880 году нанятым горнодобывающей компанией для работы на рудниках Сьерра Альмагера (Sierra Almagrera), он развивает в течение первых семи лет пребывания в Альмерии свою археологическую деятельность, производит раскопки, которые приводят к открытию двух наиболее важных культур периода поздней предыстории Пиренейского полуострова: Лос Милльярес (Los Miliars, середина III тыс. до н.э.) и Эль Аргар (El Argar, 1800–1550 гг. до н.э.).

Луис Сирет и Селс (Louis Siret y Cels) родился в 1860 году в Сен-Николя-де-Ваесс (Бельгия) и получил образование инженера-строителя, как и его старший брат Анри. Оба брата окончили Горный институт в Бельгии, но большую часть трудовой деятельности провели в Испании. Особенно плодотворной стала деятельность младшего. Получив диплом, в возрасте 21 года, он отправился на серебряные рудники в Испанию к брату Анри, где и остался до конца дней.

Провинция Альмерия была известна как земля, богатая серебром и золотом, а потому привлекавшая людей. Действительно, в ходе работ братья обнаружили древние пещеры Алманзора, Парасуэло, свидетельствующие о высокой плотности проживавшего на этой территории населения, начиная от эпохи палеолита. В течение 1883–1886 годов братья Сирет, совместно с другом и помощником П. Флоресом, исследовали сотни поселений и некрополей. Обнаруженные драгоценные артефакты требовали немедленного осмысления и систематизации. И в 1887 году выходит в свет совместный труд «Ранняя эпоха металла на юго-западе Испании» (*Les premiers âges du metal dans le sudest de l’Espagne*). Первый том содержал не только подробное описание раскопок, но и попытку осмысления места каждого открытого памятника в древнейшей истории полуострова. Второй том представляет из себя альбом с 800 фотографиями, планами, видами исследованных артефактов, не утративший своего значения по сей день.

В 1886 году Анри возвратился на родину, а Луис остался трудиться в Испании. В 1887 году в условиях отсутствия правовых норм он отправляет старшему брату по железной дороге коллекцию, собранную ими для продажи в различные музеи, такие как Британский музей в Лондоне, или частным лицам, к примеру, графу Кавенсу. Последний позже подарил большую часть приобретенной коллекции бельгийскому правительству, и она в конечном итоге составила собрание Королевского музея истории и искусства в Брюсселе (*Royaum d’Art et d’Histoire*).

Луис Сирет продолжает деятельность в одиночку. Инженерные работы заставляют его постоянно перемещаться между Мурсией и Андалусией, где и сосредоточились его основные археологические находки, среди которых некрополь Вильяркос (*Villaricos*), поселение и некрополь Лос-Мильярес (*Los Millares*). В 1892 году впечатляющие находки Луиса Сирета отразятся в работе «Испанская Предыстория» (*L’Espagne Préhistorique*).

Более 50 лет Луис Сирет исследовал многочисленные материалы испанской археологии: от палеолитической эпохи до римского времени. Именно ему принадлежит открытие памятников, имеющих огромное значение для европейской археологии: халколитического поселения Лос Мильярес (*Los Millares*), культуры эпохи бронзы Эль Апрап (*El Argar*), поселений Эль Гарсель (*El Garcel*), Эль Офисо (*El Oficio*), Фуэнте Аламо (*Fuente Álamo*). Находки были столь увлекательны и информативны, что были показаны на международных выставках в 1889 году в Париже, а в 1929 году – в Барселоне.

Значительным оказался и непосредственный вклад ученого в музейное дело Испании. За годы исследований дом Сирета

в Эррерияс (Herrerías) стал не только настоящим музеем, в котором размещалось огромное количество различных материалов, полученных во время раскопок, но и исследовательским центром, привлекающим других археологов научной ценностью созданного архива, собранных коллекций. В 1928 году, за несколько лет до смерти, Луис Сирет пожертвовал их испанскому государству, одна часть которых переходит на хранение в Национальный археологический музей (г. Мадрид), а другая часть послужит фундаментом для создания Музея Альмерии.

В Национальном археологическом музее часть поступивших артефактов заняла свое место в экспозиции, а весь документальный фонд был объединен в единый архив, носящий название Архив Сирета. Его составляют более чем полтора сотен дневников раскопок, ценные рукописи, переписка между Сиретом и его бригадиром Флоресом, а также огромное количество рисунков, фотографий, заметок, досье и научных трудов по археологии. Наряду с этой документацией археологического характера, музей хранит корреспонденцию Анри и Луиса Сирета – переписку с научными деятелями того времени и учреждениями, заинтересованными в их работах, журнальные и газетные публикации конца XIX – начала XX веков. На сегодняшний день весь архив оцифрован и доступен для ознакомления.

Музей Альмерии является одним из передовых музеев провинции Альмерия и хранит крупнейшую археологическую коллекцию данного региона. Музей был открыт в 1933 году, его основу составили предметы, переданные Провинциальным комитетом Альмерии по памятникам, и значительные пожертвования Луиса Сирета, которого и считают отцом-основателем музея. В пространстве музея соединена презентация экспонатов, графиков, иллюстраций, аудиовизуальных средств и макетов, направленных на показ двух главных исторических культур данного региона (Лос Мильярес и Эль Аргар). Посетителей приветствует инсталляция, называемая «Облако Сирета». Она представляет из себя фотоснимки и иллюстрации, взятые из документов и публикаций Сирета.

Без сомнения, горный инженер и археолог-любитель не мог в полной мере отобразить и изучить древнюю историю Пиренейского полуострова, но его трудолюбие, знание геологии, тщательная полевая работа и точность в интерпретации стратиграфии делают его одним из авторитетных специалистов в Европе и позволяют использовать его труды в современных исследованиях.

Библиография

1. Сайт музея Альмерии. – URL: <http://www.museosdeandalucia.es/web/museodealmeria> (дата обращения: 10. 10.19).

2. Aixà Vidal, Ruth Maicas y Francisco Gago. Luis Siret, restaurador y arqueólogo experimental // I Congreso de Prehistoria de Andalucía. Memorial Siret, 2011. P. 623-626.
3. Ruth Maicas Ramos. Luis Siret y la Arqueología de la Península Ibérica. – URL: <http://www.man.es/man/dam/jcr:5817ac87-f01c-4bf7-9bca-324299a9ec94/articulo-sobre-louis-siret---ruth-maicas-16-03-2015.pdf>
4. Aurora Ladero Galán, Concha Papi Rodes, Mónica Martín Díaz. Memoria del proyecto de catalogación y digitalización del fondo documental de Louis Siret Cels. – URL: <http://www.man.es/man/dam/jcr:04978345-eb3f-48b9-91e8-991cb5f0a597/memoria-siret-actualizada-02-03-2015.pdf>

Горшкова Ксения Георгиевна, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; ksjshag@mail.ru

Contribution of the archaeologist Luis Siret to the museum and exhibition space of Spain

The article analyzes the contribution of Luis Siret to the study of archaeological sites of the Iberian Peninsula, the discovery of the main archaeological cultures of Almería. The finds made by Siret were included in the exposition of the National Archaeological Museum (Madrid) and became the basis for the creation of the Museum of Almería.

Keywords: Spain, museum, archeology, Almería, Luis Siret

Gorshkova Kseniia Georgievna, postgraduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; ksjshag@mail.ru

УДК 94:5

Шпак Г.В.

Типологизация в истории на примере европейских травелогов XVII – XVIII вв.

Схематичное описание исторического процесса, нацеленное на выявление определенных типов явлений, часто вызывает многочисленные дискуссии. Любое наименование есть метафоризация, характеризующая группу явлений по ряду характерных признаков, но при этом признаки, не включенные в смысловое ядро метафоры, вычеркиваются из общего концепта, оптика исследователя лишается возможности их восприятия. Автор выделяет три типа репрезентативных стратегий, характерные для европейских травелогов XVII–XVIII вв. – мифопоэтический, механистический и органицистский. В статье на их основе рассматриваются возможные плюсы и минусы подобных типологизаций.

Ключевые слова: историческая метафора, историческая типология, травелог, репрезентация образов времени, репрезентация образов пространства

Несмотря на то что метафоризация в истории является одним из ключевых инструментов познания, вычленение исторических процессов по ряду признаков и их включение в отдельные группы часто затрудняет восприятие исторического процесса в целом, обязывая историка играть по правилам, диктуемым метафорическими

схемами. Достаточно вспомнить многочисленные споры вокруг правомерности использования понятия «феодализм» в контексте российской истории, о границах между «средневековьем» и «новым временем» или о «типах научной рациональности» В.С. Степина. Периоды, на которые ученые традиционно делят историю человечества, являются характерными примерами макро-метафор. С одной стороны, они задают определенные границы исторического знания, позволяющие ориентироваться в потоке данных, с другой – создают иллюзию понимания, подгоняя единичные факты под гипотезу, обусловленную метафорой. Изначально в любой типологии заложена основа для критики, поскольку ряд характеристик или явлений неизбежно оказывается за пределами выделенных групп.

Но возможно ли исследование независимое от власти метафоры? Язык по определению метафоричен – «человек воспринимает неизвестное по аналогии с известным, метафорически упорядочивая опыт» [1, с. 115]. Суть языка обуславливает его метафоричность: «Не бывает такой вещи, как неметафорический язык» [2, с. 43]. В истории помимо макро-метафор встречаются и более ограниченные по сумме охватываемых явлений классификации, такие как, например, «идеальные типы», введенные М. Вебером.

Существует ряд типологических схем, позволяющих классифицировать исторические источники по определенным принципам. Например, в работе Л. Дастон и П. Галисона «Объективность» рассматриваются изменения взаимоотношений между ученым и изображаемыми объектами. Л. Дастон приводит классификацию репрезентативных стратегий авторов от начала нового времени до двадцатого века по принципу «эпистемологических добродетелей», выделяя несколько основных типов, которые в русском издании переведены как «истина по природе», «механистическая объективность» и «тренированное суждение» [3]. Однако подобное деление спровоцировало критику. В рецензии на «Объективность» Клаус Хентшель пишет: «Дастон и Галисон больше заняты поиском паттернов или стилей репрезентаций, норм и идеалов ученых и иллюстраторов, чем выявлением особенностей и деталей самих репрезентаций» [4, с. 329-331]. Причиной критики может служить перенос типологизации с исторического источника на историю мышления и восприятия в целом, то есть на макроуровень, однако без подобного переноса источники будут оторваны от исторической реальности, что сведет к минимуму гносеологическое значение исследования. Есть и другие примеры сведения типов источников к истории мышления в целом. В сборнике «Очерки естественнонаучных знаний в древности» приведена схема В.Н. Топорова, разделяющего типы мышления на мифопоэтический, исторический и

естественнонаучный [5, с. 9]. Стремясь избежать подобного переноса, К. Хенштель говорит об особенностях своего подхода: «Стремление избежать подводных камней микроисторических исследований; параллельный анализ многих компаративных случаев; не принудительный анализ, а по возможности ориентир на категории, представленные автором источника; движение снизу от материального; намеренное обобщение за пределами выбранной области; внимание к контексту и осторожность со структуралистскими описаниями исторических процессов» [4].

В ходе анализа европейских травелогов XVII–XVIII вв. мной были выделены три основные стратегии репрезентации образов пространства, на основе которых вся совокупность травелогов была разделена на три группы – мифопоэтических, механистических и органицистских.

Мифопоэтическая модель восприятия фиксируется у народов, в культуре которых отсутствуют единые конвенциональные стратегии репрезентации образов пространства-времени. С распространением христианства многие черты, характерные для мифопоэтического восприятия сохраняются, но в то же время возникают и новые инструменты репрезентации, такие как геометрическое измерение конкретных объектов реальности и включение образов пространства в границы времени за счет отсылки к событиям, описываемым в сакральных текстах. Мифопоэтические формы описания встречаются и в XVIII в., в том числе на страницах академических путешествий. В мифопоэтическом восприятии основа описания не задана априорной схемой, а исходит из опыта и языка, власть дискурса является фактором, детерминирующим описание пространства.

К XVII в. в Британии окончательно утверждается идея устойчивости и стабильности мира, что в свою очередь открывает новые пути фиксации образов пространства-времени. Мир по-прежнему воспринимается в качестве божественного творения, но наделяется собственной эпистемологической автономностью. Эмпирическое восприятие становится основным инструментом познания. Начинают собираться и изучаться материальные остатки прошлого, таким образом пространство начинает описываться как результат суммы прошедших событий. Утверждается механистическая модель восприятия реальности. Но уже в травелогах конца XVIII – первой половины XIX в. заметна трансформация авторских установок, сделавшая возможным смещение акцентов с математически точного описания внешнего на фиксацию собственных ощущений. Пространство теряет свойство независимого объекта, становясь полем для выражения субъективного отношения автора. Травелог, составленный в данном ключе, соотносимы с органицистской научной

парадигмой. К середине XIX в. схемы механистического описания остаются только в научных кругах.

Проблема данной типологии заключается в том, что она переходит на макроуровень, становясь фреймом для последующего описания травелогов. Однако в этом и есть ключевая особенность типологизации как инструмента исторического познания. С одной стороны типы являются метафорами, уводящими исследователя в сторону от индивидуальных характеристик объектов, с другой позволяют систематизировать и упорядочить получаемые из источников результаты и таким образом являются инструментом, позволяющим исследователю не потеряться в череде исторических фактов и не утонуть в море исторических источников.

Библиография

1. Потапова Н. Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.
2. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
3. Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
4. Hentschel K. Review of Lorraine Daston & Peter Galison: Objectivity // CENTAURUS. 2008. № 50. P. 329-331.
5. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., 1982.
6. Шпак Г.В. Репрезентация образов времени и пространства в европейском травелогe XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2018. 22 с.

Шпак Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; geo.shpak@gmail.com

The typology in history on the example of European travelogues of XVII–XVIII centuries

A schematic description of the historical process as identifying certain types of phenomena leads to lively discussion. Any name is a metaphorization that characterizes a group of phenomena according to a characteristic sign. At the same time, signs that are not included in the semantic core of a metaphor are deleted from the general concept of paper. The researcher's optics not tuned to their perception. The author identifies three types of representative strategies in European travelogues of XVII–XVIII centuries. – mythopoetic, mechanistic and organicistic. The article discusses pro et contra of such typologies.

Keywords: historical metaphor, historical typology, travelogues, representation of time, representation of space

Shpak Georgij Vladimirovich, Candidate of History, Junior Researcher, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; geo.shpak@gmail.com

УДК 94:378

Ferrando Llimós E.

**Diachronic approach to the history teaching.
From the Historical Canon to the Social History**

The objective of this article is to expose, in a diachronic way, the history of teaching from its beginnings, based on the so-called historical canon, to the current paradigm based on the teaching of the social history of man. From these initial approaches, the effects caused by the inclusion of the historical canon in the curricula will be exposed, to subsequently enter into the current alternative of the didactics of History, both from a theoretical and practical point of view.

Keywords: History Teaching, Historical Canon, New History, Social History, Critical Thinking

1. The forging of national consciousness. The historical canon

History teaching, since its beginnings, has been clearly influenced by politics [7, 2009]. In the Republic of Plato, the Athenian philosopher already spoke of the morality of the different groups that make up the polis, and of what each of them contributes to society, the role of the historian being that of moralist [1, 2012]. Subsequently, already in the Middle and Modern Age, Christian morality will be the one that takes full prominence by basing the historical account on the theocentricist Augustinian theological model with its linear vision of time, which ranged from Genesis to Revelation [Blanco, 2007; Ruiz, 2010 in 1, 2012].

With the arrival of the Enlightenment, in the eighteenth century, with the emergence of a new national consciousness, they will be when the foundations of modern historical knowledge are established, based on the need to study the facts of the nation [3, 2013]. It will be in this new context when history appears in the educational scenario linked to the formation of these national states [5, 2001]. Already during the nineteenth century, in full bourgeois positivism and nationalism, in almost all western countries history is incorporated as an educational subject, both in the first and second teaching, while creating university studies of this specialty [4, 2010]. With the conformation of these states, the need for the formation of a national identity grows where the former subjects are now citizen-subjects [2, 2006]. In this way, pedagogical models appeared whose objectives were none other than to make history a means

of internalizing a collective identity by issuing symbols to reinforce the feelings of belonging to a community [Oslak, in 2, 2006].

It will be already in the XX when there was a change in the epistemology of history, with the appearance of the Annals as a review of the theory of history proposed by Marxism. With the contribution of the School of the Annals, history leaves behind the previous political-military factual positivism, to give way to social and economic history [8, 2005].

2.1. The alternative to the canonical teaching of history. The emergence of the New Story

In October 1968, Mary Price published an article entitled: *History in danger* in the British magazine *Historical Association*. In it, the author exposes the problems of history teaching, a subject in the process of disappearing subsumed in the Social Sciences. It was clear that the situation should change, and it will be on the basis of this idea that the Schools Council created in 1972 *Project 13–16* with the aim of developing a new history teaching, a methodology that contemplated, for the first time, the elimination of the traditional and chronological curricular order of British national history, now based on an infinite amount of small structures of knowledge about what people did in the past [7, 2009]. The «New History» was born, which no longer consisted of a block of historical facts, but of basic concepts typical of historical thought: evidence, continuity and change, cause and empathy. And most importantly, history became a way of reasoning and thinking, a method of investigating, based on critical thinking, to create images of the past avoiding mere memorization (7, 2009).

2.2. Didactic approach to social history

According to the arguments that have been made, it will be Symcox and Wilschut [7, 2009] who propose the following methodological framework on which to base a curriculum:

- Flee the canon although accepting a certain contextual framework. In this sense, Prats and Santacana [6, 2011] recommend the study of significant events, characters and events, such as wars, great landmarks and biographies.

- Include lessons in a context of world history.

- Include knowledge about the cultural, society, economy, anthropology or migration.

- Put man at the center, before the nation-state.

3. Practical development. The methodology

Prats and Santacana [6, 2011] propose the following practical framework, based on the method by discovery:

- Problem situation. From a question and an exposition of a given situation, the resolution of questions that the student must elucidate is raised.

– Unique case study. It is about starting from a very limited topic and with enough apprehendable and parsable data that allows us to re-compose an explanation.

– Work for projects. It is about offering the possibility of carrying out an “investigation” that builds a report based on a topic.

– Dramatizations or simulations. Development of dramatized performances where students take the place of historical figures.

Bibliography

1. Alcaraz, Amparo. Pastor, Montserrat, “Tendencias de la historia como objeto de enseñanza a través de la Historiografía” en *Didácticas Específicas*, nº 6, Madrid, Universidad Autónoma de Madrid, 2012, pp. 114-139. – URL: https://repositorio.uam.es/bitstream/handle/10486/10852/54136_6.pdf?sequence=1

2. Gonzales, Paula, “Conciencia histórica y enseñanza de la historia: una mirada desde los libros de texto” en *Enseñanza de las Ciencias Sociales*, nº. 5, Barcelona, Universidad de Barcelona, 2006, pp. 21-30. – URL: <http://www.redalyc.org/pdf/3241/324127625003.pdf>

3. Molina Sebastián, Rodríguez, Raimundo. Sánchez, Raquel, “Investigar, enseñar y divulgar la historia social: la experiencia del Seminario y grupo de investigación Familia y Élite de Poder de la Universidad de Murcia” en *Proyecto Clío* nº39, Murcia, Universidad de Murcia, 2013. – URL: <http://clio.rediris.es/n39/articulos/historiasocial/MolinaRodriguezSanchez.pdf>

4. Prats, Joaquín, *En defensa de la Historia como materia educativa*, Barcelona, Departament de Didàctica de les Ciències Socials, Universidad de Barcelona, 2010.

5. Prats, Joaquín, *Enseñar Historia: notas para una didáctica renovadora*, Mérida, Junta de Extremadura. Dirección General de Ordenación, Renovación y Centros, 2001.

6. Prat, Joaquín. Santacana, Joan, *Didáctica de la Geografía y la Historia*, Barcelona, Editorial Grao, 2011.

7. Symcox, Linda y Wischut, Arie, *National History Standards. The problem of the Canon and the Future of teaching History. A Volume in international review of History Education*. Alabama, Universidad de Alabama, 2009.

8. Tribó, Gemma, *Enseñar a pensar históricamente. Los archivos y las fuentes documentales en la enseñanza de la historia*, Barcelona, Cuadernos del profesorado. I.C.E Universidad de Barcelona, 2005.

Ferrando Llimós, Ernesto, PhD, Senior Professor, Kazan Federal University, Institute of International Relations, department of Foreign Languages for international Relations; Senior professor. International Latin American University (UNINI). Arecibo (Puerto Rico). Department of Training of Teachers of Spanish as a Foreign Language; ernesto.ferrando@unini.org; LFerrando@kpfu.ru

Диахронический подход к преподаванию истории. От исторического канона к социальной истории

Цель статьи состоит в том, чтобы диахроническим образом раскрыть историю преподавания, начиная с ее начала, основанной на так называемом историческом каноне, и нынешней парадигмы, основанной на преподавании социальной истории человека. Исходя из этих первоначальных подходов, последствия, вызванные включением исторического канона в учебные планы, будут открыты для последующего включения в нынешнюю альтернативу дидактики истории как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Ключевые слова: преподавание истории, исторический канон, новая история, социальная история, критическое мышление

Феррандо Лымос Эрнесто, PhD, старший преподаватель, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; старший профессор, Международный латиноамериканский университет (UNINI), г. Аресибо, Пуэрто-Рико; ernesto.ferrando@unini.org; LFerrando@kpfu.ru

УДК 94:373»17»

Ковалев А.В.

Феномен Просвещения в школьных учебниках истории

На примере учебников истории для средней школы в статье рассматриваются и анализируются идеи эпохи Просвещения. Автор акцентирует внимание на основных идеях французских просветителей. В статье рассматривается феномен Просвещения в контексте системы ценностей.

Ключевые слова: Просвещение, идеи, XVIII в., школьные учебники, изучение истории

В школьной учебной литературе феномен Просвещения прочно занял свое место, но понимается и оценивается он по-разному. Проблема Просвещения тем или иным образом связана с событиями Французской революции, что придает ей дополнительный смысл [2]. При изучении Нового времени она осмысливается в учебниках по всеобщей истории для 7 и 10 классов.

Д.Д. Данилов и другие авторы учебника Всеобщей истории для 7 класса в словаре определяют Просвещение как эпоху господства в истории европейской культуры определенных идей. К ним относятся идеи рационализма, прогресса, равенства людей, естественных прав и общественного договора [1, с. 299].

Д.Д. Данилов и соавторы подчеркивают тезис европейских философов о несовершенстве общества, идеях его переустройства. В учебнике выражается взгляд просветителей на человеческую историю как движение от «невежества и предрассудков к познанию мира», т.е. идея общественного прогресса [1, с. 204].

Авторы учебника акцентировали внимание на разнообразии идей Просвещения. Они представили идеи Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, А. Смита, Д. Дидро. Так, говоря о Вольтере, авторы делают вывод о том, что он «громил средневековые традиции», правда, они не объясняют, какие именно [1, с. 205]. При характеристике идей Ж.-Ж. Руссо речь идет о проблемах частной собственности,

неравенства, о праве народа на восстание, демократической республике и прямом правлении народа.

Кроме того, в учебнике рассматривается развитие науки на примерах достижений И. Ньютона, П.-С. Лапласа, Г. Лейбница, которые способствовали разрушению «прежней картины мира и созданию нового научного мировоззрения» [1, с. 208].

Существенное место среди проблем Просвещения в учебнике занимают вопросы религии. Авторы отметили различие взглядов просветителей на место бога в мире, «вместо веротерпимости просветители выдвинули идею свободы совести», т.е. выбора веры либо атеизма [1, с. 204]. В учебнике также рассматривается и развитие искусства в период Просвещения.

В учебнике О.Ю. Климова, В.А. Земляничина, В.В. Носкова для 10 класса, вышедшем под редакцией В.С. Мяникова, Просвещение оценивается как «одно из самых влиятельных идеологических движений во всей мировой истории» и как «важнейшая предпосылка Великой французской революции» [3, с. 251].

Центральное место среди просветителей в учебнике занимают французские, которые представлены лишь как создатели совершенно определенной идеологии, в основе которой лежал рационализм. По мнению авторов, «благодаря просветителям утвердилась наивная вера во всемогущество человеческого разума, за которым признавалась способность до конца познать и объяснить весь мир, а затем преобразовать его на основе полученного знания» [3, с. 200].

Авторы считают, что Просвещение привело к тому, что «европейцы уверовали в непрерывный прогресс, в неизбежное движение человека к лучшему будущему и всеобщему счастью». Однако, настаивают авторы учебника, «в реальности же происходило лишь ниспровержение всех признанных авторитетов, разрушение всех духовных и нравственных связей, скреплявших общество» [3, с. 200]. Вместо них, по словам авторов, «в умах людей утверждались опасные иллюзии и утопические мечты» [3, с. 200]. Авторы тут же называют эти опасные иллюзии и утопические мечты: «французские философы насаждали убеждение в том, что человек по своей воле может изменить ход истории» [3, с. 200].

Авторы учебника формулируют основной вывод о том, что «век Просвещения породил самую разрушительную идеологию в истории человечества, направленную на ниспровержение всего существующего миропорядка» [3, с. 201]. Естественно, что авторы должны были каким-то образом представить содержание этих разрушительных идей. И они делают это весьма своеобразно.

Так, в учебнике нет ни слова о Вольтере, Ш. Монтескье, Д. Дидро, П. Гольбахе, Ж. Д'Аламбере, К. Гельвеции и других выдающихся

просветителях, а говорится только о занимающем, по словам авторов, «особое место среди мыслителей этой эпохи Ж.-Ж. Руссо, который стремился доказать, что вся власть исходит от народа» [3, с. 201]. Это, видимо, самая разрушительная идея в истории человечества? Авторы также пишут об отношении Руссо к частной собственности как к «источнику всех общественных пороков» и о необходимости, по мнению мыслителя, «обеспечить умеренный достаток всем и построить общество, в котором не будет ни бедных, ни богатых» [3, с. 201].

Авторы считают, что Французская революция, разрушив идеи Просвещения, создала «новые идеалы и иллюзии», особенно «слепую веру в свободу, равенство и братство», распространившиеся с 1789 г. по всему миру и будоражащие умы людей до наших дней [3, с. 212].

Таким образом, авторы подчеркивают значимость идей Просвещения, их чрезвычайно негативное содержание и влияние прежде всего в связи с Французской революцией. При этом возникает ряд существенных вопросов к авторам.

В учебнике кратко характеризуются лишь идеи Ж.-Ж. Руссо, тогда как о концепциях других мыслителей, в том числе и более значимых, ничего не сообщается. Тем самым формируется искаженное представление об идейном богатстве и разнообразии французского Просвещения. Авторы явно негативно оценивают просветительский рационализм, разум как средство познания и критерий истины, противопоставляя ему божественное откровение и опыт. При этом никак не объясняется «ущербность» рационализма или его отрицательные черты.

Понятия прогресса, лучшего будущего, счастья используются в отрицательном контексте, представляются ученикам как совершенно неприемлемые и недостижимые.

Французское Просвещение объявляется ниспровергателем всех признанных авторитетов, разрушителем всех духовных и нравственных связей, скреплявших общество. Но при этом авторы умалчивают, кто же представляется им этими авторитетами и каковы эти нравственные связи. Поражает вывод авторов о просветительской идеологии как о самой разрушительной в истории. Столь масштабная мысль, конечно же, требует хоть каких-то разъяснений, но их в учебнике нет.

Таким образом, на примере двух учебников можно обнаружить различные подходы к идейному наследию эпохи Просвещения. Первый из рассмотренных учебников в основном нейтрально излагает идеи Просвещения, предлагая учащимся самим определить отношение к ним. Во втором учебнике авторы однозначно выражают ультраконсервативный взгляд на Просвещение. Кроме того, авторами не учитываются достижения современной историографии [4].

Библиография

1. Данилов Д.Д. Всеобщая история. История Нового времени. 7 кл.: учебник для организаций, осуществляющих образовательную деятельность / Д.Д. Данилов, Е.В. Сизова, А.В. Кузнецов, С.С. Кузнецова, А.В. Репников, В.А. Рогожкин. М., Баласс, 2015. 304 с.
2. Кириллов Д.В., Ковалев А.В. Франция накануне революции XVIII в. в школьной учебной литературе // Грани познания. 2015. № 8 (42). С. 99-102.
3. Климов О.Ю. Всеобщая история: 10 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / О.Ю. Климов, В.А. Земляничин, В.В. Носков; под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Вентана-Граф, 2013. 336 с.
4. Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 384 с.

Ковалев Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия; kovalev672007@yandex.ru

Enlightenment phenomenon in school history books

On an example of the history textbooks for secondary schools the ideas of the Enlightenment are considered and analyzed. The author focuses on the main ideas of French thinkers. The article deals with the phenomenon of the Enlightenment in the Context of the Value System.

Keywords: the Enlightenment; ideas; the XVIII century; school textbooks; history studying

Kovalev Andrej Vladimirovich, Candidate of History, Associate Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia; kovalev672007@yandex.ru

УДК 94(3):378

Крих С.Б.

Преодоление непреодолимого: дихотомия Запада и Востока в советских курсах по древней истории

Являясь как идейное течение противостоящим «буржуазной» науке, советское историописание использовало это как одну из причин для того, чтобы отвергать дихотомию Запада и Востока. В действительности, советским историкам удалось понизить уровень противопоставления между античными и древневосточными обществами, но не преодолеть его.

Ключевые слова: советская историография, Запад и Восток, курсы по древней истории

Если мы будем придерживаться позиции, согласно которой советская наука обрела себя лишь в начале 1930-х гг., выработав более или менее единообразное видение исторического процесса, то подтверждением и выражением этой позиции будет

констатация того факта, что тогда же было выработано уверенно критическое отношение к противопоставлению Запада и Востока одновременно как к достижению и мифу западной, «буржуазной» историографии. Следуя за советской внешней политикой, которая продвигала антиколониальный дискурс, советская наука заявила о ложности дихотомии Запада и Востока. Эти высказывания слышались из уст таких авторитетов переходной поры, которые одновременно олицетворяли собой дореволюционную науку и занимали важные посты в советских структурах: С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марру. Первый из них, в программной речи, заявлял: «История Востока дала те же формации, как и история Запада. Это основные положения нашего востоковедения» [5, с. 9].

Видимо, это высказывание сыграло свою роль в том, что В.В. Струве предложил в 1932–1933 гг. концепцию рабовладельческой формации в странах Древнего Востока, которая после этого сравнительно быстро утвердилась в советской науке. Следует сказать, что Струве изначально столкнулся с вопросом различий между древними ближневосточными обществами (Индия и Китай не были сферой его профессиональных интересов) и античными; в первых версиях своих учебных курсов он был склонен решать его с позиций минимизации таковых. Восточные формы эксплуатации рабов и зависимого населения он считал просто более древними, чем те, что позже были реализованы в античности, но не видел между ними принципиального разрыва. Общие установки Струве оставались такими же и в учебнике 1941 г., который был наиболее проработанной версией его курсов, читавшихся в 1930-е гг.: «никакой пропасти между “западом” и “востоком” не существует» [6, с. 3]. Однако в частных моментах историк, ставший уже академиком, должен был говорить о специфике древневосточных обществ (сохранение некоторых черт первобытнообщинного строя и сельской общины, застойный характер развития общества [6, с. 6]), которая была зафиксирована прежде всего в большой роли общин и стала чем-то вроде компромиссной позиции по Востоку в советской историографии.

Компромисс этот был неустойчивым, но заключался в том, что бесспорным признавался рабовладельческий характер всех древних государств (тем самым, школьный учебник Н.М. Никольского, в котором велась речь о феодализме на Востоке и рабовладении в Греции и Риме, был последним манифестом ранней советской науки [4]), зато степень своеобразия восточных обществ оставалась, в принципе, дискуссионной. Тем самым, дихотомия Востока и Запада была лишь понижена в статусе: если в дореволюционных курсах история Востока изымалась из основного содержания

истории древности, то теперь она была в него включена, но при этом – особым разделом. Более того, «Восток» не был равен «античности» буквально с точки зрения построения курсов: в школьных учебниках разделы по античности были больше раздела по восточным странам, а в университетских – Востоку посвящался один учебник, Греции и Риму – два отдельных. Собственно, это имело и вполне европоцентристское обоснование (данное изначально ещё Лениным): «Греция и Рим нами выделяются потому, что они дают нам пример наиболее типичного развития рабовладельческих обществ, с их типичными закономерностями» [3, с. 5]. Если обратиться к первым двум томам «Всемирной истории» – работы, которая по ряду позиций является одновременно точкой окончательной сборки советского видения истории и точкой отсчёта его последовательного распада, то можно увидеть, что в них впервые был достигнут определённый баланс: главы, посвящённые древневосточной истории, по совокупному объёму превысили главы по истории античной (даже если считать эгейский раздел относящимся к античности, то ей в двух томах было отведено 466 страниц, в то время как древневосточным обществам – 595), правда, во втором томе с его историей расцвета и упадка рабовладения, античная история заняла всё-таки больший объём (398 страниц против 265 по Востоку) [1].

Возрождение дискуссии об «азиатском способе производства», вышедшей на поверхность советской науки в 1965 г., реактуализировало идеи своеобразия восточных обществ, в какой бы оболочке это ни подавалось. Несмотря на то, что в учебных курсах до самого конца советского периода держался исправленный вариант концепции Струве, это было в значительной мере не следствием разрешения вскрытых дискуссией проблем, а результатом искусственного «подмораживания» спорных вопросов. Изданный на исходе периода курс под редакцией И.М. Дьяконова пытался развить компромисс «Всемирной истории»: в трёх частях этого издания Востоку отведено 736 страниц, античности – 435 [2], кроме того, благодаря лекциям, посвящённым «предэллинизму» на Востоке и Западе, ставилась цель показать общность исторического развития – фактически при признании Востока и Запада как неких непереосматриваемых сущностей и сохранением перевеса за античностью в периоде поздней древности (125:217).

Тем самым, можно видеть, как советская наука, решительно заявив о смене воззрений на географически-культурные регионы, пришла в итоге к куда менее однозначным результатам. Заявленный принципиальный пересмотр «буржуазной» дихотомии оказался невозможен по той причине, что советская наука

пыталась реализовать одновременно две установки: на единство древней истории и на нормативность античных обществ. Отказ от идеи единства мог бы позволить писать историю не Древнего Востока, а отдельных регионов, тем самым постепенно уравнивая их в статусе с Грецией и Римом – и найти собственные закономерности в развитии Древней Индии или Китая. Отказ от идеи нормативности античной истории мог бы позволить, при сохранении единого повествования, предложить более гибкую схему истории древности. Но оба варианта выхода из тупика требовали принципиального пересмотра основ марксистской теории, что упиралось в проблемы уже не историко-методологического, а политического свойства.

Библиография

1. Всемирная история. Тт. 1-2. М., 1955–1956.
2. История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М., 1989. Ч. 1-3.
3. Мишулин А.В. Курс всеобщей истории. Древняя история. Лекция 6-я. Древнейшая Греция. Стенограмма лекции, прочитанной 28 ноября 1939 г. М., 1939. 16 с.
4. Никольский Н.М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир: учебник для средней школы, 5-й год обучения. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1933. 200 с.
5. Ольденбург С.Ф. Восток и Запад в советских условиях. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 15 с.
6. Струве В.В. История древнего Востока. Л.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. 484 с.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; krikh@rambler.ru

Overcoming the Irresistible: The Dichotomy of the West and the East in Soviet courses on ancient history

Soviet historical scholarship was school of thought antagonistic to 'bourgeois' (Western) science, and this was one of the reason for Soviet historiography to reject West-East dichotomy. In reality Soviet historians only lowered the level of opposition between the Greco-Roman world and the countries of the Ancient East, but did not overcome it.

Keywords: Soviet historiography, Orient et Occident, courses on Ancient history

Krikh Sergei Borisovich, Doctor of History, Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; krikh@rambler.ru

Леонова Т.А.

Популяризация популяризации документальной истории Западноевропейского Средневековья

В статье рассматривается отношение к популяризации истории прошлого в условиях расширения информационного пространства и его насыщения неоднозначными документами. Анализируются современные точки зрения на популяризацию, ее проблемы и развитие практики визуализации исторической интриги по документам Средневековья с использованием компьютерных технологий и СМИ.

Ключевые слова: популяризация истории, визуализация, фактчекинг, интрига, интерпретация, реконструкция

«Могу поклясться чем угодно, что нет такого сюжета, который не мог бы стать объектом истории» [7, с. 252]. Не исключение её популяризация, отношение к которой встречающееся в ученых кругах, Дж. Тош назвал «снобистским пренебрежением» [9, с. 143].

В информационную эпоху благодаря популяризаторам СМИ история приобрела статус рассказчика о путешествии в прошлое. Жан Бодрийяр, один из лидеров интеллектуальных новаций постмодерна, афористично охарактеризовал современное состояние информационного пространства: «мы живем в мире симулякров» во многом благодаря СМИ с их безумным потоком информации, вслед за которым начинается тотальная инфляция информации [2].

Вал текстов интернета побудил к поискам качественного отбора информации в СМИ или фактчекинг. Предлагаемые меры звучат как своеобразный призыв соблюдения заповедей публициста: найди источник информации; проверь цитаты; не верь названиям и другие пункты [6]. С точки зрения историка именно в таком духе должна проводиться первичная проверка любой исторической публикации.

Чем больше информации открывается человеку, который не знаком с так называемым ремеслом историка, тем проще ему представляется работа историка. Отечественные культурологи полагают, что не только популяризация, но и современная научная история может создаваться блоггерами и тематическими сайтами [3]. Будущее просветительского потенциала медиатизированной истории видится в создании новой public history как «успешного медийного продукта» благодаря трансляторам профессионального исторического знания [4, с. 7]. Таким образом, первой проблемой популяризации истории является язык или слово, которое «должно звучать одинаково и для читателя, и для автора». Но «культура читателя редко совпадает

с культурой автора. Отсюда и трудности преподавания и популяризации знаний» [7, с. 290].

Вторая проблема популяризации, сложившаяся до эпохи «цифры», родство и связь литературы и истории. При внешнем подобии их нарративных текстов история имеет особый дискурс, основанный на документальных свидетельствах и их контексте. Историк не сочиняет историю, а создает ее, используя два приема: реконструкция и интерпретация [8, с. 520].

Третья проблема связана с использованием визуальной истории, исследователи которой считают, что изображения не только в современной, но и древней истории – это «исторические акторы и агенты, которые делают историю» [11, р. 9]. Отсюда постулируется положение о том, что «визуальная история может отражать прошлое, как и вербальная история» [11, р. 10].

Однако медиевисты считают, что «средневековое изображение никогда не «фотографирует» реальность» [5, с. 123]. Поэтому «механизмы языка и изображения не сводимы одни к другим» [10, с. 15]. Визуальные источники и тексты Средневековья относятся к разным дискурсам и должны изучаться и анализироваться различными методами» [5, с. 121].

Проблему популяризации истории, с моей точки зрения, могут решить сами историки, без переводчиков или трансляторов public history. Сложившаяся практика показывает возможные пути и способы участия историков на публицистическом подиуме СМИ. Прежде всего, телепередачи и сайты в том словесном жанре, в котором сильны историки-профи: исторический канал «365 дней», пост-наука, наконец, блестящие лекции Н.И. Басовской. Все они ориентированы на читающих и продвинутых пользователей. Популяризация требует не только простоты в изложении, которую Э. Хобсбаум назвал искусством «высокой вульгаризации» [9, с. 143]. Она требует визуальных образов не в виде говорящего автора, а того, о чем он говорит.

Традиционный опыт историка заключается преимущественно в реконструкции прошлого по текстам или источникам. По Х. Уайту, историк излагает историю тремя способами: посредством интриги, посредством аргументации и посредством идеологической подоплеки [7, с. 267]. В случае визуальной популяризации наиболее соответствующим задачей является интрига. Например, в документальном мультфильме «Дело свечницы» Марины Гонсалес по сценарию, составленному в РГГУ из фрагментов документов испанской инквизиции [12].

Соединяя научное знание и игру, мы предлагаем три апробированных на практике типа сценариев с целью визуальной популяризации исторических исследований средствами мультимедиа. Вернемся к Х. Уайту, так как он обозначил четыре способа построения

интриги: романтический, сатирический, комический и трагический. Предлагаемые нами типы сценариев опирались на трагический и комический способы построения интриги. Первый тип сценария основан на сведениях неопубликованных архивных документов по провинциальной истории России XIX в.

Во втором типе сценария использовались опубликованные документы, в частности, по истории церкви и общества средневековой Западной Европы, как: церковные визитации, исповедальная литература и исторические анекдоты о приходской жизни, как в фильме «Жили-были».

Третий тип сценария основан на научных исследованиях известных историков, опиравшихся на архивные документы, например, инквизиционные расследования в известной монографии К. Гинзбурга «Сыр и черви». На ее основе был создан фильм «Меню или «у каждого свое ремесло» [13].

Размышления Франка Анкерсмита об особенностях исторического нарратива поясняют специфику исторической визуальной реконструкции и создания научно-популярных фильмов, утверждая ныне очень распространенную мысль, что кинематограф не только иллюстрирует, но и создает историю [1]. Таким образом, главное в визуализации истории – реконструкция состоявшейся ситуации, казуса в прошлом и создание связанной с ними интриги, но не фантазии по этому поводу. Сильной стороной исторической визуализации в отличие от публицистики является обязательное использование комментария (или привычной слуху сноски) к основному тексту, по ходу формирования из него интриги и ее образов. Согласимся с британским историком Джоном Тошем, что «популяризация – необходимая часть ремесла историка», а «популяризаторский подход и серьезная наука вполне совместимы» [9, с. 143].

Библиография

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Simulacra et simulation. М.: Постум, 2017.
3. Лапина-Кратасюк Е.Г. Репрезентация истории в цифровую эпоху. – URL: <https://postnauka.ru/video/50343>
4. Лапина-Кратасюк Е.Г. Аффекты истории: рассказы о прошлом в кино и на телевидении // Артикульт. 2014. 16(4). С. 6-13.
5. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: «Александрия», 2013.
6. Полгин М. Основы фактчекинга: как отличить правду от вымысла. – URL: <https://www.aum.news/novosti/4733-osnovy-faktchekinga-kak-otlichit-pravdu-ot-vymysla>
7. Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
9. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2000.

10. Шмитт Ж.-К. Историк и изображения // Одиссей. Человек в истории / Глав. ред. А.Я. Гуревич. М: Наука, 2002. С. 9-29.
11. Bleichmar D., Schwartz V.R. Visual History: The Past in Pictures // Representations 145. Winter 2019. – The Regents of the University of California. Pages 1–31. URL: <http://www.ucpress.edu/journals.php?p¼reprints>. DOI: <https://doi.org/10.1525/REP.2019.145.1.1.1>
12. «Дело свечницы». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GaOTNwdzmnk>
13. «Меноккио или «у каждого свое ремесло». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ikzroie5pRw>

Леонова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, Россия; leonotan@mail.ru

Popularizing documentary storytelling Western European Middle Ages

The article considers the attitude to popularizing the history of the past in the context of the expansion of the information space and its saturation with ambiguous documents. The modern points of view on popularization, its problems and the development of visualization historical intrigue according to documents of the Middle Ages using computer technologies and the media are analyzed.

Keywords: popularization of history, visualization, fact-checking, intrigue, interpretation, reconstruction

Leonova Tatjana Alekseevna, Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia; leonotan@mail.ru

УДК 94(4) «1920/50»

Метель О.В.

Становление институциональной структуры советской новистики (1920 – 1930-е гг.)

Привлекая широкий круг опубликованных и неопубликованных материалов, автор рассматривает этапы становления системы советских научно-исследовательских учреждений, связанных с изучением новой истории стран Европы и Америки в советской России – СССР в 1920 – 1950-е гг. Автор полагает, что базовые элементы этой системы сложились во второй половине 1930-х гг., когда не только оформилась система специализированных институций данного профиля, но и сложились механизмы их работы.

Ключевые слова: советская историография, новистика, научные институции, Академия наук СССР, Институт истории РАНИОН, исторический факультет

История советской исторической науки, на сегодняшний день, является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей историографического знания в современной России. Однако, несмотря на тот факт, что она привлекает к себе внимание широкого круга

специалистов, многие темы и сюжеты все еще остаются недостаточно исследованными. Подобное утверждение, в целом, является справедливым и в отношении советской новистики – особого раздела всеобщей истории, связанного с изучением эпохи нового времени [8]. Последняя анализировалась отечественными историографами крайне неравномерно. Недаром, одним из наиболее разработанных сюжетов является советская традиция изучения истории Великой французской революции, тогда как проблемы, связанные с анализом общих направлений развития названной дисциплины, сравнительно редко привлекают внимание специалистов [4]. Именно поэтому обращение к избранному нами сюжету, ранее лишь бегло рассматривавшемуся историографами, представляется актуальным и своевременным [5, с. 281-299].

Основная цель настоящего доклада заключается в реконструкции основных этапов становления институциональной структуры советской новистики. Последняя понимается нами как система специализированных учреждений, связанных с производством и трансляцией исторического знания. В целом, мы полагаем, что в советской России – СССР данный процесс был ограничен хронологическими рамками конца 1910-х – второй половины 1930-х гг. и прошел своем развитии три основных этапа. Первый этап пришелся на первое послереволюционное десятилетие и был связан с поиском представителями власти и научного сообщества наиболее подходящих форм организации исторического знания в советской стране. Этот процесс нашел свое выражение как в реформировании дореволюционных учебно-научных учреждений, так и в открытии новых советских исследовательских структур, являвшихся по своему характеру и марксистскими, и «буржуазными». Проблемы истории нового времени стран Запада в той или иной форме рассматривались сотрудниками практически всех названных центров. Так, они сохранялись в рамках многократно реформированных гуманитарных факультетов высших учебных заведений, были представлены в стенах Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Института красной профессуры, многочисленных комвузов и Комакадемии, и, наконец, входили в планы работы специализированных исследовательских институтов, действовавших в Москве и в Ленинграде (Институт истории РАНИОН [3, л. 103] и Ленинградское отделение Института истории РАНИОН [6, л. 13]). И хотя представители названных структур разрабатывали лишь отдельные проблемы новой истории, нередко «увязывая» свои изыскания с «потребностями времени» (история революций, пролетариата и т.д.), сохранение многих прежних механизмов научно-исследовательской работы и активное внедрение в повседневную исследовательскую практику в 1920-е гг. системы зарубежных командировок

делало проводимые специалистами данного периода изыскания как минимум заслуживающими внимания современных авторов.

Второй этап в становлении структуры советских научно-исследовательских учреждений, связанных с разработкой истории нового времени, начался на рубеже 1920–1930-х гг. и был обусловлен событиями «культурной революции». Так, продолжая общую для всей страны линию на завершение сотрудничества с «буржуазными специалистами», историки-марксисты во главе с М.Н. Покровским объявили о необходимости перестройки «исторического фронта» на путях тотальной марксизации исторического знания. В отношении научно-исследовательских центров этот курс принял форму «советизации» всех «буржуазных» учреждений, которые подлежали или реформированию, или закрытию. И первым шагом на этом пути стала реорганизация Института истории РАНИОН, «перемещенного» в 1929 г. в Коммунистическую академию. В результате до середины 1930-х гг. именно новый «комакадемический» институт задавал тон в советской исторической науке, позиционируя себя в качестве главного марксистско-ленинского исследовательского центра в области обществоведения в СССР. История нового времени для его сотрудников всегда была одной из приоритетных, а с 1932 г. и вовсе стала основной. Правда, ориентируясь на выполнение «социального заказа», историки Комакадемии выбирали для анализа преимущественно идеологически значимые сюжеты, среди которых на первый план постепенно выходили проблемы послевоенного империализма [1, л. 2-6]. Схожей была тематика работ и сотрудников Ленинградского отделения Института истории Комакадемии.

Общие перемены в исторической политике, произошедшие в СССР в середине 1930-х гг., привели к очередной реорганизации институционального поля советской историографии и ознаменовали начало третьего этапа в процессе становления институциональной структуры советской новистике. Именно в указанный временной период последняя обрела устойчивые организационные формы, в том или ином виде сохранявшиеся до конца 1980-х гг. Мы полагаем, что к числу таких центров производства и трансляции знания по истории нового времени стран Запада в СССР могут быть отнесены специализированные кафедры (всеобщей или новой и новейшей истории) исторических факультетов университетов и пединституты и профильные структуры Академии наук – до начала 1940-х гг. сектор новой истории Института истории, а затем и другие академические учреждения (к примеру, Институт славяноведения, воссозданный в Москве в 1946 г.). Кроме того, заметим, что некоторое значение в разработке проблем новой истории сохранялось за специализированными научными центрами историко-партийного характера, занимавшимися

изысканиями в области марксистской теории и истории (Институт К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и др.). В целом, мы полагаем, что механизмы работы и вузовского, и академического секторов советской новистики сложились еще в довоенный период. В дальнейшем же происходило преимущественно территориальное и тематическое «расширение» данного институционального поля, нашедшее свое выражение, к примеру, в увеличении числа кафедр новой и новейшей истории в провинциальных и республиканских вузах [2]. Полагаем, что в том же ряду стоит рассматривать и факт образования в АН СССР в 1957 г., в составе ряда других академических изданий, журнала «Новая и новейшая история», которому, безусловно, предстояло сыграть определённую роль в деле конструирования научного сообщества советских историков-новистов [7, с. 236].

Библиография

1. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 209.
2. Бодров О.В. Новистика в Казанском университете, 1943–2003. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004.
3. ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 159.
4. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.
5. Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941 гг. М.: Наука, 1974.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 33.
7. Степанов Б.Е. Советская историческая периодика в 1950-е – 1960-е годы: рамки и пределы модернизации // Сад ученых наслаждений: сборник трудов ИГИТИ к юбилею профессора И.М. Савельевой / под ред. А.Н. Дмитриева и др. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 227–250.
8. Хут Л.Р. «Новистика»: объем и содержание понятия // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / под ред. О.В. Воробьевой. М.: Аквилон, 2017. С. 308–336.

Метель Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; olgametel@yandex.ru

The Formation of the Institutional Structure of Soviet New Studies (1920 – 1930s)

In this article, the author considers the stages of formation in the 1920s – 1950s the system of Soviet scientific institutions that studied the new history of Europe and America. The author argues that the basic elements of this system appeared in the second half of the 1930s. In these years, a system of specialized institutions of this profile and the mechanisms of their work were formed.

Keywords: the soviet historiography, the modern history, the soviet scientific institutes, the Academy of Sciences of the USSR, the Institute of history of RANION, Departments of histor

Metel Olga Vadimovna, Candidate of History, Associate Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; olgametel@yandex.ru

Павлова Т.В.

Всеобщая история на страницах отечественных школьных учебников

Модернизация школьного исторического образования, внедрение историко-культурного стандарта и новых учебников по истории России поставили задачу обновления курса всеобщей истории в школе. Однако прежняя европоцентричная парадигма не удовлетворяет в полной мере ни педагогов, ни учащихся. Необходимо использовать иные подходы при конструировании новой модели учебника по всеобщей истории, например, в рамках методологии глобальной истории, позволяющей синхронизировать всеобщую и отечественную историю, изучать взаимодействия, взаимосвязи, обмен, мобильность в мировом историческом процессе.

Ключевые слова: историко-культурный стандарт, учебник истории, линейная система преподавания истории, всеобщая история, глобальная история

В информационном пространстве школьных курсов истории учебник занимает ведущее место. Конечно, он значительно эволюционировал и сегодня – это не только бумажный, но и цифровой носитель информации. Кроме того, к нему прилагаются дополнительные методические материалы (атласы, рабочие тетради и другие пособия), нацеленные на более глубокое усвоение учащимися исторического материала. В условиях внедрения историко-культурного стандарта по отечественной истории, формирования новой концепции по всеобщей истории, перехода (скорее – возвращения) на линейную систему преподавания всего школьного курса истории, становится актуальным изучение накопленного опыта и определения вектора дальнейшей работы по эффективности преподавания истории в школе, главным элементом которого является учебник.

Несомненно, что история России должна изучаться более подробно, нежели история других стран. Однако, следует заметить, что курс всеобщей истории в школе все же является ведущим, ведь история человечества начинается задолго до появления российской государственности. Как справедливо еще в 1900 году заметил выдающийся историк-новист, педагог Н.И. Кареев, «история родной страны должна изучаться обстоятельней и основательней, чем история других народов, в этом не может быть ни малейшего сомнения, но из этого еще не следует, чтобы ...всеобщая история находилась в пренебрежении...Между тем наши гимназические программы создают какую-то особую привилегию для истории греков и римлян, крайне вредно отзывающуюся на истории древнего Востока, средних веков и нового времени. Восток совсем исключается из курса, на среднюю и новую историю дается меньше часов, чем следовало

бы, и на окончательном экзамене эти два отдела или совсем не спрашиваются, или спрашиваются лишь *pro forma*...» [2, с. 3].

Прошло более века, что изменилось? В линейке учебников по всеобщей истории авторитетного издательства «Просвещение», входящих в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации образовательных программ общего образования, из 30 параграфов учебника за 7 класс только три посвящены восточным государствам (в основном общая характеристика), в хронологической таблице из более чем семи десятков дат, лишь четыре относятся к истории Востока, а в рекомендуемой литературе и вовсе отсутствуют издания, посвященные Китаю, Японии, Индии и другим восточным государствам. Причем в пятом издании 2017 года отсутствует параграф, посвященный странам Латинской Америки, который был в изданиях первого десятилетия 2000-х годов [5]. В учебнике за 8 класс также три параграфа, но добавлены еще по одному по истории Африки и Латинской Америки [6]. В курсе истории новейшего времени в 9 классе из 34 параграфов два параграфа уделено странам Азии и Африки, и еще два – истории Латинской Америки [4].

Современное состояние всеобщей истории в школьном преподавании демонстрирует цитата из интервью научного руководителя Института всеобщей истории РАН академика А.О. Чубарьяна корреспонденту «Парламентской газеты», опубликованного 8 апреля 2016 года: «Курс по всеобщей истории, особенно новейшей – это XIX и XX века – нуждается в существенном обновлении... Сейчас в школьных учебниках мало внимания уделяется изучению стран Востока, Африки. Там дана устаревшая точка зрения на многие события XIX и XX веков – оценка этих событий изменилась» [1].

Безусловно, открыв любой отечественный учебник по всеобщей истории за последние 60–70 лет можно сделать вывод, что европоцентричная модель мирового исторического процесса продолжает доминировать, поэтому и сохраняется асимметрия в объемах в пользу истории стран Западной Европы и Северной Америки. Между тем историческое развитие нашего государства демонстрирует симбиоз не только западных, но и восточных черт. Собственное историческое бытие России – часть динамики всеобщей истории, наша страна неразрывно связана как историей Запада, так и с историей других стран. Процессы, происходившие в мире, отражались на нашей истории, изменяли ее и наоборот.

Опыт преподавания как отечественной, так и всеобщей истории на разных уровнях (в лицее, колледже и университете) позволяет сделать вывод о том, что необходимо не просто корректировать курс всеобщей истории (например, увеличивая только лишь количество

параграфов по истории стран Азии, Африки и Латинской Америки), а изменить методологический подход к изложению исторического материала. Возможно, одним из продуктивных направлений окажется, в частности, глобальная история. Это позволит формировать у обучающихся многостороннее понимание взаимодействий как в прошлом человечества, так и в современном мире. Это скажется и на интересе к истории как учебному предмету: школьники смогут понять, как связан мировой исторический процесс с повседневностью, в которой они живут.

Так, в связи с переходом к линейной системе уже появилась необходимость в синхронизации курсов отечественной и всеобщей истории с 6 по 10 класс. В определенном смысле сама по себе синхронизация данных курсов – это уже пример того, что глобальный подход оказывает влияние на преподавание учебной дисциплины в школе. «Внимание к синхроничности – то есть событиям, происходящим одновременно, но в географически удаленных друг от друга местах, – стало отличительной чертой глобальных интерпретаций истории», – замечает С. Конрад [3, с. 193].

На данном этапе концепция преподавания истории движется в сторону синхронизации изучения зарубежной и отечественной истории по примеру: в XVIII веке во Франции и США произошли революции, а у нас – реформы Петра, дворцовые перевороты и правление Екатерины II. При этом связи, взаимодействия, обмен, мобильность в процессах, протекающих в России и других странах, практически не затрагиваются (за исключением сферы международных отношений). Однако современное поколение школьников живет именно этими категориями, поскольку окружающий их мир – это «сетевая» совокупность различных взаимодействий. История же – это процесс, конструируемый в ходе взаимных переплетений не только государств, наций, но и других структур. Поэтому изучение данных процессов в контексте методологии глобальной истории приведет к позитивным результатам и в оценке роли и места России в этом процессе – наша страна будет восприниматься как один из акторов всемирного взаимодействия, а не как «отсталая» страна, пытающаяся «догнать» развитые страны Запада.

Библиография

1. В России появятся новые учебники всеобщей истории: интервью с научным руководителем Института всеобщей истории РАН Александром Чубарьяном. Дата публикации: 08.04.2016. – URL: <https://www.pnp.ru/interview/2016/04/08/v-rossii-royavuyatsya-novye-uchebniki-vseobshhey-istorii.html> (дата обращения: 09.08.2019).
2. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1900. 78 с.
3. Конрад С. Что такое глобальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2018. 312 с.

4. Сороко-Цюпа О.С., Сороко-Цюпа А.О. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс: учеб. для общеобразоват. организаций; под ред. А.А. Искендерова. 7-е изд., доп. М.: Просвещение, 2018. 304 с.

5. Юдовская А.Я. Всеобщая история. История нового времени, 1500–1800. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина; под ред. А.А. Искендерова. 5-е изд. М.: Просвещение, 2017. 319 с.

6. Юдовская А.Я. Всеобщая история. История нового времени, 1800–1900. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина; под ред. А.А. Искендерова. М.: Просвещение, 2014. 304 с.

Павлова Татьяна Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; taniapavl-ova@mail.ru

General history in the pages of domestic school textbooks

The modernization of school historical education, the introduction of a historical and cultural standard and new textbooks on the history of Russia set the task of updating the course of general history at school. However, the former Eurocentric paradigm does not fully satisfy either teachers or students. It is necessary to use other approaches when constructing a new model of a textbook on universal history, for example, within the framework of the global history methodology, which allows synchronizing general and domestic history, studying interactions, interconnections, exchange, mobility in the world historical process.

Keywords: historical and cultural standard, history textbook, linear system of history teaching, general history, global history

Pavlova Tatyana Vyacheslavovna, Candidate of History, Associate Professor, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; taniapavl-ova@mail.ru

УДК 94:373+378

Пфаненштиль Н.Г.

К учебнику – с вопросником: особенности историографического анализа «учебника-источника» по всеобщей истории

В статье описываются общие основы методологии и методики изучения учебника по истории как историографического источника. Автором составлен вопросник для изучения историко-педагогических свойств и историографического значения учебной книги.

Ключевые слова: учебник по всеобщей истории, методы анализа учебника, историографический источник

В современной исторической науке особое внимание уделяется историческому образованию. Проводятся международные конференции, посвященные состоянию, проблемам и перспективам исторической науки и образования в условиях современных вызовов

[см.: 3], особенное внимание уделяется личности учителя в социокультурном пространстве [см.: 6], а также учебникам по истории [см.: 8], в том числе особенностям школьной учебной литературы как разновидности «детских книг» [см.: 1; 2]. Нельзя не согласиться с выводом, что «в современных условиях, когда сама историческая наука постоянно сталкивается с многочисленными вызовами, испытывает различные угрозы, в том числе исчерпания себя как гуманитарной дисциплины, нужна новая идеология организации системы обучения, ее ориентация на фундаментализацию знаний» [4, с. 225].

Автором данной статьи в отдельных публикациях рассмотрены особенности освоения и применения нового подхода к изучению «учебника-источника» по истории учащимися вуза как средству формирования профессиональных компетенций студентов [см.: 7]. Поэтому здесь более подробно хотелось бы остановиться на общем историографическом значении учебников по всеобщей истории и основных методологических особенностях и конкретных методиках анализа учебника по истории как историографического источника.

Традиционно учебник по истории (сначала школьный, затем вузовский) воспринимается как наиболее «авторитетный» источник информации для исторического образования. И зачастую учащиеся полностью «доверяют» представленной в нем информации, причем и историческим фактам, и представленным в нем оценочным суждениям автора/ов, которые воспринимаются как «истина в последней инстанции», особенно в случае, если учебник имеет гриф Министерства образования РФ. Между тем в исследованиях современных историков и историографов подчеркивается мысль о том, что любой источник информации – субъективен, в том числе и учебник по истории – закономерно идеологизирован. Более того, подчеркнем, что необходим комплексный подход – учебник представляет собой своеобразный исторический и историографический источник, отражающий уровень развития науки, общее направление («флюгер») государственной образовательной политики. Он несет информацию о позициях автора(-ов), об общественных ценностях социума того или иного времени, имеет важное социокультурное значение, выступая как сложносоставное, многослойное культурно-историческое явление [5, с. 219].

Методология и методика комплексного изучения учебников по истории, их роли в жизни общества (в том числе в процессе формирования нравственных установок и патриотических убеждений учащихся), конкретного поколения требует:

– во-первых, осуществлять сравнительный анализ каждого учебника по курсу с его «предшественниками» и «современно-

ками»; источниковедческий и сравнительно-исторический анализ состава учебников (содержание, структура, композиционное построение, методическое решение, оформление), учитывать при этом изменения исторической обстановки в стране (общественно-политической, культурной);

– во-вторых, дополнять исследование учебников критическим анализом документов и источников, характеризующих реакцию общественности на появление новой учебной литературы по истории. Необходимо изучить отзывы и мнения современников (учителей, учащихся, родителей, профессиональных оппонентов) о достоинствах и недостатках учебника, осуществить анализ рецензий в периодической печати соответствующего периода;

– в-третьих, обращения к таким приемам исследований педагогических и учебно-методических текстов, как статистический подсчет и контент-анализ хронологических, синхронических таблиц, как правило, входящих в состав учебника и несущих глубокую смысловую нагрузку.

Любая таблица учебника истории заключают в себе весьма многообразную и разноплановую косвенную информацию. Если в ее основе лежат только те факты и события истории, которые заложены в программе, то есть установленные официальными документами, то в данном случае таблица отражает определяющее влияние (возможно, даже директивное воздействие) государственной образовательной политики на состав учебного пособия. Таблицы могут отражать и особенности научно-педагогических и политических взглядов и убеждений ее автора – они отличаются друг от друга в зависимости от того, кто их составляет. В то же время таблицы отражают уровень профессионального мастерства ее составителя, авторские методические разработки.

Формируя новое отношение к учебнику как к источнику информации у исследователей, необходимо развивать умение критически оценивать учебную книгу также и у студентов.

Составленный автором данной статьи вопросник для изучения свойств и значения учебной книги принципиально отличается от различных схем, опорных таблиц, предлагаемых методистами. Он концентрирует внимание исследователя, в первую очередь, на концептуальных составляющих содержания учебного пособия конкретного автора, способах их выражения в учебном тексте (стиль, освещение событий, характеристика личностей, методическое обеспечение и т.д.). Значение такого подхода заключается в том, что учебник по истории анализируется комплексно как историографический источник.

Выделяются следующие тематические блоки вопросника: группа вопросов, связанных с государственной политикой, в том числе образовательной; развитие психолого-педагогической и исторической наук; индивидуальные взгляды автора; реакция общественности на появление учебника истории. Интересно изучить особенности и механизмы реализации учебником своей мировоззренческо-воспитательной функции. Наиболее сложно анализировать роль и место учебника истории в социокультурной среде и глубину воздействия на культурные ориентиры подрастающего поколения [см. подробнее: 7].

Учебник по истории – это сложное социокультурное образование, включенное в систему общественных коммуникаций в качестве важного средства формирования исторической памяти общества и социальной идентичности личности.

Таким образом, представляется важным осуществлять комплексный анализ учебника по истории как «многослойного» культурного явления и историографического источника.

Библиография

1. Детская книга как социальная институция: «золотой ключик» в мир взрослых. Мат. XI Всеросс. научно-практ. конф. Нижний Тагил, 2019.
2. Детство в научных, образовательных и художественных текстах: Опыт прочтения и интерпретации. Сб. науч. ст. и сообщ. Казань: Изд-во Казан. федерального ун-та, 2011.
3. Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: Мат. Междун. науч.-практ. конф., Казань, 22–23 ноября 2012 г. / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012.
4. Мягков Г.П. Гуманизация образования и задачи совершенствования преподавания истории в высшей школе // Высшая школа – Храм культуры. Вып. 3. Казань: ЗАО «АБАК», 2014. С. 221-226.
5. Пфаненштиль Н.Г. Учебная книга по истории в социокультурном пространстве российского общества XIX – начала XX вв. // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Мат. VI-ой Междун. науч.-практ. конф. Брянск, 2019. С. 218-225.
6. Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, О.В. Сеницын. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.
7. Федорова Н.Г. Новый подход к изучению «учебника-источника» по истории учащимися вуза как средство формирования профессиональных компетенций» // Ученые записки. Том XI. Сб. ст. преп. Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2015. С. 397-404.
8. Школьный учебник истории: концептуальные и научно-методические проблемы. Мат. Всеросс. научно-практ. конф., посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Устюжанина и 80-летию со дня рождения К.Р. Сеницыной / составители и отв. ред. Г.П. Мягков и О.В. Сеницын. Казань: Изд-во «Отечество», 2013.

Пфаненштиль Надежда Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский институт (филиал) Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Россия; nfedorova83@mail.ru

To the textbook –with a questionnaire: Features of Historiographical analysis «textbook-source» on universal history

The article describes the General principles of methodology and methods of studying the history textbook as a historiographical source. The author has compiled a questionnaire to study the historical and pedagogical properties and historiographical significance of the educational book.

Keywords: textbook on universal history, methods of textbook analysis, historiographical source.

Pfanenshtil` Nadezhda Georgievna, *Candidate of History, Associate Professor, Kazan institute (branch) of the Russian state university of justice, Kazan, Russia; nfedorova83@mail.ru*

Раздел 2

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Древний мир

УДК 94(38)

Востриков И.В.

Структура военного командования Афин в позднеклассический и раннеэллинистический периоды

Военная организация Афин, сложившаяся вместе с формированием полисных институтов, с течением времени претерпела ряд изменений, обусловленных как военной необходимостью, так и политической ситуацией. В последней трети IV–III в. до н.э. происходили изменения и в структуре военного командования, связанные, прежде всего, с задачей обеспечения обороноспособности Аттики.

Ключевые слова: Афины, стратеги, таксиархи, гиппархи, филархи

В условиях полисного строя военные должности, как и административные, были выборными. Однако на военные должности можно было избираться неоднократно, и выборы происходили поднятием рук, а не по жребию (Arist. Ath. Pol. 43. 1; 62. 3). Например, знаменитый афинянин Фокион избирался на должность стратега сорок пять раз (Plut. Phoc. 8. 1-2) [1, р. 14]. Несомненно, в идеале такой порядок избрания способствовал выдвижению компетентных в военном деле граждан и росту их профессионализма, если на выборы не оказывала критического влияния текущая политическая конъюнктура.

В эпоху Ликурга (30 – 20-е гг. IV в. до н.э.). десять стратегов избирались из всего гражданского коллектива, а не по одному от каждой филы, как это было в V в. до н.э. (Arist. Ath. Pol. 22. 2; Plut. Cim. 8). Точно не известно, когда произошло это изменение в порядке избрания, но П. Родс предполагает, что незадолго до написания «Афинской политики» [3, р. 677-678]. Кроме того, согласно Аристотелю, в это время существовала конкретная специализация среди стратегов: стратег, командовавший гоплитами в походе;

стратег, отвечавший за оборону страны; двое стратегов для Пирея (в Мунихию и Акту); стратег для симморий, который составлял списки триерархов и регулировал отношения между ними (Arist. Ath. Pol. 61.1). Остальные получали назначения исходя из текущих обстоятельств. Несомненно, что и в V в. до н.э. стратеги занимались определенными военными делами, связанными с флотом, армией, обороной. Но в тот период об их специализации ничего не говорится. Однако в 30–20-е гг. IV в. до н.э. существовала уже конкретная специализация среди стратегов, определявшаяся на стадии избрания.

Ничего нельзя сказать о конкретной дате появления специализации среди стратегов. Определенные предположения можно сделать на основе эпиграфического материала. Стратег страны впервые встречается в надписи 352/1 г. до н.э. (IG. II². 204. 19-21). Получается, что к середине IV в. до н.э. такая должность уже существовала. Появление должности стратега страны свидетельствует о важности вопроса обороны Аттики, и, возможно, она была введена в период от окончания Пелопонесской войны до 50-х годов IV в. до н.э. [2, р. 88-89]. Позднее, в III в. до н.э., в результате разделения сферы ответственности стратега страны, появляются должности стратега по охране территории в Элевсине (IG. II². 1303. 20; 1304. 12-13, 21), заведовавшего Элевсином, Панактом и Филой, и стратега по охране побережья (IG. II². 1302. 4-5; 1309. fr.a. 10; 1310. 3; Rouilloux, 19, 25) в зону ответственности которого входил Рамнунт, Суний и Афинна [1, р. 546].

Должность стратега гоплитов, о которой говорится в «Афинской политии», в эпиграфике встречается только в первой четверти III в. до н. э., в надписи 276/5 г. до н.э. (IG. II². 682), где перечисляются все военные назначения известного афинянина Федра.

Должность стратега Пирея встречается в эфебских надписях. Причем, в документах 30-х гг. IV в. до н.э. упоминается только стратег Пирея (Reinmuth № 4. 4-6; № 7. 1-2; №8. 10; № 9. col. II. 9-10). А в надписи 324/3 г. представлены и стратег Пирея, и стратег Акты (Reinmuth № 15. 2-3). Это может свидетельствовать о том, что в 330-е гг. существовала должность одного стратега для Пирея, а в 320-х стал назначаться и второй стратег [3, р. 679]. В «Афинской политии» говорится уже о двух стратегах для Пирея (Arist. Ath. Pol. 61.1). В III в. до н.э. в Пирее находился македонский гарнизон, поэтому стратеги для Пирея не назначались. Должность стратега по симмориям, по-видимому, также является нововведением. Она встречается в надписи 325/4 г. (IG. II².1629. col.A.209-210).

Применительно к 321/0 г. до н.э. впервые упоминается должность избираемого стратега наёмников (IG. II². 379. 10-13), который

завоюя о наёмном войске. И хотя стратеги наёмников иногда упоминаются и в более поздних документах (IG. II². 682. 25), остается неясным, становится ли эта должность постоянной или же выборы стратега наёмников происходили только по необходимости. В связи с этим следует упомянуть Федра, Сфеттского, который трижды становился стратегом наёмников (IG. II². 682. 25) до времени принятия в честь его декрета (276/5 г. до н.э.). Что касается упомянутого Федра, то в документе сообщается, что после 282/1 г. до н.э. он дважды избирался стратегом по подготовке (сткк. 22-23), многократно стратегом страны (сткк. 24-25), и, наконец, дважды стратегом гоппитов.

Декрет в честь Федра фактически является первым документом, где встречается эта должность стратега по подготовке (IG. II². 682. 22-23). Стратег по подготовке встречается и в ряде других надписей. По-видимому, сферой деятельности этого стратега была подготовка Афин к военным действиям. Возможно, эта должность появилась в конце IV-начале III в. до н.э.

После окончания Хремонидовой войны, как свидетельствуют эпиграфические документы, Антигон Гонат установил контроль над городом и территорией Аттики, который продлился до 229 г. до н.э. Ярким проявлением македонского контроля над Афинами является назначение стратегов царем и их утверждение на народном собрании (IG. II². 1225. 7-9; 1287. 3-54; Poulloux. 7. 2. 7-10).

Помимо стратегов избирали еще десятирхых таксиархов, по одному от каждой филы. Каждый из них командовал гражданами своей филы и назначал лохагов (Arist. Ath. Pol. 61.3). Таксиархи подчинялись стратегам и были связующим звеном между высшим командованием и воинами своих фил. Военский контингент филы, судя по всему, мог делиться на более мелкие подразделения – лохи, которыми как раз и командовали назначаемые таксиархами лохаги.

Избирались также и командиры конницы. Из всего состава граждан назначались два гиппарха, каждый из которых командовал кавалерийскими контингентами пяти фил (Arist. Ath. Pol. 61.3). Аристотель говорит, что «они имеют ту же власть, как стратеги над гоппитами» (Arist. Ath. Pol. 61.3). Но в связи с этим следует отметить, что гиппархи командовали только конницей и подчинялись стратегам, которые осуществляли высшее командование всеми афинскими силами. Такая подчиненность гиппархов стратегам обусловлена второстепенной ролью кавалерии в вооруженных силах полиса в отличие от гоппитов. Далее избирались десять филархов, по одному от филы. И они, подобно таксиархам, командовали кавалерийскими подразделениями своих фил (Arist. Ath. Pol. 61. 5). Итак,

получается, что каждому гиппарху были подчинены непосредственно по пять филархов. Гиппархи и филархи избирались на народном собрании. Однако в кавалерийском корпусе Афин, помимо двух гиппархов и десятиерых филархов, существовали десятки, назначавшиеся гиппархом от каждой филы с согласия филарха (Хен. Нипр. II. 2-7; IV. 9). Таким образом, структура командования кавалерии была довольно развитой, что связано со сложностью управления кавалерийским контингентом.

В последней трети IV–III в. до н.э. сохраняется выборность военных должностей, но появляется специализация среди стратегов, несомненно, способствовавшая более эффективному управлению вооруженными силами полиса. Изменения в системе стратегий были обусловлены политической ситуацией и актуальностью обеспечения обороны Аттики.

Библиография

1. Kralli I. Aspects of Athenian Military Command under the Antigonids (262–229 B.C.). Continuity or Change // *Athenaeum*. 2006. Vol. 94. Fasc. 1. P. 543–561.
2. Ober J. Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 B.C.: A Reply // *Phoenix*. 1989. Vol. 43. № 4. P. 294–301.
3. Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1981. 795 p.
4. Trittle L. *Phocion the Good*. L.: Routledge Revivals, 2014. 249 p.

Востриков Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; igor-vostrikov@bk.ru

The System of the Athenian military command in the Late Classical and Early Hellenistic period

The Athenian military organization, formed together with polis institutions, suffered some changes, that were determined by military relevancy and political situation. In the last third IV–III BC changes have taken place and in the system of military command first of all related to problem of providing defensive capacity of Attica.

Keywords: Athens, strategoi, taxiarchoi, hipparchoi, phylarchoi

Vostrikov Igor Vladimirovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; igor-vostrikov@bk.ru

Ляхин Е.В.

Гракханский проект по восстановлению Коринфа

Статья посвящена движению братьев Гракхов и планам колонизации Греции, а точнее, восстановлению Коринфа, который был разрушен в 146 г. до н.э. Показано, что в числе причин основания Коринфа как римской колонии лежало лоббирование Гаем Гракхом интересов всадничества, что в свою очередь было связано с поиском социальной базы самого гракхинского движения.

Ключевые слова: гракханское движение, римский Коринф, центуриация, Луций Муммий Ахейский

Коринф, разрушенный в результате Ахейской войны (147–145 г. до н.э.), был в глазах римлян оплотом последней надежды греков на независимость и былую гордость и славу Эллады. Поэтому консул Луций Муммий разрушает фактически сдавшийся и покинутый руководством Ахейской федерации город (Paus. VII, 15; Polyb. XXXIX, 13; Vell. I. 13, 1; Justin. XXXIV. 2, 6; Eutr. XIV, 1-3). Причин для такой жестокости, с учетом того, что Коринф был крупным морским портом, который физически пришлось разрушать римской армии всю осень 146 г. до н.э., было несколько. Первая – это удовлетворение своих личных амбиций консулом Луцием Муммием, который получил после разгрома Коринфа множество преференций – триумф, *sogno*men «Ахейский». Другая причина имела политические мотивы: римляне, разрушая крупный мегаполис фактически не за что, устрашали остальные греческие города, обеспечивали будущую римскую власть над ними [1, р. 7]. Таким образом, руины города должны были символизировать смирение Греции и победу Рима, но для популяров это был ещё и памятник победы оптиматов, в результате которой Муммий вошёл в пантеон героев (Verg. *Aen.* VI, 836).

После 146 г. до н. э. Рим остался без крупных противников в Средиземноморском бассейне. Именно в это время Римская республика входит в эпоху так называемых гражданских войн. Движение Гракхов было ответом на начало экономических и социальных проблем внутри самой республики. После завоевания Италии в Рим стали поступать в огромных количествах военная добыча, дань и налоги с провинций. Внешнеполитическая обстановка привела к тому, что Греция и Африка, будущие провинция Ахайя и Проконсульская Африка, вообще выключены из коммерческой деятельности и средиземноморской торговли, только Цезарь-диктатор благодаря 80.000 колонистов (Suet. *Iul.* 42), восстановил их традиционное значение [7, с. 35].

О причинах вывода колонии в Африку на место бывшего Карфагена (колония Юнония) сказано уже достаточно много [8, с. 205]. Опорой стало обилие нарративных источников, в том числе наличие так называемого аграрного закона народного трибуна Спурия Тория (111 г. до н. э.) (CIL. I, 200; 585). Наоборот, об основании колонии на месте Коринфа мы знаем очень мало. Но в законе Тория есть целый раздел «О коринфской колонии» – строчки 96-105 в самом конце надписи, но она очень сильно повреждена.

Каковы же причины колониальной экспансии в Грецию? Ответить на такой вопрос, учитывая только решение земельного вопроса, нельзя, так как известно, как мало в Греции пахотной земли и какого она качества, тем более что сам Коринф – это морской порт, а не аграрный полис. Надо учитывать, что часть хоры Коринфа была отдана Сикиону. И последнее: Коринфика была предана проклятию. Чего же хотели Гракхи и их сторонники?

В 133 г. до н.э. во время выхода аграрного закона Тиберия Гракха (*Lex Simpronia agraria*) умирает царь Пергама Аттал III (138-133 гг. до н. э.) и завещает своё царство Риму. Пергамское царство римляне, правда, не сразу – из-за больших размеров – превратили в римскую провинцию Азия (в 126 г. до н. э.). Появилась римская территория далеко на востоке, да и связь между ними осуществляется в основном по морю, где господствовали пираты. Чтобы защитить свои интересы, а также стимулировать коммерческую и деловую активность в провинциях, Гай Гракх начинает активную колонизационную политику.

В новом основании Коринфа как римской колонии были достаточно консервативные экономические взгляды, которыми руководствовались Гракхи и их последователи [7, с. 15]. Более того, это было своеобразной политической провокацией, что доказывается рядом факторов. Во-первых, Коринф располагался, как известно, в наиболее узком месте полуострова Пелопоннес, гарантировавшем безопасное плавание из Адриатики в Эгейское море и наоборот, то есть был своеобразным «мостом в Азию». Географически Коринф располагался посреди Истма и содержал две гавани, которые располагались в разных сторонах перешейка – Лехайон и Кенхереи. Цитадель Коринфа – Акрокоринф – возвышалась на 573 м над уровнем моря. Лехайон, порт Коринфа, находившийся в Коринфском заливе, осуществлял связь с Италией через Адриатическое море. Другой порт – Кенхереи – принимал корабли Восточного Средиземноморья со стороны Эгейского моря [6, р. 65].

Ещё одной причиной основания Коринфа являлось настойчивое лоббирование самим Гаем Гракхом интересов всадничества. Причиной последнего был поиск более широкой базы поддержки

самого гракхинского движения. В рамках этого лоббирования в 126 г. до н.э. Гай Гракх проводит законопроект «*lex de prov. Asia*». Гай объявил провинции «собственностью римского народа», что сделало его популярным, а всадники после этого закона стали самыми ярыми сторонниками Гая Гракха [10, с. 218-219]. Последний, таким образом, получил сразу два козыря в дальнейшей своей деятельности: столь необходимые средства для реформ и основания колоний и поддержку всадничества. Коринф должен был стать центром деловой активности всего региона. Отметим, именно римская колония, а не греческий или малоазийский город, как это было в случае с Афинами или на Делосом, где был так называемый «латинский квартал» [11, с. 368].

Дата создания проекта нам неизвестна, но известно две даты, от которых следует оттолкнуться. Первая дата – 122 г. до н.э., когда, согласно *Lex Rubria*, была выведена колония Юнония. Напомним, что закон Рубрия юридически связан с *Lex Sempronia agraria* (133 г. до н.э.), то есть вывод колоний за пределы Италии входил ещё в планы Тиберия Гракха [9, с. 200]. Вторая дата – это 111 г. до н.э., когда появился так называемый закон Тория, где четко упоминается о будущей центуриации Коринфской колонии. Таким образом, проект основания Коринфа был создан Гракхами или пост-Гракхами и была уже подготовлена центуриация земель. Но после падения Гракхов и их сторонников проект был свернут, и римская колония в Коринфе так и осталась на бумаге, в отличие, например, от колонии Юнонии, куда были посланы колонисты, и поселение получило официальный статус римской колонии. Продержись Гракхи дольше, то корабли с колонистами отправились бы и в новый Коринф.

Археологические данные [5, р. 88] подтверждают тот факт, что поселение в Коринфе, точнее, в северной части бывшего греческого города существовало скорее всего после упомянутого закона Тория 111 г. до н. э. Между участками была проложена дорога для двухколесных повозок. Земли Коринфа, переданные в фонд государственных земель Рима, подверглись центуриации, то есть были поделены на участки для продажи и были установлены пограничные камни. То есть из *ager publicus* земли бывшего Коринфа были переведены таким образом в статус частных земель для продажи (*vectigalis as ager publicus*). И многие из этих участков с пограничными камнями видел Цицерон в 63 г. до н.э. во время своего путешествия по Греции (*Leg. agr.* I, 5; II, 5, 1), как и поселок на руинах бывшего греческого Коринфа (*Tusc.* III, 22, 5).

Стоит только вдохновляться действиями братьев Гракхов и их сторонников, которые помимо старой аристократии, державшийся

своих традиций и старых побед, бросили вызов традициям и морали древнеримского общества, которое всегда держалось ультраконсервативных устоев. Всё это закончит только через семьдесят лет Гай Юлий Цезарь, в результате деятельности которого ускорится процесс перехода от старой полисной структуры Рима к новому государственному устройству.

Библиография

1. Davies S. Carthage and Corinth, & 146: Shifting Paradigms of Roman Imperium // Beyond Borders: Selected Proceedings of the Ancient Borderlands International Graduate Student Conference. Austin, 2010. P. 76-102.
2. Dinsmoor W.B. The Archons of Athens. Cambridge, 1993. 412 p.
3. Nottmeyer H. Polybios und das Ende des Achaierbundes: Untersuchungen zu den römisch-achaischen Beziehungen, ausgehend von der Mission des Kallikrates bis zur Zerstörung Korinths. München, 1995. 302 S.
4. Purcell N. The sacking of Carthage and Corinth // Ethical and rhetoric classical essays for Donald Russel in his seventy-fifty birthday. Oxford, 1995, P. 229-241.
5. Romano, D.G. A tale of two cities: Roman colonies at Corinth // Romanization and the city. Creation, transformations and failures. Portsmouth, Rhode Island, 2000. P. 86-102.
6. Romano, D.G. Roman surveyors in Corinth // American Philosophical society. 150. №1. 2006. P. 61-81.
7. Егоров А.Б. Рим: от республики к империи. СПб., 2017. 346 с.
8. Киришов Д.А. Аграрная политика Гая Гракха // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб. 2008. № 7. С. 203-211.
9. Лапыренко Р.В., Сморгчов А. Аппиан и пост-гракханское аграрное законодательство // Antiquitas Aeterna. №4. Нижний Новгород; М., 2014. С. 189-212.
10. Лапыренко Р.В. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 298 с.
11. Хабихт Х. Афины: история эллинистического города. М., 1999. 412 с.

Ляхин Евгений Владиславович, преподаватель, Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия; evgeny102@yandex.ru

Gracchan project for the Restoration of Corinth

The article is devoted to the movement of the Gracchi brothers and the plans of the colonization of Greece, or rather the restoration of Corinth, which was destroyed by Roman troops under the leadership of Lucius Mummius. The project is the Foundation of a Roman colony on the territory of Corinth, which will already be carried out centurization, but the project itself will be canceled for political reasons. Will resume only at the very end of the dictatorship of Gaius Julius Caesar, in 44 BC.

Keywords: Gracchan movement, Roman Corinth, centuriation, Lucius Mummius of Achaea.

Liakhin Evgenij Vladislavovich, Lecturer, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia; evgeny102@yandex.ru

Макарова О.М.

Г.Б. Мэттингли и А.Е. Паршиков: разные судьбы исследователей одной проблемы

В работе проводится сравнение жизненного пути и восприятия научным сообществом достижений Г.Б. Мэттингли и А.Е. Паршикова в области изучения истории Афинской архэ. В отличие от трудов Г.Б. Мэттингли, ставших в западном антиковедении началом переосмысления истории архэ, работы А.Е. Паршикова не имели подобного эффекта для отечественной историографии.

Ключевые слова: Г.Б. Мэттингли, А.Е. Паршиков, историография, Афинская морская держава, Афинская архэ, V в. до н.э.

В истории изучения Афинской архэ имена двух ученых стоят особняком. Одно – это имя британского ученого Гарольда Брейтвейта Мэттингли (1923–2015), не так давно ушедшего из жизни, но успевшего увидеть, как идеи, которые он упорно отстаивал многие десятилетия, переходят из разряда оппозиционных и подвергаемых ожесточенной критике в сферу положений, принимаемых все большим количеством исследователей.

В отечественной историографии I афинского морского союза такой фигурой, ученым, мнение которого расходилось с принимаемой большинством концепцией, был Алексей Егорович Паршиков (1940–1984). В отличие от британского ученого, А.Е. Паршиков трагически ушел из жизни 35 лет назад сравнительно молодым, так и не защитив докторской диссертации, а его работы по различным проблемам истории Афинской архэ не удостоились ни многолетней активной дискуссии, ни принятия коллегами при жизни.

Г.Б. Мэттингли родился в семье сотрудника Британского музея, известного специалиста в области римской нумизматики. Получив образование в Кембридже, он долгие годы работал сначала в университете Ноттингема, а затем Лидса, откуда ушел в отставку в 1987 г. С 1999 по 2004 гг. он был президентом Королевского нумизматического общества. Г.Б. Мэттингли скончался в сентябре 2015 г. после непродолжительной болезни в окружении родных в возрасте 92 лет.

Многолетняя история противостояния Г.Б. Мэттингли и значительной части антиковедческого научного сообщества началась с дискуссии о датировке декрета о Стандартизации мер и весов, начало которой было положено его обширной статьей [11, р. 148–188]. В своих дальнейших работах британский ученый поставил под сомнение датировки и многих других эпиграфических свидетельств,

на основании которых делались выводы о становлении афинского «империализма». В 1996 г. вышло в свет первое издание сборника статей Г. Мэттингли [12].

Дискуссия о принципах датировки эпиграфических памятников V в. до н. получила новое развитие после публикации в 1990 г. результатов работы исследовательской группы Университета Калифорнии со стелой, содержащей текст договора Афин с Эгестой [10, р. 38-63] и доказавшей верность предположений Г.Б. Мэттингли. Принципы датировки, впервые предложенные историком, в настоящее время получают все большее распространение и даже удостоились наименования «новой ортодоксии» [13, р. 67-68].

Иная картина предстает пред нами, когда мы обращаемся к биографии и судьбе научного наследия А.Е. Паршикова [см. подробнее: 2, с. 444-450; 3, с. 162-166]. Происходивший из крестьянской семьи, он получил историческое образование в Одесском государственном университете и продолжил его в 1964 г. там же в аспирантуре под руководством П.О. Карышковского. В течение своей жизни А.Е. Паршиков успел поработать в средней школе, в археологическом музее, завершив преподавательскую карьеру в 1982 г. в качестве доцента кафедры всеобщей истории Куйбышевского государственного педагогического института. А.Е. Паршиков так и не защитил докторской диссертации, обсуждение которой неоднократно заканчивалось рекомендациями о ее доработке [3, с. 167-168]. Жизнь А.Е. Паршикова трагически оборвалась в августе 1984 г.

Наибольший интерес из трудов А.Е. Паршикова представляют работы, посвященные различным сюжетам истории Афинской державы (полный список трудов: [3, с. 174-175]; историографический обзор отдельных статей: [4, с. 129-134]). В отечественной историографии именно он высказал идеи, сходные с концепцией Г.Б. Мэттингли. Наиболее полно его взгляды на историю становления и трансформации I афинского морского союза в Афинскую архэ нашли отражение в депонированной им в 1976 г. в ИНИ ФБОН (ИНИОН) АН СССР монографии [7], а также в тексте рукописи незащищенной докторской диссертации «Афинская морская держава», единственный известный экземпляр которой был датирован 1980 г.

В российском антиковедении работы Г.Б. Мэттингли не получили такого резонанса, как в западной историографии Афинской архэ, где вокруг них десятилетиями не утихали споры. Остались без должного к ним внимания и немногочисленные опубликованные статьи А.Е. Паршикова. Так, например, М.В. Кондратюк только кратко упоминает в сноске о существовании точки зрения Г.Б. Мэттингли [1, с. 334]. Ссылаясь на работы А.Е. Паршикова, автор не полемизирует с ними, что, впрочем, объясняется обзорным

характером ее работы. В.М. Строгеецкий концепцию Г.Б. Мэттингли оценивал как несогласованную с данными античной традиции, недостаточно убедительную и уязвимую с эпиграфической точки зрения [9, с. 165-166]. Выводы же А.Е. Паршикова «о хронологии некоторых афинских декретов и этапов становления и развития афинской державы» он очень кратко охарактеризовал лишь во введении, назвав их интересными, но спорными [9, с. 17].

Можно сказать, что труды А.Е. Паршикова по отдельным сюжетам периодически получали своеобразное продолжение в работах отечественных исследователей, например, А.В. Стрелкова [8, с. 25-49]. Был также опубликован отдельный сюжет рукописи его незащищенной докторской диссертации [6, с. 284-318]. Однако высказанные им идеи, особенно в свете проходящего в настоящее время под знаменем концепции Г.Б. Мэттингли переосмысления традиционного представления об этапах становлении Афинской архе, требуют дальнейшего глубоко анализа и новой оценки.

Библиография

1. Кондратюк М.В. Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Проблемы развития полиса. В 2 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. Становление и развитие полиса. С. 327-365.
2. Кузьмин Ю.Н., Макарова О.М. А.Е. Паршиков и история Афинской морской державы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 14. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 443-454.
3. Кузьмин Ю.Н., Макарова О.М. Алексей Егорович Паршиков (1940–1984): жизнь и смерть антиковеда в городе на Волге // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2(4). С. 161-184.
4. Макарова О.М. А.Е. Паршиков – исследователь Афинского морского союза // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. Вып. VI. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С. 127-140.
5. Макарова О.М. Г. Мэттингли и «загадка трехчастной сигмы» // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. Вып. XI. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. С. 113-124.
6. Паршиков А.Е. Афинские финансы в период Пелопоннесской войны // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2(4). С. 284-318.
7. Паршиков А.Е. Исследования по истории Афинской морской державы. Рукопись, депонированная в ИНИ ФБОН (ИНИОН) АН СССР (№ 1044 от 2 декабря 1976 г.). М., 1976. 200 с.
8. Стрелков А. В. Афинский монетный декрет // НЭ. Т. 16. 1999. С. 25-49.
9. Строгеецкий В.М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478–431 гг.) / Отв. ред. М.М. Холод. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 291 с.
10. Chambers M., Galucci R., Spanos P. Athen's Alliance with Egesta in the Year of Antiphon // ZPE. 1990. Bd. 93. P. 38-63.
11. Mattingly H.B. The Athenian Coinage Decree // Historia. 1961. Bd. 10. Hft. 2. P. 148-188.
12. Mattingly H.B. The Athenian Empire Restored. Epigraphic and Historical Studies. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. XVIII, 561 p.
13. Papazarkadas N. Epigraphy and the Athenian Empire: Re-shuffling the Chronological Cards // Interpreting the Athenian Empire / Ed. by J. Ma, N. Papazarkadas, R. Parker. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 2009. P. 67-88.

Макарова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия; alalkomena@mail.ru

H.B. Mattingly and A.E. Parshikov: different fates of scholars of the same problem

Annotation: the article compares career and the perception by the scientific community of the achievements in investigating the history of the Athenian Empire of H.B. Mattingly and A.E. Parshikov. In contrast to H.B. Mattingly, whose papers started the reassessment of the history of the Athenian Empire in western classical studies, works by A.E. Parshikov did not have a similar effect for Russian historiography.

Keywords: H.B. Mattingly, A.E. Parshikov, historiography, Delian League, Athenian Empire, V century BC

Makarova Olga Mihailovna, Candidate of History, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia; alalkomena@mail.ru

УДК 94(37)

Можайский А.Ю., Пичугина В.К.

Город как пространство образования и власти в поэме «Фиваида» Стация¹

Эпическая поэма Стация «Фиваида» рассматривается как оригинальная проекция в греческое прошлое, которая позволяла ее автору утвердить себя как поэта, который является настолько же римским, насколько и греческим. Фивы в его изображении являются городом, где пространство образования и пространство власти являются пространствами взаимного влияния и напряжения.

Ключевые слова: Стаций, Фиваида, пространство образования города, пространство власти города

Эпическая поэма Публия Папиния Стация «Фиваида» является обширным трудом, где представлено описание войны, развязанной сыновьями фиванского царя Эдипа – Этеоклом и Полиником. Содержательные особенности «Фиваиды» отражают желание Стация представить древнегреческие Фивы как город, по многим параметрам похожий на Рим.

Вдохновленный широким спектром текстов, Стаций выбирает в качестве одного из главных образцов для «Фиваиды» сочинение своего друга и племянника Сенеки Лукана – «Фарсалия, или Поэма

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10001).

о гражданской войне». Лукан указывает на общий погребальный костер для братьев, пламя которого разделилось надвое и стало символом вечной вражды (Luc. I. 551-552) [2, с. 23]. В «Фиваиде» версия Стация относительно этого костра близка к той, которую излагает Гигин [1, с. 122], обозначая погребальный костер для братьев словом «рута», которое заимствовано из греческого языка («*τυρά*») [7, р. 1715]. Стаций использует это слово, когда говорит о жертвенных кострах, которые повелел разжечь Тиресий (Stat. Theb. 4.465), когда описывает костер в домашнем святилище (Stat. Theb. 5.314) и еще в одном случае (Stat. Theb. 6.86). Для определения погребального костра (в том числе, погребального костра для Этеокла и Полиника), он использует слово «*bustum*» и его производные. В отличие от Гигина, для Стация данное латинское слово выглядит предпочтительнее, нежели заимствованное из греческого рута.

Взаимосвязь и взаимообусловленность жертвенных и погребальных костров в древнегреческих трагедиях часто служит не столько драматическим, сколько педагогическим целям, которые ставили поэты-наставники, к которым так желал приблизиться Стаций. Терминологический выбор в пользу слова «*bustum*» указывает на границы того, насколько Стаций в «Фиваиде» хочет утвердить себя в роли морализирующего поэта, который является настолько же римским, насколько и греческим. Погребальный костер для Этеокла и Полиника стал итогом их многолетней борьбы за власть – борьбы, превратившей Фивы в пространство политических амбиций и пространство, где предшественники хотят наставить потомков. Пространство образования и пространство власти представлены Стацием как то, что определяет воинскую доблесть, которая была особой частью римской *virtus*. Для современников Стация воинская доблесть не должна была привлекать излишнее внимание власти, имевшей право расценить ее носителя как угрозу.

В самом начале «Фиваиды» Стаций обращается к римскому императору Домициану, сообщая, что будет писать не о нем, а о давно минувших событиях. Стаций указывает на последовательность событий, о которых хочет рассказать: «войны Аонии, жезл, стубивший братьев-тиранов, / месть, для которой и смерть не предел, мятежное пламя, / спор о последнем костре, погребенья лишенные трупы / царские, и города, опустевшие в гибели общей» (Stat. Theb. I. 33-7) [3, с.5]. Кажется, что после дежурного извинения перед Домицианом, которое являлось калькой с извинения Лукана перед Нероном, Стаций больше не будет обращаться к представителям римской власти. Однако это происходит почти сразу же и происходит в особой форме: Стаций указывает на одного из своих героев, называя его не по имени, а непосредственно «*principe*» (Stat. Theb. I.165-9).

Ф. Ахл считает, что в этот момент Стаций «проходит точку невозврата», поскольку использование этого слова, применительно к мифологическому фиванскому царю Этеоклу, а не к римскому императору, не имеет аналогов [4, р. 255]. Это прием, характерный для древнегреческих драматургов и позволявший им легко «переключать» зрителя с мифологии на современные им политические реалии.

Выстраивая трагический сюжет вокруг сразу нескольких семей, одни из которых являются главными (семьи Эдипа, Адраста и Крeонта), а другие вспомогательными (семья Амфиарая, Тидея, Атиса и др.), Стаций демонстрирует всю палетку эпических ролей: отца, матери, дочери, сына, брата, сестры, невестки, зятя, свекра, свекрови, тестя, тещи, золовки, деверя... Желание Юпитера передать божественный контроль над фиванскими событиями Юноне, отражает имевшее место среди смертных злоупотребление отцовской и царской властью, а также неспособность позаботиться о своем потомстве. Через Иокасту материнская забота также искажается, позволяя назвать многих женских персонажей «преступной матерью войны» (Stat. Theb. VII.483-4). Дети демонстрируют отчуждение от родителей, братья и сестры не находят общего языка, что является нормой среди богов. Стаций хочет продемонстрировать «неспособность смертных сохранить свою добродетель» [8, р. 354] и неспособность богов наставить их в этом. Стаций создает не просто новый эпос войны, а новое педагогическое измерение военного эпоса, посвящая поэму тому, что остается лишь образом у Лукана, где люди является «братьями», сгорающими в костре гражданской войны.

Выбрав мифологический сюжет о Фивах, Стацию удастся не только «приблизиться» к великим греческим поэтам, но и возобновить «дело Архия» с поправкой на то, что Стацию нужно было почетное признание не столько в Риме, сколько «на родине поэзии, в ее мифической колыбели» [5, р. 225]. Стацием, как и его героями, движет не один, а сразу несколько мотивов, каждый из которых в тот или иной момент становится главным: позволяет ему заставить римлян задуматься не только о поэзии, но и о «прозе жизни». В конце сочинения, Стаций называет «Фиваиду» своим поэтическим ребенком – плодом многолетнего труда, имеющим вневременную педагогическую ценность. Такое отношение автора к своему произведению «отмечено противоборствующим желанием Стация убивать и защищать свое поэтическое потомство»: с одной стороны, он изображает себя жертвой поэтического вдохновения (Stat. Theb. I.3.), а с другой – желает, чтобы его произведение никогда не завершилось, постоянно откладывая развязку [6, р. 231]. Фивы у Стация

объединяют пространство власти и пространство образования, где военные лидеры борются не только за трон, но и за право наставлять друг друга.

Библиография

1. Гигин. Мифы / пер. с лат. Д. Торшилова. СПб.: Алетейя, 1997. 370 с.
2. Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне / пер. Л.Е. Остроумова. М.: Ладомир-Наука, 1993. 348 с.
3. Публий Папиний Стаций. Фиваида / пер. Ю.А. Шичалина. М.: Наука, 1991. 352 с.
4. Ahl F. "War Came in Disarray..." (Thebaid 7.616): Statius and the Depiction of Battle // Brill's Companion to Statius / ed. by W. J. Dominik, C. E. Newlands, and K. Gervais. Leiden; Boston, 2015. P. 207-220.
5. Bessone F. Polis, Court, Empire: Greek Culture, Roman Society, and the System of Genres in Statius' Poetry // Flavian Poetry and its Greek Past / ed. by A. Augoustakis. Leiden, 2014. P. 215-233.
6. Gervais K. Parent-Child Conflict in the Thebaid // Brill's companion to Statius / ed. by W.J. Dominik, C.E. Newlands, and K. Gervais, Leiden; Boston, 2015. P. 221-239.
7. Glare P.G.W. Oxford Latin Dictionary / ed. by P.G.W. Glare. Second Edition. Oxford, 2016. 2344 p.
8. Marinis A. Statius' Thebaid and Greek Tragedy: The Legacy of Thebes // Brill's Companion to Statius / ed. by W.J. Dominik, C.E. Newlands and K. Gervais. Leiden; Boston, 2015. P.343-361.

Можайский Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия; a.mozhajsky@mail.ru

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, профессор РАО, Институт стратегии развития образования Российской академии образования, г. Москва, Россия; Pichugina_V@mail.ru

City as a space of education and power in the poem «Thebaid» of Statius

The epic poem "Thebaid" of Statius is regarded as an original projection into the Greek past, which allowed its author to establish himself as a poet who is as Roman as Greek. Thebes in his image is a city where the space of education and the space of power are spaces of mutual influence and tension.

Keywords: Statius, Thebaid, educational space of a city, space of power of a city

Mozhajskij Andrej Yurevich, Candidate of History, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; a.mozhajsky@mail.ru

Pichugina Viktoriya Konstantinovna, Doctor of Education, Professor of the Russian Academy of Education, Institute for Education Development Strategy of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; Pichugina_V@mail.ru

Обидина Ю.С.

Мистические культы и практики как способ трансляции интеллектуальных знаний в архаической и классической Греции

В статье рассматривается роль практик чтения и письма в древней Греции как способ трансляции интеллектуальных знаний в рамках религиозной традиции. Отмечается, что особую роль письменная культура сыграла в практике мистических культов, которая позволила выделить совершенно новый социальный слой в рамках традиционного общества – интеллектуальный.

Ключевые слова: мистические культы, чтение, письмо, интеллектуальные знания, древняя Греция

Последние пятьдесят лет, как историки, так и антропологи были сосредоточены на культурной истории чтения и письма. Для историков древности до сегодняшнего дня очевидным остается один вопрос: сколько людей в любом данном древнем обществе было грамотным? Это вопрос, который легче поставить, чем ответить на него. Даже в современных обществах, со всеми их ресурсами массового опроса и тестирования, уровень грамотности, как известно, трудно определить.

О древности у нас нет статистических данных. Наши выводы основаны на свидетельствах древней литературы, немногочисленных документах и на большом количестве догадок. При всей этой неопределенности, однако, большинство ученых теперь согласны с тем, что на протяжении истории древнего Средиземноморья грамотность среди взрослых – в смысле способности прочесть и понять простое письменное сообщение – как правило, остается ниже 20 процентов. Возможно, было несколько кратковременных исключений из этого правила в отдельных общинах древнего мира. Но даже внешне грамотная культура классических греческих городов-государств не была основана на массовом умении читать и писать.

Крайне важно для любого понимания древней религии, что подавляющее большинство людей приобщались к ней в устной форме. По крайней мере, ни одна религиозная система никогда не была опосредована полностью в письменной форме. При современном изучении письменных следов древних религий (несмотря на важность визуальных образов, история религии в значительной степени зависит от письменных доказательств) всегда следует учитывать устный контекст этого письма, взаимодействие между устными и письменными традициями.

Влияние письма на религиозную систему и обратно зависит не только от уровня грамотности. И при этом это влияние не ограничено грамотным меньшинством – оставшееся неграмотное большинство в полностью устной культуре не зависит от стратегий и соглашений грамотности, к которым они не имеют прямого доступа сами. В настоящее время общепризнано, что существование письменности в обществе (даже если это инструмент, который может активно использоваться лишь крошечным числом членов этого общества) может иметь широкие культурные последствия, которые затрагивают как неграмотных, так и грамотных. Проще говоря, письмо почти всегда меняет способы, которыми общества функционируют и думают о себе – и в религии так же, как и в любой другой сфере.

Многие из недавних исследований этого культурного аспекта письменности обязаны своим происхождением статье Д. Гуди и Я. Уотта «Последствия грамотности» [3]. В ней Гуди и Уотт, взявшие в качестве основного примера архаическую и классическую Грецию, подчеркнули интеллектуальные и когнитивные последствия распространения алфавитных систем письма. Для них полностью устные культуры были отмечены «бессознательной операцией памяти» и забывчивостью («социальной амнезией»): там, где нет письменных записей, мифы и традиции, которые больше не кажутся полезными или уместными, просто забываются и теряют культурную память. Практика продолжается традиционным способом («как это делали наши предки»), но фактически постоянно приспосабливается, хотя и неосознанно, к новым обстоятельствам и идеям. Но если используется запись, позже поколения будут сталкиваться с письменными доказательствами своих прежних обычаев, и нужно будет сознательно согласовывать свое собственное поведение с ними.

Однако каждое общество включает людей с неортодоксальными идеями, которые выражают принципиально несогласное отношение к общепринятым взглядам на религию, политику и общественный порядок. Но в полностью устной культуре скептицизм имеет тенденцию умирать вместе с индивидуальным скептиком. Как только скептик фиксирует свои взгляды в письменной форме, открывается возможность целой традиции скептицизма, альтернативной контркультуры, параллельной ортодоксальным нормам общества. Это, очевидно, имеет особое значение в истории религии и в развитии радикального, скептического исследования традиционных религиозных «истин».

Действительно, записи религиозных процедур создают прецедент и поощряют консервативную практику именно потому, что с ними консультируются и их примеру следуют. Но значительная часть религиозного письма в этом смысле не утилитарна. Тем не

менее, письмо также может быть неотъемлемой частью религии и ритуала, а не просто оказывать внешнее влияние на него. Многие древние культуры приписывали происхождение письма божественной сфере. Греческие мифы дают разные версии изобретения письма, одна из которых называет его родоначальником Орфея, легендарного поэта, музыканта и мистика. «Орфические тексты» (варианты которых были широко распространены в Греции) содержали в себе священное знание, предлагающее тем, кто их читает, надежду на жизнь после смерти. Миф о говорящей голове Орфея и о чудесных свойствах Орфических текстов являются практическим нападением на священническую монополию знаний в архаической и классической Греции. Для древних греков порядок мира, зависел от людей, связанных с богами. Ядром древней религии и главной задачей людей было вернуть богам то, что им принадлежало в рамках официального поклонения. И это знание в рамках тайных культов было сосредоточено лишь в руках немногих жреческих родов, связанных с исполнением ритуала. Мистические культы – Элевсинские Мистерии, Дионисийские Мистерии, Мистерии Изиды и Осириса представляли собой духовные попытки древних греков справиться со своей смертностью» [2], с одной стороны, и способы трансляции интеллектуальных знаний и традиций – с другой.

Мистические культы были окутаны тайной. Те, кто был иницирован (мистики) были обязаны молчать о том, что они имели опыт инициаций и были сопричастны тайному знанию. Поэтому наши знания о них, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор довольно неполные и в значительной степени предположительные. То, что мы знаем наверняка, это то, что цель таинств, среди прочего – сделать возможной встречу человека с бессмертным существом – встречу более интенсивную и интимную, чем в официальном культе [1, р. 90]. Однако распространение письменной культуры раздвинуло границы таинственности, и позволило транслировать тайное знание в рамках интеллектуального сообщества (применительно к традиционным обществам – среди людей, обладающими навыками чтения и понимания прочитанного), приоткрывая завесу тайны и создавая категорию избранного сословия на совершенно иных основаниях, не свойственных древнему миру – интеллектуальных.

Библиография

1. Burkert W. *Ancient Mystery Cults*. Cambridge, 1987.
2. Cosmopoulos M.B. Preface // *Greek Mysteries. The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults*. London; New York, 2003.

3. Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History. 1963. V. 5. № 3. P. 304-345.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный национально-исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; basiley@mail.ru

Mystical cults and practices as a way of transmitting intellectual knowledge in archaic and classical Greece

The article considers the role of reading and writing practices in ancient Greece as a way of transmitting intellectual knowledge within the framework of religious tradition. It is noted that the written culture played a special role in the practice of mystical cults, which made it possible to distinguish a completely new social layer within the framework of traditional society – the intellectual.

Keywords: mystical cults, reading, writing, intellectual knowledge, ancient Greece

Обидина Юлия Сергеевна, Doctor of Philosophy, Professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; basiley@mail.ru

УДК 94(38)+821.14'02

Соколов И.Ю.

О композиции Каталога кораблей в «Илиаде»

В работе рассматривается проблема композиции Каталога кораблей, который является одной из самых спорных частей «Илиады». Проанализировав основные версии формирования Каталога, автор делает вывод, что все они имеют ряд недостатков, и предлагает свою версию: различные дружины во главе с их вождями представлены здесь в последовательности, которая используется для описания выстроенного и готового к сражению войска. Особенности этого описания и его противоречия с основным содержанием поэмы приводят к выводу о том, что в Каталоге представлено описание боевого строя кораблей.

Ключевые слова: Гомер, «Илиада», Каталог кораблей, композиция, строй войска, героическая поэзия

Исторически сложилось так, что часть II песни «Илиады», называемая «Каталогом (или Перечнем) кораблей», занимает особое место в круге проблем, именуемых Гомеровским вопросом. В разные периоды его изучения у разных исследователей постоянным оставалось лишь то, что эта часть поэмы вызывает самые крайние оценки.

Некоторые ученые предполагали, что Каталог – это позднейшая вставка в первую поэму Гомера, а его сведения, не представляющие никакой исторической ценности, были призваны возвысить авторитет различных греческих полисов в более поздние эпохи. Другая группа ученых отстаивала позицию, согласно которой список кораблей являлся отражением исторической реальности второй половины XIII в.

до н.э. [1, с. 337-341; 5, с. 19-20; 7, с. 489]. Выдвигалась даже гипотеза о том, что данные этого источника основывались на сохранившихся до времен Гомера микенских документах периода Троянской войны и что нашлись люди, которые еще помнили и могли прочесть этот текст, написанный линейным письмом Б [4, с. 328-329].

Тем не менее, на современном этапе изучения этой части «Илиады» мы можем утверждать, что большинство исследователей вслед за Аристотелем признают Каталог органичной частью как II песни, так и всей поэмы в целом. Считается, что географические названия, которые воспроизводит поэт, тоже довольно точные (конечно, не без определённых допущений) [7, с. 489]. По крайней мере из 184 топонимов, среди которых археологами локализованы 129, 59 поселений, имеющих микенские слои, не сохранились до более позднего времени и соответственно не были известны уже в эпоху Архаики [5, с. 21], следовательно, не могли быть знакомы Гомеру и его современникам.

Естественно, что больше всего вопросов вызывает численность кораблей и восстанавливаемое на её основе количество ахейских воинов, однако уже вышеперечисленные совпадения заставляют исследователей задаться вопросом: откуда Гомер мог знать о реалиях эпохи, отстоящей от него по времени почти на пятьсот лет? Ответ современной науки заключается в том, что устная эпическая традиция смогла частично (в той или иной степени) сохранить важные детали жизни, быта и, возможно, политической географии Ахейской Греции Бронзового века.

Поскольку здесь мы, вероятно, имеем дело с устной традицией, важной особенностью которой является совпадение акта создания и акта представления результата аудитории [6, с. 24], то важным вопросом является следующий: как сказителю (устному поэту) построить композицию Каталога, чтобы изложить в доступной форме, ничего при этом не упустив, сведения о 29 ахейских дружинах, 184 географических названия и 49 имен вождей и т.д.? В данном случае можно сформулировать этот вопрос несколько иначе: каков главный принцип построения списка кораблей?

На первый взгляд, самым простым и очевидным является географический принцип [8, с. 17-18; 11; 12], однако при этом возникает ряд вопросов. Во-первых, сказитель называет территории то в порядке движения по часовой, то против часовой стрелки. Во-вторых, автор «перепрыгивает» через различные области, излагая их непоследовательно, как в случае с дружинами Агамемнона и Менелая. В-третьих, само описание, начинаясь с Беотии и прерываясь на описании дружин с островов и заканчиваясь в Северной Греции, с географической точки зрения выглядит довольно странно.

Все эти проблемы приводят к появлению еще одного представления об устройстве Каталога кораблей – принципу симметрии. Одиссей является центром каталога, а на равном удалении от него, если считать по числу стихотворных строк, находятся Агамемнон и Ахиллес. Это символично, поскольку именно Одиссей пытался примирить Агамемнона и Ахиллеса, при описании ахейского лагеря его палатка находится в центре, также он является героем второй поэмы Гомера [8, с. 24; 2, с. 144]. В своей статье Н.В. Брагинская и Д.Н. Леонов даже приходят к предположению о том, что Гомер сознательно объединил две дружины в одну, чтобы получить нечетное число 29 и сделать дружину Одиссея «осью симметрии» в Перечне кораблей [2, с. 141-143].

Однако и у этой теории есть проблемы. Во-первых, как устному сказителю совместить эти два принципа, так как симметрия не исключает географический подход. Во-вторых, было ли это понятно слушателям поэмы, могли ли они заметить подобный прием автора? Если по поводу последнего противоречия можно предположить, что внимательные слушатели, которые уже не раз присутствовали на исполнении поэмы, вероятно, могли заметить такой авторский прием, то совмещение двух принципов описания невозможно в устной традиции. Это противоречие заставило В.В. Файера поставить вопрос о существовании письменной «Илиады» [8, с. 26].

В данной статье хотелось бы предложить третий принцип, которому соответствует композиция Каталога, а именно: различные дружины во главе с их вождями представлены здесь в последовательности, характерной для описания выстроенного и готового к сражению единого войска. На это указывают как фрагменты II песни «Илиады», в которую и входит Каталог, так и начало III песни. Следовательно, Каталог должен представлять собой выстроенное войско.

Остановившись на этом выводе, мы сталкиваемся с новой проблемой, поскольку для его обоснования необходим материал для сравнения в других текстах. Описание войска, собранного из различных районов ойкумены, подобного Каталогу, найти непросто. Нечто похожее имеется в более позднем тексте, а именно в «Походе Александра» Флавия Арриана (см., напр.: *Arr. Anab. I.14.1-3*). На протяжении всего труда в описании строя войска Александра историк придерживается следующих принципов. Он начинает описание с правого фланга, перечисляя подразделения и их военачальников справа-налево. Дойдя до середины построения войска, автор прерывает повествование и переходит на край левого фланга, меняя, таким образом, направление описания и перечисляя контингенты слева-направо, доводя его до середины строя. Очевидно, с этим способом описания были знакомы авторы и более ранних

эпох. Так, рассказывая о войске греков в битве при Платеях, Геродот начинает перечислять контингенты полисов справа-налево, однако он не делит войско на фланги; только лишь дойдя до отряда афинян, которые возглавляли в битве левый фланг, он отмечает, что они последние в его перечне, но первые на левом фланге (Hdt. IX.28.6). Интересным в данном контексте является описание Ксенофонтом строя войска Кира Младшего накануне битвы при Кунаксе (Anab. I.8.4-7), которое больше соответствует первому примеру.

Гомеру также известно деление войск на фланги, и он использует соответствующую терминологию по ходу развития сюжета поэмы. В Каталоге отряды вождей описываются с левого фланга, о чем поэт сообщает при описании третьей дружины (П. II.526), однако никак не указывает на правый фланг. Таким образом, он описывает войско греков слева-направо, равно как и перечисляет местности, из которых пришли воины и их вожди, по часовой стрелке, но начиная с дружины Мегеса направление описания местностей меняется. Логично предположить, что именно с этого момента начинается описание правого фланга. На это указывает также особое использование частиц в греческом тексте [10, p. 51-55].

Делая такой вывод, мы сталкиваемся с новыми трудностями. Во-первых, описание войска в Каталоге не совпадает с описанием лагеря ахейцев и общих сцен битвы, которое мы находим на протяжении всего эпоса. Судя по описанию сражений, Аякс со своими воинами возглавлял левое крыло, а Ахиллес правое. Однако в Каталоге «Илиады» мы этого не наблюдаем. Из всех известных Перечней участников Троянской войны (Аполлодор, Гигин, Диктис Критский) большинство совпадают с гомеровским и лишь немного уточняют или изменяют его. Однако Каталог Еврипида («Ифигения в Авлиде») дает картину, соответствующую гомеровскому описанию. Иначе говоря, Каталог Еврипида, парадоксальным образом, соответствует «Илиаде» больше, чем Каталог самого Гомера.

Во-вторых, описание в гомеровском перечне начинается с левого фланга, что не типично для греческого военного дела. В статье, посвященной Эпаминонду, П. Видаль-Накэ и П. Левек рассматривают различные варианты построения войска и приходят к выводу, что фиванский военачальник был единственным, кто отводил особую роль левому флангу в бою. До него и после главным на поле боя был правый фланг. Однако это правило не касается флота. Здесь самым почетным и чаще всего атакующим был левый фланг, исключением может быть битва при Соломине, где условия местности благоприятствовали атаке правым флангом [3, с. 94-96]. Логично предположить, что все противоречия, связанные с описанием битвы и Каталогом, происходят оттого, что пред нами строй морского войска.

Если обратиться еще к одному перечню в «Илиаде» – каталогу троянцев и их союзников, то видно, что, хотя Гомер и не употребляет термины левого и правого фланга, а отмечает, что строй их был разделен курганом, описание их войска начинается с правого фланга, то есть с Гектора и его воинов, которые должны были противостоять левому флангу ахейцев (Аяксу). Последний в этом перечне Сарпедон, который должен был сражаться против правого фланга ахейцев, то есть против Ахиллеса. В поэме он погибает от руки Патрокла (XVI.476-486). Следовательно, перед нами линейное перечисление контингентов, которое соответствует описанию сухопутного войска.

Таким образом, перед нами противостояние сил суши (троянцы) и моря (ахейцы). Для троянцев самым главным являются стены их города, дома, могилы предков и святилища. Для ахейцев главное – их корабли. Битва у кораблей один из самых драматичных эпизодов поэмы. Защищая их, воины используют особое оружие – шесты для морского боя. Среди божеств, поддерживающих ахейцев, Посейдон, именно в его честь был сооружен знаменитый конь, ставший причиной гибели Трои, а Лаокоон, выступавший против его ввоза в город, погиб вместе с сыновьями от морских змей.

Библиография

1. Андреев Ю.В. Политическая география гомеровской Греции (К вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде») // Андреев Ю.В. В ожидании «греческого чуда». Из записных книжек / сост. Е.Ю. Андреева, Л.В. Шадричева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 336-351.
2. Брагинская Н.В., Леонов Д.Н. Титаресий, Стикс и Коцит: (к интерпретации Каталога кораблей, II. II, 748-755) // Балканы в контексте Средиземноморья: проблемы реконструкции языка и культуры. М.: Наука, 1986. С. 132-145.
3. Видаль-Накэ П., Левек П. Эпаминонд-пифагореец, или Проблема правого и левого фланга // Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / пер. с фр.; под ред. С. Карпюка. М.: Ладомир, 2001. С. 89-112.
4. Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. 395 с.
5. Клейн Л.С. Каталог кораблей: структура и стратиграфия // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 17-51.
6. Лорд А.Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.
7. Темненко Г.М. Перечень кораблей в «Илиаде» Гомера // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV (чтения памяти И.М. Тронского) / отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2011. С. 489-496.
8. Файер В.В. Композиция «Каталога кораблей» и проблемы гомеровского эпоса: препринт WP6/2010/04. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 32 с.
9. Файер В.В. Искусство памяти и композиция «Каталога кораблей» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И.М. Тронского) / отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 830-839.
10. Denniston J.D. *The Greek Particles*. Oxford: Clarendon Press, 1966. 660 p.

11. Simpson R.H., Lazenby J.F. The Catalogue of Ships in Homers Iliad. Oxford: Clarendon Press, 1970. 208 p.
12. Visser E. Homers Katalog der Schiffe. Stuttgart: K.G. Saur Verlag, 1997. 792 S.

Соколов Игорь Юрьевич, соискатель, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; ingvarhist@yandex.ru

About the composition of the Iliad Catalogue of Ships

In this paper, we consider the problem of composition of the Catalogue of Ships, which is one of the most controversial parts of the Iliad. After analyzing the main versions of the formation of the Catalogue, the author concludes that they all have a number of shortcomings and offers his own version, namely, various squads led by their leaders are presented here in a sequence which is used to describe army lined up and ready for battle. Special feature of this description and its contradiction with the main content of the poem lead to the conclusion that the Catalogue contains a description of the naval forces' formation.

Keywords: Homer, Iliad, Catalogue of ships, composition, troop formation, epic poetry

Sokolov Igor Yurevich, applicant for academic degree, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia; ingvarhist@yandex.ru

УДК 94(37)

Шмелева Л.М.

Отношения Рима с этруским городом Вейи в VIII – IV вв. до н.э.

В статье рассматривается история взаимоотношений Рима и этруского города Вейи в VIII–IV вв. до н.э. Это время существования в Италии небольших городов-государств, которые стремились подчинить себе как можно большие земельные ресурсы, а также установить свое господство над торговыми путями в регионе Центральной Италии. Автор приходит к выводу, что именно этим и обуславливались отношения Рима и Вей, которые стремились поставить под свой контроль торговые пути между Этрурией, Лацием и Кампанией. В конечном итоге, Рим к IV в. до н.э. смог собрать достаточно ресурсов, чтобы стать главным соперником этрусков в Италии. Это позволило римлянам завоевать Вейи и основать на этой территории новые трибы, населенные римскими гражданами.

Ключевые слова: Рим, Вейи, Фидены, латины, этруски

В VIII–IV вв. до н.э. в Лации и Этрурии существовали небольшие общины, в которых шел процесс социальной дифференциации и формирования государства. Для Этрурии характерно формирование территориального государства с одним ведущим центром и несколькими небольшими городами и поселками. В Лации формировались города-государства с небольшой сельской территорией.

Исключением здесь можно назвать Рим, который как считает Г. Чифани, формировался как территориальное государство по этрусскому образцу [4, р. 63–64]. Связи Рима с Этрурией были очень сильными, особенно в правление так называемой этрусской династии, что нашло отражение в ряде заимствований как в политической сфере (атрибуты власти римских магистратов), так и в религиозной (культ Капитолийской триады, конструкция храма). В то же время отношения с этрускими городами далеко не всегда были мирными. Показательны в этом плане отношения Рима с этруским городом Вейи, с которыми римляне вели войны за контроль над торговыми путями между Этрурией, Лацием и Кампанией.

Этрусский город Вейи находился вблизи современного Isola Farnese (на Тибре) на высоком туфовом плато, которое представляло собой естественную крепость, кроме того, город был обнесен стеной [3, с. 170]. Описание города мы встречаем у Дионисия Галикарнасского (*Dion. Hall.* XII. 15. (21)) и Плутарха (*Plut.* Camillus. II). Оба автора указывают на удачное расположение города и его богатство. Первое столкновение между Римом и Вейями произошло в самом начале римской истории – в правление Ромула (*Liv.* I.15.1–5). Ливий также писал, что оно было неудачно для вейян: они получили перемирие на сто лет и лишились ряда территорий (*Liv.* I.15. 5). Дионисий Галикарнасский уточняет, что столкновений было два, а также называет какие именно земли достались Риму по итогам конфликта – «передать римлянам область, прилегающую к Тибру, так называемые «Семь пагов», и оставить соляные разработки, что в устье реки» (*Dion. Hall.* II. LV. 5). В результате римляне получили область Септемпаги, а также соляные варницы в устье Тибра, где позднее была основана колония Остия, что позволило Риму контролировать продажу соли и торговый путь по Тибру.

Следующее столкновение между Римом и Вейями связано с присоединением к Риму Альбы-Лонги и восстанием в Фиденях против римской гегемонии. В этом конфликте Рим снова одерживает победу. В правление римского царя Анка Марция римлянам также пришлось вести войну с Вейями. Причиной конфликта стало увеличение влияния Рима в Лации, а также желание вейян вернуть соляные промыслы. В правление римского царя Тарквиния Древнего, боясь дальнейшего усиления города и контроля над торговыми путями, этрусский союз 12 городов, в который входили и Вейи, объявил Риму войну. Однако Тарквинию Древнему удалось одержать ряд побед над этрускими войсками и вернуться в Рим с богатой добычей. После смерти Тарквиния Древнего этруские и латинские города перестали соблюдать договоры, объясняя это тем, что договоры они заключали лично с царем, не со всей римской

общиной. Новому римскому царю Сервию Туллию пришлось, как сообщает Дионисий Галикарнасский, двадцать лет вести войну с этрусками, которая закончилась победой Рима. Новые договоры были заключены на следующих условиях: «всем прочим городам, оставшимся верными договорам, заключенным с ними Тарквинием, предоставляет просто и без всякого гнева управлять своими внутренними делами и пользоваться своим имуществом; а три города из их числа, которые сами восстали первыми и других подстрекали начать войну против римлян – церийцев, тарквинийцев и вейян, наказал, отняв у них землю, которую распределил между римлянами, что недавно получили гражданство» (*Dion. Hall. IV. XXVII. 1-6*). В правление римского царя Тарквиния Гордого отношения с Вейями были мирными. Более того, в своей строительной политике царь ориентировался на этрусские образцы, а многие украшения для храмов заказывал именно в Вейях (*Plin. N.H. XXXIII. 7.36*) [1]. В 509 г. до н.э. этрусские города Вейи и Тарквинии содействовали возвращению династии Тарквиниев в Рим, но потерпели поражение (*Dion. Hall. V. XIV. 1; XVII. 1*).

В V в. до н.э., уже в период Республики, отношения между двумя городами не были мирными. У Ливия и Дионисия Галикарнасского мы постоянно встречаем информацию о набегах вейян на римские земли и набегах римлян на Вейи (например, *Dion. Hall. VIII; IX; Liv. II. 49.10*). После столкновения 474 г. до н.э. между Римом и Вейями был заключен мир на 40 лет (*Dion. Hall. IX. XXXVI. 1-3; Liv. II. 54.1*). По условиям мирного договора этруски отказывались от Фиден, которые контролировали часть торгового пути по Тибру [2, с. 350]. По истечении срока мирного договора стороны возобновили военные действия, но они носили характер приграничных стычек.

Следующее столкновение с Вейями произошло из-за Фиден в 437–434 г. до н.э., однако это выступление не было поддержано другими этруским городами (*Liv. IV. 17.1; Dion. Hall. XII.V.(2).1*). Столкновение 428 г. до н.э. закончилось победой римлян и с Вейями было заключено перемирие на 20 лет (*Liv. IV.30-35*). Ключевое противостояние между Римом и Вейями приходится на 406 – 396 гг. до н.э. Римляне нашли себе союзников лице латинов и герников, Вейи же получили небольшое подкрепление только от Капен, Фалерий и Тарквиний. Если верить сообщению Тита Ливия, то военные действия свелись к осаде Вей римлянами (*Liv. IV.61.1*), а также к небольшим столкновениям между римлянами и этрусками. В 396 г. до н.э. римляне взяли город штурмом (*Liv. V.19.10-11; 20;21*). Пленные вейяне были проданы в рабство (*Liv. V. 22.1*), земли отошли к Риму, но сам город был разрушен не сразу, о чем упоминает Тит Ливий (*Liv. V. 24.6*).

В 386 г. до н.э., когда римлянам удалось захватить часть Этрурии, на захваченных землях были учреждены четыре новые трибы и расселены римские граждане [3, с. 254]. Таким образом, территория Вей была включена в состав римского государства.

Отношения между Римом и Вейями в VIII–IV вв. до н.э. были обусловлены борьбой за господство над торговыми путями между Этрурией, Лацием и Кампанией. Известно, что в периоды мирного сосуществования именно в Вейях римляне заказывали скульптурный декор храмов. В конечном итоге, когда к IV в. до н.э. Римское государство окрепло и стало вести активную завоевательную политику в Италии, отношения Рима и этрусков свелись к обычному завоеванию. В начале IV в. до н.э. Рим подчинил себе Вейи, а в середине этого же века – Цере. Прямым следствием этого стало утверждение в регионе римского полиса и исчезновение этрусской цивилизации.

Библиография

1. Гаврилин К.Н. Искусство раннего Рима и Южной Этрурии эпохи расцвета (VI–V вв. до н. э.) по материалам коропластики. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 240 с.
2. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. Кн. 1, 2. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. 523 с.
3. Немировский А.И. История Раннего Рима и Италии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1962. 302 с.
4. Cifani G. 2010: State Formation and Ethnicities from the 8 th to 5 th Century BC in the Tiberine Valley (Central Italy) // Social Evolution and History. 2010. № 9. 2 September. С. 53-69.

Шмелева Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; procella@rambler.ru

Relations of Rome with Etruscan city Vei in VIII – IV centuries B.C.

The article examines the history of relations between Rome and the Etruscan city of Veii in the VIII-IV centuries BC. This is the time of existence in Italy of small city-States that sought to subdue as much land resources as possible, as well as to establish their dominance over the trade routes in the region of Central Italy. The author concludes that this is what caused the relationship between Rome and the Veii, who sought to put under their control the trade routes between Etruria, Latium and Campania. Eventually, Rome by the fourth century BC was able to gather enough resources to become the main rival of the Etruscans in Italy. This allowed the Romans to conquer Veii and establish new tribes on this territory, inhabited by Roman citizens.

Keywords: Rome, Veii, Fidenae, the Latins, the Etruscan

Shmeleva Ljudmila Mihajlovna, Candidate of History, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; procella@rambler.ru

Яковлев А.Е.

К вопросу о пересечении территориальных границ в Древней Греции

Сообщение посвящено проблеме пересечения территориальных границ в Древней Греции. Исследуются ритуалы, совершаемые с целью удачного перехода через границу и представления древних греков касательно нарушения правильного порядка перехода границ. Делается вывод о существовании определенной системы представлений о правильном порядке перехода границ.

Ключевые слова: Древняя Греция, территориальные границы, диабатерии, Мильтиад, Клеомен I

Занимаясь исследованием проблематики, так или иначе связанной с феноменом территориальных границ в Древней Греции и анализируя соответствующие ей данные источников, трудно не обратить внимания на одно интересное обстоятельство. Речь идет о проблеме пересечения границ в Древней Греции, точнее, совокупности представлений, бытовавших в греческом обществе по данному вопросу. Первостепенными здесь являются два момента. Во-первых, какие действия нужно было совершить ради удачного перехода границы, во-вторых, каковы могли быть последствия нарушения правил перехода через границу. Об актуальности данной темы говорит опубликованная не так давно статья А.С. Сапогова под названием «Кир и Крез у Геродота: проблема пересечения водных границ» [1, с. 179].

Говоря о действиях, совершаемых ради успешного перехода через границу, нельзя не упомянуть спартанский ритуал диабатерий. Заключался он в том, что спартанцы, отправляясь в военный поход, совершали жертвоприношение, прежде чем переступить границу собственного полиса. Описание данного ритуала дается в «Лакедемонской политике» Ксенофонта: «Я хочу вынести на рассмотрение то, каким образом царь выступает с войском в поход. Прежде всего, находясь еще дома, он приносит жертву Зевсу-Агетору и божествам, его спутникам. Если жертвы благоприятны, “носитель огня” берет огонь с алтаря и несет его впереди всех до границы государства. Здесь царь вновь приносит жертвы Зевсу и Афине. Только в том случае, если оба божества благопритствуют начинанию, царь переходит границы страны» [Xen. Pol. XIII. 2]. Предположительно, данный ритуал совершался с целью заручиться поддержкой богов в таком важном начинании, как военный поход. Ведь за пределами полиса, по мнению Даверио Роччи, греки видели неупорядоченное

в сакральном отношении хаотичное пространство. Соответственно, с помощью ритуала диабатерий спартанцы желали получить покровительство богов за пределами собственного полиса. Источники содержат немало упоминаний о проведении данного ритуала, например: «Павсаний же, после того как диабатерии дали хорошие предзнаменования, засел в Тегее; здесь он ожидал воинов из подчиненных городов, послав за ними ксенагов» [Xen. Hell. III. 5]; «После всех приготовлений Архидам совершил диабатерии» [Xen. Hell. VI. 4].

Обращаясь к аспекту возможных последствий нарушения правил перехода через границу, обратимся к биографиям спартанского царя Клеомена I и марафонского победителя Мильтиада. Первый, во время военного похода на Аргос, приказал поджечь священную рощу, в которой укрылись противники: «Тогда по приказу Клеомена находившиеся в составе спартанского войска илоты подожгли рощу, в результате чего аргосское ополчение полностью погибло» [2, с. 244]. Геродот по данному поводу сообщает: «Так вот, это то и было, по словам аргосцев, причиной безумия и ужасной гибели Клеомена» [Hdt. VI. 84]. Таким образом, историк связывает преступление спартанского царя – нарушение им неприкосновенности границ священной рощи – с последующим его безумством и гибелью.

В отношении Мильтиада мы имеем следующие сведения: «И вот явилась к нему женщина, родом с Пароса, по имени Тимо, служка [при храме] подземных богинь. Тимо допустили к Мильтиаду, и она дала совет: если Мильтиад непременно желает взять Парос, то пусть поступит так, как она велит. После этого Мильтиад пробрался к холму перед городом и перескочил через ограду храма Деметры Фесмофоры, так как дверей он открыть не мог. Затем он вступил в святилище, чтобы там что-то (я не знаю что) сделать: либо унести с собой запретное, либо совершить что-нибудь еще. Однако уже у дверей святилища Мильтиада внезапно охватил страх, и он поспешил тем же путем назад и, спрыгивая со стены, вывихнул себе бедро. Другие, впрочем, утверждают, что он повредил себе только колено» [Hdt. VI. 134]. Из этого пассажа Геродота также следует, что Мильтиад поплатился за то, что преступил границу храма Деметры. Как и в случае с Клеоменом I, это в конечном итоге привело к его смерти, так как позднее Мильтиад скончался от ран, полученных на Паросе.

Исходя из вышеприведенных данных, можно сказать, что проблема перехода территориальных границ в Древней Греции действительно заслуживает внимания. Источники позволяют сказать, что определенные правила перехода границы существовали – об этом нам ясно говорят спартанские диабатерии. Однако вопрос о том, как дела обстояли в отношении индивидуального перехода границы, остается дискуссионным. Как это можно увидеть

на примерах Мильтиада и Клеомена I, некие представления о «правильном» переходе границ в греческом обществе все же существовали. В случае же их нарушения это могло повлечь за собой определенные неблагоприятные последствия, вплоть до гибели пренебравших ими.

Библиография

1. Сапогов А.С. Кир и Крез у Геродота: проблема пересечения водных границ. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3.
2. Суриков И.Е. Политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005. 351 с.

Яковлев Александр Евгеньевич, студент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; alexandr1197@mail.ru

On the issue of crossing territorial borders in ancient greece

This work is devoted to the study of the problem of crossing the territorial borders in Ancient Greece. Rituals that were performed in order to successfully cross the border and present the ancient Greeks regarding the disturbance of the correct order of border crossing are being studied. It is concluded there is a certain system of ideas about the correct order of border crossing.

Keywords: Ancient Greece, territorial borders, diabateria, Miltiades, Cleomenes I

Yakovlev Aleksandr Evgenovich, Student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; alexandr1197@mail.ru

Средние века

УДК 94(4):27

Бикеева Н.Ю.

Агиографические образы св. Радегунды и современные исследования святости

Автор делает вывод о том, что смысл агиографических образов не может быть понят без изучения духовной и культурной среды агиографов и их потенциальной аудитории, социального и идеологического контекста возникновения того или иного культа. Показано различие причин написания двух житий св. Радегунды, целей их агиографов. В статье делается вывод о новых подходах к изучению святости в современных исследованиях.

Ключевые слова: св. Радегунда, жития, агиография, Венанций Фортунат, Бадонивия

Св. Радегунда (518–521 – 587 гг.) – основательница одного из первых франкских женских монастырей, покровительница Пуаттье, супруга короля Хлотаря I. Почти сразу после смерти она стала почитаться святой, хотя официальная канонизация произошла в 1919 г.

Процесс мифологизации её личности начался ещё в конце VI в. и продолжается до сих пор под влиянием политических, религиозных идеологических, а также общих мировоззренческих установок.

Инициатором увековечивания памяти о Радегунде как святой стал автор ее первого жития [9] – Венанций Фортунат, один из самых известных латинских поэтов и церковных писателей эпохи Меровингов. Фортунат прожил почти двадцать лет при монастыре, основанном Радегундой, будучи её духовным наставником. К ней он испытывал искренние дружеские чувства и сильно горевал после ее смерти [1, с. 105-107].

Фортунат подчеркивает исключительность своей героини, ее религиозную избранность. Христианский подвиг Радегунды тесно связан для автора жития с понятием «мученичество». Однако традиционная модель мученической гибели от рук язычников в этот период замещается добровольным самоумерщвлением путем крайнего аскетизма [2, с. 468]. Много внимания посвящено описанию ее чудес, что также должно было свидетельствовать о ее святости. Однако Венанций Фортунат не упоминает о ценной христианской реликвии св. Креста, которую королеве-монахине удалось получить в дар для своего монастыря от византийского императора Юстина.

Этим объясняется необходимость создания новой духовной биографии святой. Задача написания второго жития была поручена монахине монастыря св. Креста – Баудонивии [3], которая, также как и Фортунат, лично знала святую и была знакома с текстом её первого жития. Баудонивия уделяет большое внимание рассказу о поиске и приобретении Радегундой ценных христианских реликвий. В тексте второго жития святая заботится об искоренении язычества и распространении христианства в королевстве [3, р. 380]. После основания монастыря и ухода в него, Радегунда никогда полностью не прерывала связи с внешним миром. Она писала письма меровингским королям о необходимости мира между ними [3, р. 384]. Собранные Радегундой реликвии, особенно частица св. Креста, превратили ее монастырь в один из наиболее влиятельных и уважаемых во Франкском королевстве. Таким образом, Баудонивия описывает Радегунду не только как идеальную святую, но и как «праведного правителя».

Фортунат стремится прославить саму Радегунду, его сочинение носит явный апологетический характер, а тема мученичества становится центральным элементом жития. Цель Баудонивии – повысить влияние и роль конвента св. Креста в Пуатье (монахиней которого она сама являлась) путем дальнейшего продвижения культа святой.

В последние десятилетия жития св. Радегунды, написанные Фортунатом и Баудонивией, не раз становились предметом сравнительного анализа. В этих исследованиях рассматривались вопросы, связанные с историческим контекстом написания житий Радегунды, способами создания образа святой. Такие авторы как С. Коутс [4, р. 37-50] и Дж. Китчен [7, р. 115-153] сравнивают эти два жития в контексте изучения гендерных особенностей представлений о святости. Подобный подход можно встретить и у Л. Кун [5, р. 120-141], которая обращает особое внимание на то, что одним из авторов житий Радегунды был мужчина, а другим – женщина. По мнению Л. Кун, Фортунат стремился подчеркнуть отказ своей героини от «женской природы», в то время как Баудонивия не акцентирует на этом внимание. Венгерский историк Г. Кланицай [8, р. 70-78] обращает внимание на сходство образа Радегунды в житии Фортуната с образом библейской деятельной Марфы из Вифании, в то время как автор второй духовной биографии больше описывает Радегунду как сестру Марфы, созерцательную Марию.

Сравнивая различные цели написания двух житий королевы-монахини, Дж. Гленн [6, р. 57-69] приходит к выводу, что для Венанция Фортуната было главным показать, как для достижения целомудренной и благочестивой жизни Радегунда преодолевала слабости (преимущественно телесные), присущие женскому полу. Для автора первого жития это символизирует ее религиозный подвиг во славу Бога. Кроме того, Фортунат подчеркивает, что его героиня избегает всяческих атрибутов своего королевского статуса. В противоположность ему, Баудонивия указывает на знатное происхождение своей героини.

Очевидно, что современные авторы видят, прежде всего, различия двух духовных биографий Радегунды, несмотря на следование обоих агиографов общим канонам и принципам создания жития.

Исследования феномена святости и культов святых, имеющие давние традиции в западной историографии, в последние десятилетия выходят на совершенно иной уровень. К настоящему времени ученые склонны перейти от категоризации и сопоставления множества житий к микроисторическим, индивидуальным исследованиям, затрагивающим, в том числе историю повседневности, частной жизни и гендера, а также проблему политической подоплеки создания жития и культа конкретных персонажей, социальный и идеологический контекст возникновения культов святых.

Библиография

1. Бикеева Н.Ю. Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2011. № 19. С. 98-118.
2. Парамонова М.Ю. Святые // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 467-478.
3. Baudonivia. De Vita Sanctae Radegundis. Liber II // Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum merovingicarum. Vol. 2. / Ed. Bruno Krush. Hannover, 1888. P. 377-395.
4. Coates S. Regendering Radegund? Fortunatus, Baudonivia and the Problem of Female Sanctity in Merovingian Gaul // Gender and Christian religion: papers read at the 1996 Summer Meeting and the 1997 Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society. N.Y.: Published for the Ecclesiastical History Society by the Boydell Press, 1998. P. 37-50.
5. Coon L. Sacred Fictions: Holy Women and Hagiography in Late Antiquity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. P. 120-141.
6. Glenn J. Two Lives of Saint Radegund // The Middle Ages in texts and texture: reflections on Medieval sources. Ed. by J. Glenn. University of Toronto Press, 2011. P. 57-69.
7. Kitchen J. Saints' Lives and the Rhetoric of Gender: Male and Female in Merovingian Hagiography. New York: Oxford University Press, 1998. P. 115-153.
8. Klaniczay G. Holy rulers and blessed princesses: dynastic cults in medieval central Europe. Cambridge University Press, 2002. P. 70-78.
9. Venantius Fortunatus. De Vita sanctae Radegundis. Liber I // Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum merovingicarum. Vol. 2 / Ed. Bruno Krush. Hannover, 1888. P. 364-376.

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; binata@rambler.ru

Hagiographic Images of St. Radegund and modern Studies of Sanctity

The author concludes that the meaning of hagiographic images cannot be understood without studying the spiritual and cultural environment of hagiographers and their potential audience, the social and ideological context of the emergence of a particular cult. There are difference in the reasons for writing the two Lives of St. Radegund and goals of their hagiographers are different too. The article concludes about new approaches to the study of sanctity in modern researches.

Keywords: Saint Radegund, Lives, hagiography, Venantius Fortunatus, Baudonivia

Bikeyeva Natalya Yurevna, Candidate of History, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; binata@rambler.ru

Феномен средневекового ирландского жанра «Плаваний» в диссертациях: общее и особенное с глобальной исследовательской традицией

В центре внимания находятся диссертационные исследования, касающиеся средневекового ирландского жанра «Плавания» (др.-ирл. Immrama). Выявлены основные направления проблематики, в контексте которых жанр фигурировал. Подчеркнуты связи разработок диссертантов с глобальной исследовательской традицией, но также показано развитие новых перспективных подходов (на примере гуманитарной географии) для жанра в диссертациях.

Ключевые слова: Immrama, средневековая ирландская литература, ирландистика, база диссертаций ProQuest

Диссертации являются важным источником информации и могут быть задействованы для реализации различных научных задач: выявить и проследить трансформацию взглядов ученых на определенной стадии их научной карьеры, оценить состояние научно-профессионального сообщества, определить актуальные тенденции в изучении какого-либо вопроса. Наше исследование – как раз взгляд на диссертации в последнем ракурсе, попытка связать информацию в них с состоянием и тенденциями изучения жанра «Плаваний» в глобальной интеллектуально-научной среде.

Раннесредневековые ирландские тексты о морском путешествии героя – «Плавания» (др.-ирл. Immrama) привлекались для решения множества проблем и вопросов. Диссертационные исследования не стали исключением; на основе анализа 19-ти работ из электронной базы диссертаций ProQuest [13] можно выделить следующие направления проблематики, в контексте которой использовались тексты Immrama:

1. Проблематика Иного мира;
2. Изучение определенного мотива, сюжета или персонажа в средневековых литературных традициях и в древнеирландской в частности;
3. Проблематика «Плавания Святого Брендана»;
4. Проблематика связи ирландского литературного наследия с искусством и литературой XIX – XX вв. и современности.

Конечно, границы этих направлений прозрачны и тонки: так, изучение определенного мотива или персонажа из Immrama затруднительно без обращения к проблематике Иного мира, поскольку эта

тема – центральная для историй о плаваниях ирландцев к далеким островам.

Часть из этих проблематик согласовывается с тенденциями глобальной исследовательской традиции жанра, его интеллектуальным осмыслением. Так, три диссертации посвящено репрезентациям кельтского Иного мира [1; 3; 9], их подготовка и защита (в 1983, 1989, 1999 гг.) происходит, когда значительный теоретический материал в этой области уже был накоплен. Тематика кельтского «Иного мира» конкретно в «Плаваниях» была начата британским издателем и фольклористом А. Наттом (A. Nutt) в 1895–1897 гг.; впоследствии были написаны фундаментальные работы Дж. Сеймура и Г. Патча (S. J. D. Seymour, H. R. Patch) [10; 12; 14]. Авторы указанных диссертаций обращали свое внимание прежде всего на «Плавание Брана», которое было одним из центральных предметов дискуссии нативистов – антинативистов [6, p. 22–25].

Однако диссертации представляют и качественно новый, необычный взгляд на жанр. Особенно ярко это видно на примере перехода от темы Иного мира к теме репрезентаций реальных и вымышленных географических пространств. В 2001 – 2016 гг. в подобной парадигме работали сразу три исследователя: О. Фраули (O. Frawley), А. К. Сьюерс (A. K. Siewers) и Г. Эртсгаард (G. Ertsgaard) [4; 5; 16]. Все три автора разными словами формулируют общий тезис, что море, по которому путешествуют Бран и Майль-Дуйн – место соприкосновения реального и вымышленного; Г. Эртсгаард и А. Сьюерс называют это «обволакивающий ландшафт Иного мира» (*Otherworld's landscape overlay*), когда «одеяло» из географических аллюзий и представлений «накладывается» на реальную физическую среду [4, p. 30]. Актуальность подобного вектора исследований доказывает еще и тот факт, что авторы используют теоретический базис исторической географии и *Environmental Humanities*, а также недавний опыт применения этих подходов к древнеирландскому материалу (статьи Р. Трэйси, П. Симс-Уильямса и др.) [17; 18]. Примечателен и тот энтузиазм, с которым были подхвачены новые, более проработанные издания «Плаваний» Г. Оскампа и Ш. МакМафуны (H.P. Oscamp, S. MacMathuna) [8; 11].

Вместе с тем необходимо отметить, что в некоторых диссертациях наблюдаются ошибки и неточности как в формулировках, так и в более важных аспектах. Например, в 1988 г. В. Армуа-Хилеман (V.L. Armour-Hileman) в контексте всех «Плаваний» использует описание сюжета, которое подходит *только* «Плаванию Брана» [1, p. 86–87]. В единственной работе, специально посвященной «Плаваниям» – магистерской диссертации К. Эштона (C. Ashton), нет даже ссылки на издание Э. Г. ван Хамеля, которое является

важным трудом о предмете и вообще уникальным целостным изданием всех четырех текстов [2; 7]. Подобное свидетельствует не столько о не компетенции авторов, сколько о необходимости тщательной работы с таким специфическим материалом, как древнеирландские тексты.

Библиография

1. Armour-Hileman V. Otherworld motifs and paradigms: A study of celtic influence on early English literature. Ph.D. diss., the University of Iowa, 1988.
2. Ashton C. Journeys to death and enlightenment: reclaiming the Immrama for the modern reader. M. of A. Thesis. Toronto: York University, 2007.
3. Chadbourne K. A. The Otherworld procession in Irish and Welsh literature and folklore, Ph.D. diss., Harvard University, 1999.
4. Ertsgaard G. Saint Brendan's Green Voyage: Sustainable Insights from a Medieval Irish Legend. Doctor of Letters' diss. Drew University, 2016.
5. Frawley O. Irish pastoral: nature and nostalgia in Irish literature. Ph.D. dissertation. The City University of New York, 2002.
6. Hollo K.I.M. A critical edition of «Fled Bricrenn ocus Loinges mac nDull Dermaít». Ph.D. dissertation. Harvard University. 1992.
7. Immrama / Ed. by A. G. Van Hamel. Reprint. in: Dundalgan Press, Co. Louth. Dublin: School of Celtic Studies, 2004. 155 p.
8. Mac Mathúna S. Immram Bran: Bran's journey to the Land of the Women / Ed. by S. Mac Mathúna. Tübingen: Niemeyer, 1985. 521 p.
9. McLoughlin E. Rhetorical description in the Early Irish saga Tain Bo Cuailnge. Ph.D. dissertation, Fordham University, 1969.
10. Nutt A. The Happy Otherworld in the Mythico-romantic Literature of the Irish. The Celtic Doctrine of Re-birth. // The Voyage of Bran Son of Febal to the Land of the Living / Ed. and tr. A. Nutt, Kuno Meyer. London, 1895. Vol. 2. P. 1-284.
11. Oskamp H. P. The Voyage of Mael Duin: a study in Early Irish Voyage literature. Groningen, 1970.
12. Patch H. R. The Other World According to Descriptions in Medieval Literature. Cambridge, Mass., 1950. 395 p.
13. ProQuest Dissertation & Theses Global. – URL: <https://www.proquest.com/products-services/pqdtglobal.html>. Дата посещения: февраль – сентябрь 2018 г.
14. Seymour J. Irish Visions of the Otherworld: A Contribution to the Study of Medieval Visions. 1930.
15. Siewers A.K. Desert Islands: Europe's Atlantic Archipelago as Ascetic Landscape // Studies in the Medieval Atlantic / Ed. Benjamin Hudson. New York: Palgrave. Macmillan, 2012. P. 35-63.
16. Siewers A.K. Stories of the Land: nature and religion in Early British and Irish literary landscapes. Ph.D. dissertation. Urbana: University of Illinois at Urbana-Champaign, 2001.
17. Sims-Williams P. The Visionary Celt: The Construction of an Ethnic Preconception // CMCS. Vol. 2 (summer 1986). P. 71-96.
18. Tracy R. Sailing Strange Seas of Thought: Imrama, Mael Duin to Muldoon // A Celtic Florilegium: Studies in Memory of Brendan O Hehin. Lawrence. VIA: Celtic Studies Publications, 1996. P. 169-186.

Богданова Анастасия Алексеевна, аспирант, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия; bognastia1996@gmail.com

Phenomenon of the medieval Irish genre “Floats” in dissertations: general and special with global research tradition

The focus is on dissertation research related to the medieval Irish genre “Swimming” (Dr. Irm. Immrama). The main directions of the problems in the context of which the genre appeared are identified. The author emphasizes the connection between the development of dissertations and the global research tradition, but also shows the development of new promising approaches (for example, humanitarian geography) for the genre in dissertations.

Keywords: Immrama, Old Irish literature, Irish studies, ProQuest dissertations’ database

Bogdanova Anastasiya Alekseevna, Postgraduate Student, Tyumen State University, Tyumen, Russia; bognastia1996@gmail.com

УДК 94(4)

Главатских К.В.

«Конституционное» положение остготского короля Теодориха в историографии

Статья освещает историографические традиции в понимании «конституционного» положения правителя Остготского королевства Теодориха Великого. Основу исследования составили штудии английских, американских, российских, польских и немецких ученых. Таким образом, результаты позволяют нам определить, что различия в понимании положения Теодориха лежат в попытках объяснения связи его власти с византийским императором.

Ключевые слова: историография, Теодорих, Остготское королевство, остготы, Византия, Зенон

Изучение различных аспектов жизни Остготского королевства традиционно привлекало большое внимание историков. Одной из наиболее дискуссионных проблем является «конституционное» положение власти остготских правителей. Прежде всего, обсуждение этого вопроса сводится к попыткам выяснить детали договора между Теодорихом и Зеноном, который так часто упоминается в источниках. Ряд свидетельств того времени упоминают о том, что Теодорих был послан Зеноном, чтобы сместить Одоакра и править вместо него. Конкретные детали событий варьируются от одного автора к другому, но факт наличия некой договоренности встречается достаточно часто. В этой связи мне представляется необходимым обозначить основные историографические версии.

Эти упоминания стали материалом для различных опытов «реконструировать» договор Теодориха и Зенона. Историки часто склонны были утверждать, что наличие какого-либо договора

делало Теодориха непосредственным подчиненным византийского императора [10, р. 266]. Так, ещё Т. Моммзен высказал мнение, что Теодорих был *королем готов*, в то время как римлянами он правил на правах своего рода имперского чиновника [9, р. 126]. Этому же мнения придерживался и Г. Пфайльшифтер, писавший в первой половине XX в. [2, с. 67]. Томпсон так же ставит под сомнение наличие у Теодориха титула, именующего его правителем римлян и готов [3, С. 67]. Он останавливает своё понимание на том, что Теодорих именовал себя просто королём, без уточнений. Это, по его мнению, указывает на то, что Теодорих не обладал точно определённым конституционным положением, а власть его было ограничена византийским императором [3, с. 67].

Другая традиция доказывает, что Теодорих был самостоятельным правителем. Однако существует несколько взглядов на характер независимости власти остготского короля. Согласно широко распространенной идее, Теодорих, возможно, действительно был связан каким-то договором, устанавливающим его подчиненный статус по отношению к императору Восточной империи. Но с установлением власти остготов в Италии условия этого договора, в силу различных причин, были пересмотрены. Де-факто Теодорих правил без какого бы то ни было «присмотра» со стороны императора. Остготский король властвовал и управлял Италией как независимый правитель. При этом он не обладал титулом императора и формально сохранял подчиненность восточному императору [7, р. 99; 1, с. 403-413; 4, с. 60; 5, с. 42].

Следует выделить работу польского историка Яна Простко-Простыньского [8, р. 282]. В ней автор провел широкий анализ имеющегося в распоряжении историков корпуса источников, преимущественно базируясь на немецкой историографии. В попытках выяснить детали заключенного договора он приходит к выводу о том, что этот договор был заключен дважды: сначала с Зеноном, а после его смерти – с Анастасием, когда его условия были пересмотрены. В результате историк приходит к выводу, что Теодорих был скорее императорским коллегой, нежели его подчиненным или совершенно не связанным с императором германским правителем. Он был правителем одной части единой *Imperium Romanum*, признавая старшинство Восточного коллеги. В этой связи он даже ставит под сомнение целесообразность использования принятого в историографии название «Остготское королевство».

Наконец, существует мнение, согласно которому власть Теодориха бы полноценна сама по себе и не находилась в зависимости от каких-то внешних источников. Вместе с этим историки расходятся во мнениях относительно характера этой власти. Например,

А.Х.М. Джонс был уверен в том, что Теодорих был варварским королем. Дипломатические переговоры между Теодорихом и Анастасием в 497 г. закончились тем, что император признал независимость остготского королевства. Таким образом, Италия перестала быть частью Империи [9, р. 127]. В свою очередь, Д. Арнольд предлагает противоположную идею, называя Теодориха полноправным императором Запада [6, р. 61-91]. В своей работе он утверждает, что римляне воспринимали Теодориха как полноценного императора, что его политика сохранения и поддержки римских традиций и институтов находила отклик в кругах аристократии. Он также настаивает на существовании дихотомии в понимании института императора на Западе и Востоке [6, р. 75]. Пришествие Теодориха стало для римлян долгожданным событием, поскольку предыдущие императоры ввергли Западную империю в затяжной период упадка. Более того, Арнольд не разводит титулы «rex» и «imperator». В его понимании эти два титула были взаимозаменяемыми [6, р. 89-91].

Таким образом, мы видим, что вокруг проблемы «конституционного» положения Теодориха встраивается ряд направлений в исследовании. Эти тенденции формируются на основе того, каким образом в терминах иерархии складывались отношения Теодориха с византийским императором. Исходя из этого, историки выстраивают понимание характера власти остготского короля и место Остготского королевства в формирующейся системе постримского политического пространства.

Библиография

1. Вольфрам Х. Готы; под ред. Н.А. Бондаренко и П.В. Шувалова. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.
2. Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий / Пер. с нем. Певчева В.А. СПб.: Евразия, 2017. 272 с.
3. Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб.: «Ювента», 2003. 288 с.
4. Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. М.: Центрполиграф, 2013. 307 с.
5. Шкаренков П.П. Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора: миф, образ, реальность. М.: РГГУ, 2003. 137 с.
6. Arnold J.J. Theoderic and the Roman Imperial Restoration. New York: Cambridge University Press, 2014.
7. Burns T.S. Theoderic the Great and the Concepts of Power in Late Antiquity. *Acta Classica* 25 (1982): P. 99-118.
8. Prostko-Prostynski J. Utraeque res publicae: The Emperor Anastasius I's Gothic Policy (491-518). Poznan: Instytut Historii UAM, 1994.
9. Jones A. H. M. The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic. *The Journal of Roman Studies* 52. 172 (1962). P. 126-130.
10. Moorhead J. Theoderic, Zeno and Odovacer. *Byzantinische Zeitschrift* 77 (1984). P. 261-266.

Главатских Кирилл Владимирович, студент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; soulmadmonkey98@gmail.com

The "constitutional" position of the Ostrogothic king Theodoric in historiography

The article denotes historiographical traditions in understanding constitutional position of the ruler of Ostrogothic kingdom Theodoric the Great. Research is based on studies of American, British, Polish, Russian and German historiography. Thus, results allow to determine that differences in understanding of Theodoric's position are lying in attempting to account links of his authority and byzantine emperor.

Keywords: historiography, Theodoric, Ostrogothic Kingdom, Ostrogoths, Byzantium, Zeno

Glavatskix Kirill Vladimirovich, Student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; soulmadmonkey98@gmail.com

УДК 94(368)»11/12»

Ильичев В.А.

«Круг Земной» Снорри Стурлусона: образ идеального правителя в скандинавских сагах XII – XIII вв.

На протяжении длительного времени цикл саг «Круг Земной», созданный в первой половине XIII века исландским ученым и писателем Снорри Стурлусоном, остается одним из важнейших текстов, проливающих свет на некоторые подробности истории средневековой Скандинавии. Его уникальность и значимость обусловлена различными факторами – от строгого следования автором принципу критического отношения к используемым источникам до умелого смешения различных литературных жанров и стилей. Данная работа посвящена анализу одному из аспектов, присущих данному произведению, а именно концепции «идеального правителя», разработанной Стурлусоном с учетом личного опыта, полученного в период жизни при дворе норвежского короля Хакона IV, а также в ходе активной работы над светской и церковной скандинавской хроникой XI–XIII вв.

Ключевые слова: Средневековье, Скандинавия, Исландия, Норвегия, сага, источник, правитель, образ

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, в процессе работы над циклом саг «Круг Земной» великий исландский историк и писатель Снорри Стурлусон (ок. 1179–1241) сумел зарекомендовать себя в нескольких ипостасях. Перед читателем может возникнуть образ талантливого литератора, мастерски сочетающего стилистические особенности различных жанров, и опытного исследователя, тщательно отбирающего необходимый материал. Снорри не только активно цитирует известных поэтов-скальдов или ссылается на церковную хронику – он также обращается к сюжетам

народных преданий, героическому эпосу и сказкам. Трепетное отношение автора к памятникам устной и письменной культуры средневековой Скандинавии послужило причиной того, что тексты «Круга земного» представляют собой яркий и достаточно правдивый рассказ о жизни и судьбах множества людей, стоявших у истоков норманнского социума VIII–XII вв.

Говоря о содержании саг, включенных Стурлусоном в литературный цикл, необходимо отметить присутствие множества деталей, свидетельствующих о наличии тесных историко-культурных связей между Норвегией и Исландией. Часть текстов источника, посвященных генезису полуостровного государства на севере Европы, содержит большое количество фактов, явлений и анахронизмов, характерных только для социума островитян-переселенцев [1, с. 144, 235–236]. Это говорит не только о попытках Снорри перенести в описание норвежского общества опыт общественно-политической и экономической жизни на острове, но и о том, что судьба Исландии в XII–XIII веках во многом напоминала историю Норвегии в период создания централизованного государства [2, с. 588].

В числе прочего социокультурного материала текст «Круга Земного» открывает читателю сложную и неоднозначную систему взглядов и представлений скандинавов о природе власти и ее обладателях, а также о том, что случается с людьми, которые ей злоупотребляют. Подробные сведения о взаимоотношениях правителей с различными кругами подданных свидетельствуют о том, что для норманнов роль вождя в период формирования социума была весьма значительна. В VIII–XII вв. ярлы и конунги являлись не просто держателями властных полномочий – от их личных качеств и умений, мотивации и поступков зависело благополучие жителей страны, удача во внешней политике и благосклонность высших сил. Поэтому в каждой саге «Круга Земного» Стурлусон старается дать максимально подробное описание жизненного пути каждого норвежского правителя, дабы подчеркнуть его исключительную значимость для страны и ее жителей в конкретный исторический период.

Опыт жизни при дворе короля Хакона IV и тесное общение с первыми лицами государства в сочетании с доступом к большому количеству исторических документов позволили исландскому ученому создать собственную концепцию идеального правителя. Знакомясь с текстами саг, входящих в цикл, читатель может обнаружить своеобразную логику в выстраивании схемы повествования – каждая из персоналий характеризует собой ту или иную черту, жизненно необходимую каждому лидеру государства. Так, например, Хакон I Добрый был не только талантливым полководцем, но и от важным воином, способным увлечь за собой множество людей:

он «...сражался так отважно, что был без шлема и брони впереди стяга...» [II, с. 70]. Сила и ловкость Олафа Трюггвасона внушала страх его противникам и вызывала гордость у сподвижников – во время сражений король всегда находился на передовой, «...рубил одинаково обеими руками и метал сразу два копья...» [V, с. 150].

По мнению автора «Круга Земного», идеальный правитель должен обладать твердой волей и железным характером. Власть обязывает ярлов и конунгов быть суровыми к своим подданным – государство как социальный институт неразрывно связано с принуждением. Действия Харальда Прекрасноволосого, предпринятые им в ходе объединения Норвегии в единое государство, могут служить подтверждением этой идеи. Снорри пишет, ссылаясь на норвежских хронистов, что король ввел следующий порядок: «...он присваивал себе все отчины и заставлял всех бондов платить ему подать, как богатых, так и бедных...» [III, с. 44]. В то же время на страницах книги Стурлусон выступает ярлым поборником тирании и произвола – он открыто критикует жестокость Олафа Трюггвассона, огнем и мечом принуждавшего бондов-язычников креститься, или тщеславие Олафа Святого, бросившего вызов датскому королю, но сбежавшего в Новгород после нескольких ощутимых поражений на суше и море.

Исландский историк отлично понимал, на какие жертвы приходится идти, дабы получить и удержать власть в собственных руках. В то же время, по мнению Снорри, для этого невозможно пользоваться одними войнами, грабежами и притеснениями. Так, легендарный конунг Олаф Лесоруб после бегства из Упсалы вместе с семьей и сподвижниками занялся основанием новых поселений, расчищая земли от лесов и осушая болота. Разумеется, его фигура была далека от образа идеального государя – еще современники отмечали, что его прозвище «...было насмешкой над ним» [IV, с. 34]. В то же время мирный труд, свойственный больше крестьянину, чем воину-викингу, являлся на тот момент осознанной необходимостью. Любая страна нуждается в достойном правителе хотя бы потому, что власть иностранных захватчиков оказывается ещё хуже – в тексте «Саги о Магнусе Эрлингссоне» Снорри прямо пишет, что «...как говорят люди, то время, когда датчане владели Норвегией, было худшим временем в стране...» [I, с. 567]. Однако государь был обязан считаться с установленными ранее нормами обычного и писаного права. Так, тексты «Круга Земного» содержит множество отсылок к «Праву Харальда», согласно которому конунги ни при каких обстоятельствах не должны увеличивать размер налогов и податей.

Подводя итоги всему вышесказанному, необходимо отметить, что концепция «идеального правителя», разработанная Снорри Стурлусоном с учетом опыта личного общения с королем Норвегии,

его регентом и ближайшими сподвижниками, а также наличия доступа к государственным архивам, базируется на идее поддержания баланса сил в скандинавском обществе. Учитывая тот факт, что историчность событий, описанных в текстах «Круга земного», может быть подвергнута сомнению [3, р. 18-22], можно предположить, что образы норвежских правителей VII – XII вв. обнаруживают некоторые символические черты. В своем произведении Снорри удалось передать мысль о том, что как только правитель теряет осторожность и начинает дистанцироваться от подданных, увеличивая налоги и притесняя подданных, он рискует лишиться не только власти, но и жизни.

Библиография

I. Saga о Магнусе сыне Эрлинга // Снорри Стурлусон. Круг земной: отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. С. 67-86.

III. Saga о Харальде Прекрасноволосом // Снорри Стурлусон. Круг земной: отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. С. 42-66.

IV. Saga об Инглингах // Снорри Стурлусон. Круг земной: отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. С. 11-37.

V. Saga об Олаве сыне Трюггви // Снорри Стурлусон. Круг земной: отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. С. 97-166.

1. Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов: пер. с англ., фр. и дисл. И. Свердлова. М.: Астрель – CORPUS, 2012. 912 с.

2. Стеблин-Каменский М.И. «Круг Земной» как литературный памятник // Снорри Стурлусон. Круг земной: отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. С. 581-596.

3. Nordal S. The Historical Element in the Icelandic Family Sagas. W.P. Ker Memorial Lecture 15: Jackson, Son & Co., 1957.

Ильичев Владимир Александрович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; *vlad.panoptikum92@yandex.ru*

The “Heimskringla” by Snorri Sturluson: the image of the ideal ruler in the Scandinavian sagas of the XII-XIII centuries

The “Heimskringla” sagas, which was created in the 1st half of the 13th century by the Icelandic scientist and writer Snorri Sturluson, remains one of the most important texts that shed light on some details of the history of medieval Scandinavia for a long time. The uniqueness and significance of this text is due to various factors – from the author's strict adherence to the principle of critical attitude to the sources used to the skillful mixing of various literary genres and styles. This work is devoted to the analysis of one of the aspects inherent in this source, namely the concept of an “ideal ruler” developed by Sturluson taking into account personal experience gained during his life at the court of Norwegian King Hakon IV, as well as during active work on secular and church Scandinavian chronicles XI – XIII centuries.

Keywords: Middle Ages, Scandinavia, Iceland, Norway, saga, source, ruler, image

Ilichev Vladimir, Postgraduate Student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; *vlad.panoptikum92@yandex.ru*

Кириллова Е.Н.

**«20 лет тому назад», или «как король ушел за море»:
датировка «Книги ремесел» Парижа**

Датировка 1268 г., принятая специалистами для «Книги ремесел», знаменитого сборника ремесленных и торговых регламентов Парижа, основана на сообщениях уставов двух ремесленных корпораций, прежде составлявших одно профессиональное сообщество. Автор демонстрирует условность этой датировки, рассматривая ее в контексте истории создания сборника и с учетом отношения ко времени и числам в средние века.

Ключевые слова: «Книга ремесел» Парижа, датировка, контекст, память

«Книга ремесел» Парижа – сборник из условно 100 (первоначально – около 70) ремесленных и торговых регламентов [2; 3], составленный в последние годы правления Людовика IX (1226–1270), по указанию прево Парижа Этьена Буало [1, с. 52-75].

Точная дата создания «Книги ремесел» неизвестна. В историографии принято называть 1268 год, но это лишь одна из вероятных дат. Ее обоснование было приведено Р. де Леспинассом во введении ко второму изданию источника [5, р. XVI] и основано на данных двух его уставов. Изготовители золотых и серебряных листочков (XXXIII устав «Книги ремесел») и гранильщики драгоценных камней (XXX устав) заявили, что они стали нести караульную службу «20 лет тому назад» (XXXIII), «с тех пор, как король ушел за море» (XXX) [3, р. 66, 62]. Подобные указания отсылают, как полагал Р. Де Леспинасс, к началу Седьмого крестового подхода (1248–1254), к 1248 году. Прежде изготовители листочков и гранильщики входили в единую корпорацию ювелиров, и потому есть основания предполагать, что речь идет об одном и том же событии. Сам издатель однако считал возможным отходить от датировки 1268 г., используя и другую дату – 1270 г. [4, р. 80], но не приводя ее обоснования. Между этими датами всего лишь два года, однако 1270 годом датируются начало Восьмого крестового похода, подготовка которого велась с 1267 г., и смерть Людовика IX.

Задавая вопрос об истории создания «Книги ремесел», историки предлагают и другие датировки, разрыв между которыми составляет около 15 лет: 1254–1270 гг. Подобный интервал для первой записи уставов большинства парижских ремесел не является препятствием для понимания значения этого уникального источника и этого предприятия в целом и не создает особых сложностей для современной науки, обладающей методиками корректной

работы с такими источниками. Тем не менее вопросы о том, что, когда и как именно происходило, кем и в каких обстоятельствах могло быть задумано и реализовано, важны не только для истории конкретного исторического источника.

Многие исследователи полагают запись ремесленных обычаев важным результатом перемен, осуществлённых Людовиком Святым в Париже, элементом административной реорганизации и мер, принятых Людовиком при возвращении из Святой земли – то есть помещают «Книгу ремесел» в ряд событий, «1268 году» не соответствующих, однако не высказывают идей о необходимости изменить датировку источника.

1268 г. можно полагать только условной датой, которая сохраняется в качестве общепризнанной до сих пор только лишь потому, что ее обоснование базируется на тексте источника. Однако оно не полностью учитывает контекст, прежде всего, ход административных реформ в королевстве и в парижском превостве, а также свойства человеческой памяти и особенности восприятия чисел и времени в средние века. И в современном восприятии «20 лет» легко могут оказаться 19 и даже 18 годами или же 21 годом. Особенно потому, что «20» – круглое число, естественная результирующая величина для находящихся рядом «некруглых» (17–18–19–21...) сроков.

«20 лет» (*XX ans*) вряд ли можно воспринимать как точное определение временного интервала. В двадцати годах можно видеть лишь условный период, соответствующий по своему характеру другим способам уточнения хронологии, которые известны «Книге ремесел»: «во времена королевы Бланки» – матери Людовика Бланки Кастильской, которая правила королевством в отсутствие короля с 1248 по 1252 г. (как в уставах булочников (I), сукноделов (L), сукновалов (LII), сапожников (LXXXIV)) или «во времена короля Филиппа» – деда Людовика Филиппа II Августа (1180–1223) (в уставах булочников (I), изготовителей пряжек из меди и латуни (XXII), изготовителей золотых и серебряных листочков (XXXIII), торговцев холстом (LIX), старьевщиков (LXXVI), рыбаков королевских вод (XCIX)). В данном контексте любой из несовпадающих с «20 годами» вариантов следует считать не менее реальным интервалом, чем 20 лет [1, с. 54–62].

Библиография

1. Кириллова Е.Н. История ремесла во Франции XIII–XVIII веков: статья мастером. СПб.: Евразия, 2019.
2. Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой, под ред. А.Д. Люблинской // Средние века. М.: Наука, 1957. Вып. X. С. 309–362; М.: Наука, 1958. Вып. XI. С. 171–221.
3. Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. Paris: Impr. Nationale, 1879.

4. Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV–XVIIIe siècles / Publ. par R. de Lespinasse. Paris: Impr. Nationale, 1886. T. I. Ordonnances générales. Métiers de l'alimentation.
5. Lespinasse R. de. Introduction // Le Livre des métiers. P. I–CLIII.

Кириллова Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; kkirillova@mail.ru

«20 years ago», or «when the king went overseas»: dating of the «Book of Crafts» of Paris

The dating of 1268, adopted by specialists for the «Book of Crafts», the famous collection of craft regulations of Paris, is based on the statements from the regulations of two craft, which had used to be one professional community. The author demonstrates the conventionality of this dating, considering it in the context of the history of the creation of the «Book of Crafts» and taking into account the relationship to time and numbers in the Middle Ages.

Keywords: «Book of Crafts» of Paris, dating, context, memory

Kirillova Ekaterina Nikolaevna, Doctor of History, Lead Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kkirillova@mail.ru

УДК 94(4)"15"

Кирюхин Д.В.

Образы власти в неолатинской поэзии придворных авторов английского двора начала XVI в. (стихотворения на рождение принца Артура Тюдора)

Рассматривается поэтическое творчество придворных авторов первых Тюдоров – Пьетро Кармелиано, Джованни Джильи и Бернара Андре как исторический источник, содержащий символы и образы, использовавшиеся Короной для репрезентации собственной власти. Стихотворения, написанные на латыни одиннадцатисложным стихом, популярным в гуманистической среде, закрепляли сюжеты о богатой родословной и олицетворении юного наследника престола с легендарным королем Артуром в сознании как придворных, так и иностранцев.

Ключевые слова: Англия эпохи Тюдоров, придворная поэзия, репрезентация власти, новая культурная история, новая политическая история

Своего расцвета английская придворная культура периода позднего Средневековья достигает с воцарением династии Тюдоров, основатель которой, Генрих VII, смог завершить гражданскую войну Алой и Белой Роз (1455–1485). С целью создания лучшего королевского двора в Европе король приглашает итальянских гуманистов – писателей и поэтов, среди которых можно назвать «королевского историографа» и учителя юных принцев Артура и Генри Бернара

Андре (1450–1522), придворного поэта Джованни Джильи (1434–1498), «человека с огромным опытом в делах как людских, так и божественных» [1, с. 80], и латинского секретаря и капеллана короля Пьетро Кармелиано (1451–1527).

Исследований, посвященных жизни и творчеству придворных авторов первых Тюдоров сравнительно немного. Специфика взаимоотношений короля и созданной им среды королевского двора отмечена в работах Д. Карлсона [5, р. 279–304], и С.Дж. Ганна [8, р. 23–49]. Одной из первых работ о творчестве Б. Андре является очерк Дж. Герднера [7, р. 398–399], труды Андре позже были переведены Д. Саттон [3], Д. Хоббинсом [4], на русском языке произведение Андре было опубликовано в 2017 г. [1]. Другим придворным авторам посвящают свои работы Б. Ламберт [9] и Д. Карлсон [6, р. 495–502].

Спорные права Генриха VII на английский престол обусловили необходимость целенаправленной деятельности в репрезентации власти. Среди подобных действий победоносное шествие по английским городам, завершившееся коронацией в Лондоне, бракосочетание с Елизаветой Йоркской, династически и символически объединившее враждовавшие дома Ланкастеров и Йорков. Важным событием становится рождение первенца, названного Артуром 20 сентября 1486 г. в Винчестере, куда заранее переехал королевский двор, считалось, что здесь когда-то находился замок легендарного короля Артура Камелот. Создается и тиражируется генеалогическое древо, восходящее к мифическому Бруту I Троянскому, внуку Энея, и его потомкам: валлийским правителям Кадваллону ап Кадвану, Кадваладру ап Кадваллону, королю Артуру. Опираясь на труд Гальфрида Монмутского, придворные авторы Тюдоров пишут, что душа короля Артура переместилась на небо – в созвездие Арктура, чтобы ждать своего нового рождения. Именно в юном принце сочетаются и король бриттов, и целое созвездие, со вступлением на престол наследника Генриха VII предсказывалось наступление в Англии золотого века.

Придворные авторы в своих поэтических произведениях демонстрируют названные образы власти, и Андре, и Джильи, и Кармелиано направляют королю свои стихотворения на рождение принца. Пьетро Кармелиано, самый финансово успешный автор первых Тюдоров [6, р. 495–502], в 1486 г. преподносит Генриху VII «Приглашение к благоденствию», а также дарит королю 19 сентября на рождение его первенца «Письмо поэта Пьетро Кармелиано из Брешии в Англию с радостным сообщением об окончании гражданской войны и рождении принца Артура». За свои поэтические труды поэт дважды получает денежное вознаграждение – 27 сентября 1486 г. и 23 апреля 1488 г.

Перу Джованни Джильи принадлежит несколько латинских стихотворений, три из которых посвящены принцу Артуру. В «Эпиграмме на рождение счастливейшего принца сына счастливейшего короля Генриха Седьмого» с первых строк принц называется «пришедшим с небес». Вторая эпиграмма («Эпиграмма об имени Артура, запечатленного в счастливейшем принце») более подробно освещает вопрос воплощения души легендарного вождя бриттов в юном принце. Самым объемным стихотворением Джильи является насчитывающая 102 строки «Ода на рождение славнейшего принца государя Артура, сына счастливейшего короля Англии и Франции Генриха Седьмого», в которой автор упоминает Публия Вергилия Марона в связи с легендой о наступлении золотого века с рождением чудесного младенца (Буколики, Эклога IV) [2].

Стихотворение «Предсказание в день коронации королевы» Бернар Андре помещает в самом центре «Истории жизни и достижений Генриха VII» (ок. 1500–1502) после прозаической главы «О рождении принца Артура». В следующих главах «Об Артуре, которому по повелению Бога была отведена особая роль» и «О счастливом успехе его добродетелей» Андре достаточно подробно рассказывает о юном принце и процессе его обучения. Завершает свое повествование Андре стихотворением «Артуру на присвоение титула принца». Несмотря на то, что приводимые в «Истории жизни...» стихотворения были написаны ранее, работа над манускриптом была закончена Андре уже после смерти принца от потливой лихорадки в замке Ладлоу 2 апреля 1502 г. Хотя смерть наследника стала для всех полной неожиданностью, придворные авторы, и Андре в их числе, стали писать об «особой роли» принца, о том, что он был «слишком благодетелен», и потому его душа вновь отправилась в созвездие Арктура ждать своего часа.

Библиография

1. Андре Бернар. История жизни и достижений Генриха VII / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Д.В. Кирюхин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 144 с.
2. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художеств. лит-ра, 1979. 134 с.
3. André Bernard. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia / Trans. by Sutton D. Irvine: The University of California, 2010. – URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (дата обращения: 18.08.2019).
4. Andre Bernard. The Life of Henry VII / Trans. & Introduced by Hobbins, D. New York: Italica Press, 2011. 86 p.
5. Carlson D. Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin's Embassy and Henry VII's Humanists' Response // Studies in Philology. Vol. 85. No. 3 (Summer, 1988). Chapel Hill: UNC Press. P. 279-304.
6. Carlson D. The Occasional Poetry of Pietro Carmeliano // Aevum. Anno 61, Fasc. 3 (settembre-dicembre 1987). Milano: Università Cattolica del Sacro Cuore. P. 495-502.
7. Gairdner J. Andreas Bernard // Dictionary of National Biography. London: Smith, Elder & Co, 1885–1900. P. 398-399.

8. Gunn S. J. The Courtiers of Henry VII // The English Historical Review. Vol. CVIII. No 426. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 23-49.

9. Lambert B. The Gigli: A Family on the move // England's Immigrants 1330–1550 – Resident Aliens in the late Middle Ages. – URL: <https://www.englishimmigrants.com/page/individual-studies/the-gigli-a-family-on-the-move> (дата обращения: 18.08.2019).

Кириухин Дмитрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, г. Нижний Новгород, Россия; bagerlock@gmail.com

Images of power in Neolatian poetry of the court authors of the English court of the beginning of the XVI century (poems for the birth of Prince Arthur Tudor)

The author considers the poetry of the court authors of the first Tudors – Pietro Carmeliano, Giovanni Gigli and Bernard Andre as a historical source containing symbols and images used by the Crown to represent their own power. Poems written in Latin by an eleven-complex verse, popular among the humanistic milieu, reinforced the plots of the rich pedigree and personification of the young heir to the throne with the legendary King Arthur in the minds of both courtiers and foreigners.

Keywords: Tudor England, court poetry, representation of power, new cultural history, new political history

Kiryuxin Dmitriy Vyacheslavovich, Candidate of History, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia; bagerlock@gmail.com

УДК 94(4)

Киясов С.Е.

Тамплиеры: путь с Востока на Запад (духовные рыцари, еретики, масоны)

В центре внимания автора статьи духовное и организационное наследие средневековых рыцарей Храма (тамплиеров). В частности, критическому рассмотрению подвергнута версия рыцарского происхождения масонства, озвученная и активно обсуждаемая в XVIII столетии. Авторский анализ выстроен с использованием тематических источников и литературы. Их прочтение позволило сделать выводы о косвенной связи двух тайных сообществ – тамплиеров и масонов. Отмечено их единение в стремлении к поддержанию духовного, а также религиозного равновесия между Западом и Востоком.

Ключевые слова: духовное рыцарство, масонство, католическая церковь, антихристианские ереси, синархия, духовная инволюция

Как известно, официальной датой рождения современного – регулярного, философского – движения «вольных каменщиков» является 24 июня 1717 г. Именно в этот день, в Лондоне, состоялось

провозглашение первой в истории масонства Великой ложи [12]. Однако освещение событий истории масонства не может считаться полным без ответа на вопрос о его истоках.

В представлениях широкой общественности Орден «вольных каменщиков» предстает в качестве организации – наследницы традиций средневековых зодчих-строителей [15, р. 12-18]. Не менее популярной является также рыцарско-тамплиерская версия его зарождения [15, р. 16-18]. Её родоначальником является шотландец Эндрю Майкл Рэмси (1680–1758) [13, р. 81-87]. Наиболее известным его последователем стал барон Карл Готлиб фон Хунд (1722–1776). В 1751 г., в Пруссии, его стараниями была создана система рыцарского «Строгого послушания». Работа нового масонского ритуала сопровождалась принесением клятвы абсолютной покорности, которая давалась тайным лидерам организации – «Неизвестным Высшим» («*Supérieurs Inconnus*») [15, р. 127-128]. Посвященным также объявлялось, что масонство является прямым наследником рыцарей Храма. Однако уже в 1782 г. участники масонского конгресса в Вильгельмсбаде опровергли связь своей организации с Орденом тамплиеров [7]. К такому же мнению склоняется большинство современных исследователей [14, р. 26]. Столь очевидные расхождения во мнениях нуждаются в специальных комментариях.

Орден тамплиеров (храмовников) был основан в 1118 г. рыцарем-крестоносцем Гуго де Пайеном. Рыцари-монахи дали обет защищать христианских паломников [5, с. 23]. В последующие годы Орден выступал активным проводником политики Ватикана на Святой Земле.

Высокое покровительство помогло тамплиерам превратиться в богатейшую интернациональную организацию. Их командорства появились во Франции, а также в Англии, Шотландии, Ирландии, Испании, Португалии, Италии и Венгрии [2, с. 146]. По свидетельству современных историков, ежегодный доход рыцарей достигал 112 млн. франков золотом [6, с. 66]. В то же время они сохраняли свой воинский статус, принимая участие во всех Крестовых походах, а также в войнах христианских королей за обладание Египтом и Сирией [8, с. 229-232]. Благоденствие Ордена было прервано осенью 1307 г. Король Франции Филипп IV Красивый (1285–1314), действовавший по согласованию с папой Климентом V (1305–1314), отдал приказ о его разгроме [5, с. 332].

Главный пункт предъявленных тамплиерам претензий – ересь. По мнению главного обвинителя Гийома де Ногарэ, суть еретических деяний тамплиеров заключалась в отречение от Иисуса Христа, в поклонении дьяволу, а также в содомии [4, с. 422-429]. В этом же ключе формировалось общественное мнение во Франции [10, с. 208-

224]. Нелепость предъявленных обвинений, жестокость приговоров, отправивших на костер десятки людей, сформировали вокруг Ордена культ мученичества и отщепенства [11].

Были ли тамплиеры еретиками? По всей видимости, нет. Даже король ортодоксально религиозной Португалии отказался преследовать местных тамплиеров. Не были подвергнуты гонениям рыцари в Англии и в Шотландии. Однако современные специалисты усматривают в некоторых аспектах деятельности храмовников, раскрытых в ходе следствия, влияние манихейства и ереси катаров [1, с. 28-34]. Не лишены оснований и выводы о возможной приверженности тамплиеров мандеистской ереси [9, с. 100].

Как бы то ни было, рыцари-тамплиеры не могли быть сознательными врагами господствующей в то время католической церкви. Что же касается прозвучавших в адрес тамплиеров обвинений, то следует прежде всего видеть их конъюнктурный характер. Кстати, не меньшие нарекания вызывала сама католическая церковь, страдавшая многочисленными отступлениями от святых канонов, среди которых следует упомянуть торговлю индульгенциями, а также такие вопиющие пороки, как невежество, фанатизм, праздность и разврат некоторых ее высших иерархов.

Деятельность Ордена тамплиеров по-прежнему таит немало загадок. Однако следует подчеркнуть, что речь идет о могущественной организации, возникновение которой было освящено самим Ватиканом. Римская курия как никогда нуждалась в появлении организации, которая помогла бы ей упрочить финансовые, военные, политические и религиозные рычаги давления на суверенов Западной Европы. Новые времена привели к сбою в работе хорошо отлаженной «машины влияния», которая, вполне вероятно, начала выходить из-под контроля. К тому же, оказавшись в европейских странах на положении «государства в государстве», тамплиеры были вовлечены в многочисленные межнациональные и политические распри, которые противоречили их нацеленности на достижение братского союза всех народов (синархии). Именно на эту особенность деятельности Ордена тамплиеров обратил внимание известный французский философ-традиционалист Рене Генон (1886–1951). По его мнению, усилия лидеров Ордена были направлены на поддержание духовного, религиозного равновесия между Западным миром и Востоком. С этой точки зрения организация тамплиеров являла собой становой хребет того морально-этического, нравственного каркаса, который защищал европейскую цивилизацию. Именно в этом направлении был сориентирован проповедуемый ими принцип религиозного единения, кстати, близкий и масонству. По мнению рыцарей-философов, на этом пути у христианства, которое столкнулось

не столько с исламом, сколько с многообразием верований Востока, не было особых преимуществ, кроме доброй воли к сотрудничеству. Их гибель предопределила путь Европы к внутреннему хаосу, религиозным войнам, к торжеству материализма и духовной инволюции [3, с. 37].

Библиография

1. Амбелен Р. Драмы и секреты истории / Пер. с фр. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Прогресс-Академия», 1992. 304 с.
2. Андреев А.Р. Монашеские ордена. Бенедиктинцы, цистерцианцы, кармелиты, иоанниты, тамплиеры, тевтонцы, францисканцы, доминиканцы, августинцы, капучины, урсулинки, театинцы, иезуиты и др. М.: «Традиция»-«Евролинц», 2001. 400 с.
3. Генон Р. Символика креста / Пер. с фр. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 704 с.
4. Доманин А.А. Крестовые походы. Под сенью креста. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 431 с.
5. Мельвиль М. История ордена Тамплиеров / Пер. с фр. СПб.: «Евразия», 2003. 368 с.
6. Парнов Е. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М.: Политиздат, 1991. 302 с.
7. Послание к герцогу Брауншвейгскому Фердинанду во время конвента бывшего в Вильгельмсбаде (1782) // НИОР (Научно-исследовательский отдел) РГБ. Ф. 14 (В.С. Арсеньев). Ед. хр. 476. Л. 1-16.
8. Сбитнева Е.М. Тайны крестовых походов и рыцарские ордена. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 432 с.
9. Ткач М.И., Какабидзе Н.В. Тайны рыцарских орденов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 432 с.
10. Денисова Н.А. Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. // Средние века. М.: Наука, 1961. Вып. 20. С. 208–224.
11. Шарпантье Л. Тайны тамплиеров / Пер. с фр. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 256 с.
12. Calvert A.F. The Grand Lodge of England. L.: Herbert Jenkins Limited, 1917. XV, 412 p.
13. Discours de Ramsay // Ligou D. La franc-maçonnerie. Vendôme: PUF, 1977. P. 81–87.
14. Hamill J. The History of English Freemasonry. Addlestone: Lewis Masonic Books, 1994. 210 p.
15. Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P.: Office du Livre, 1987. 251 p.

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; sergeykiyasov@mail.ru

Templars: the way from east to west (spiritual knights, heretics, mystics)

The author focuses on the spiritual and organizational heritage of the medieval Knights Templar. In particular, a version of the chivalrous origin of Masonry, voiced and actively discussed in the 18th century, is subjected to critical consideration. The author's analysis is built using thematic sources and literature. Their reading allowed us to draw conclusions about the indirect relationship between the two secret communities – the Templars and Masons. Their unity in the desire to maintain spiritual and religious balance between the West and the East is noted.

Keywords: Spiritual Knighthood, Masonry, Catholic Church, anti-Christian heresies, sinergia, spiritual involution

Kiyasov Sergej Eugenevich, *Doctor of History, Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia; sergeykiyasov@mail.ru*

УДК 94(4)

Мокрополова А.Д.

Образ королевской власти в скальдической поэзии об Олаве Святом

Статья раскрывает некоторые изменения в древнескандинавской системе представлений о королевской власти и образе правителя в период распространения христианства в Норвегии начала XI в. на примере образа короля Олава Святого. Основой исследования послужили эпические источники и скальдические поэмы о короле Олаве Харальдссоне.

Ключевые слова: образ власти, саги, Олав Святой, христианизация

В древнескандинавской эпической традиции воплощены представления о королевской династии как продолжении рода Одина – верховного божества языческого пантеона. Вера в божественное происхождение королей нашла отражение в главном сочинении скандинавского эпоса – Старшей Эдде, а вслед за ней – в скальдической поэзии и сагах. Характерное для средневековой Скандинавии понимание структуры общества и происхождения отдельных его классов зафиксировано в «Песни о Риге» Старшей Эдды [3; 4]. Это сочинение объясняет происхождение рабов, бондов и ярлов; от последних произошли конунги (короли). Свое происхождение все эти общественные классы ведут от Рига, или Хеймдалля, являвшегося сыном Одина. «Песнь о Риге» наделяет «юного Кона» (в древнеисландском оригинале *Kongr ungr* – словосочетание, созвучное слову *konungr*) теми качествами, которые впоследствии переносятся в паттерн, применяемый в сагах для описания королей. Важным для понимания механизмов сакрализации королевской власти в древнескандинавском обществе является факт наделения Кона способностью толковать и использовать руны и понимать птичий язык:

«Кон юный ведал
волшебные руны...»
... Знал птичий язык,
огонь умирал,
дух усыплял...» [6, с. 181]

Это те качества, которыми эпос наделял Одина; таким образом устанавливается не только династическая, но и духовная связь между богами и королями.

В древнескандинавском эпосе имеется свод правил, который, фактически, представляет собой модель поведения достойного человека; впоследствии он воплощается не только в системе представлений о королях и королевской власти, но и в качествах, которыми наделялись герои саг. Эта песнь называется «Речи Высокого» (то есть Одина). Так, мудрому человеку предписывается быть сдержанным и немногословным, щедрым на подарки друзьям, хладнокровным. Показательна строфа, отражающая древнескандинавское понимание славы и бессмертия:

*«Гибнут стада,
Родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава»* [6, с. 76]

Саги об исландцах, а также исландские королевские саги в свою очередь, зафиксировали набор качеств, которыми должен был обладать король или знатный человек. К примеру, Сага об Инглингах, входившая в свод саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона, следующим образом описывает конунга Ингви, потомка Одина и представителя династии Инглингов – древних королей Швеции и Норвегии: «Ингви был очень воинствен и всегда одерживал победу. Он был красив с виду, хорошо владел разными искусствами, силен, отважен в бою, щедр и любил повеселиться» [5, с. 21]. Вслед за ним и другие норвежские правители, в том числе, и Олав Харальдссон, перенимают тот же набор качеств. В Саге об Инглингах фактически заявлены основные направления деятельности королей, которые сохраняются на протяжении следующих десятилетий: это поддержание мира и благополучия внутри страны, защита земель от внешней угрозы в лице викингов и правителей соседних государств, а также участие в языческих обрядах; последнее, с приходом христианства, заменяется участием в церковных службах и другими признаками благочестия.

Квинтэссенцией представлений о короле и круге его обязанностей является скальдическая поэзия – хвалебные песни, в том числе и посвященные Олаву Харальдссону, канонизированному в XI в. норвежскому королю. Олав вошел в историю как правитель, основными задачами которого было создание единого норвежского государства и укрепление королевской власти, а также тотальное крещение населения. Ввиду особенностей его правления, скальдические песни об Олаве зафиксировали постепенную трансформацию

традиционных представлений о королевской власти под влиянием христианской системы ценностей.

В ранних сочинениях, к примеру, «Викинских висах» скальда Сигвата Тордарсона, Олав предстает классическим северным конунгом-викингом, чью воинскую доблесть воспевают скальды: «Могучий конунг, ищущий славы, в древнем Саудунгсунде сам с Законом встречи искал. Сильный конунг нашел здесь ярла, который принадлежал к знатнейшему роду среди датчан» [2, р. 529]. Таким образом, создаваемый в скальдических произведениях образ короля Олава соответствовал идеалам традиционной скандинавской культуры. Придворный скальд Олава, Сигват Тордарсон использовал для обозначения главного героя своих поэм метафоры, подчеркивающие его королевское происхождение и факт того, что он являлся предводителем войска: «юный потомок конунгов», «могущественный король, ищущий славы», «сильный духом защитник войска» [2, р. 532]. Содержание этой и других песен является свидетельством утверждения Олава на норвежском троне и фиксирует в сознании его современников и потомков его роль освободителя и защитника норвежских земель – что в полной мере соответствовало традиционным представлениям о функциях королевской власти.

В период, последовавший за гибелью и канонизацией Олава, создается ряд сочинений, испытавших на себе значительное влияние христианского мировоззрения и представлений о королевской власти. Среди них – «Поминальная драпа», написанная придворным скальдом Олава – Сигватом Тордарсоном. Сюжет «Поминальной драпы» полностью посвящен жизни Олава. В ней особо подчеркивается роль Олава Харальдссона как воителя-защитника своей земли. Тема воинской доблести приобретает оттенок борьбы Олава с язычниками. Здесь для обозначения воинов-язычников используется традиционный для скальдической поэзии кеннинг «деревья огня реки» [1, р. 665], а затем следует пассаж об их казни, также выдержанный в традиционной стилистике скальдического стихосложения. В то же время, все метафоры, связанные с именем Олава-конунга, достаточно просты. Говоря об Олаве, Сигват использует такие кеннинги, как: «бог меча», «сильный духом правитель», «страж земли», «подстрекатель битвы» [1, р. 667].

Сочинения, посвященные Олаву Харальдссону, показывают, в середине XI в. происходит трансформация традиционных представлений о королевской власти и модели поведения королей. Сочинения, созданные скальдами в период завоевательных походов Олава, призваны в первую очередь показать его таким, каким видели норвежцы идеального правителя. В более поздних поэмах об Олаве можно наблюдать трансформацию образа от классического скандинавского короля-викинга к близкому западноевропейским идеалам королю-святому.

Библиография

1. Þórðarson Sigvatr. Erfdrápa Óláfs helga / Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035 / Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1 / ed. by D. Whaley. Turnhout, Brepols, 2012. CCXV+1206 p.
2. Þórðarson Sigvatr. Vikingarvisur, 1 / Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035 / Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1 / ed. by D. Whaley. Turnhout, Brepols, 2012. CCXV+1206 p.
3. Гуревич А.Я. История и сага. М.: Наука, 1972. 198 с.
4. Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы М.: Новое лит. обозрение, 2014. 800 с.
5. Снорри Стурлусон. Круг Земной / под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1980. 688 с.
6. Скандинавский эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги / пер. с древнеисл. М.И. Стеблин-Каменского, О.А. Смирницкой. М.: АСТ, 2008. 858 с.

Мокрополова Анастасия Дмитриевна, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; anastasia.mokropolova@yandex.ru

The image of royal power in the skaldic poetry about St. Olav

In present article consider changes of the traditional conception of royal power in Medieval Norway. These changes was the result of Christianization. The image of Norwegian king Olav Haraldsson combines as ancient ideas about royal power as Christian patterns.

Keywords: conception of power, Christianization, St Olav, saga

Mokropolova Anastasiya Dmitrievna, Postgraduate Student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; anastasia.mokropolova@yandex.ru

УДК 930

Сыченкова Л.А., Никитин А.А.

Вклад Дмитрия Федоровича Беляева в развитие казанского византиноведения

В статье обосновываются мотивы обращения к наследию Д.Ф. Беляева (1846–1901) в контексте проблемы сохранения культурного наследия Византии в современной Турции. Авторы доказывают перспективность методики исследования Д. Беляева в уточнении топографии Большого Дворца, сумевшего не только преодолеть заблуждения предшественников, но и в значительной степени предвосхитить археологические исследования и виртуальные реконструкции памятника в XXI веке. Предлагаются программа по повторному «возвращению» наследия Д.Ф. Беляева в историю гуманитарного знания в Казанском университете и в историю российского византиноведения.

Ключевые слова: Д.Ф. Беляев, топография Большого Дворца, культурное наследие Византии, византиноведение, Казанский университет

Дмитрий Федорович Беляев (1846–1901) не принадлежит к забытым фигурам в истории отечественной византистики. Его имя вписано в когорту блестящих ученых «золотого века»

отечественного византиноведения¹. С 1878 года Д.Ф. Беляев был ординарным профессором Казанского университета по кафедре греческой словесности, а с 1883 по 1897 годы являлся деканом историко-филологического факультета [4, с. 50-52]. Его труд “Byzantina” [1; 2; 3], посвященный истории повседневности высшей византийской аристократии (быта, костюма, украшений, праздничных обрядов), получил премию митрополита Макария Российской академии наук в 1895 году. Антиковед С.А. Жебелёв так определил значение наследия русского византиниста: «Если после Д.Ф. Беляева остались бы только две его книги, то и после этого наследия было бы с избытком достаточно для того, чтобы признать его заслуги для византиноведения незабвенными» [5, с. 351].

Несмотря на высокую оценку трудов Д.Ф. Беляева, следует признать, что его книги долгое время были покрыты толстым слоем пыли и пролежали невостребованными.

Почему такая потребность возникла именно сейчас? Важность обращения к наследию Д.Ф. Беляева в наши дни обусловлена двумя моментами. Во-первых, византийская тематика работ Д.Ф. Беляева связана с животрепещущими проблемами сохранения культурного наследия в современной Турции, где архитектурные памятники Византии исчезают в невероятно ускоряющемся темпе. Вероятно, в скором времени, память о Византии будет доступна только в описаниях [6, с. 10-11]. Византийская культура исторически вплетена в русскую культуру, поэтому российские историографы и византинисты понимают свою особую миссию по сохранению культурной памяти о византийском наследии, имеющем общечеловеческую ценность.

Во-вторых, обращение к наследию одного из русских византистов имеет не только научно-эвристическое, но и этическое значение. Мы вынуждены констатировать, что Д.Ф. Беляев, почти на столетие предвосхитивший разработки византологов второй половины XX – начала XXI веков, редко упоминается в трудах западных коллег². Мотив восстановления справедливости в оценке

¹ «Золотым веком» отечественного византиноведения историографы называют период с 1870 по 1910-е годы.

² См., например, труды Дж. М. Фезерстоуна, Н. Вестбрука, Э. Болоньези, Х. Клейна, С. Манго, Я. Костенеца, П. Магдалино. Петербургский византинист И.П. Медведев с сожалением констатирует, что «в мире нет ничего незабвенного, если мы посмотрим недавно опубликованную книгу П. Магдалино [13, р. 120], то не обнаружим никаких ссылок на Беляева» [8, с. 229]. Британский культуролог Дж.М. Фезерстоун, директор Центра теории, культуры и общества и профессор социологии в Голдсмитсе (Лондонский университет), несомненно, знакомый с работой Д.Ф. Беляева, лишь называет ее в общем ряду с другими исследованиями. Такое пренебрежение вызывает чувство горечи и досады у российских историографов [10, с. 137-142].

вклада русского византиниста является одним из стимулов для переосмысления его наследия в контексте современного знания о культурной истории Византии.

На сегодняшний день продолжается изучение уникального памятника Большого Дворца в Константинополе (*Τὸ μέγα παλάτιον*), которому Д.Ф. Беляев посвятил десятилетие – с 1879 по 1889 годы. Сложность проведения историко-культурной реконструкции Дворца заключалась в том, что памятник и комплекс примыкающих к нему зданий, построенных в период с IV по XII века, практически не сохранились [14, р. 869].

Система доказательств Д.Ф. Беляева была основана на лингвистическом подходе. Д.Ф. Беляев первым осуществил сравнительно-сопоставительный анализ трактата Константина Багрянородного и других источников, которые дополняли информацию о структуре Большого Дворца. Первоначально Д.Ф. Беляев занимался топографией Большого Дворца, поскольку в его представлении без знакомства с планом дворцового комплекса нельзя понять всех подробностей обрядов (*τάξεις, ἀκολουθία*) [2, с. 1].

Для объективной оценки значимости исследований Д.Ф. Беляева имеет смысл сопоставить его выводы с результатами работ его предшественников и последователей. В своих выводах Д.Ф. Беляев оспаривал мнения западных византологов Ж. Лабарта и А. Паспати. Русский византинист полагал, что Ж. Лабарт и А. Паспати умышленно увеличили размеры Юстинианова триклина и Скил (парадного вестибюля Юстинианова триклина), чтобы компенсировать пространство между этими двумя помещениями и Ипподромом [9; 12]. Никто из последующих исследователей не задавался принципиально важным, на наш взгляд, вопросом о размерах этих залов в контексте реконструкции топографии дворца.

Д.Ф. Беляев установил, что Скилы соединены с главным ипподромом, а не с гипотетическим дворцовым. Но его точка зрения по этому вопросу не была принята во внимание другими византинистами. Так, современные ученые (Дж. М. Фезерстоун) определяют расположение Скил, Юстинианова триклина и Лавзиака [2, с. 57; 10, р. 139]. Илиак Юстиниана был Д.Ф. Беляевым отнесен к восточной части триклина Юстиниана, в результате реконструкции церемонии приема императора «цирковыми партиями»¹. В то время как Ж. Лабарт поместил его на юге триклина. Д.Ф. Беляеву удалось определить положение камары (*καμάρα*) св. Феодора, исходя из плана церкви

¹ Цирковые партии (лат. *partes, factiones*, греч. *δῆμοι, ποίραι*) возникли в Древнем Риме, первоначально как объединение болельщиков, в Византии партии объединялись вокруг команд, участвующих в различных спортивных состязаниях, в гонках колесниц.

свв. Сергия и Вакха. До Д.Ф. Беляева ученые считали, что данная кама́ра располагалась на юго-востоке Хрисотрикли́на¹. Но Д.Ф. Беляев убедительно доказал, что ее место на северо-востоке зала.

Самым важным из открытий Д.Ф. Беляева является доказательство существования только одного ипподрома – ипподрома Большого. До этого доминировала точка зрения о существовании двух ипподромов (Ж. Лабарт) или даже трех (А. Паспати). Д.Ф. Беляев опроверг утверждение Ж. Лабарта, используя метод сравнительно-лингвистического анализа значения двух слов: «*ἵπλοδρομος*» и «*ἵπλοδρομῖον*». Продолжателями Д.Ф. Беляева стали ученые, которые поверили в существование еще одного, крытого ипподрома [14, р. 869-870] или выдвигали предположение о том, что это мог быть либо дворцовый сад, либо вестибюль, где собирались чиновники утром перед открытием помещений Дворца [5, с. 112; 11, р. 152].

Наконец, значение наблюдений Д.Ф. Беляева состоит в том, что он на основе описания церемоний, проводившихся в комплексе дворца Дафни, доказал существование фактически двух дворцовых храмов Св. Стефана: в комплексе Дафни и при ипподроме [3].

Таким образом, можно прийти к выводу, что Д.Ф. Беляев внес значительный вклад в развитие топографии Большого Дворца, определив положение некоторых его частей, устранил заблуждения, господствовавшие до него в науке. Результаты его исследований предвосхитили современные направления мировой византологии [13, р. 120]. Д.Ф. Беляев предвосхитил историко-синтетический подход, широко практикуемый в культурологических исследованиях XX века. Изучение византийских памятников и, в частности, Большого Дворца предполагает привлечение целого комплекса подходов гуманитарных наук, что позволяет изучать Дворец в разных аспектах.

Комментарии к источнику, предложенные Д.Ф. Беляевым, – это лишь начало комплексного исследования памятника. Его труды в значительной степени предвосхитили будущие археологические исследования и виртуальные реконструкции памятника. Например, интересную попытку представить первую полную 3D модель Большого Дворца и внешний вид Дворцового квартала осуществил в 2007 году Ян Костенец [12].

Можно утверждать, что Д.Ф. Беляев поднял византиноведение в Казанском университете до открытий мирового значения. Труды Д.Ф. Беляева – это и есть его вклад в казанское византиноведение. Творчество Д.Ф. Беляева было яркой вспышкой в истории

¹ Хрисотриклиний (от др.-греч. Χρυσοτρίκλινος, «золотая палата»), одна из частей Большого Дворца, в которой византийские императоры проводили ежедневные церемонии.

гуманитарного знания в Казанском университете второй половины XIX века.

К сожалению, устойчивой традиции византиноведческих исследований в Казанском университете не сложилось¹. Тот факт, что исследователь такого класса, как Д.Ф. Беляев, стоявший у истоков русской византистики, работал в Казанском университете, наполняет наши сердца не только гордостью, но и чувством ответственности перед его памятью. Позволим себе поставить вопрос: возможно ли преодолеть неравнозначность высокой оценки заслуг Д.Ф. Беляева российскими историографами и степени признания зарубежными византологами? Программа возвращения наследия Д.Ф. Беляева, предвосхитившего пути развития современного культурно-исторического направления в византиноведении, на наш взгляд, должна включать систему мероприятий. В нее должны входить не только исследования и статьи, а, возможно, и посвященные памяти Д.Ф. Беляева конференции, но и включение в продолжающийся с 1990-х годов проект переиздания наследия выдающихся русских гуманитариев. И, наконец, самая дорогостоящая часть программы – перевод трудов Д.Ф. Беляева на европейские языки² и их переиздание в достойном оформлении с комментариями.

Библиография

1. Беляев Д.Ф. Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. Т. III. 189 с.
2. Беляев Д.Ф. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. Т. I. 200 с.
3. Беляев Д.Ф. Ежедневные и воскресные приёмы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X в. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1893. Т. II. 308 с.
4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904). В 2 ч. / Под ред. заслуж. орд. проф. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 552 с.
5. Жебелев С.А. Дмитрий Федорович Беляев // Византийский временник. СПб., 1901. Т. VIII. С. 351–355.
6. Иванов С.А. Прогулки по Стамбулу в поисках Константинополя. М.: АСТ: Corpus, cop. 2016. 685 с.

¹ Несмотря на то что византиноведческие исследования в области искусства были блестяще продолжены в Казани Д.В. Айналовым в 1890-е годы, но говорить о складывании преемственности поколений не приходится. Д.Ф. Беляев и Д.В. Айналов были учеными-одиночками без учеников. Школа Д. Айналова сложилась только в Санкт-Петербурге. Его учениками стали видные советские историки русского искусства Л.Я. Мацулевич, Н.П. Сычев, В.К. Мясоедов, Н.П. Окунев, М.В. Алпатов.

² Кстати, коллеге Д.Ф. Беляева по Казанскому университету – византинисту Д.В. Айналову повезло больше. Его труд в 1961 году был переиздан в Англии [9].

7. Кондаков Н.П. Рецензия на: Беляев Д. Ф. Byzantina. Кн. I // Византийский временник. Т. I. Вып. 1. С. 173-180.

8. Медведев И.П. И.В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. СПб.: Дм. Буланин, 2004. С. 207-240.

9. Ainalov D.V. The Hellenistic Origins of Byzantine Art. Translated by Elizabeth Sobolevitch and Serge Sobolevitch. Edited by Cyril Mango. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1961. 322 p.

10. Featherstone J.M. De Cerimoniis: The Revival of Antiquity in the Great Palace and the «Macedonian Renaissance» // The Byzantine Court: Source of Power and Culture, ed. in: N. Necipoglu, A. Ödekan, E. Akyürek. Istanbul: Vehbi Koç Vakfi, 2013. P. 137-142.

11. Featherstone M. The Everyday Palace in the Tenth Century // Featherstone M., Spieser J.-M., Tanman G., Wulf-Rheidt U (Eds.). The Emperor's House: Palaces from Augustus to the Age of Absolutism. Berlin: De Gruyter, 2015. P. 149-158.

12. Kostenec J. Walking Thru Byzantium. Great Palace Region. Istanbul: Grafbas, 2007. 172 p.

13. Magdalino P. Constantinople médiévale. Études sur l'évolution des structures urbaines. Travaux et mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilization de Byzance. Paris: Boccard, 1996. 332 p.

14. The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford: University Press, New York and Oxford, 1991. 3 volumes. Vol 2. P. 869-870.

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; l.sichenkova@yandex.ru

Никитин Антон Андреевич, студент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; anton.nikitin.14@mail.ru

Contribution of Dmitry Fedorovich Belyaev to the development of Kazan Byzantine studies

The article substantiates the motives of the appeal to the heritage of D. F. Belyaev (1846-1901) in the context of the problem of preserving the cultural heritage of Byzantium in modern Turkey. The authors prove the prospects of D. Belyaev's research methodology in clarifying the topography of the Grand Palace, which managed not only to overcome the errors of its predecessors, but also to a large extent to anticipate the archaeological research and virtual reconstruction of the monument in the XXI century. A program is proposed to re – «return» the legacy of D. F. Belyaeva in the history of Humanities at Kazan University and in the history of Russian Byzantine studies.

Keywords: D.F. Belyaev, topography of the Grand Palace, cultural heritage of Byzantium, Byzantine studies, Kazan University.

Sychenkova Lidiya Alekseevna, Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; l.sichenkova@yandex.ru

Nikitin Anton Andreevich, student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; anton.nikitin.14@mail.ru

Яблонская О.В.

Английские купцы в системе власти Эдуарда III

В статье через жизнедеятельность известных представителей торгово-финансового слоя анализируются особенности экономического и политического развития Англии XIV в. Национальное купечество кредитует и организует успешные военные кампании Эдуарда III, помогает в создании выгодных политических союзов, находит новые способы пополнения казны. Талантливые предприниматели входят в королевское окружение, получают высшие должности, постепенно включаясь в систему государственного управления.

Ключевые слова: Эдуард III, Англия, Столетняя война, Уильям де ла Поль, Р. Лайонс, Дж. Поутни

Экономические ресурсы власти в позднесредневековой Европе играли важнейшую роль. Богатые государства могли обеспечить стабильное внутреннее развитие, нанять сильную армию и обеспечить победу в войне. Старые феодальные способы пополнения казны неспособны были удовлетворить возросшие государственные потребности. Все большее значение приобретали ремесло и торговля, а вместе с ними и те, кто способен был эффективно организовать производство и продать товары, то есть купцы. В Англии становление богатого и влиятельного торгового слоя приходится на XIV в. Ускорился процесс накопления денежных масс с началом Столетней войны, выявившей самых талантливых и смелых дельцов, чьи жизненные коллизии, как в фокусе, отражают драматическую историю всей страны.

Ключевой фигурой первых десятилетий правления Эдуарда III был Уильям де ла Поль из Гулля. Сын купца стал бароном казначейства, его старший сын получил должность канцлера королевства, а правнук претендовал на английскую корону. Тесная связь де ла Полей с короной начинается с начала 1330-х гг., когда королевское правительство переместилось ближе к шотландскому фронту – в Йорк, но поистине государственных размахов деятельность гулльского купца достигла в период войны с Францией. Эдуард III возлагал большие надежды на финансирование кампаний через продажу шерсти на континенте. В 1337 г. под руководством У. де ла Поля была организована «шерстяная компания», купцы которой за 200000 ф. получили монопольное право на закупку и продажу 30000 мешков шерсти [6, р. 5-6]. Проект оказался неудачным, денег, нужных для оплаты фламандских союзников, Эдуард не получил. Чтобы смягчить гнев короля, гулльский купец предоставил королю собственные средства: с июня 1338 г. по октябрь 1339 г. он

кредитовал короля на 111000 ф. [5, р. 17], часть денег ему пришлось заимствовать у континентальных банкиров. Талантливый купец руководил всей подготовкой военной экспедиции: собирал продовольствие и вооружение для армии, перевозил ее на континент, строил корабли, вел дипломатические переговоры с фламандской знатью, руководил стэплем Антверпена [2, р. 408; 3, р. 120, 121]. За эту помощь Эдуард III своему «преданному» и «горячо любимому» купцу предоставил звание баннерета, должность барона казначейства [2, р. 394], особые льготы и пожалования всем членам его семьи [1, v. XII, р. 245-246]. Но не всегда гнев короля из-за отсутствия денег проходил без последствий. Против У. де ла Поля было организовано два судебных процесса – в 1340-1344, 1353-1354 гг., сопровождавшиеся арестом, конфискацией имущества и лишением доходов [1, v. VI, р. 622; 3, р. 244, 282, 402-403]. Оба процесса закончились тем, что купец простил королю долги, а Эдуард даровал ему помилование.

Вместе с У. де ла Полем в 1340 г. был арестован другой выдающийся негодант – лондонский суконщик Джон Поутни. К началу царствования Эдуарда III он обладал огромным влиянием в стране, неоднократно исполнял должности олдермена, мэра столицы, руководил стэплем в Брюгге, собирал таможенные пошлины в Саутгемптоне, ссужал корону [1, v. I, р. 472; 2, v. 2, р. 225, 275, 338, 345; v. 3, р. 311, 321-322, 413, 416, 432], устранял конфликты между королем и горожанами [7, р. 208-211]. Поутни, как и У. де ла Поль был помилован в обмен на прощение долгов.

Эдуард III простил своих «жуликоватых» финансистов не только за щедрую плату. Монарх, как и вся страна, нуждался в этих образованных, талантливых и смелых дельцах. Без их финансов, деловых связей на континенте, умения извлекать доход из ресурсов Англия была не способна продолжить путь завоевания мира.

Помимо У. де ла Поля и Поутни, среди влиятельных купцов того периода следует назвать Фрэнси, Пайела, Свэнленда, Чиритона, Пэйкарда, Уэндлинбурга, также сколотивших огромные состояния и ставших кредиторами короны. Фрэнси, Пайел с 1339 по 1371 гг. 34 раза одалживали деньги королю [10, с. 179]. Чиритон и Свэнленд в 1346 г. за предоставление займа в 100000 ф. получили на два года откуп таможенных пошлин [1, v. VIII, р. 72-74]. В 1347 г. новая компания Уэндлинбурга и Чиритона предоставила заем в 40000 ф. [1, v. VIII, р. 248-249]. Чиритон с компаньонами согласился выкупить королевский внешний долг в Гаскони и долг Перуцци на сумму 120000 ф. [1. VIII, р. 260]. В 1348 г. та же компания и Свэнленд взяли на откуп шерстяную пошлину за 250000 ф. [8, р. 116].

Монархи не гнушались водить дружбу с торгашами. Лондонский виноторговец Генри Пэйкард, мэр Лондона 1357 г.,

прославился не только богатством, но и тем, что в своем доме принимал четырех королей и Черного принца. В конце правления Эдуарда среди финансистов короны, заметно выделялся виноторговец Р. Лайонс, приближенный герцога Ланкастера, друг Чосера и фаворитки короля – А. Перрерс. Лайонс был осужден Добрым парламентом. Обвинения были типичными для королевских финансистов – мошенничество, коррупция, обман короля [4, р. 93-97].

Эдуард III привлекал к управлению отдельных представителей делового мира или обсуждал экономические вопросы с конференциями купцов. Нувориши составляли немногочисленную верхушку, которую ненавидели рядовые торговцы, ремесленники, овцеводы – от крупных землевладельцев до мелких рыцарей и свободных крестьян. Королевские монополисты захватили все выгодные сферы бизнеса, устанавливали выгодные им цены, сделали почти невозможной самостоятельную продажу шерсти производителями. По этой причине палата общин парламента выступала против королевских купцов-временщиков.

Таким образом, к середине XIV в. в Англии появились настоящие воротилы денежного мира, обеспечившие Эдуарду III победы в войне. Богатое купечество во многом определяло направленность социально-экономических и политических процессов государства, хотя их власть не имела еще выраженной институциональной формы. Королю было выгодно решать финансовые вопросы с политически неорганизованными, беззащитными перед королевской властью торговцами. Большинство финансистов, что вели дела с английской короной, рано или поздно терпели неудачи. Банкротства, конфискации, тюремные заключения были их уделом. Кто-то смог оправиться, другие же королевские «кредиторы поневоле» [9, с. 117] не смогли восстановить свое положение. Купцы конца XIV-XV вв. уже боялись заключать крупные сделки с короной, опасаясь обвинений в мошенничестве и махинациях. Даже кредиты «цветка купечества» Р. Уиттингтона не сопоставимы с кредитами У. де ла Поля.

Библиография

1. Calendar of Close Rolls, Edward III, ed. by H C Maxwell Lyte. Vols. I-XIV. London: H.M. Stationery Office, 1902-1913.
2. Calendar of Patent Rolls of Edward III. 1338-1340. London: H.M. Stationery Office, 1898.
3. Calendar of the Fine Rolls, Preserved in the Public Record Office. Vol. V. 1337-1347. London: H.M. Stationery Office, 1915. 717 p.
4. Chronicon Anglie 1328–1388. Auctore Monacho quodam Sancti Albani / Ed. by E.M. Thomson // *Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages* / Introduction by E.M. Thomson. London: Longman & Co., 1874. 449 p.
5. Fryde E. B. The Last Trials of Sir William de la Pole. *The Economic History Review*, New Series. V. 15, No. 1. 1962. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2593287>.

6. Fryde E. B. The Wool Accounts of William de la Pole a Study of Some Aspects of the English Wool Trade at the Start of the Hundred Years' War. York: St. Anthony' Press, 1964. 31 p.
7. Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV centuries / Ed. by H.Th. Riley. London: Longmans, 1868. 800 p.
8. Power E. The Wool Trade in English Medieval History. Westport, 1987. 128 p.
9. Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М.: Наука, 1979. 221 с.
10. Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия; oyablonskii@yandex.ru

English Merchants in the Power System of Edward III

The article analyzes the features of economic and political development of England of the XIV century through the life of well-known representatives of the trade and financial layer. National merchant credits and organizes successful military campaigns of Edward III, helps to create profitable political alliances, finds new ways to replenish the Treasury. Talented entrepreneurs are part of the Royal environment, get the highest positions, gradually entering the system of public administration.

Keywords: Edward III, England, Hundred Years' War, William de la Pole, R. Lyons, J. Poultney

Yablonskaya Olga Vasilyevna, Candidate of History, Associate Professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia; oyablonskii@yandex.ru

Раздел 3

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(410) "18"

Гелла Т.Н.

Империализм или/и национализм во внешней политике Великобритании в последней трети XIX века

Статья посвящена вопросам специфики английского национализма в эпоху «нового империализма»: анализируются влияние наличия колониальной империи на формирование национальных чувств британцев, а также роль национально / имперских настроений в проведении внешней и колониальной политики Великобритании в конце XIX в.

Ключевые слова: империализм, национализм, Великобритания, принцип преемственности

Конец XIX в. характеризовался повышенным интересом всех западных стран к имперским проблемам, обусловленный во многом той трансформацией политической и духовной жизни, которая затронула Западный мир во второй половине столетия. Силы, которые питали общества в Европе и Северной Америке на рубеже 60–70-х гг., проявлялись в национализме, милитаризме и протекционизме. Победа Пруссии в 1871 г. в результате франко-прусской войны привела к созданию сильного германского государства в центре Европы. В Италии и Австро-Венгрии зарождалось новое национальное самосознание, наносившее удар по династической организации Европы. После Гражданской войны 1861–1865 гг. произошло усиление США, которые доминировали в Северной Америке. Политический национализм этих стран сопровождался их промышленным ростом, тарифным протекционизмом и амбициозным культом милитаризма. Великобритания начала понимать, что ее положение в мире изменяется и становится уязвимым. Поэтому английский национализм выражался в том, что Англия, не имея в силу географических условий возможность увеличивать свою собственную территорию,

могла раздвинуть рамки своей империи, например, в Индии и расширить сферу своего влияния на «новом» континенте – Африке. Для Британии милитаристский национализм континентальных стран мог быть соотнесен с идеей имперской экспансии. В силу этого империя начинает рассматриваться не только как привычная, неотъемлемая часть Великобритании, постоянный предмет гордости англичан, но и как важнейший источник могущества метрополии.

Наличие огромной колониальной империи способствовало формированию специфических черт британского национализма, составными компонентами которого являлись имперские настроения и чувство гордости британцев за величие своей страны. Часть британской политической элиты, как отмечает отечественный историк А.И. Миллер, выступала за то, «чтобы включить в «большую» британскую нацию белые сообщества заморских колонистов, распространяя таким образом концепцию национальной территории далеко за пределы Британских островов» [1, с. 256].

Имперские/националистические настроения, преобладающие в английском обществе, были созвучны с проводимым Лондоном внешнеполитическим курсом, нацеленным на расширение границ Британской империи. Эпоха «нового империализма» представляла собой сочетание экономических, политических и идеологических аспектов, влиявших как на колониальную и внешнюю политику страны, так и на национальное самосознание жителей Британских островов. Это наглядно прослеживается на примере оценивания английскими правящими кругами роли Африки для Великобритании.

В конце 70–80-х гг. XIX в. Африканский континент привлекал все более пристальное внимание европейских стран. В Англии растущий интерес к Африке обуславливался несколькими факторами. Экономический аспект эпохи «нового империализма» заключался в определенных изменениях внутриэкономического и внешнеполитического развития Англии в рассматриваемый период. Годы «Великой депрессии», усиление экономической конкуренции на мировом рынке, переход к протекционистской политике ряда промышленных стран, безусловно, повлияли на переоценку ценностей и на переосмысление приоритетов имперской политики со стороны английских политических и деловых кругов. В начале 80-х гг. XIX в. они видели два выхода из складывавшейся ситуации: либо осуществление таких действий, которые бы привели к созданию в Африке новой «Индийской империи», либо проведение политики «концентрации и консолидации уже существующих владений» Британской империи [3, р. 44]. Преимущество отдавалось первому варианту. Британский исследователь С. Эддридж писал,

что «в поздневикторианскую эпоху экономический аргумент становится главным оправданием для повсеместной Британской экспансии» [2, р. 188].

Политический фактор в развитии «нового империализма» был не менее важен, чем экономический. Рост националистических тенденций в политическом курсе Франции, Германии, Бельгии в 70–80-х гг. обуславливал их политику, нацеленную на создание собственных империй в Африке, что расценивалось английскими политиками как подрыв международного престижа Британии. Конкуренция между великими державами во многом придавала имперской идее первостепенное значение и способствовала вовлечению Англии в борьбу за Африку.

В конце XIX в. Англия, безусловно, оставалась великой державой, мощь которой подкреплялась ее главенством в мировых финансовых операциях, наличием крупнейшего военно-морского и торгового флота и обладанием огромной колониальной империей. Но для того, чтобы удержать это преимущество, Англия должна была не только сохранять незыблемость своих имперских позиций, но и стремиться их усилить за счет приобретения новых территорий и расширения сфер своего влияния. Аннексионистские действия Британии не рассматривались англичанами как агрессивные, а, напротив, воспринимались как защита от политики европейских держав того, что ей всегда принадлежало. Англия расценивала себя в этот период, скорее, как объект нападения со стороны других держав, чем атакующей стороной. Видные политические деятели, понимая, что британское могущество начинало колебаться, не только готовы были показать, что она обладала еще достаточной силой, но и использовать эту силу по принципу: лучшее средство обороны – нападение [4, р. 99; 5, р. 111].

Необходимо отметить, что в проведении как внешнеполитического, так и колониального курса и либералы, и консерваторы придерживались принципа преемственности. Их объединяла общая цель сохранения и укрепления величия империи, расхождения между ними были лишь по вопросам о путях ее достижения. Но когда речь заходила о непосредственно Британских интересах, когда предоставлялся шанс защищать их или, прикрываясь ими, приобрести новую территорию либо расширить сферу английского влияния, либералы и консерваторы придерживались одних и тех же методов, не игнорируя при этом использование мощи британского оружия. «Лейбор Лидер» отмечала, что либералы и консерваторы в лице лорда Розбери и маркиза Солсбери передавали бразды правления друг другу, но дух внешней политики оставался одним и тем же [7]. В 1895 г. Розбери говорил, что, «какие бы внутренние разногласия

не были в стране, мы должны сохранить единство действий за границей» [6, p. 337].

Таким образом, специфика британского национализма проявлялась в формировании и распространении имперских настроений, что находило отражение в реализации внешнеполитического и колониального курсов либеральных и торийских кабинетов в последней трети XIX века.

Библиография

1. Миллер А.И. Империя и нация в «долгом XIX веке» // Всемирная история. Т. 5. Мир в XX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. М.: Наука. 2014. 940 с.
2. British Imperialism in the Nineteenth Century / ed. By C.C. Eldridge. L.: Macmillan, 1984. 214 p.
3. Hynes W.G. The Economics of Empire: Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1895. L.: Longman, 1979. 162 p.
4. Johnston W.R. Great Britain, Great Empire: An Evolution of the British Imperial Experience. St. Lucia, Univ. of Queensland Press. 1981. 207 p.
5. Porter B. The Lion's Share: A Short History of British Imperialism, 1850-1983. L.: Routledge. 1985. 484 p.
6. Rosebery, Earl of. Lord Rosebery's Speeches. L.: Neville Beeman Limited, 1896. 483 p.
7. The Labour Leader. 1895. 16 Nov.

***Гелла Тамара Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел. Россия; gellat@mail.ru*

Imperialism or / and Nationalism in British Foreign Policy in the Last Third of the Nineteenth Century

The article is devoted to the specifics of English nationalism in the era of «new imperialism»: the influence of the presence of the colonial Empire on the formation of national feelings of the British, as well as the role of national/imperial sentiments in the conduct of foreign and colonial policy of Great Britain in the late 19th century are analyzed.

Keywords: imperialism, nationalism, Great Britain, the principle of continuity

***Gella Tamara Nikolaevna**, Doctor of History, Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia; gellat@mail.ru*

Евграшин Д.А.

Франко-савойские отношения в свете антигабсбургской политики Генриха IV

Статья посвящена отношениям между Францией и Карлом Эммануилом, герцогом Савойским на протяжении первых 10 лет XVII века. Освещается тактика французских дипломатов в отношении городов северной Италии и папства: лавирование между интересами Рима и Венеции, контроль над южными переходами через Альпы.

Ключевые слова: Генрих VI Французский, Карл Эммануил, дипломатия, Савойя, папство

Последнее десятилетие XVI века для Франции оказалось одним из самых тёмных периодов в истории страны. Финал религиозных войн, долгая дорога к трону Генриха Бурбона и война с сильнейшей державой Европы того времени. Тем не менее в новый век Франция, пусть где-то и благодаря случаю (победа при Фонтен-Франсез), вступила непобеждённой. Более того, за десятилетие правления Генриха ему и его дипломатам удалось создать прочную антигабсбургскую коалицию и окружить себя союзниками. Исключением стала Савойя, которая, после Вервенского мира оказалась удобным инструментом давления Испании, отрезав Францию от итальянских городов-союзников [3, р. 132].

30 ноября 1588 года Карл Эммануил, герцог Савойский, воспользовавшись продолжающейся Войной трех Генрихов, вторгся в маркграфство Салуццо в Альпах, которое с 1548 года принадлежало Франции, и занял важную крепость, которая выходила на Савойю в Карманьоле. До 1598 года территория оставалась аннексированной герцогом Савойи. Лишь по условиям Вервенского мира Генрих согласился на папский арбитраж по вопросу Салуццо. Послы Папы Климента VIII посчитали переговоры чрезвычайно трудными. Давление с обеих сторон помешало им достичь какого-либо прогресса, и восемнадцать месяцев спустя Папа признал своё поражение [1, р. 336]. Герцог Савойский посетил Париж в декабре 1599 года, и Генрих IV изменил требования, предложив принять герцогство Бресс вместо Салуццо в попытке найти надёжное решение важного вопроса о пересмотре границ. Во время этой встречи Генрих пытался убедить Карла Эммануила в решимости Франции защищать свои территории, а также демонстрировал свою популярность. Проект договора был согласован, и Савойе предоставили три месяца для принятия окончательного решения. Однако Испания заставила Карла Эммануила уклониться от подписания, так как

не хотела отдавать Бресс Франции, лишившись возможности посылать войска через Валь-де-Чезери.

В конце концов в августе 1600 года Ледигьер и Сюлли убедили Генриха IV объявить войну Савойе. Всё произошло, довольно «робко», чтобы не встревожить других итальянских правителей [1, р. 348]. Тем не менее, военное вторжение 50 000 французских солдат оказалось решающим, и к концу 1600 года Франция удерживала всю территорию к западу от Альп. Испания предоставила более 2 миллионов дукатов для помощи своему союзнику, и, поскольку испанские вооруженные силы собрались в Милане, Генрих IV принял папское предложение о посредничестве в январе 1601 года. По подписанному в Лионе 17 января 1601 года договору Франция уступала маркграфство Салуццо в обмен на Бресс и Бюже, а также 800 000 экю в качестве компенсации ущерба [4, с. 254].

Несмотря на полную военную победу, мир оказался крайне невыгоден Франции, что признавали сами участники событий, например, Ледигьер, командующий французскими войскам, был разочарован такими условиями. Он отметил, что Генрих IV торговался как купец, а Карл Эммануил вёл переговоры как принц [2, р. 177]. Дипломаты того времени, такие как д'Арссен и сэр Ральф Винвуд, считали его позорным, в то время как выдающийся французский историк Эдуард Ротт назвал данное соглашение «одной из величайших ошибок» дипломатии [5, с. 168]. Салуццо было не только более выгодной территорией, чем Бюже и Бресс, но также предоставляло итальянским союзникам Франции гарантию защиты в регионе. Соглашение оказалось даже более благоприятным для Испании, поскольку, хотя Генрих IV мог перекрыть «Испанскую дорогу» на мосту Грезен, в мирное время этот путь оставался открытым. Во время войны он, вероятно, был бы неактуален, даже если бы Франция не владела новыми территориями в Брессе.

После неудачи с Савойей значительные усилия Франции были направлены на небольшие государства северной Италии, многие из которых были традиционными союзниками французской короны в XVI веке. Именно здесь нашли применение самые талантливые и опытные дипломаты Генриха IV. Некоторые из них были бывшими дипломатами гугенотов, например, младший брат Сюлли, Филипп де Бетюн, служивший в Венеции с 1595 по 1601 год, а затем в Риме до 1605 года [1, р. 359].

Ситуация в северной Италии показывает, насколько мастерски продуманными и взаимосвязанными стали французские союзы после 1601 года. Дипломатам Генриха IV было непросто побороть испанское влияние в северной Италии после заключения мира в Лионе. В 1602 году французский посол отметил: «Италия с ног

до головы связана с Мадридом. Когда-то Феррара, Урбино, Ла Миранда и многие меньшие территории были либо преданы французам, либо нейтральны... Теперь всё проиграно Испании» [2, р. 211]. Французские дипломаты постепенно наладили новые связи. Среди них никто не проявлял большего усердия, чем Филипп де Бетюн в Риме. В качестве жеста в сторону Папского Престола, в 1603 году Франция приняла иезуитов, а французское правительство предложило стать посредником между Яковом I, новым королём Англии, и Филиппом III в Испании. Французские кардиналы и прелаты в Риме ощутимо повлияли на выборы нового Папы в 1605 году [6, с. 266].

В Венеции, главным образом в результате логики событий, отношения также улучшились. Она была важна для Франции, потому что через неё открывались средства влияния на центральные Альпы. Уязвимость Венецианской Республики перед пиратами Адриатического моря (поощряемыми со стороны Неаполя) и её потребность в дипломатической помощи для поддержания влияния в центральных Альпах заставили её, хотя и с неохотой, примкнуть к французскому альянсу. Когда в мае 1606 года папа Павел V отлучил Венецию от церкви, Франция поддержала Венецианский совет, и решение Папы было отменено в апреле 1607 года [3, р. 241].

В подобном ключе строились отношения и с другими итальянскими городами, за исключением Милана, которым с 1600 по 1610 г. управлял испанский полководец Педро де Асеведо, граф Фуэнтес. Но и его влияние было минимизировано после раскрытия заговора маршала Бирона.

Таким образом, Франция, благодаря политике лавирования между Римом и интересами северо-итальянских городов, к 1610 году сумела окружить герцогство Савойское своими союзниками и склонить Карла Эммануила к союзу с Генрихом IV, который был заключен в апреле 1610 года в Бруцоло. По условиям договора герцог Савойский должен был выступить против испанского военного контингента в Италии, и при поддержке французских войск двинуться на Милан. В обмен на это в случае успеха Карлу Эммануилу была обещана корона Ломбардского королевства [2, р. 220]. К сожалению или к счастью, этим планам не суждено было сбыться. Уже через месяц Генрих IV был убит Равальяком, а его жена королева Мария Медичи отказалась ратифицировать соглашение, тем самым отсрочив новый франко-испанский конфликт в северной Италии почти на десятилетие.

Библиография

1. Béthune M., duke of Sully. *Memoirs of the Duke of Sully – Prime Minister to Henry the Great*, vol. I. London, 1856.

2. Caumont J., duc de La Force. Mémoires, vol. I. Paris, 1843.
3. Sutherland, M. Henry IV of France and the Politics of Religion. London: Bloomsbury Academic, 2002.
4. Балакин В. Д. Генрих IV. М.: Молодая гвардия, 2011.
5. Лощилова Т. Н. Королевская власть во Франции в к. XVI начале XVII в. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11. Арзамас, 2016.
6. Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб.: Евразия, 2018.

Евграшин Дмитрий Алексеевич, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; sindead@gmail.com

Franco-Savoyan relations in the light of the anti-Habsburg policy of Henry IV

The article is devoted to relations between France and Karl Emanuel, Duke of Savoy during the first 10 years of the 17th century. The tactics of French diplomats in relation to the cities of northern Italy and the Papacy are highlighted: maneuvering between the interests of Rome and Venice, control over the southern passages through the Alps.

Keywords: Henry VI of France, Carl Emmanuel, diplomacy, Savoy papacy

Evgrashin Dmitrij Alekseevich, Postgraduate Student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; sindead@gmail.com

УДК 94(410) "18"

Жолудов М. В.

К вопросу об образовании Либеральной партии Великобритании в первой половине XIX века

В статье анализируются причины возникновения и особенности развития Либеральной партии Великобритании в середине XIX в. В начале 1830-х гг. в Великобритании возникает мощное либерально-демократическое движение за проведение умеренной парламентской реформы. Во главе движения встала аристократическая партия вигов, благодаря усилиям которой была принята парламентская реформа 1832 г. По мнению автора, эти события привели к консолидации либеральных сил в политической жизни страны и зарождению Либеральной партии Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, XIX век, Либеральная партия Великобритании, виги, тори, парламентская реформа 1832 г.

XIX век был временем совершенствования двухпартийной системы Великобритании, приспособляющейся к новым реалиям индустриального общества. Главной особенностью этого процесса было превращение двух основных британских парламентских партий, либеральной и консервативной, в массовые национальные партии, о чем свидетельствует постепенное создание широкой сети локальных партийных организаций.

После принятия закона о парламентской реформе 1832 г. двухпартийная система Великобритании вступила в качественно новый период своего развития. Это было связано с политическими последствиями Билля: ликвидацией большого числа «гнилых местечек», перераспределением депутатских мест в парламенте в пользу крупных промышленных городов и графств, некоторым расширением избирательных прав средних классов.

Парадоксально звучит, но в годы, следовавшие за 1832 г., виги-либералы, чьими усилиями в основном и был принят Великий акт о реформе, плохо приспособлялись к новым политическим условиям, в то время как тори-консерваторы значительно опережали своих политических противников в создании партийной структуры, форм и методов борьбы за власть.

Причину такого отставания, вероятно, следует искать в коалиционном характере либеральной партии и идейной разобщенности либералов. В 30–50-х годах XIX в. либеральная коалиция по-прежнему еще очень мало походила на современные политические партии. У нее отсутствовали самые элементарные по нынешним понятиям атрибуты политической партии: не было программы и устава партии, не было фиксированного членства, не было системы локальных организаций, не проводились регулярные конференции или съезды. У нее не было даже общепризнанного официального лидера. Тем не менее термин «партия» постоянно был в обращении (особенно после 1832 г.) у тогдашних политиков и публицистов, если им необходимо было обозначить разнородную, но в то же время взаимосвязанную группировку реформаторов в палате общин. Правда, сама эта партия называла себя в те времена по-разному: «либеральной», «вигской», «умеренной», «конституционалистской», «радикальной», «передовой» и тому подобное [6, с. 39].

У либеральной партии отсутствовала какая-либо написанная программа. В этом она значительно уступала консервативному лагерю, так как уже в 1834 г. лидер консерваторов Р. Пиль выступил с общенациональным избирательным манифестом, так называемым Тамвортским манифестом. Либералы не последовали примеру своих политических оппонентов, так как представляли собой коалицию и им чрезвычайно сложно было выработать единый программный документ, который удовлетворил бы интересы всех сторон. Первая либеральная программа была представлена У. Гладстоном лишь в январе 1874 г. До этого времени либералы использовали вместо стройной программы целый набор политических лозунгов, наиболее популярными из которых были следующие: «Реформа», «Сохранение мира», «Сокращение государственных расходов», «Свободная торговля», «Веротерпимость» и т.д.

Не просто у либералов решалась проблема лидерства в партии. Коалиционный характер либеральной партии определил отсутствие общепризнанного лидера партии.

После принятия нового избирательного закона существенно изменилась ситуация с развитием сети местных партийных организаций. В Акте 1832 г. содержалось положение о регистрации избирателей – сторонников той или иной партии. Предусматривалась ежегодная регистрация избирателей и уплата ими определенной суммы денег при внесении в избирательные списки. Уже в том же 1832 г. появились первые регистрационные общества: у либералов – Рочдейльская ассоциация реформ, у консерваторов – Ливерпульская консервативная ассоциация. Партийные регистрационные общества проводили регулярные собрания, встречи с депутатами парламента, организовывали по подписке сбор средств на нужды партии. Каждое общество имело секретаря и казначея. Но их главными задачами все-таки были подготовка и проведение выборов. Они занимались подбором кандидатов, оказанием материальной поддержки кандидатам, участвовали в регистрации избирателей. Однако сеть локальных партийных организаций развивалась очень медленно. Одной из главных причин такой ситуации являлось то, что в большинстве избирательных округов выборы членов парламента были безальтернативными. Борьба между кандидатами была редким явлением вплоть до середины 80-х гг. XIX в. Лишь к концу века двум ведущим британским партиям удалось создать более или менее совершенную сеть избирательных ассоциаций.

Принятие Акта о реформе вызвало потребность в создании центральных координирующих органов партий. Роль штаб-квартиры либеральной партии стал играть созданный в 1836 г. клуб «Риформ», объединивший как радикалов, так и вигов, то есть всех тех, кто не был консерватором и стоял на реформаторских позициях [4, с. 405]. Однако партийный клуб британских либералов в 30–50-е гг. XIX в. действовал как непрофессиональный партийный центр, своего рода дискуссионный клуб, в котором проходили «обкатку» предложения, представляемые затем партией в парламенте. Он не имел тесных связей с провинцией. Лишь через полстолетия «Риформ» получил статус официального национального партийного центра либералов.

На протяжении 30–50-х гг. XIX в. в либеральной коалиции по-прежнему была сильна умеренная группировка вигов. Либеральные правительства почти целиком состояли из вигов. Лидерами либералов в палате общин и палате лордов были также виги. Виги были сильны своей сплоченностью и клановостью. Это была партийная группировка кланового типа. После 1832 г. вигско-либеральные

правительства проводили в основном умеренно-консервативную политику, мало отличавшуюся от той, которой бы на их месте придерживались торийские кабинеты.

В сложных условиях политического кризиса 1834 г. либеральной коалиции удалось сохранить единство. Уже в феврале 1835 г. в Личфилд-хаузе по инициативе одного из лидеров либералов Дж. Рассела было проведено совещание представителей оппозиционных группировок (вигов, английских и ирландских радикалов). Совещание, целью которого являлась выработка плана совместных действий по низложению правительства консерваторов, продемонстрировало сплоченность либеральной коалиции и способствовало возвращению либералов к власти в том же 1835 г.

Личфилдское соглашение показало стремление вигов и радикалов к компромиссу. Виги, используя либеральные идеи умеренного реформаторства, пытались небезуспешно направить радикальные настроения в либеральной коалиции в поддающиеся управлению рамки. К концу 40-х гг. позиции группировки радикалов и рипилеров – ирландских радикалов-националистов, выступавших за отмену англо-ирландской унии 1801 г., в парламенте существенно ослабли. Многие крайние радикалы переходили на более умеренные, либеральные позиции. Размеры независимой радикальной группировки постепенно уменьшались, и к парламентским выборам 1852 г. независимых радикалов в палате общин осталось всего лишь несколько человек.

Таким образом, в 30–50-х гг. XIX в. определилась особая тенденция в процессе формирования либеральной партии Великобритании, выразившаяся в сглаживании крайностей во взглядах различных группировок либеральной коалиции и переходе, как правых вигов, так и левых радикалов на более умеренные, центристские позиции. В этот период либеральная партия Великобритании начала свой переход от аристократической парламентской партии к массовой партии общенационального типа.

Библиография

1. Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850. М.: ИВИ РАН, 2009.
2. Жолудов М.В. Двухпартийная система Великобритании в эпоху Великого акта о реформе 1832 г. // Политические партии Англии. Исторические очерки: монография в честь Т.Л. Лабутинной. СПб.: Алетейя, 2017.
3. Briggs A. Middle Class Consciousness in English Politics, 1780–1846 // Past and Present. 1956. № 9. P. 65–74.
4. Gash N. Politics in the Age of Peel. A Study in the Technique of Parliamentary Representation. L.: Longmans, Green & Co, 1953.
5. Milton-Smith J. Earl Grey's Cabinet and the Object of Parliamentary Reform // Historical Journal. 1972. Vol. 15. № 1. P. 55–74.
6. Southgate D. The Passing of the Whigs. 1832–1886. L.: Macmillan, 1962.

Жолудов Михаил Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия; mikhailzhol@yandex.ru

On the formation of the Liberal Party of Great Britain in the first half of the 19th century

The article analyses the causes and characteristics of foundation of the Liberal Party of Great Britain in the mid-19th century. In the early 1830's a powerful liberal democratic movement for holding moderate parliamentary reform occurred in the UK. It was headed by the aristocratic Whig party, which adopted the parliamentary reform of 1832. According to the author, these developments have led to the consolidation of the liberal forces in the political life of the country and the emergence of the Liberal Party of Great Britain.

Keywords: United Kingdom, 19th century, British Liberal Party, the Whigs, the Tories, parliamentary reform of 1832

***Zholudov Mixail Valentinovich**, Candidate of History, Associate Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenina, Ryazan, Russia; mikhailzhol@yandex.ru*

УДК 94(410) "18/19"

Кирюхина Е.М.

Образы героев славного прошлого в творчестве британских художников второй половины XIX – начала XX веков в контексте становления национальной идентичности

Статья рассматривает произведения о героях исторического прошлого, созданные английскими художниками второй половины XIX – начала XX веков. Авторы выбирали как реальных исторических, так и легендарных личностей, которые должны были являться примерами благородных и возвышенных чувств, а сформированный в общественном сознании мифологизированный пантеон предков должен был воспитывать чувства патриотизма и гордости за страну и монархию, достойную своих великих предшественников.

Ключевые слова: Великобритания второй половины XIX – начала XX веков, национальная идентичность, английские художники, историческая живопись

Интерес к национальной истории в русле поиска национальной идентичности в Великобритании этот интерес получил государственную поддержку во времена правления династии Тюдоров, а Викторианская эпоха ознаменовалась подлинным расцветом изобразительного искусства на историческую тематику. Уже к XVIII в. английская монархия обрела такую устойчивость и стабильность, что могла не опасаться смены династии, а огромная Британская империя вызывала оправданное чувство гордости и уверенности в том,

что она существует на прочном фундаменте деяний славных предков. Произведения на тему исторического прошлого воспринимались в качестве высоких нравственных примеров, должных формировать и воспитывать морально-нравственное поведение нации [1], а сами изображаемые личности рассматривались не столько по контрасту с врагами короны, сколько с позиций личного предпочтения художника.

Особое значение среди правителей Британии имели для авторов и зрителей король Альфред Великий, с которого началась реальная английская история, и Тюдоры, с которыми связывалось начало Нового времени, воспринимавшееся эпохой процветания и стабильности. Однако художники изображали как реальных исторических, так и легендарных героев прошлого. Исторические личности отображались следующим образом. Во-первых, в событиях и сюжетах, точность существования которых доказана; во-вторых, в событиях, которые могли быть с большой долей вероятности; в-третьих, – в сюжетах легенд. К первой группе относится картина Ф.М. Брауна «Чосер при дворе короля Эдуарда III». И английские [2], и отечественные ученые [3] ссылаются на факт присутствия писателя при дворе, а художник уточняет: «Джеффри Чосер читает “Легенду о Констанце” Эдуарду III и его придворным во дворце Шин в день сорокалетия Черного Принца» [4]. Убедительно передают исторические события книжные иллюстрации: «Ричард III в битве при Босворте» Э. Блейр-Лейтона для «Истории Англии от высадки Юлия Цезаря до наших дней» [5]. В этой работе герои изображены нейтрально, поскольку уже с воцарения династии Стюартов стала подвергаться сомнению демонизация личности Ричарда III. Важнейшие страницы истории запечатлены на произведениях в Палате общин Английского парламента: они связаны с прославлением династии Тюдоров. Большинство основано на реальных исторических фактах. «Джон Кабот и его сыновья получают от Генриха VII грамоту на отплытие в поисках новых земель» Д. Идена отображает событие 5 марта 1496 г., когда мореплаватель Джон Кабот получил от Генриха VII разрешение плавать под английским флагом [6, с. 60-63]. «Эразм и Томас Мор посещают детей Генриха VII в Гринвиче в 1499 году» Ф.К. Каупера изображает первое посещение Англию Эразмом Роттердамским в 1499 г., когда он, благодаря Томасу Мору, был представлен членам королевской семьи в Гринвиче [7, с. 45]. «Генрих VIII и Екатерина Арагонская перед папскими легатами, 1529 год» Ф.О. Салисбери описывает публичный суд, которому подверг свою жену Генрих VIII, ради новой женитьбы для рождения наследника. «Въезд королевы Марии I и принцессы Елизаветы

в Лондон, 1553 год» Д.Б. Шоу является итогом этой версии истории и предчувствием наступления «золотого века Англии» Елизаветы I.

Ко второй группе произведений относится картина Ч.А. Коллинза «Тревога Беренгарии за жизнь ее мужа Ричарда Львиное Сердце при виде его пояса», изображающая «королеву без королевства», опечаленную пленением своего мужа [8]. Точность изображения события жизни любимого англичанами монарха [9] может убедить в реальность отображенной версии истории.

Намного больше произведений изображает исторических личностей в сюжетах легенд, идеализируя и романтизируя их [10]. Прежде всего, это король Альфред Великий. О нем имеется мало исторических источников, поэтому картина Э. Блейр-Лейтона «Детство Альфреда Великого» основывается на фрагменте жития [11], повествующего о том, что мать будущего короля подарила иллюминированную книгу тому из сыновей, кто первым научился читать. Хотя легендарная возлюбленная Генриха II Прекрасная Розамунда и его супруга Элеонора Аквитанская были реальными историческими личностями, история гибели Розамунды из-за ревности королевы изображалась художниками А. Хьюзом, Э.Ф. Сэндисом, Дж. У. Уотерхаузом, Ф.К. Каупером согласно любимой в народе легенде о верной Розамунде и коварной Элеоноре [12]. Что касается Тюдоров, то новый взгляд на события, предшествующие воцарению этой династии, возник после смерти королевы Виктории. Это сюжет предсказания воцарения династии Тюдоров на картине Э. Блейр-Лейтона «Глас народа» [13] и легендарный повод к Войне Алой и Белой розы на картине Г.А. Пейна «Срывание алой и белой роз в садах Темпля». Они обе основаны на интерпретации истории в «Исторических хрониках» В. Шекспира.

Большой интерес вызывали и личности, чья историческая достоверность весьма сомнительна, но чьи деяния являлись высоким нравственным идеалом для подражания: Леди Годива, пожертвовавшая честным именем ради спасения жителей родного города [14] (картины Э. Блейр-Лейтона и Дж. Кольера).

Итак, созданные художниками образы исторических и легендарных деятелей прошлого способствовали формированию пантеона мифологизированных предков, гордости за страну, историю, воспринимавшуюся историей несомненных побед, в то время как правящая монархия становилась преемницей и продолжателем великих свершений славных героев прошлого.

Библиография

1. Gamon P. B. "Millais Lusk": A Pre-Raphaelite's quest for success in the Victorian painting and print market, 1848–1863: dis. ... d-r of philos. Stanford, 1991. 404 p.
2. Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. М.: Радуга, 1986. 448 с.

3. Горбунов А. Н. Чосер средневековый. М.: Лабиринт, 2010. 336 с.
4. The Diary of Ford Madox Brown / Ed. Virginia Surtees. New Haven: Yale UP, 1981. 235 p.
5. Arnold-Foster H. O. A History of England from the Landing of Julius Caesar to the Present Day. With about 250 illustrations. London; Paris; New York; Melbourne: Cassel and Company, Limited, 1909. 805 p.
6. Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий // Великие географические открытия. М.: Просвещение, 1983. Т. 2. Конец XV – середина XVII в. 399 с.
7. Дмитриева О. В. Тюдоры. Сила и власть. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 127 с.
8. Trindade A. Berengaria: In Search of Richard's Queen. Dublin: Four Courts Press, 1999. 224 p.
9. Флори Ж. Ричард Львиное Сердце: Король-рыцарь. СПб.: Евразия, 2008. 666 с.
10. Lacey R. Great Tales from English History: The Truth About King Arthur, Lady Godiva, Richard the Lionheart, and More. New York; Boston: Little, Brown & Co, 2003. 254 p.
11. Филлипс А. Житие Святого благоверного короля Англии Альфреда Великого; пер. с англ. Д. Лапы. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/57348.html> (дата обращения: 15.10.2018).
12. Терещенко М. История в историях: [о последних книгах изд-ва «Б.С.Г.-Пресс»] // Октябрь. 2006. № 10. – URL: <http://www.magazines.russ.ru/october/2006/10/te10.html> (дата обращения: 27.10.2018).
13. Шекспир В. Генрих VI. Ч. 3 // Полн. собр. соч.: В 14 т.; пер. с англ.; примеч. А. Смирнова. М.: ТЕПРА. 1997. Т. 3. С. 5-416.
14. Donoghue D. Lady Godiva. A Literary History of the Legend. New Jersey: Blackwell Publishing, Ltd, 2003. 159 с.

Кирюхина Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, г. Нижний Новгород, Россия; elenakiruhina@gmail.com

Images of the heroes of a glorious past in the work of British artists of the second half of the XIX – early XX centuries in the context of the formation of national identity

The article considers paintings about the heroes of the historical past, created by English artists of the second half of the XIX – early XX centuries. The authors chose both real historical and legendary personalities, which should have been examples of noble and lofty feelings, and the mythologized pantheon of ancestors formed in the public consciousness should have instilled feelings of patriotism and pride in a country and a monarchy worthy of its great predecessors.

Keywords: Great Britain of the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries, national identity, English artists, historical painting

Kiryukhina Elena Mikhailovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia; elenakiruhina@gmail.com

Котляров Д.А.

К вопросу об имперском характере Московской Руси

Рассматривается проблема типологии Московского государства на рубеже XV–XVI столетий. Основываясь на анализе внешней и внутренней политики великого князя Московского, идеологического обоснования государственной власти автор аргументирует позицию о начальном этапе становления империи в России в конце правления Ивана III.

Ключевые слова: Иван III, Московская Русь, великокняжеская власть, идеология, неонатальная империя

Характер государства, образовавшегося после завершения объединения основного массива русских земель вокруг Москвы к концу XV века, по-разному определяется в историографии. Точек зрения по данной проблеме сложилось множество, что делает ее решение достаточно затруднительным. Между тем в историографии имперский период в отечественной истории традиционно принято начинать с конца правления Петра I, в зарубежной – с начала присоединения крупных иноэтничных территорий в Поволжье и принятия московским великим князем царского титула (что признается и рядом российских исследователей). Главный вопрос – можно ли считать Московскую Русь в период великого княжения Ивана III начальным этапом становления России империей? В пользу данного предположения свидетельствуют те значительные качественные перемены в государстве, которые возможно проследить, только начиная со второй половины XV века и которые при наследниках Ивана III оформляются, получают завершенность и становятся определяющими чертами уже бесспорно имперской России.

О каких переменах идет речь? Для их выявления необходимо воспользоваться определением понятия «империя». Среди множества дефиниций выберем ту, что точнее позволяет раскрыть суть явления, имеющего отношение к различным периодам всемирной истории, хотя в то же время обладавшего специфическими чертами в конкретную историческую эпоху. В самом общем смысле под империями можно понимать государства, включавшие помимо исконной территории обширные покоренные, этнокультурно чужеродные пространства, управляемые наместниками, назначаемыми из центра и ведущие систематическую захватническую политику [3, с. 251–252].

А.И. Филюшкин предлагает рассматривать Россию XV–XVI вв. как неонатальную империю, понимая под этим возникающее

в переходную от Средневековья к раннему Новому времени эпоху государство, у которого сложилось имперское тело и есть сфера функционирования, т.е. социальное поле имперской внутренней политики и своя «геополитическая ниша» [7, с. 6]. М.М. Кром полагает, что при Иване III в Московском государстве становятся заметны черты современного государства – суверенитет, общие законы, появление границ [4, с. 233].

Соглашаясь с этой позицией, постараюсь привести в ее поддержку некоторые аргументы. Новые явления в политической жизни России связаны с активной деятельностью великого князя московского как во внутренней, так и во внешней политике, и имели они системный характер. Во внутривнутриполитической сфере 1480–1490-е гг. представляли качественно новый этап – складывается единое государство с религиозным, административным, политическим, экономическим, этническим, социальным и т.д. центром в Москве. Происходило идеологическое осмысление произошедших перемен – оформлялись идеологические основы нового государства, что отразилось и в изменениях, происходивших в титуле великого князя. В «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы, в 1492 году разосланной по епархиям, московский великий князь назывался «государем и самодержцем всея Руси», а Москва провозглашалась Новым Константинополем, т.е. как столица мировой империи [6, с. 93-94]. В сентябре 1495 г. при поставлении митрополита Симона Иван III назвал свою державу «роусьским царством». В ответном слове новый митрополит также называет Русь царством, а Ивана Васильевича именует самодержавным государем, самодержцем [5, с. 169-170]. 4 февраля 1498 г. состоялся обряд венчания на великое княжение Дмитрия-внука, аналогичный интронизации византийских императоров с использованием регалий – шапки и бармы, которые с начала XVI в. ассоциировались с именем византийского императора Константина Мономаха [6, с. 195]. В это же время создается первый общерусский Судебник, ставший важнейшей вехой в оформлении единого государства, формировании централизованного аппарата управления земско-служилого патерналистского государства [1, с. 431-433].

Во внешнеполитической сфере великокняжеская власть в завершающий период великого княжения Ивана III переходит от обороны к активным наступательным действиям по всем направлениям. Присоединение Новгородской земли и обретение Русью суверенитета от Орды поставило перед молодым государством необходимость одновременного решения целого комплекса внешнеполитических проблем. Для их реализации формируется дипломатическая служба и создается многочисленное общерусское войско

с единым централизованным руководством, возглавляемым великим князем, как верховным главнокомандующим [2, с. 478]. Результатами серии последовательно наступательных походов великокняжеского войска, проводимых с конца 1460-х годов, стало установление протектората над полиэтническим Казанским ханством, включение его в сферу политического и экономического подчинения России с 1487 года. Еще раньше, в 1472 году, была приведена в покорность Пермь Великая. С покорением Вятской земли в 1489 году в состав Московского государства были включены также северные удмурты и часть марийцев. Отправлено было и значительное войско за Урал для покорения предков хантов и манси. В войнах с Великим княжеством Литовским при Иване III удалось включить в состав Московского государства значительные территории на западе и юго-западе, что явно обозначило его претензию на овладение всеми восточнославянскими землями. На северо-западе походы русских войск против Швеции и Ливонского ордена в 1490 – начале 1500-х годов свидетельствовали о складывании балтийского направления во внешней политике России.

Происходившие в правление Ивана III изменения (перечислены далеко не все из них) в совокупности можно рассматривать как начало нового этапа в отечественной истории. Использование для характеристики Московского государства рубежа XV–XVI веков терминов «неонатальная империя» и «модерное государство» позволяет точнее определить его статус, сопоставить его синхронно с другими государствами Европы и Азии.

Библиография

1. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
2. Алексеев Ю.Г. Военная история допетровской России. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. 752 с.
3. Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011. Т. 1: Древний мир. 822 с.
4. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. М.: Наука, 2008. 208 с.
6. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 480 с.
7. Филюшкин А.И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2009. Вып. 2. С. 5-20.

Котляров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; kotlyarovd@gmail.com

To the issue of the imperial character of Moscow Russia

The paper refers to the problem of typology of the Moscow state at the turn of the XV – XVI centuries. The author argues the position about the initial stage of the formation of the empire in Russia at the end of the reign of Ivan III relying on the analysis of the foreign and domestic policies of the Grand Duke of Moscow, the ideological justification of state power.

Keywords: Ivan III, Moscow Russia, princely power, ideology, neonatal empire

Kotlyarov Dmitry Alekseevich, *Candidate of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; kotlyarovd@gmail.com*

УДК 94(47):82

Крючков Н.Н.

Феномен «бириновщины» в отечественной публицистике и художественной литературе первой половины XIX в.

Настоящая работа анализирует литературные произведения 1820–1830-х гг., посвященные эпохе бириновщины. Отсутствие специальных исторических исследований о событиях аннинского царствования, недоступность исторических документов для образованной части общества, влияние романтизма и официальной консервативной идеологии создали устойчивую литературную традицию.

Ключевые слова: бириновщина, Э.И. Бирон, К.П. Масальский, И.И. Лажечников, исторический роман, литературная традиция, историческая память, художественный образ

Царствование Анны Иоанновны волею судьбы оказалось связано в массовом историческом сознании с фигурой могущественного временщика – герцога Э.И. Бирона, чьим именем названа эта историческая эпоха. Несмотря на то, что массовое привлечение иностранных специалистов на русскую службу и их привилегированное положение было следствием политики Петра I, личность иностранца-фаворита оказалась весьма удобным символом на которое можно было излить все недовольство существующими порядками. Не случайно тезисы о «засилье немецких временщиков», «немецком иге», «разграблении страны», «предательстве национальных интересов» были готовы появиться уже в царствование Елизаветы Петровны, узурпировавшей (с формальной точки зрения) императорский престол и нуждавшейся в идеологическом обосновании своего прихода к власти. Вместе с тем «онемечивание» династии Романовых уже в XVIII веке, необходимость в продолжении практики привлечения на русскую службу иностранных специалистов вынуждала ограничить антинемецкую пропаганду: «немцы» не должны

были быть полностью дискредитированы, поэтому уже в 40-е гг. XVIII в. возникает их условное деление на «хороших» и «плохих». Тем не менее, перечисленные выше обвинения в преступлениях лиц из окружения Анны Иоанновны, появились не ранее XIX в. с развитием национального самосознания и отчасти с распространением националистических идей.

Патриотический подъем после Отечественной войны 1812 г. вызвал массовый интерес к истории, на что не могла не откликнуться художественная литература. Так, поэт К.Ф. Рылеев посвятил эпохе бироновщины думы «Видение Анны Иоанновны» (1822 г.), «Волинский» (1821-22 г.), «Наталья Долгорукова» (1823 г.) и незаконченную «Миних» (1822 г.) [10]. Как видно даже из названий, эти произведения посвящены жертвам и борцам с «бироновщиной», хотя подобного термина тогда еще не существовало («*достопамятное Бироновское время*»). Эпитеты «презренный злодей», «временщик», «деспот», «любимец гордый и жестокий», «пришлец» вполне характеризуют романтического «героя-злодея». Безусловно, вольнолюбивые думы Рылеева в первую очередь создавались как агитационные произведения против самовластья (так, призрак окровавленной головы Волинского обличает императрицу Анну Иоанновну за преступления ее фаворита). В то же время это является показателем информированности образованной части общества о событиях столетней давности. Фактически, кроме «анекдотов из времен аннинских» единственным историческим сочинением на тот момент была «Русская история» С.Н. Глинки. Это произведение может считаться маркером становления в России консервативной и националистической идеологии, идеализировавшей все русское, превозносившей доблести и добродетели русских царей и полководцев прошлого. Изображение прошлого представляло собой патриархально-консервативную утопию, а это стало после подавления выступления декабристов своеобразным эталоном для николаевской эпохи [4].

Так, появившиеся первые исторические романы о времени «бироновщины» – «Регентство Бирона» К.П. Масальского (1834) и «Ледяной дом» И.И. Лажечникова (1835) идейно перекликаются со статьей об Э.И. Бироне (1836) из «Энциклопедического лексикона» Плюшара – первой русской энциклопедии с оригинальными статьями отечественных авторов. *«...Бирон же терзал все государство, все сословия, единственно из личных побуждений власти и корысти, и ничем не вознаградив своего тиранства, оставив потомству одно имя ненавистное. Правда, Россия в его время не уклонилась от пути, по коему повел ее Петр Великий; но это было не его дело: она жила своею жизнью, поддерживаемая умом сподвижников и учеников Петровых; слава побед, ознаменовавших*

царствование Анны Иоанновны, принадлежит Миниху; слава искусства в делах внешней политики, Остерману. Бирон заботился только об утверждении своей власти, о приобретении богатств и новых почестей» [2, с. 32]. Автор статьи ставит в вину фавориту «окружение Императрицы своими клеветами», рассеивание по всему государству толп шпионов, следивших «не только за действиями или словами, но и за мыслями общественными», «любопытство». Под последним понималось выколачивание недоимок из податного населения, невзирая на неурожай, при этом «...собранные таким образом миллионы рублей, поступая в секретную казну, в ведение Бирона, исчезали невозвратно; государство было разорено, а денег не было; в конце царствования Анны Иоанновны не знали даже, чем покрыть издержки придворной конторы, а для содержания войска, прибегли к новым налогам. Императрица, окруженная клеветами Бирона, ничего не знала о бедственном состоянии государства, видела в своем любимце опору престола, и искала только случая вознаградить его усердие» [2, с. 32].

Ужасы, которые терпит простой народ, яркими красками описываются И.И. Лажечниковым: неслучайно, завязка повествования связана с истязанием адъютантом Бирона малороссийского дворянина Горденко, из которого сделали ледяную статую, облив на морозе водой за то, что он хотел сообщить о страданиях своих земляков, о чем все же становится известно русским патриотам:

«— С каким удовольствием употребил бы я себя, например, на помощь страждущему человечеству!.. Доведено ли до сведения ее величества о голоде, о нуждах народных? Известны ли ужасные меры, какие принимают в это гибельное время, чтобы взыскивать недоимки? Поверите ли, граф? — продолжал Артемий Петрович, обратившись к Миниху, — у нищих выпытывают последнюю копейку, сбереженную на кусок хлеба, ставят на мороз босыми ногами, обливают на морозе ж водою...

— Ужасно! — воскликнул граф Миних. — Нельзя ли облегчить бедствия народные, затеяв общепользную работу? Сколько оставил нам Петр Великий важных планов, которых исполнение станет на жизнь и силы разве только наших правнуков! Например, чего бы лучше упорядочить пути сообщения в России? Для такого дела я положил бы в сторону меч и взялся бы за заступ и циркуль. А где, позвольте спросить, Артемий Петрович, наиболее оказываются нужды народные?

— Всего более страдает Малороссия...» [6, с. 533].

Тезис о доброй, но остававшейся в неведении императрице, является главным в объяснении для И.И. Лажечникова: «...Чудные вещи слышу я!.. Чему и кому верить?.. — произнесла Анна

Иоанновна». Не случайно, когда честный конфидендент Волынского Эйхлер раскрывает монаршие глаза на недостойного ее доверия фаворита, Бирон немедленно попадает в опалу [6, с. 653-654].

Масальский же специально выбирает для своего произведения период регентства Бирона, время, когда Анна Иоанновна уже умерла, а «законная» наследница Петра Великого Елизавета еще не взошла на престол. При этом сам акт о регентстве «подписанный монаршею рукою» не подвергается сомнению другим иностранцем – фельдмаршалом Минихом. Даже несмотря на все усилия гвардейцев-заговорщиков представить дело так, что императрица «подписала акт уже тогда, когда духом и телом изнемогла от страданий». Но в то же время, невзирая на все симпатии рядовых гвардейцев к Елизавете Петровне, даже заговорщики не подвергают сомнению то, что править должна «правительница принцесса Анна Леопольдовна, родительница нынешнего Императора». Сама же Елизавета, когда один из героев просит взять власть в свои руки, отвечает ему: *«... Не говори мне этого, Ханыков! Я знаю права свои, но не хочу ими пользоваться. Мне ли, слабой женщине, управлять обширнейшим в свете царством, когда тягость этого бремени чувствовал даже покойный родитель мой! Достанет ли у меня сил принять на себя перед Богом ответственность за счастье миллионов?...»* [7]. Впрочем, «слабая женщина» сообщает своим стороннику, что в свое время она возможно решиться действовать:

«– Если б я была уверена, – сказала она с чувством, – что у меня достанет сил для этого подвига, то я решилась бы теперь же действовать. Я бы с радостью пожертвовала спокойствием жизни для блага отечества, но я должна прежде испытать себя... Теперь стану молиться о счастье русских. Небо покажет мне, должна ли я буду действовать. Ханыков! Ты заставил меня сказать более, нежели следовало, но я полагаюсь на твою преданность мне. Кончим разговор! Ни слова более об этом!» [7].

В отличие от безупречной дочери Петра Великого, родители малолетнего императора пытаются составить заговор с целью отмены акта о регентстве с самого начала. Масальский особо подчеркивает, что переворот против немца-Бирона осуществлен немцем-Минихом, ведшем своих офицеров и солдат именем Елизаветы Петровны, но действовавшим в интересах принцессы Брауншвейгской.

Характерна концовка произведения: *«На утро общая радость, возбуждённая разнёсшимся слухом о вступлении Елизаветы на престол, уменьшилась, когда узнали, что принцесса Брауншвейгская, с помощью графа Миниха, нарушив акт о регентстве и низвергнув Бирона, объявила себя правительницей. С нарушением акта права Елизаветы на престол делались ещё*

неоспоримее. Через год, когда принцесса Брауншвейгская, подстрекаемая окружающими её иноземцами, решилась объявить себя императрицей и отдалить навсегда ветвь Петра I от престола России, им возвеличенной и прославленной, когда Елизавете грозил брак против воли или заточение в монастырь, она решилась действовать, – и обрадованное отечество вскоре увидело на престоле дочь Петра Великого» [7, с. 347].

Тем не менее уже современники не всегда соглашались с подобной трактовкой роли Бирона в отечественной истории. В частности, А.С. Пушкин в одном из своих писем отметил, что Бирон «имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа» [9]. У самого Масальского майор Тулупов проклинает «нехристя-Бирона», не забывая о том, что донос пустяковому делу на соседа, приведший к гибели последнего из-за мелочной обиды он написал сам [7, с. 348]. Однако, отдельные критические замечания не поколебали прочность идейной конструкции: не случайно статья о Бироне из «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара (1836 г.) без каких-либо изменений вошла в «Справочный энциклопедический словарь Старчевского-Края» (1849) [3].

Патриархально-консервативная утопия, умеренный охранительный национализм в царствование Николая I были единственно дозволенной трактовкой исторических личностей и событий со стороны официальной власти. Естественно, что переосмысление царствования Анны Иоанновны начнется только во второй половине XIX в., с появлением новых научных и научно-популярных исследований, активной публикацией документов той эпохи. Новые факты отчасти сломают привычную консервативную традицию [5; 12], хотя термины «бионовщина» и «иноземное иго» появятся именно в пореформенную эпоху [11], а художественная литература вплоть до начала XX в. будет эксплуатировать яркий образ «иноземного злодея», развив представление об эпохе Анны Иоанновны как о немецком иге [1; 8].

Библиография

1. Авенариус В.П. Два регентства: исторические повести / Сост. А.Н. Казакевич. М.: Дет. лит.-ра, 1992. 381 с.
2. Бирон // Энциклопедический лексикон. СПб.: В тип. А. Плюшара, 1835–1841. Т. 6: Бин – Бра. СПб., 1836. С. 30–33.
3. Бирон // Справочный энциклопедический словарь / [ред. А. Старчевский]. СПб.: Издание К. Крайя, 1847–1855. Т. 2: Б. СПб., 1849. С. 345–347.
4. Глинка С.Н. Русская история. Изд. 3-е. В 14 частях. Ч. VIII. М.: Университетская типография, 1823. 208 с.
5. Карнович Е.П. Значение бионовщины в русской истории // Отечественные записки. 1873. №10. С. 542–577; №11. С. 95–127.

6. Лажечников И.И. Ледяной дом. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1955. 312 с.
7. Масальский К. Регентство Бирона // Русская историческая повесть первой половины XIX века. М.: Сов. Россия, 1989. С. 246-350.
8. Полежаев П.В. 150 лет назад. Бирон и Волынский: Ист. роман // Анна Иоанновна. Исторические романы. М.: Изд-во АСТ, 2002. С. 213-417.
9. Пушкин А.С. Письмо Лажечникову И.И., 3 ноября 1835 г. Петербург // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 16. Переписка, 1835-1837. 1949. С. 62.
10. Рылеев К.Ф. Думы / Издание подготовил Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1975. 254 с.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. В 18 кн. Кн. X. М., 1993.
12. Строев В.Н. Бироновщина и кабинет министров. В 2-х частях. Ч. I. М.: Тип. Моск. ун-та, 1909-1910. 322 с.; Ч. II. СПб.: Тип. Акад. наук, 1910. 77 с.

Крючков Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина, г. Рязань, Россия; n.n._kryuchkov@mail.ru

The phenomenon of “Bironovschin” in the national journalism and fiction of the first half of the XIX century

The paper analyzes literary works of the 1820s-1830s dedicated to the era of Bironovschina. The absence of special historical studies of the events of Anna Ioannovna's reign, the inaccessibility of historical documents for the educated part of society, the influence of romanticism and the official conservative ideology created a stable literary tradition.

Keywords: Bironovschina, K.F. Ryleev, I.I. Lazhechnikov, K.P. Masalsky, A.S. Pushkin, historical novel, literary tradition, historical memory, literary image

Kryuchkov Nikolaj Nikolaevich, Candidate of History, Associate Professor, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkina, Ryazan, Russia; n.n._kryuchkov@mail.ru

УДК 94(47+410)

Лабутина Т.Л.

Разведывательная деятельность британских дипломатов при дворе Екатерины II

Статья посвящена неизученной в историографии проблеме. Опираясь на дипломатическую переписку и мемуарную литературу, автор освещает неофициальную, тайную деятельность дипломатов. Выясняется, что наиболее важными для послов представлялись сведения об армии и флоте Российской империи, а также информация о состоянии дел в России и первых лицах государства – Екатерине II, ее министрах и приближенных. Автор приходит к выводу, что информаторами дипломатов нередко становились высокопоставленные российские чиновники, которые в силу корыстных побуждений, либо «особого» расположения к Британии – англофильства, снабжали британских послов секретной информацией, тем самым нанося вред своему государству.

Еще до вступления на престол великая княгиня Екатерина Алексеевна оказалась под пристальным вниманием британского посла Чарльза Уильямса. Ему удалось установить доверительные отношения с будущей императрицей и получать от нее секретную информацию. Именно Ч. Уильямс инструктировал Екатерину, как ей следовало подготовить дворцовый переворот, чтобы взойти на трон. После того, как Екатерина вступила на престол, англичане продолжили активно собирать информацию о Российской империи, используя для этой цели прежде всего своих послов. Король Георг III, направляя графа Джона Бэкингэмпшира в качестве посла в Россию в 1762 г., откровенно советовал ему озаботиться получением разведывательной информации. Он наставлял посла: «Не забудьте постоянно сообщать нам подробности о ходе домашних дел при дворе... о состоянии доходов императрицы, о количестве войска и флота, о политике императрицы... о внутренних партиях и волнениях, могущих обнаружиться в государстве» [1, с. 20]. По возвращении на родину король ожидал от посла «подробного и полного письменного отчета обо всем, что тот заметит при дворе императрицы, «о способностях и образе мыслей ее министров, об их интересах, взаимных отношениях и несогласиях, об их расположении к иностранным государствам» [1, с. 22].

Какие сведения интересовали дипломатов? Прежде всего, информация о расстановке сил при дворе. Послы наблюдали за тем, кто из придворных пользуется особым расположением императрицы, чтобы по возможности привлечь их в качестве своих информаторов. Послов интересовала также любая информация, связанная с Екатериной II. К примеру, Кэткарт, который по поручению короля внимательно следил за тем, как идет подготовка к прививке оспы императрице, отмечал, что английский доктор Димсдейл имеет близкий доступ к Екатерине, а потому этим следует непременно воспользоваться. Посол сообщал в Лондон, что близостью медика к императрице и ее ближайшему окружению следует воспользоваться и по возвращении его на родину «будет бесполезно поговорить с ним» [1, с. 406]. Впрочем, и сам посол пытался использовать врача в качестве своего информатора.

Больше всего дипломатов интересовало состояние армии и флота Российской империи. Так, Бэкингэмпшир в отчете в Лондон в 1764 г. сообщал: «Что касается до русской армии, считаю лишним объяснять, что кроме мародерства и опустошения неприятельской страны иррегулярные войска приносят вообще мало пользы».

Признавая отдельные успехи российской армии («артиллерия – лучшее войско, когда=либо виденное мною. Полевые пехотные полки хороши и в полном составе»), посол тем не менее в целом считал ее слабой. «Гвардия вследствие разных причин не оправдывает назначения. Кавалерия в самом дурном состоянии. Их конная гвардия гораздо ниже последнего полка Его Величества... Вследствие климата и положения... страны... флот ее никогда не достигнет значительных размеров» [1, с. 169-170].

Большое внимание анализу состава армии и флота уделил посол Джон Макартни в своей книге о России. Он подчеркивал, что пополнение армии и флота происходит исключительно за счет коренных русских, которые, на его взгляд, при хорошей дисциплине становятся «несравненными солдатами и матросами». По своим способностям к подчинению русским нет равных в мире, однако в целом, признавал Макартни, большинство их не принадлежит к военной касте. Напротив, «они испытывают сильнейшее отвращение к военной службе, особенно морской, и волонтеры среди них редкое чудо». Российские дворяне, которые служат в армии или на флоте, редко добиваются больших успехов в своей профессии, поскольку лишены амбиций. Офицеры менее искусны, чем иностранные военные» [5, с. 30].

Особенно послов интересовал российский флот. Посол Гаррис провел два дня в Кронштадте после чего сделал выводы о том, что «положение флота далеко не цветущее. В казначействе нет денег, а суммы, назначенные для постройки новых кораблей, далеко недостаточны» [3, с. 830]. Гаррис остановился также на характеристике экипажей российских судов: «У них только 15 тыс. моряков, и они вовсе не заботятся о приготовлении новых; а офицеры их до того невежественны, ленивы и невнимательны, что, не будь на их службе иностранцев, они бы не могли справиться и со слабейшими из своих ...соседей» [3, с. 831].

Нередко информаторами дипломатов становились высокопоставленные чиновники, которые отличались корыстолюбием. К примеру, Бэкингэмшир очень быстро выяснил, что канцлер А.П. Бестужев «охоч до денег», а потому может оказаться весьма полезным для реализации замыслов англичан. Посол нередко виделся с Бестужевым то у него, то у себя в доме, чтобы без помех вести частные беседы. Канцлер уверял посла, что незамедлительно сообщит ему «всякое известие, могущее иметь малейшее значение для Англии», и охотно делился с англичанином секретной информацией.

Следует заметить, что в мемуарах Бэкингэмшира сохранились краткие характеристики многих приближенных к Екатерине II. Судя по обширному списку лиц, о которых упоминал дипломат, его

круг знакомств распространялся на самых влиятельных лиц в государстве. Различные контакты с ними давали богатую пищу дипломату, совмещавшему свою профессиональную деятельность с разведывательной. Памятуя о наказе короля «вербовать» на свою сторону влиятельных сановников императрицы, Бэкингэмшир доносил в Лондон, что ему удалось выявить нескольких лиц из числа тех, кто расположен к интересам Англии. В их числе оказался, к примеру, фельдмаршал И.Е. Миних, который повстречавшись с Бэкингэмширом, заявил, что «уже имел честь служить на жалованье Великобритании и всегда сохранит к этой стране самое искреннее расположение». Вполне мог оказаться полезным англичанам, по мнению посла, и секретарь императрицы А.В. Олсуфьев, способный гарантировать интересы британского купечества при подготовке торгового договора. Бэкингэмшир сумел подметить слабости сановника. «Его первое пристрастие – стол, второе – женщины, третье – деньги, позволяющие эти расточительные удовольствия, этот ряд замыкает честолюбие», констатировал посол [4, с. 117]. Естественно, что дипломат вполне мог использовать слабости высокопоставленных чиновников с тем, чтобы привлечь их на свою сторону и тем самым добиться выполнения задуманных планов в интересах Великобритании.

Таким пороком, как взяточничество, страдали многие высокопоставленные чиновники Екатерины II. Об этом не преминул сообщить в Лондон Джеймс Гаррис. «Вы, милорд, – писал он лорду Стормонту, – не можете составить себе понятия о той степени, до которой в этой стране доведена продажность, об огромных размерах требований и о том нахальстве, с которым они предъявляются». «Вы можете быть уверены, милорд, – продолжал он, – что я буду бережлив, насколько возможно; но я должен платить за всякое сведение, которое мне удастся получить» [2, с. 440]. И Гаррис, действительно, платил министрам. Один из его недоброжелателей, голландский резидент при дворе Екатерины II, опубликовал в газете информацию, обвинявшую Гарриса в попытке «подкупить русских министров». Примечательно, что императрица, узнав об этой публикации, не придавала ей никакого значения, а самого посла «отличала» даже больше, чем обыкновенно. По-видимому, Екатерину II подобные «шалости» британского посла, как попытки подкупа ее министров, не особенно волновали.

Как видно из донесений британских послов, они, выполняя приказы своего правительства, активно занимались сбором разведывательной информации при дворе Екатерины II. Информаторами дипломатов нередко становились высокопоставленные российские чиновники, которые в силу корыстных побуждений, либо «особого» расположения к Британии – англофильства, снабжали

послов секретной информацией, тем самым нанося очевидный вред своему государству.

Библиография

1. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского российского исторического общества. Т. XII. СПб., 1873. 472 с.
2. Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II // Русский архив. Т. I. М., 1874. № 8. С. 350-440.
3. Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II // Русский архив. Т. II. М., 1874. № 11. С. 737-898.
4. Секретные мемуары, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге // Вопросы истории. М., 1999. № 4-5. С. 115-128.
5. An Account of Russia. 1767. London, 1768. 214 p.

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; tlabutina2007@yandex.ru

Intelligence activities of British diplomats at the court of Catherine II

The article is devoted to the unexplored in historiography problem of intelligence activities of British ambassadors at the court of Catherine II. Based on diplomatic correspondence and memoirs, the author covers the unofficial, secret activities of diplomats. It turns out that the most important for the ambassadors were information about the Army and Navy of the Russian Empire, as well as information about the state of affairs in Russia and the first persons of the state – Catherine II, her Ministers and confidants. The author comes to the conclusion that diplomats were often informed by high-ranking Russian officials, who, because of selfish motives, or «special» disposition to Britain – anglophiliya, supplied ambassadors with secret information, thereby causing obvious harm to their state.

Keywords: Great Britain, Russia, XVIII century, Catherine II, ambassadors, intelligence activity

Labutina Tat`yana Leonidovna, Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; tlabutina2007@yandex.ru

УДК 94(410) "19"

Николашина Е.А.

Мемуары Дэвида Ллойд Джорджа как источник по истории парламента Великобритании начала XX века

Дэвид Ллойд Джордж – ключевая фигура на британской арене в начале XX века. Воспоминания политика содержат в себе не столько собственные переживания, сколько информативный пересказ происходящих в описываемом периоде событий. Действия Ллойд Джордж, в частности в рассматриваемый период, привнесли

действительно кардинальные изменения в суть британского парламента. Мемуары дают реальную возможность проследить роль политика в трансформации старейшего парламента мира.

Ключевые слова: парламент, первая мировая война, Ллойд Джордж Д., внутреннего политика, кризис парламентаризма

XIX век для Великобритании был ярким и успешным. Однако новое столетие в политическую жизнь страны ворвался «ветер перемен»: английские рабочие начали бороться за свои права, не желая безропотно трудиться на благо своих хозяев; колонии также перестали безропотно переносить существовавшую власть британских господ. Позиция мирового торгового лидера, а также промышленного монополиста поколебалась. Долговечная власть над морями так же уже не была безусловной [3]. Однако британским правящим классам было сложно принять новое положение и расстаться с привилегиями. Они были готовы на вооруженную борьбу за мировое господство, стараясь все более расширить колониальную империю, а не просто удержат позиции. Они стремились любыми возможными способами затормозить развитие массового рабочего движения и помешать созданию рабочей партии [2]. Со всем этими проблемами пришлось столкнуться либеральной партии, пришедшей к власти в 1905 году. Инициатором и главным организатором социальных реформ был один из лидеров партии – Дэвид Ллойд Джордж, который проявил себя подлинным гроссмейстером компромиссов и политических трюков.

На посту министра вооружения, военного министра Ллойд Джордж проявил редкостную изобретательность в интригах и закулисных переговорах. В годы первой мировой войны безмерно честолюбивый Ллойд Джордж стремился занять пост главы правительства. Его кипучая деятельность, каскад маневров ради поддержания гражданского мира внутри страны сделали его самым подходящим кандидатом на роль национального лидера [5].

Политическая биография Дэвида Ллойд Джорджа стала отражением главных этапов истории Великобритании с конца XIX века. Парламент – центральный элемент британской истории. Мемуары ключевой фигуры политической арены Англии рассматриваемого периода, могут не только раскрыть личность автора, но и предоставить полную картину происходящих политических процессов. В 1930-е годы Ллойд Джордж написал воспоминания о войне и послевоенном урегулировании. Среди его сочинений – «Военные мемуары» (War Memoirs, 1933-1936) и «Правда о мирных договорах» (The Truth About the Peace Treaties, 1938). Особый интерес представляет шеститомные «Военные мемуары», в которых содержится

полный анализ происходящих событий внутри самой Великобритании и на международной арене.

Бесспорно, политики, играющие действительно значимую роль в политических событиях, отражают в мемуарах личностное восприятие того исторического эпизода, в котором принимали активное участие. За редким исключением эти воспоминания становятся автобиографичными материалами, записанными непосредственными участниками события, даже несмотря на непривычность такого действия, как написания книг. Говоря о политиках, играющих ведущие роли в начале XX века, стоит упомянуть Браяна, который так и не взял пера в руки. Остальные же ключевые персонажи тщательно описывали предпринятое ими, почему было сделано именно это, и почему именно так. Ллойд Джордж во введении к первому тому мемуаров перечислил всех тех, чьи военные автобиографии входили в его домашнюю библиотеку: и Кайзер, и Принц, и Пуанкаре, Вудро Вильсон, Клемансо, Асквит, Грей, Черчилль, Хофман – все это далеко неполный список авторов, книги которых Ллойд Джордж бережно хранил [4]. Сам политик в течение долгих лет колебался, принимая решение о целесообразности следования примеру этих ярких деятелей. Он признавал, что роль этих личностей была чрезвычайно ярка и заметна, однако тут же отмечал, что его собственная позиция была не менее примечательна и значима. Он констатировал, что с огромным удовольствием позволил бы любому третьему лицу описать его вклад в мировую дипломатию [1]. Но некие обстоятельства, согласно Ллойд Джорджу, все же уверили его в необходимости воспроизвести реальную картину своими словами и своими же силами.

Такая «неприятность» как болезнь сняла с Ллойд Джорджа обязанность оставаться лидером политической партии, тем самым освободив много свободного времени для самого политика и вызвав живые споры внутри партии. Вторым обстоятельством, побудившим Ллойд Джорджа взяться за написание мемуаров, был визит старого фронтового друга [2; 4]. Именно этот друг настоял воспользоваться случайно образовавшимся перерывом в делах и в течение выздоровления составить истинный и подробный отчет о «событиях той Великой войны». Именно он напомнил политику, что он был единственной официальной фигурой, прошедшей от самого объявления Войны к подписанию Мира [6].

Тогда Ллойд Джордж согласился, что реальная история войны, правдивая история начала века не могла быть и не будет написана. Примечательно, что, описывая события военного периода, Дэвид Ллойд Джордж освещал не только внешнеполитическую политику Великобритании, но и внутреннюю. Занимая пост главы

правительства, он ловко манипулировал обеими палатами парламента для достижения желаемых целей. Война, по мнению политика должна была разрядить политический накал, вызванный парламентским кризисом, приведшим к принятию «Акта о Парламенте 1911 г.». Так и получилось, в «Военных мемуарах» он говорит о «национальном единстве». «Промышленное перемирие» лидеров тред-юнионов с капиталистами завершило период стачек.

Ллойд Джордж описывает события 1915 г, приведшие к консолидации господствующих классов, трансформацию либеральной партии и перераспределение власти внутри парламента [1].

«Военные мемуары» – не монотонный перечень событий, скорее, это красочный рассказ, восхваление своих собственных способностей, восхищение своими способностями. В этих мемуарах «читается» автор, за яркими метафорами, красноречивыми фразами прослеживается реальная картина событий, рассматриваемого периода. Ллойд Джордж не просто повествует о череде фактов и явлений, но дает качественный анализ политических действий и весьма полные портреты основных политических деятелей. Он сравнил написание мемуаров с еще одной попыткой прожить жизнь. С той лишь разницей, что, вспоминая, уже ничего нельзя изменить, «ты готов к предстоящим событиям, видишь все промахи» и неточности. Он говорит, что в течение первых лет работы над мемуарами он «жил словно в кошмарном сне, вспоминая мельчайшие подробности ужасающих дней» [4]. Ллойд Джордж искренно верил в то, что если он расскажет миру всю правду о войне, если покажет всю ее обратную сторону, то ничего подобного уже не повториться.

Ллойд Джордж не называет себя писателем. Он «свидетель», «очевидец» кровавых событий. Автор признает, что в связи с избирательностью памяти, мог опустить какие-то детали, но он делал это не умышленно. Политик тщательно готовился к написанию своих «Военных мемуаров». Он прочел массу документов того времени, чтобы освежить в памяти всю картину событий.

В начале Первой мировой войны германские лидеры обещали добиться победы «до осеннего листопада» [7]. 19 сентября 1914 года Ллойд Джордж, выступая на митинге, напомнил о том, что всю свою политическую жизнь «с отвращением относился к перспективе участия в великой войне. Но сейчас он убежден: участие необходимо, ибо затронута национальная честь», поскольку Англия подписала два договора, обязывающие ее защищать независимость, свободу и неприкосновенность «нашего маленького соседа» – Бельгии [4].

Работа над «Военными мемуарами» продолжалась в течение трех плодотворных лет – с 1933 по 1936 гг. Ллойд Джордж создал удивительное историческое произведение. Он очень подробно

осветил все стороны развития ситуации на мировой арене в начале XX века, глубоко проанализировал основные направления развития Великобритании, предоставил тщательно продуманные портреты политических деятелей начала XX века. Ллойд Джордж в своих мемуарах выражал личное отношение к происходящим событиям, не скрывая эмоций и впечатлений, так он внес некую художественность в мемуары. Все повествование настолько красноречиво, что описываемые события становятся настолько реалистичными для читателя, что происходит будто единение двух временных пластов – прошлого и современности.

Ллойд Джордж искренне надеялся, что своими «Военными мемуарами» он сможет предупредить человечество о возможной опасности в будущем. Жаль, что потомки не оправдали ожидания великого политика начала XX столетия.

Библиография

1. Алексеев Н.А. Палата Лордов Британского парламента. М., 2003.
2. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
3. Из истории международных отношений и освободительных движений XIX–XX вв. Под ред. Нарочницкого А.Л. М., 1970.
4. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934–1937.
5. Николашина Е.А. Дэвид Ллойд Джордж и его влияние на политику Великобритании на рубеже XIX–XX вв. // Власть и общество в провинции. Тула, 2017.
6. Albert J. Sylvester. The Real Lloyd George. L., 1947.
7. John Grigg. Lloyd George: From Peace to War, 1912–1916. L., 1985.

Николашина Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия; e.nikolashina@365.rsu.edu.ru

Memoirs of David Lloyd George as a Source on the History of the Parliament of Great Britain at the Beginning of the 20th Century

David Lloyd George is a key word in Britain in the beginning of the XX century. Politician's memories are full of not only personal attitude towards the reality, but informational narration of the events. Lloyd George's actions led to serious parliament transformation. His memories show the role of the politician in the changing of the oldest world's parliament.

Keywords: Parliament, WWI, Lloyd George D., internal policy, parliamentary crisis

Nikolashina Ekaterina Anatolevna, Candidate of History, Senior Lecturer, Ryazan State University named after S.A. Yesenina, Ryazan, Russia; e.nikolashina@365.rsu.edu.ru

Скоробогатов А.В.

Петиция о праве 1628 г. как паллиативный этап Английской буржуазной революции

Статья посвящена исследованию одного из важнейших политических документов Англии XVII в. – Петиции о праве. Данный документ имел революционное значение не столько по содержанию, сколько по обстоятельствам принятия, обнаружившим неготовность английского короля и парламента к поискам политического компромисса. Принятие Петиции можно считать предварительным (паллиативным) этапом Английской буржуазной революции.

Ключевые слова: Петиция о праве 1628 г., Англия, Английская буржуазная революция, абсолютная монархия, парламент

Английская буржуазная революция является одним из важнейших этапов не только английской, но и мировой истории. Ее опыт имел большое значение как для развития государственности, так и для эволюции политико-правовой мысли. Это обусловило непрекращающийся научный интерес к этому явлению. Однако преимущественно исследуются вопросы политических, социальных и экономических изменений в 1640-1660 гг. В тоже время незавершенный характер английской абсолютной монархии [6] позволяет выявить ряд более ранних событий, которые имеют не менее революционное значение. Прежде всего, речь идет о т.н. Петиции о праве 1628 г. [3].

В этом документе впервые было заявлено о стремлении не только юридического оформления, но и фактической реализации парламентских прерогатив. Хотя петиция составлена в традиционной для Средневековья форме «всемилодивейшего прошения» и формально не посягала на королевские прерогативы в том виде, как они сложились в сословно-представительной монархии [2], она не соответствовала пониманию исключительных полномочий верховной власти в абсолютистской доктрине и практике [5, с. 53-60].

Фактически речь шла о противоречии двух монархических доктрин:

1) абсолютистская, выражаемая Карлом I и палатой лордов, предполагала, что воля монарха (в т.ч. затрагивающая личные и имущественные права подданных, врученных ему Богом для обеспечения «общего блага» в той форме, как его понимает монарх), независимо от формы ее выражения является непререкаемой и может ограничиваться только властью Бога;

2) парламентская, выраженная палатой общин, носила юридический характер и предполагала, что полномочия монарха определяются документами, принимаемыми совместно королем и парламентом и не зависящими от воли конкретного носителя монархической власти. Ни общее право, ни законодательно закрепленные королевские прерогативы не дают права королю распоряжаться жизнью подданных, в частности арестовывать их без указания причин. В Петиции о праве эта позиция подтверждена ссылкой на Великую хартию вольностей и парламентскими актами царствования Эдуарда III.

Принимая решение о составлении петиции о праве, парламентарии хорошо сознавали, что таким способом они не смогут создать закона, закрепляющего права и свободы английских подданных. Поэтому данный документ следует рассматривать как компромисс, направленный на снятие социальной и политической напряженности, и попытку решить соответствующие социальную и политическую задачу будущей революции в рамках существующего государственного механизма.

Процесс обсуждения парламентом Петиции о праве занял около трех недель, временами становясь очень бурным. Попытка палаты лордов включить в петицию положение об абсолютной прерогативе короля было решительно отклонено палатой общин. Однако парламентариев пугала не сама по себе абсолютная прерогатива, а ее совмещение с ординарной, благодаря чему король приобретал совершенно неограниченную власть.

Петиция о праве имела целью ограничение не королевской власти, а лишь неконтролируемого ее применения, прежде всего, в части посягательств на личность и собственность подданных. Это обусловило форму изложения материала и ссылки на правовую традицию в ее формализованном выражении. После перечисления злоупотреблений королевской администрации Петиция о праве со ссылкой на нормативно-правовые акты Эдуарда I и Эдуарда III призвала Карла I управлять страной по заветам предков. Это должно было выразиться в прекращении незаконных арестов, отмене чрезвычайных судебных полномочий администрации, а также в необходимости согласования введения новых налогов с парламентом.

Хотя Карл I утвердил одобренный обеими палатами парламента текст Петиции о праве, порядок наложения резолюции и ее содержание не соответствовали английской правовой традиции [4].

По-видимому, такой способ утверждения был избран королем из-за того, что Петиция о праве не соответствовала парламентской практике XVII в. К этому времени процедура взаимодействия парламента и короля носила двоякий характер. С одной стороны,

парламент представлял королю для утверждения билли по вопросам своей прерогативы, с другой – депутаты парламента имели право подавать королю частные петиции по частным вопросам. В случае же с Петицией о праве публичный документ был облечен в частную форму. Утверждение королем Петиции о праве в такой форме означало, что этот документ получил статус частного парламентского акта.

Значительно большее значение для государственно-правового развития Англии в 1628 г. имел не сам факт принятия Петиции, а те дискуссии, которые развернулись в парламенте вокруг нее. Благодаря этим спорам проявилась слабость существующего государственного механизма. Стало очевидным, что стремление короля и палаты лордов к усилению королевских прерогатив, юридически не ограниченных, рано или поздно приведет к прекращению деятельности парламента, который им не соответствовал.

Хотя Карл I утвердил Петицию о праве, но как только парламент согласился на выделение денежных субсидий правительству, король, воспользовавшись своей абсолютной прерогативой, считал себя свободным от выполнения взятых на себя обязательств. Парламент был распущен и не созывался более десяти лет, которые ознаменовались попыткой завершить формирование в Англии абсолютной монархии [1].

Таким образом, Петицию о праве следует рассматривать как предварительный (паллиативный) этап Английской буржуазной революции. Ее значение заключается не столько в содержании, сколько во внешних обстоятельствах принятия. Это обнаружило важнейшую черту последующих революционных событий – нежелание сторон конфликта идти на компромисс способствовало радикализации ситуации.

Библиография

1. Кирьянова Е.А. «Зримый образ Бога»: король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного» правления Карла I Стюарта // Средние века. 2010. Вып.71 (3/4). С. 225-242.
2. Кондратьев С.В. Ода «Вольность» английских юристов и парламентариев, или к вопросу о том, как принималась «Петиция о праве» // Европа. 2001. № 1. С. 106-120.
3. Петиция «О праве» (1628 г.) // Скоробогатов А.В. Государственно-правовое развитие Англии в период буржуазной революции: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2019. С. 67-70. – URL: <https://new.znaniium.com/catalog/document?id=343487> (дата обращения: 11.09.2019).
4. Томсинов В.А. Государственный строй абсолютной монархии в Англии: Новый взгляд // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Юридические науки. 2014. № 4 (16). С. 37-52.
5. Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640–август 1642 года: Учебное пособие. М.: Зерцало+М, 2010. 264 с.

6. Шарифжанов И.И. Корона и парламент в Англии XVII века: королевская привилегия или суверенитет парламента? // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 256-262.

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия; skorobogatov@ieml.ru

Petition for Law of 1628 as a Palliative Stage of the English Bourgeois Revolution

The article is devoted to the study of one of the most important political documents of England in the 17th century. – Petitions of rights. This document was of revolutionary importance not so much in content as in the circumstances of its adoption, which revealed the unwillingness of the English king and parliament to seek a political compromise. The adoption of the Petition can be considered a preliminary (palliative) stage of the English revolution.

Keywords: Petition of rights 1628, England, English Revolution, Absolute Monarchy, Parliament

Skorobogatov Andrei Valerevich, Doctor of History, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia; skorobogatov@ieml.ru

УДК 94(47) "18/19"

Харитонов А.М.

Отражение внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. в дневниках российского дипломата Г.А. Плансона

Статья посвящена обзору материала дневников российского дипломата Г.А. Плансона (1859–?), который он вел на протяжении многих лет работы на дипломатическом поприще в Восточной и Юго-Восточной Азии, начиная с 1902 года. Делается вывод, что дневники дипломата представляют научный интерес, поскольку они содержат информацию по различным аспектам внешней и внутренней политики конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: внешняя политика, Г.А. Плансон, Российская империя, Китай, Корея, Сиам

В конце XIX в. – начале XX в. Российская империя проводила активную внешнюю политику на Дальнем Востоке, укрепляя свои позиции в данном регионе. Однако отношения с соседними азиатскими странами были непростыми в силу различных исторических событий и противоречивой внутренней политики Российской империи. Например, добрососедские отношения, налаженные с Китаем во второй половине XIX века, ухудшились после принятия участия

русских войс в подавлении восстания ихэтуаней (1898–1901). Обстоятельства зачастую складывались сложные. Для того, чтобы дать обстоятельный анализ событий, возникает потребность в привлечении обширных архивных материалов, к числу которых относятся также дневники и воспоминания непосредственных участников или свидетелей тех событий. В статье предпринята попытка дать анализ, насколько полезными для изучения внешней политики на Дальнем Востоке могут оказаться дневниковые материалы видного дипломата Г.А. Плансона (1859–?), в разное время занимавшего различные должности на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Русский дипломат французского происхождения Георгий Антонович Плансон служил в Китае, был прикреплен к ведомству русского наместника на Дальнем Востоке в качестве представителя МИД, выполнял обязанности начальника дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. От этого периода его службы сохранилось два дневника, которые в настоящее время находятся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве [1, д. 211, 212]. Первый дневник охватывает хронологические рамки с 01.11.1902 по 14.12.1903 гг. и отражает пребывание Г.А. Плансона в Порт-Артуре и Пекине. Второй дневник датируется 01.01.1904 – 02.11.1904 гг. и содержит информацию о пребывании Г.А. Плансона в Харбине, Мукдене и Порт-Артуре, а также о его поездке в Санкт-Петербург. В этих дневниках, помимо сведений о частных визитах и рутинной работе дипломатических служащих, приводятся также данные о встречах с влиятельными людьми того времени, например, с британским дипломатом и Генеральным инспектором Китайских морских таможен сэром Робертом Хартом (1835–1911). Г.А. Плансон сообщает, что посещал Роберта Харта в воскресенье 17 ноября 1902 года [1, д. 211, л. 70б.]. Известно, что Р. Харт в одном из писем также упомянул о своем знакомстве с Г.А. Плансоном [5, р. 1334].

В дневнике Г.А. Плансона о периоде пребывания в Порт-Артуре и Пекине имеется емкая запись, оставленная в 1903 году, свидетельствующая о дальновидности дипломата: в ней он объяснял, почему не следует начинать войну с Японией. Он писал, что война будет слишком затратной, бесцельной и непопулярной в России [1, д. 211, л. 33-34]. Г.А. Плансон также оставил дневник о его пребывании в Америке, в составе русской делегации на Портсмутской мирной конференции в качестве секретаря.

Находясь в Корее в качестве Генерального консула в Сеуле, Г.А. Плансон продолжал вести дневниковые записи. До наших дней сохранилось три таких дневника [1, д. 214, 215, 216]. Первый дневник был написан в Сеуле и во время поездок в Японию, датируется

периодом с 25.06.1906 по 04.09.1906 гг. Во время своего визита в Японию Г.А. Плансон встречался в 1906 году в Токио с основателем Православной церкви в Японии архиепископом Токийским и Японским Николаем Японским (1836–1912) [1, д. 214, л. 80б.].

Второй, сеульский, дневник датируется периодом 24.08.1906 по 02.12.1907 гг. Третий дневник о пребывании в Сеуле дипломат вел с 11.12.1907 по 09.08.1908 гг. Во время работы в Корее Георгий Антонович много общался с корейскими и японскими чиновниками, о чем свидетельствуют многочисленные записи в его дневниках. Об этом драматичном периоде начала XX века в истории Кореи, а также об ослабевающем влиянии Российской империи достаточно подробно написано в работе С.О. Курбанова [2, с. 344–358].

В конце XIX в. Российская империя и Сиам строили союзнические отношения. Известно, что Сиам не стал колонией европейских держав (ни Франции, ни Англии), в том числе благодаря покровительству Российской империи. Несмотря на ослабление позиций России на Дальнем Востоке после русско-японской войны, отношения между Россией и Сиамом продолжали оставаться дружественными.

Начиная с 1910 года, Г.А. Плансон служил послом в Сиаме. Об этом периоде сохранились три дневника и письма к жене Марии Иоакимовне (письма написаны в период с 1910 г. по 18.12.1915 г.). Первый дневник составлялся с 07.09.1910 по 02.10.1910 гг. Он содержит многочисленные вырезки политических статей из русских и сиамских газет. Второй дневник охватывает период с 21.03.1911 по 01.07.1911. Третий – с 19.05.1913 по 18.08.1913. В этот период Г.А. Плансон увлекся буддийской скульптурой, которую он активно приобретал в Сиаме, о чем подробно писал в дневниках, оставлял зарисовки и описания буддийских скульптур. Внешнеполитические вопросы дипломатии Российской империи в дневниках представлены в меньшем объеме.

Дневники дипломата Г.А. Плансона, которые он вел в период с 1902 по 1913 гг., представляют собой научный интерес, поскольку они содержат информацию по различным аспектам внешней и внутренней политики конца XIX – начала XX века. Кроме того, эти дневники можно использовать при изучении вопросов, связанных с дипломатической жизнью конца XIX – начала XX века, особенностям ведения дипломатического протокола в Восточной и Юго-Восточной Азии. Дневники богаты этнографическим материалом, который также предоставляет поле для научного исследования.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, Генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. Оп. 1.
2. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 628 с.
3. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
4. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: НЛЮ, 2009. 421 с.
5. The I.G. in Peking: letters of Robert Hart, Chinese Maritime Customs, 1868–1907 / edited by John King Fairbank, Katherine Frost Bruner, Elizabeth MacLeod Matheson; with an introduction by L.K. Little. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1975. 1600 p.

***Харитоновна Анна Михайловна**, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; a.kharitonova@spbu.ru*

Reflection of the foreign policy of the Russian Empire in the Far East at the turn of the XIX – XX centuries in the diaries of the Russian diplomat G.A. Planson

The report is a review of the diaries, made by Russian diplomat Georgy Antonovich Planson (1859-?). G.A. Planson kept diaries for many years of his work in East and South-east Asia. He left diaries about his service in China, Korea and Siam, in which the diplomat described the current political situation in these countries, took notes of an ethnographic specificities and daily life, recorded meetings with outstanding persons at that time: rulers of states, representatives of different religions, high-ranking officials.

The speaker concludes that the diaries of diplomat G.A. Planson are of scientific interest because they contain information on various aspects of foreign and domestic policy of the late XIX – early XX centuries. In addition, due to the significant amount of materials left by the diplomat, one can find in it an additional source of important information on related topics, for example, related to the diplomatic life of the late XIX and early XX centuries, and the specifics of maintaining a diplomatic protocol. The diaries are rich in ethnographic material, which can also be used to study relevant issues.

Keywords: foreign policy, G.A. Planson, Russian Empire, China, Korea, Siam

***Kharitonova Anna Mixajlovna**, Assistant Lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; a.kharitonova@spbu.ru*

УДК 94(47):2"19"

Юрганова И.И.

Интеллектуальные практики духовного сословия Якутии начала XX столетия: локальный контекст

В статье приведено обоснование окраинной региональной специфики на примере значимости интеллектуальных практик духовенства Якутской области в начале XX столетия, как элемента межкультурного диалога и одного из средств

вовлечения северных народов в имперское пространство и общемировую христианскую ментальность.

Ключевые слова: духовенство Якутской области, интеллектуальные практики православного духовенства, Якутская область, якутская окраина, микроистория, интеллектуальная деятельность

Российское государство объединяло территории и народы с различными социально-экономическими и социокультурными характеристиками и по мере управленческого освоения, они утрачивали свою окраинность, сохраняя, тем не менее, особые региональные качества пространства и идентичности. Православие на протяжении столетий выступало в качестве идеологической основы русского общества, способствуя формированию и укреплению многонационального государства.

Специфика распространения православия на отдаленных рубежах государства обусловила особое положение Русской Православной церкви, находящее объяснение как в естественно-природных, общих и локальных условиях жизнедеятельности, так и в характере социальных и политических отношений в обществе, его культурном и нравственно-психологическом облике, способствовавших перманентной интеграции в общегосударственные стандарты подданства и управления.

При рассмотрении регионального контекста очевидно обращение к микроисторическому подходу как междисциплинарному методологическому принципу, предполагающему изучение сопряжения индивидуальных стремлений с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом. Объектом исследования в заданном контексте выступает социальная группа, относящая себя к духовному сословию и обладающая сословными правами и обязанностями, протяженность временного периода определена началом XX столетия.

Нарратив интеллектуальных практик представителей духовного сословия, составляющих наиболее образованную часть якутского общества, предоставляет возможность и предметное поле для определения и понимания исторической реальности начала XX в. в одной из отдаленных окраин Российской империи и формирования локальной культурной памяти.

Просветительская и образовательная деятельность священства как субъекта социального действия предполагала наличие субъективного смысла, базирующегося на христианских ценностях, находящих выражение в целях и мотивах, направленных на приемлемые в якутском обществе начала XX в. способы их реализации – «истолковании своей необходимости для следующих поколений, чтобы

они могли воспроизводить или изменять его в дальнейшем» [1, с. 101]. Очевидно, что представители духовного сословия, в соответствии с уровнем образования и положением в обществе, выступали социальными агентами, оказывающими влияние на цивилизационные процессы в якутской глубинке. Исторически ментальность северных народов основывалась на принадлежности к локальным этническим традициям, традиционным элементом культуры которых являлось обращение к услугам шаманов. Появление христианской религии, утверждавшей иные принципы жизненного уклада, вносило значимые изменения в повседневные практики населения.

Церковь распространяла своё служение на все категории населения и система интеллектуальных практик включала воспитание паствы (проповеди, духовные беседы), когда священник был ответственен за морально-нравственное состояние своей паствы. Под интеллектуальными практиками, активно участвующими в преобразовании социальной реальности, подразумевается, в целом, диалектическое единство общества и системы представлений, мышления и поведения, составляющих ориентиры человеческой деятельности [2, с. 81].

К началу XX века представители духовного сословия в Якутской области составляли 0,1 % от общей численности населения [3, с. 2-3], более 77 % духовных лиц являлись уроженцами области и свыше 36 % – якутами [4, с. 185]. Малая численность духовных персон на значительной территории оказывала, тем не менее, влияние на духовный уровень местного населения – оно присутствовало в областном и окружных городах, выступавших в роли культурных центров, в отдаленных же наслегх церковь сама являлась информационно-культурным центром, а священник, как правило, самым образованным человеком, выполнявшим обязанности не только духовного наставника, но и писаря, учителя, врача, судьи и т.д. Духовенство принимало участие во всех значительных мероприятиях области и его роль в начале XX столетия была все более очевидной.

Неразвитость земств способствовала организации поддержки Церковью школьного дела. Обучение в церковных школах было бесплатным и всесословным, их содержание осуществлялось за счет средств приходских попечительств, сборов в храмах и частных пожертвований. Духовенство области стало зачинателем книжной культуры. При храмах действовали библиотеки, где помимо духовной литературы имелись газеты и брошюры по земледелию, медицине и другим отраслям. С духовным ведомством связано появление якутской периодики, и епархиальная газета стала первой в истории края.

В середине XIX в. была проведена работа по переводу духовных и богослужебных книг и созданию якутской грамматики, разработчиком которой стал первый из якутских архиереев. Знание языка обеспечивало диалог клира и паствы, и церковь, особенно в сельской местности, была главным институтом поддержки населения. Духовенство Якутии принимало активное участие в работе благотворительных обществ и организаций. При относительной слабости «третьего сословия» и общественной самостоятельности органы и учреждения Православной церкви в окраинной Якутии традиционно имели сильные позиции. Социальная деятельность церкви выражалась и в благотворительности: милостыня, просветительская деятельность, выдача ссуд, сена, хлеба и т.д. Таким образом, территориальная отдаленность Якутии обусловила приоритет Православной церкви в социально-просветительской деятельности, тогда как светские учреждения данного профиля возникали позже и вслед за церковными.

Безусловно, что интеллектуальный дискурс представителей православной религии воспроизводил стереотипы и схемы конкретной социальной направленности, основанной на христианской аксиологии, и являлся одним из направлений межкультурного диалога и средством вовлечения народов Севера в российское имперское пространство. В процессе использования интеллектуальных христианских практик в повседневности духовенство Якутии осуществляло легитимацию структур традиционного якутского общества в общемировую христианскую цивилизацию, когда деятельность представителей духовного сословия являлась результатом взаимодействия с населением (проживание в одной местности, общие принципы ведения хозяйства и др.), обеспечивающим реализацию социальных и интеллектуальных практик (медицина, школьное дело, просветительство и др.) и в перспективе изменение аксиологической картины мира народов Севера.

Библиография

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат социологии знания. М.: Изд-во «Медиум», 1995. 323 с.
2. Иванов А.А. Интеллектуальные практики в социальных процессах цивилизации модерна // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. № 1-2 (1). С. 81-85.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Изд-е центр. стат. комитета МВД, 1899-1905.
4. Юрганова И.И. Церкви Якутии. Краткая история. Якутск; Сергиев Посад: Патр. изд.-полигр. центр, 2010. 400 с.

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Якутский научный центр СО РАН, Институт гуманитарных

Intellectual practices of the spiritual class of Yakutia at the beginning of the twentieth century: local context

The article substantiates the marginal regional specificity on the example of the importance of intellectual practices of the clergy of the Yakut region in the early twentieth century, as an element of inter-civilization dialogue and one of the means of involving the Northern peoples in the Imperial space and the global Christian mentality.

Keywords: clergy of the Yakut region, intellectual practices of Orthodox clergy, Yakut region, Yakut suburb, microhistory, intellectual activity

Yurganova Inna Igorevna, Doctor of History, Leading Researcher, Yakutsk Scientific Center of the SB RAS, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Yakutsk, Russia; inna.yurganova@mail.ru

Новейшее время

УДК 94(73)

Бодров О.В.

Том Хейден и становление организации «Студенты за демократическое общество» (SDS)

В статье рассматривается ранний период политической биографии Т. Хейдена (11.12.1939 – 23.10.2016) – лидера американских «новых левых» 1960-х гг., антивоенного активиста, подсудимого по делу «Чикагской семерки» 1968 г., инициатора важнейших социальных, межрасовых и экономических программ SDS, популярного публициста «новых левых» изданий 1960–1970-х гг.

Ключевые слова: Том Хейден, «новые левые», Студенты за демократическое общество (SDS), Порт-Гуронская декларация, антивоенное движение

Томас Эммет Хейден родился 11 декабря 1939 г. в Детройте, штат Мичиган [13], в рабочей семье ирландского происхождения и был единственным ребенком. Его родители – отец Джон Хейден, бывший морской пехотинец работал в корпорации «Крайслер» бухгалтером и мать, библиотекарь Женевьева Хейден, развелись, когда сыну исполнилось 10 лет, Том остался с матерью [2, р. 167]. Умный мальчик посещал католическую приходскую школу, в которой читал вслух монахиням Священное писание и «учился бояться ада» [4].

В средней школе Дондеро Хейден редактировал школьную газету и когда в своей прощальной колонке [4], после сокращения первых букв абзацев, получилось словосочетание «Пройти в ад», ему было запрещено посетить выпускную церемонию, и он индивидуально получил диплом [4]. Хейден начал думать о карьере в качестве

зарубежного корреспондента ещё в школе, но стал глубже интересоваться социальными реформами после поступления в Мичиганский университет в 1957 году. Во время учёбы в университете Том продемонстрировал превосходные успехи и стал редактором студенческой газеты «Michigan Daily». Он получил степень бакалавра в области социологии в 1961 г. и работал там же в 1962–1963 гг.

Политическая карьера Хейдена началась ещё в университете, но как радикальный антивоенный активист и борец за гражданские права он стал известен в 1960-х гг. Его поворот к радикальной политике начался после встречи с М.Л. Кингом в Калифорнии летом 1960 г. Хейден присоединился к акциям протеста Конференции южного христианского руководства (SCLC) и регистрации избирателей на юге [4].

В свой 22-й день рождения Хейден был арестован в Олбани (штат Джорджия), когда он и группа чернокожих студентов-активистов «Всадников свободы» ехали из Атланты и проигнорировали приказ покинуть автобус для белых. Его посадили в тюрьму за блокировку тротуара по прибытии автобуса в Олбани [4].

«Для тех, кто не прошел через опыт борьбы за гражданские права на Юге, умышленное отправление в тюрьму может показаться актом бесконечного отчаяния» [7, р. 139], – писал Хейден в своих мемуарах. «Но это не так, поскольку это был необходимый моральный акт и ритуал перехода к серьезной политической жизни» [7, р. 139].

Недовольный конформизмом существующих студенческих организаций, воспринимая потребность в национальной студенческой организации для координации проектов в области гражданских прав по всей стране, Том и 35 его единомышленников создали в 1960 – 1961 гг. в Анн-Арборе организацию «Студенты за демократическое общество» (SDS) [14] на базе Студенческой лиги промышленной демократии (SLID).

В конце 1961 г. он принял предложение основателя SDS Алана Хабера стать полевым секретарем на Юге. Сам Хейден был избран президентом SDS и возглавлял его в период с 1962–1963 гг. [10, р. 46], но и после своей отставки он сохранял влиятельные позиции в организации и приложил руку к реализации многочисленных программ как с участием SDS, так и без. Так, например, Хейден помог сформировать важный социальный проект экономических исследований и действий (ERAP) [3], призванный стимулировать прогресс гражданских прав.

Важнейшей заслугой первого периода политической биографии Хейдена является тот факт, что он стал одним из первых американских «новых левых» практиков и теоретиков «демократии

участия», автором программного документа SDS «Порт-Гуронская декларация» [11], проект которой он написал, сидя в тюремном заключении в Олбани (штат Джорджия). Этот документ из 25 000 слов стал манифестом организации после того, как он обсуждался, пересматривался и официально принимался на первом съезде организации в Порт-Гуроне (штат Мичиган) в 1962 г. Его целью было создание межрасового, мультикультурного и эгалитарного общества [1]. Порт-Гуронская декларация была не только первым документом поднимающегося студенческого движения в стране. В ней впервые были сформулированы основные принципы движения «новых левых» [9].

Другим важнейшим делом молодого активиста в середине 1960-х годов стала организация проекта SDS по борьбе с бедностью (Newark Community Union Project, NCUP) в Ньюарке (Нью-Джерси) с 1964 по 1967 гг. 26-летний Том и около ста его последователей оставили довольно приятные воспоминания о жизни в Мичигане и свои насиженные места и перебрались в негритянское гетто Ньюарка, где ели и спали нерегулярно, вели спартанскую жизнь, жили на 10 долларов в неделю, терпели неудачи, встречали непонимание и откровенную враждебность местного населения. Их задачей стала реализация идеи экономической демократии, направленной не на протест, а на созидательную работу по улучшению жизни обездоленных конечным итогом. Сама идея состояла в создании классовой солидарности бедных, неразделенных по принципам расы, конфессии, гендера и национальности [12].

В целом проект Хейдена ждало фиаско, т.к. через два года его реализации гетто Ньюарка было сожжено, безоружных людей добивали на улицах, перспективы реформ были потеряны, а социальный реформизм курса «Войны с бедностью» был свёрнут. Сам Хейден стал свидетелем крушения своих надежд во время жестоких беспорядков, грабежей и разрушений, в результате которых погибли 26 человек и сотни получили ранения [8, р. 191-196.]. Опыт работы привел его к написанию книги «Восстание в Ньюарке: официальное насилие и ответ на гетто» (1967) [6].

Личный архив Хейдена, охватывающий его жизнь с 1960-х годов, был передан в 2014 г. Мичиганскому университету. По словам Тодда Гитлина, который сменил Хейдена на посту президента SDS, он был «самым влиятельным политиком, который вышел из новых левых... одним из немногих людей, которых я знал, кто действительно хотел управлять и любил власть» [5].

Библиография

1. Brick H. Reflections on Tom Hayden. – URL: <https://solidarity-us.org/atc/188/p4983/> – свободный.

2. Browne Blaine T. Modern American Lives: Individuals and Issues in American History Since 1945. New York, 2007.
3. Economic Research and Action Project ERAP Newsletter, August 14, 1965.
4. Gable M. Defining Tom Hayden/ – URL: <http://articles.latimes.com/2000/dec/10/magazine/tm-422/2> – свободный.
5. Gitlin T. Tom Hayden (1939–2016) – URL: https://www.dissentmagazine.org/online_articles/tom-hayden-1939-2016. – свободный.
6. Hayden T. Rebellion in Newark: Official violence and ghetto response. New York: Vintage Books, 1967.
7. Hayden T. Reunion: A Memoir. Random House, 1988.
8. Miller J. Democracy Is in the Streets: From Port Huron to the Siege of Chicago, With a New Preface. Harvard University Press, 1988.
9. Parker G., Brick H. A New Insurgency: The Port Huron Statement and Its Times. Michigan Publishing, University of Michigan Library, 2015.
10. Sale K. SDS. New-York: Vintage Books edition, 1973.
11. The Port Huron Statement. Students for a Democratic Society. Michigan, 1962.
12. Tom Hayden and Carl Wittman. An Interracial Movement of the Poor (Distributed by Students for a Democratic Society, New York and its Economic Research and Action Project, Ann Arbor, n.d.).
13. Tom Hayden, preeminent 1960s political radical and antiwar protester, dies at 76 // Washington Post. Retrieved 27 August 2017. – URL: https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/tom-hayden-key-1960s-social-activist-and-political-partner-and-husband-of-jane-fonda-dies/2016/10/24/ad6d5da-a828-11e5-8058-480b572b4aae_story.html?noredirect=on – свободный.
14. Woo E. Tom Hayden, anti-war and civil rights activist married to Jane Fonda. 24.10.2016. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/obituaries/2016/10/30/tom-hayden-anti-war-and-civil-rights-activist-married-to-jane-fo/> – свободный.

Бодров Олег Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; ovbodrov@mail.ru

Tom Hayden and the Formation of Students for a Democratic Society (SDS)

The article discusses the early period of political biographies T. Hayden (11.12.1939 – 23.10.2016) – leader of the American «new left» of the 1960s, anti-war activist, defendant in the case of the «Chicago seven» in 1968, the initiator of the most important social, racial and economic programs of the SDS, a popular publicist of the «new left» publications 1960–70-ies.

Keywords: Tom Hayden, «new left», Students for a democratic society (SDS), Port Huron Statement, antiwar movement

Bodrov Oleg Vyacheslavovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; ovbodrov@mail.ru

Болтаевский А.А.

Постколониальное общество в Карибском регионе: опыт Королевства Нидерландов

Автор показывает процессы деколонизации и государствовроительства в Карибском регионе на примере Голландской Вест-Индии, отмечая взаимное стремление акторов к равноправию и политической зрелости. При всей важности двухсторонних контактов между Антиллами и европейскими Нидерландами, жители Карибов хотят сохранить собственную идентичность, выступая против насаждаемых либерализмом универсальных ценностей.

Ключевые слова: постколониализм, деколонизация, Нидерланды, Карибский регион, государствовроительство

Распад мировой социалистической системы и крушение Советского Союза, процесс глобализации и формирование монополярного мира в конце XX в. привели к новым поискам оптимальных моделей развития в странах Азии, Африки, Латинской Америки и пересмотру ряда устаревших концепций. Так, например, на посвященной рабству и работорговле Лондонской научной конференции (апрель 2006 г.) несколько ораторов обратили внимание на кардинальное отличие прежних колониальных условий от современной ситуации на самоуправляемых островах в Карибском море. Примечательно, что в отличие от Мартиники, Гваделупы или Французской Гвианы, жители которой считают себя «французами», жители Арубы и Нидерландских Антил считали себя гражданами своего острова, имеющих паспорт Королевства Нидерландов [4, р. 178].

На протяжении полувека Карибский регион, сочетающий в себе как независимые государства, так и колониальные владения, представлял собой настоящую арену противостояния различных социально-политических систем. Минувшие десятилетия привели к серьезным экономическим и политическим трудностям Гайаны, Суринама, Ямайки, не говоря уже о Гаити, по праву относящемуся к «четвертому миру». На этом фоне гораздо более выигрышно смотрелись те карибские острова, которые сохранили тесные связи с метрополиями: так, остров Аруба является редчайшим примером отказа от уже согласованной с нидерландским правительством независимости. Специалисты отмечают, что для Карибского региона сегодня новой концепцией развития становится «расширенная государственность» (extended statehood), под которой понимается все многообразие отношений между США, Великобританией, Францией, Нидерландами и несамостоятельными территориями [2; 4]. Более

того, независимость больше не рассматривается, как единственный конечный результат деколонизации [5]. В то же время малые островные страны стремятся сохранить и приумножить свою идентичность, далеко не всегда соглашаясь с попытками ведущих акторов навязать свои универсальные ценности, в том числе однополые браки, эвтаназию и т.д. События 10 октября 2010 г. (в голландской литературе именуемые, как 10-10-10), придавшие новый статус нидерландским Карибам, способствуют переосмыслению привычных понятий национальной идентичности и суверенитета.

Как известно, окончательно голландская колониальная система в Западном полушарии сложилась к 1815 г. (именно к этому году Великобритания возвратила Нидерландам Суринам, оставив за собой Демерере, Эссекибо и Бербис, объединенные в дальнейшем в Британскую Гвиану, ныне Гайану). В это же время Суринам, а также островные владения вследствие изменения прежде благоприятных конъюнктурных стали приходить в постепенный упадок. Попытки оживить положение с помощью привлечения рабочей силы из Азии (индо-пакистанцы, яванцы) привели к становлению мультирасового общества, совпавшего с оживлением креольского национализма. К 1930-м гг. Суринам являлся уникальной страной, населенной 6 этническими группами, практически не связанными между собой культурными контактами.

В годы Второй мировой войны еще находясь в эмиграции правящая элита Нидерландов предприняла попытки реформирования своей империи: в частности, в своем радиообращении 7 декабря 1942 г. королева Вильгельмина говорила о расширенной автономии, которая могла быть представлена колониальным владениям. Рассчитанная первоначально на Ост-Индию, в силу ряда причин данная система оказалась жизнеспособной для голландских владений в Западном полушарии. Именно поэтому согласно Уставу Королевства Нидерландов от 1954 г., государство определялось в качестве добровольного объединения трех равных частей: собственно Нидерланды, Суринам и Нидерландские Антильские острова (в то время как население Нидерландов составляло 7 млн. человек, а Суринама 140 тыс. При этом экономическая зависимость от бывшей метрополии возрастала с каждым годом, определяя благополучие двух меньших частей).

В 1975 г. Суринам стал самостоятельным государством, население которого уже к середине 1980-х гг. в условиях отрезвления независимостью вновь стало тяготеть к Нидерландам (здесь сказались и этнические разногласия: так, против Д. Баутересе, ассоциировавшегося с креолами, выступили не только мароны, но и индусы [1, л. 20]). Более того, группа суринамских экспатриантов призвала в начале 1990-х гг. к пересмотру отношений между бывшей

колонией и метрополией вплоть до возврата досуверенного статуса [3, р. 95]. Немного по-другому складывалась ситуация на Антильских островах: более-менее осознанное политическое стремление к независимости сложилось только на Арубе, став результатом скорее борьбой за лидерство с Кюрасао в Нидерландских Карибах, подкрепленное этническим предубеждением (в отличие от населенного в первую очередь неграми Кюрасао большинство жителей Арубы являются метисами), идеологом которого выступал Бетико Крус («Освободитель Арубы»). Однако и он незадолго перед смертью отказался от лозунгов прямой независимости.

Так называемое «потерянное десятилетие» (1980-е гг.) вызвало не только разочарование в социально-экономических экспериментах, но и привело к пониманию важности тесных контактов с метрополией (в это время многие обозреватели даже называли Суринам «несостоявшимся государством»). В настоящее время в Нидерландах проживает около 320 тыс. выходцев из Суринама и 130 тыс. с антильскими корнями. Озабоченность неограниченной миграции антильской молодежи, обладающих голландским подданством, но при этом отличающейся слабым уровнем образования (в 2001 г. 40 % учащихся на Кюрасао не смогли получить аттестат зрелости), охватывает сегодня весь политический спектр голландского общества: в 2006 г. власти Роттердама объявили, что выходцы с Кюрасао являются основной преступной группой во втором по величине городе страны [6, р. 127]. И хотя в Суринаме и на Антилах все большее распространение получили местные пиджины (соответственно сранантонго и папиаменто), в последние годы вновь нарастает интерес к голландскому языку.

События 10 октября 2010 г. привели к новому реформированию Нидерландских Антил. Кюрасао и Синт-Мартен вслед за Арубой (имеющей этот статус с 1986 г.) стали самоуправляемыми государствами под эгидой Королевства Нидерландов, а три других острова – Бонайре, Саба и Синт-Эстатиус оказались в статусе особых общин. Если случай самоуправляемых государств напоминает положение отдельных образований в составе Британского Содружества, то три небольших острова скорее напоминают заморские департаменты (DOM) Франции. В тоже время в Нидерландах высказываются мысли о желательности координации не только обороны и внешних сношений, но и системы образования, которая играет важнейшую роль в формировании человеческого капитала.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 44. Д. 2321.

2. Allen R.A. The Complexity of National Identity Construction in Curaçao, Dutch Caribbean // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2010. № 89. P. 117-125.
3. Giraud M. Faire la Caraïbe, comme on refait le monde // *Pouvoirs dans la Caraïbe*. – URL: <http://journals.openedition.org/plc/252>; DOI: 10.4000/plc.252. P. 81-106.
4. Jong de L., Kruijt D. Extended Statehood in the Caribbean: Paradoxes of Quasi Colonialism, Local Autonomy, and Extended Statehood in the USA, French, Dutch, and British Caribbean. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2005. 206 p.
5. Oostindie G., Klinkers I. Decolonising the Caribbean. Policies in a Comparative Perspective. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2003. 291 p.
6. Oostindie G. Dependence and autonomy in sub-national island jurisdictions: the case of the kingdom of the Netherlands // *The Case of Non-Sovereignty: Lessons from Sub-National Islands Jurisdictions*. Oxford: Routledge, 2009. P. 121-137.

Болтаевский Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, преподаватель, Российский университет кооперации, г. Москва, Россия; boltaev83@mail.ru

Post-Colonial Society in the Caribbean: Kingdom of the Netherlands Experience

The author shows the processes of decolonization and state-building in the Caribbean region using the example of the Dutch West Indies, noting the mutual desire of actors for equality and political maturity. Despite the importance of bilateral contacts between the Antilles and the European Netherlands, the Caribbean people want to maintain their own identity, opposing universal values imposed by liberalism.

Keywords: postcolonialism, decolonization, the Netherlands, the Caribbean, state-building

Boltaevskiy Andrey Andreevich, Candidate of History, Lecturer, Russian University of Cooperation, Moscow; boltaev83@mail.ru

УДК 94(4):327

Данилов Е.С.

Безопасность как «краеугольный камень» идеи европейского единства

Европейская цивилизация имеет три основных истока. Это греко-римское наследие, культура «варварских» народов и христианское учение. По крайней мере, в рамках первого указанного компонента начинают формироваться общие черты такой фундаментальной и многоплановой ценности как безопасность (*adeia, asphaleia, soteria, incolumitas, securitas, tutum* etc.). В докладе прослеживаются особенности восприятия римскими гражданами состояния защищенности личности и общества, подчеркивается основополагающее значение указанных воззрений в деле формирования современных концепций коллективной безопасности.

Ключевые слова: Европа, Античность, безопасность, интеграция

Бытует мнение, что идея единства Европы в значительной мере коренится в историческом наследии Римской империи [2, с. 19].

Этот тезис, несомненно, верен в отношении появления и развития концепта «безопасность». Дело в том, что понятие *securitas* стало ускоренными темпами приобретать политические коннотации именно в период принципата, когда государство римлян значительно разрослось по сравнению с предшествующей эпохой и включило, кроме прочего, большую часть территории современного Евросоюза.

Представления о составляющих безопасного образа жизни в официальной идеологии *Pax Romana* увязывались с личностью императора и имели сакрализованный характер. Первые проявления подобной ментальности наблюдаются уже при Юлиях-Клавдиях (*Val. Max.* IX. 11. ext. 4; *Vell. Pat.* II. 89. 4). Постепенно формируется культ *dea Securitas*. Изображение богини начинает распространяться на монетной чеканке и использоваться в пропаганде [8, p. 48-49].

Народы Римской империи, по мысли Тацита, отличаются от соседей-варваров тем, что объединены под одной властью против общих опасностей. Они обладают универсальной стратегией выживания: подчинившись, имеют возможность наслаждаться миром (*Tac. Hist.* IV. 74; ср. *Plut. De fort. Rom.* 317C). Согласно Аппиану, благодаря императорскому правлению, Рим пребывает в безопасности и цветущем состоянии (*App. Prooem.* 7).

Безопасность невозможно обеспечить без воинов (*Dio Cass.* LII. 27. 5, 28. 1), которые защищают границу и императора (*Dio Cass.* LV. 15. 3, LVI. 40. 2). Поэтому забота о вооруженных силах и обороноспособности всегда в приоритете у разумного принцепса. Приход к власти хорошего правителя предполагает свободу и безопасность (*Plin. Pan.* 8, 27, 35, 36, 55; ср. *Tac. Agr.* 3; *Dio Cass.* LXVIII. 4. 1, 5. 2, 6. 4). В оптимальной перспективе это означало беспрепятственно заниматься активной общественной деятельностью (*Plin. Pan.* 18, 44, 62, 66, 93), открыто выражать свое мнение (*Plin. Pan.* 33, 53, 66, 72, 76), пользоваться имуществом (*Plin. Pan.* 40, 42, 43, 50, 51). Именно в историческом пространстве *Pax Romana* безопасность приобретает политические, правовые и экономические грани [7, s. 61]

В эпоху Средневековья происходит замещение понятия *securitas* на *certitudo*. Последнее выражение в трактатах приверженцев христианства обозначает несомненность в содержании Священного Писания, уверенность в спасении души [6, p. 271]. Возрождение древнеримского содержания безопасности как совокупности благ, гарантируемых государством, а не только Провидением, происходит в Новое время.

Томас Гоббс считал целью любого государства обеспечение безопасности народа [1, с. 6]. Бенедикт Спиноза последовательно доказывал необходимость коллективной безопасности и ответственности

[5, с. 251, 260, 286, 288]. Джон Локк связывал понятие безопасности с законами природы, установленными богом [3, с. 266]. Жан-Жак Руссо развивал идею, согласно которой люди договорились между собой учредить государство для обеспечения общественной безопасности и охраны свободы граждан [4, с. 224]. Создавались также концепции, нацеленные на установление коллективной безопасности по всей Европе. Это в первую очередь идея Йиржи из Подебрада о «Христианской Лиге» (1464), проект «Новый Киней» Эмерика Крюсе (1623), комплекс секуритарных воззрений Гуго Гроция (1625). Не менее значимы в рассматриваемом контексте трактаты Я.А. Коменского (1662), Г.В. Лейбница (1668), У. Пенна (1693).

Множество похожих инициатив приходится на эпоху Просвещения, XIX и XX века. Их авторы искали положительные явления в античном прошлом и пытались доказать их необходимость в настоящем. Если поначалу сторонников всеобщего единения подстёгивала атмосфера затяжных и кровопролитных конфликтов (от противостояния с Османской империей до Второй мировой войны), которая заставляла желать одного только внешнего мира, то постепенно в умах формируется осознание необходимости внутреннего порядка: прочные торговые связи, единые производственные стандарты, валютная система, законодательство и органы власти.

Риторические конструкторы, в основе которых лежит сравнение Евросоюза с Римским государством, остаются актуальными до сих пор. Они встречаются в публичных лекциях (А.И. Фурсов), популярных изданиях (Давид Энгельс), многочисленных журналистских очерках. В последнее время подобные сопоставления имеет пессимистичную окраску (разногласия по вопросу миграционной политики, «брексит», кризис идентичности, экономические проблемы). Впрочем, нельзя забывать о несомненных достижениях. Интеграция превратила Европу в один из самых мирных и стабильных регионов.

Мир, безопасность, сотрудничество – вот ради чего объединялись государства в древности и сейчас. Даже если подобное объединение навязывалось насильно, как в случае с Римской империей, оно имело в конце концов и положительные черты. Коллективная безопасность современных государств (в рамках ОБСЕ, СНГ, ОДКБ, ООН) носит добровольный характер и базируется на следующих универсальных принципах: неделимость безопасности (агрессия против одного рассматривается как агрессия против всех); равная ответственность за ее обеспечение; уважение суверенитета; стремление к консенсусу при принятии совместных решений. Однако, эти принципы не реализуются в полной мере, если не будет преодолено недоверие и различия в представлениях о безопасности.

Библиография

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3-545.
2. Кембаев Ж.М. Политико-правовая история идеи единой Европы: с древнейших времен до современности. Алматы-Астана: Академпресс, 2012. 496 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135-405.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. С. 195-322.
5. Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Сочинения. Т. II. СПб.: Наука, 1999. С. 247-330.
6. Arends J.F.M. From Homer to Hobbes and Beyond – Aspects of “Security” in the European Tradition // Globalization and Environmental Challenges. Reconceptualizing Security in the 21st Century / Ed. by H.G. Brauch. Heidelberg and Berlin: Springer, 2008. P. 263-277.
7. Kršev B. Securitas res publica: kratka istorija bezbednosti. Novi Sad: Prometej, 2017. 322 s.
8. Ricci C. Security in Roman Times, Rome, Italy and the Emperors. London; New York: Routledge, 2018. 300 p.

Данилов Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия; explorator@list.ru

Security as a cornerstone of the idea of European unity

European civilization has three main sources: Graeco-Roman heritage, culture of ‘barbarian’ peoples and Christianity. General features of such a fundamental and multifaceted value as security (adeia, asphaleia, soteria, incolumitas, securitas, tutum etc.) started to form at least within the first of the above mentioned components. The report describes the specifics of Roman perception of individual and social security, highlights the fundamental importance of these beliefs in formation of contemporary concepts of collective security.

Keywords: Europe, classical antiquity, security, integration

Danilov Evgenij Sergeevich, Candidate of History, Associate Professor, Yaroslavl State University named after P.G. Demidova, Yaroslavl, Russia; explorator@list.ru

УДК 94(410)

Ерохин В.Н.

Кельтские окраины и центральная власть в Великобритании: взгляд Майкла Хечтера

Статья посвящена анализу причин сохранения этнической идентичности населения кельтских окраин в современной Великобритании. Показано, что тенденция к сохранению этнической и культурной специфики и особых политических интересов населения кельтских окраин проявлялась в Великобритании в течение всего нового и новейшего времени, поскольку даже в условиях индустриализации и

модернизации британские власти моделировали экономическое развитие кельтских окраин в подчиненном формате.

Ключевые слова: Великобритания, кельтские окраины, национализм, этническая идентичность, модернизация, резистентность

С 1990-х годов в политической жизни в Великобритании наблюдается заметная активизация этнического регионализма, который начал приобретать даже характер национализма с присущим ему стремлением к государственной самостоятельности. Удивительным образом стало проблематичным дальнейшее существование Великобритании как единого политического пространства – угроза дезинтеграционных процессов проявилась в стране, которая в течение долгого времени рассматривалась как пример успешной экономической и политической модернизации, в ходе которой нивелировались этнические и культурные различия.

Еще до заметной активизации националистических политических движений на кельтских окраинах одним из первых исследователей, обратившим внимание на процессы в кельтских регионах, стал известный североамериканский социолог Майкл Хечтер (р. 1943). До сих пор его трудам в отечественных гуманитарных и социальных науках не было уделено должное внимание. Еще в 1977 году он опубликовал работу, которая привлекла внимание глубокой анализа противоречий между англичанами и кельтами на Британских островах с опорой на использование понятия «внутренний колониализм» [2]. В последние, кризисные, годы существования СССР – это понятие даже пытались осмыслить применительно к своему положению внутри союзного государства некоторые советские республики (в первую очередь Прибалтика), неосновательно считая себя объектом эксплуатации.

В изучении развития мирового капитализма в среде левых политических мыслителей на рубеже XIX – XX вв. стало уделяться особое внимание колониальной политике западноевропейских стран, стало использоваться понятие «империализм» и приходило понимание того, что мировой капитализм остро нуждается в проникновении на те или иные территории, с которыми можно наладить неэквивалентный обмен материальными благами, где удастся тратить меньше средств на оплату труда местной рабочей силы. Далее же появилось осознание того, что колонии могут быть как внешними, так и внутренними.

В социальных науках концепция «внутренней колонизации» стала первоначально использоваться под влиянием обострения межрасовой борьбы в США в середине 1960-х годов. Американский социолог Роберт Блаунер стал отрабатывать на североамериканском

материале идею о том, что в положении колониальной зависимости может находиться группа населения, которая проживает не где-то за морями, а на внутри территории государства, где такую группу можно превратить в дискриминируемое меньшинство. В случае внутренней ситуации в США, правда, появление такого ущемленного в правах меньшинства стало возможным также и на основе явных расовых различий между белыми и афро-американцами [1].

Идея внутреннего колониализма стала экстраполироваться также и на анализ ситуации в других государствах мира. Под этим углом зрения стала рассматриваться также британская история нового и новейшего времени. М. Хечтер показал, что заметное нарастание этнических и культурных противоречий между кельтами и англичанами, когда эти противоречия приобрели артикулированную форму, восходит к XVII веку. Эти противоречия стали осмысливаться также и в расовых понятиях. По мере того, как к XIX веку стал разворачиваться процесс индустриализации в Великобритании в ходе промышленной революции, этнические противоречия между англичанами и кельтами отнюдь не ослабевали, и стали даже приобретать более сознательные расистские проявления у англичан буквально всех социальных слоев и политических взглядов. М. Хечтер отмечает, что отношение англичан к ирландцам в середине XIX века стало откровенно расистским: например, Чарльз Кингсли (1819-1875), известный английский писатель и проповедник, один из основоположников христианского социализма, во время поездки в Ирландию писал, что «его окружают белые шимпанзе, которым под английской властью живется лучше, чем они жили когда-либо раньше» [2, р. XVI-XVII]. Супруги С. и Б. Вебб во время поездки в Ирландию в 1892 г. писали, что «люди здесь очаровательные, но мы презираем их так, как следует презирать готтентотов, причем за то, какой вид у них принимают человеческие добродетели» [2, р. 285].

Важной вехой в развитии социальных наук стало также начало формирования концепции мир-системного анализа, сформулированной американским социологом Иммануилом Валлерстайном (р. 1930). Предложенный им подход, согласно которому современная мир-система зародилась в «длинном XVI веке» (приблизительно 1450-1650 гг.), в результате чего в мировой экономике могут быть выделены государства доминирующего ядра, полупериферии и периферии. Государства ядра смогли выстроить мировые экономические отношения так, что они пользуются (не только на экономической основе, но и при военно-политическом давлении) ресурсами других регионов мира по преимуществу к своей пользе, и не дают сформироваться развитой, диверсифицированной

экономике в странах полупериферии и периферии, находящейся на колониальном положении [3]. Концепция «внутреннего колониализма» дополнилась в результате этого понятийным аппаратом мир-системного анализа.

Применительно к истории взаимоотношений центральной власти на Британских островах и кельтскими окраинами, по мнению М. Хетчера, политическое и экономическое развитие Британских островов строилось так, что в английском «ядре» британского государства сформировалась диверсифицированная индустриальная экономика, а путь развития кельтской периферии стал зависимым, и отрасли экономики, которым здесь было позволено развиваться, лишь служили развитию английского «ядра». При этом нельзя отрицать, что на кельтских окраинах тоже разворачивался процесс периферийной индустриализации, только эта индустриализация была крайне специализированной, нацеленной на получение доходов от экспорта, так что индустриальные отрасли на периферии оказывались в сильной зависимости от колебаний цен на мировом рынке. В кельтских районах английская власть благопритствовала развитию только тех отраслей экономической деятельности, которые дополняли английскую экономику, но не конкурировали с ней. Труд был кельтский, прибыли уходили англичанам, и тратились эти прибыли в основном за пределами кельтских регионов. Ключевую важность имело также то, что решения о том, куда пойдут капиталовложения, кому предоставить кредит, на каком уровне поддерживать оплату труда, принимались за пределами кельтских окраин. В результате сложилась экономическая зависимость кельтских регионов от английского центра, которая видна по статистическим данным: на кельтских окраинах был заметно ниже уровень оплаты труда и объем создаваемого здесь национального богатства, прослеживалось также разделение труда между англичанами и кельтами по этническому признаку, которое вплоть до современности и остается социально-структурным базисом сохранения чувства этнической самоидентификации в кельтской среде [2, p. 9, 345].

Библиография

1. Blauner R. Internal colonialism and ghetto revolt // Social Problems. 1969. Vol. 16. №4. P. 393-408.
2. Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1977. XVIII, 361 p.
3. Wallerstein I. The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New York; San Francisco; London: Academic Press, Inc., 1974. XIV, 410 p.

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия; erohin_vladimir@inbox.ru

The Celtic Fringe and Central Power in Great Britain: Michael Hechter's View

The article is devoted to the analysis of causes which explain preservation of ethnic identity of population in Celtic fringes of contemporary Great Britain. The contents of the article shows that tendency for preservation of ethnic and cultural specific features and special political interests of population in Celtic fringes displayed itself constantly in Great Britain during modern and contemporary times because even under conditions of industrialization and modernization the British central government directed the economic development of Celtic fringes in subdued format.

Key words: Great Britain, Celtic Fringe, nationalism, ethnic identity, modernization, resistance

Yerokhin Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Associate Professor, Northeast State University, Magadan, Russia; erohin_vladimir@inbox.ru

УДК 94(4) "1989/91"

Мединец М.Я.

Характеристики политических элит Восточной Европы в эпоху посткоммунистического транзита (на примере Польши)

В результате событий 1989 – 1991 гг. в социалистическом лагере произошёл распад Организации Варшавского Договора (ОВД) и Советского Союза. С точки зрения внутренней политики данный период характеризовался политической демократизацией образовавшихся государств, созданием многопартийных некоммунистических правительств и попытками перехода к рыночной экономике. Важным фактором, повлиявшим на особенности этих процессов в отдельных странах, стал личностный, т.е. особенности управленцев, руководивших реформами. Цель настоящей статьи – на основе анализа биографий членов правительств образцовой реформируемой посткоммунистической страны – Республики Польша – отразить источники формирования элит этих стран и их влияние на ход транзита.

Ключевые слова: Польша, демократический транзит, демократизация, элиты, многопартийность, революции 1989 года, правительство

В конце 1980-х гг. в результате долгого финансово-экономического и политического кризиса [3, С. 320-323], а также многолетней деятельности массового оппозиционного профсоюзного объединения «Солидарность» и других оппозиционных организаций Польская Народная Республика (ПНР) первой из европейских стран социалистического блока вступила на путь общественных трансформаций [1, с. 39]. Политические реформы включали в себя

«конференцию круглого стола», парламентские выборы, условия которых были согласованы правящей партией и оппозицией, формирование некоммунистического многопартийного правительства во главе с Тадеушем Мазовецким, начавшего проводить рыночные преобразования [1, с. 39] и президентские выборы, на которых победил Лех Валенса (правление в 1990–1995 гг.) [1, с. 48-49, 2, с. 24-25]. Всего за время его руководства страной у власти в Польше находились 6 составов правительств: Тадеуша Мазовецкого (1989 – 1991 гг.) [3, ss. 343-345], Яна Кшиштофа Белецкого (1991 г.), Яна Ольшевского и Вальдемара Павляка (1991–1992 гг.), Ханны Сухоцкой (1992–1993 гг.) [1, с. 56-63], второе правительство Вальдемара Павляка (1993–1995 гг.) и Юзефа Олексы (1995 – 1996 гг.). Первые четыре из них относились к «либерально-реформаторским», а два последних представляли собой результат реванша левоцентристских и социал-демократических сил [1, с. 71-73, 3, S. 375-382] из-за роста бедности и безработицы в стране в результате радикальных реформ [см.: 2, с. 89-93].

Целью данной статьи является анализ биографий членов польских правительств периода трансформации (1990–1995 гг.) [см.: 4; 5] с целью показать важные для этой социальной группы общие характеристики.

Начать следует с такого показателя, как **возраст** первых посткоммунистических министров РП. Из 104 человек, входивших в указанные составы правительств, 18 (17,3 %) родились до 1930 г. То есть им было около 60 лет к 1989 г., они имели опыт жизни в сознательном возрасте во Второй Речи Посполитой, участия в общественных организациях и партиях. Большинство из них служили в Армии Крайовой, нередко участвовали в Варшавском восстании 1944 г. 70 человек (67,3 %) на момент перехода к демократическому строю были в возрасте от 40 до 60 лет и 16 человек (15,4 %) – относительно молодые политические деятели, от 30 до 40 лет. Две трети, таким образом, занимали уже определённое заметное социальное положение и вели общественно-политическую деятельность к моменту образования Третьей Речи Посполитой, но не имели опыта участия в общественной жизни докоммунистической Польши.

Далее, рассмотрим **место происхождения** указанных лиц. Так как административно-территориальное деление Польши в XX в. многократно менялось, подсчёт был проведён в соответствии с делением страны на 49 воеводств, существовавшим в 1975–1998 гг. 26 из 104 министров правительств Польши в 1989–1995 гг. родились в Варшавском воеводстве. Таким образом, каждый четвёртый член посткоммунистических правительств Польши в 1989–1995 гг. был родом из Варшавы или Варшавского воеводства, что в 6 раз

превышало долю жителей Варшавы в населении Польши в конце 1980-х гг. (1,6 млн чел. из 38 млн населения). Также особенно заметно были представлены в этой социальной группе уроженцы Западной Украины, входившей в состав Польши до 1939 г. (10 человек), сильно отставали от них уроженцы Познанского (6 человек), а также Келецкого и Гданьского (по 5 человек) воеводств. Остальные воеводства (большая их часть), а также Западная Белоруссия были представлены 1–3 министрами каждое.

По **партийно-политической принадлежности** в годы существования «Народной Польши», а для наиболее старших из политических деятелей – и до 1945 г., министры правительств, действовавших в 1990–1995 гг., распределялись следующим образом. В деятельности «Солидарности» до 1989 г. участвовали 46 человек, правящей Польской объединённой рабочей партии – 28. Легальную оппозицию в ПНР, имевшую своих депутатов в Сейме, представляли 18 человек: 12 – Объединённую народную партию, 5 – Демократическую партию, католическую общественную организацию «РАХ» – 1 человек (сам Тадеуш Мазовецкий). Также участвовали в других «несистемных» оппозиционных организациях: трое – в Польском независимом соглашении, по одному – в Движении в защиту прав человека и гражданина и Независимом союзе студентов (Ян Рокита), беспартийных – 16. Также следует отметить, что шесть бывших членов ПОРП позднее перешли в «Солидарность», один будущий член «Солидарности» участвовал в подпольном «Национальном военном объединении» в послевоенные годы, по одному – в Католическо-общественном союзе, Демократической партии (Ханна Сухоцкая), Народной партии «Рох», Польской крестьянской партии (Владислав Бартошевский).

Здесь мы видим однозначное доминирование «Солидарности» (чуть менее 50%), в сочетании с заметным присутствием членов правящей ПОРП (считая только тех, кто не выходил из неё и не был исключён до 1989 г. – около 1/5 состава) и примерно одинаковое число беспартийных и членов «системных» оппозиционных партий.

Наконец, по **профессиональной принадлежности** министров преимущество (21,2 %) принадлежало экономистам. Доля юристов и инженеров разных специализаций также была значительна – по 15,4 %. Сравнительно большим было представительство профессиональных историков (9 человек, из которых основная часть также была политическими активистами) и врачей (7 человек). Среди остальных профессий выделялись социологи по образованию (4 человека). Незначительной была численность бывших партийных работников ПОРП (2 человека) и кадровых военных (3 человека).

Таким образом, можно сделать выводы, что скорость и радикализм политических и экономических реформ в Польше в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. имели определённую связь с рядом факторов. Первым из них можно назвать сравнительно большую долю (около 17%) в польской высшей исполнительной власти лиц, живших до установления в стране «народной демократии», имевших опыт участия в политической и общественной жизни некоммунистической Польши. Более того, часть из них принимали участие в антинемецкой подпольной борьбе в период оккупации Польши в рядах Армии Крайовой и других националистических военно-политических организаций. Среди самых известных из таких деятелей – министр юстиции в правительстве Ольшевского Веслав Хшановский (участник подпольного движения «Академический союз Всепольская молодежь» и подпольного «Национального военного объединения»), министр иностранных дел в 1995–1996 гг. Владислав Бартошевский (солдат АК, участник национально-католического «Фронта возрождения Польши» и Совета помощи евреям «Жегота»), министр культуры и искусства в 1993–1996 гг., актёр и режиссёр Казимеж Деймек (солдат АК).

Во-вторых, в Польше на протяжении 9 лет до перехода власти к некоммунистическому правительству существовала массовая оппозиционная общественно-политическая организация – независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность», в июле 1981 г. насчитывавший около 8 млн членов [3, S. 315], при том, что правящая ПОРП тогда же объединяла в своих рядах 2 млн. человек [3, S. 315]. Активная деятельность этой организации, сочетавшей в себе отстаивание политических свобод, социально-экономических прав для масс трудящегося населения страны и национальных интересов государства, дала опыт независимой политической деятельности большому количеству активистов, позже занявших около половины руководящих должностей в правительстве страны. В других постсоциалистических странах подобного опыта независимой массовой политики не было. Также следует учитывать, что политическая система ПНР включала в себя и формально независимые «союзные» некоммунистические партии – ОНП, ДП и ассоциацию «РАХ», которые были способны выдвигать своих кандидатов в Сейм и на местном уровне. Эти партии, где имелаась возможность вести относительно свободную общественную деятельность, также стали одним из важных источников кадров для первых правительств некоммунистической Польши. Всего в некоммунистических политических организациях («Солидарность» и иные легальные и нелегальные партии и общественные объединения) состояли (учитывая, что совмещение членства в «Солидарности» и даже ПОРП, не говоря о других

партиях в 1980 – 1981 гг. было распространённой практикой [3, S. 312]) 66 членов правительств Республики Польша из 104, занимавших эти должности в конце 1989 – конце 1995 гг. – 63,46 %.

В-третьих, бывших и действующих членов Польской объединённой рабочей партии за весь изученный период в правительствах Польши было только 28, или 26,92 %, а профессиональных партийных работников – лишь 2 (премьер-министры Юзеф Олексы и Лешек Миллер) [1, с. 56]. Ещё более вес бывших коммунистов следует скорректировать, учитывая, что часть из них – 6 человек – задолго до 1989 г. перешли в оппозицию коммунистам (как министр труда и социальной политики Яцек Куронь), двое – генералы Чеслав Кищак и Флориан Сивицкий – были введены в первое некоммунистическое правительство как гаранты преемственности власти [3, S. 343-344], ещё один был профессиональным военным (занимавший дважды должность министра обороны вице-адмирал Пётр Колодзейчик). 13 из 28 входивших в ПОРП министров впервые заняли данные посты в 1993 – 1995 гг., с победами левоцентристских коалиций на выборах, следовательно, в первые годы реформ их значение было ещё ниже.

В-четвёртых, среди профессий преимущество (21,2 %) принадлежало экономистам, как наиболее подготовленной к трансформации экономики группе.

Библиография

1. Гришин Я.Я. Политическая ситуация в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (конец 80-х гг. – 1990-е годы). Учебное пособие. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. 151 с.
2. Гришин Я.Я. Страны Центральной, Юго-Восточной Европы и Россия. Казань: Казан. государственный ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. 384 с.
3. Czubiński A. Historia Polski XX wieku. Wydanie II poszerzone. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 502 ss.
4. Leszczyńska K. Rządy Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1989–2001. Skład, organizacja i tryb funkcjonowania. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2005. 484 ss.
5. Składy Rady Ministrów w latach 1989 – 2006 // Kancelaria Prezesa Rady Ministrów. Rzeczpospolita Polska [Электронный ресурс] – URL: <http://www.poprzedni-astrona.premier.gov.pl/s.php?id=2234> (дата обращения: 26.09.2019 г.)

Мединец Михаил Яковлевич, кандидат исторических наук, преподаватель, Самарский многопрофильный колледж имени Бартењева В.В., г. Самара, Россия; mmedinec@mail.ru

Characteristics of Eastern European political elites in the post-communist transition era (illustrated by an example of Poland)

As a result of the 1989 – 1991 events in the socialist bloc, the Warsaw Pact Organization and the Soviet Union have been dissolved. In terms of domestic affairs, that period was

characterised with political democratisation of the emergent nations, multi-party non-communist governments were created, and endeavours to market economy transition were made. It is the personal qualities of the administrators who oversaw the reforms that was an important factor which has influenced divergence of the above-mentioned developments in different countries. The goal of this article is to demonstrate the sources of recruitment of elites in a model post-Communist state that underwent reforms – Republic of Poland and influence on their transit through comparison of biographies of their cabinets' members.

Keywords: Poland, democratic transition, democratisation, elites, multi-party system, 1989 revolutions, government

Medinets Mikhail Yakovlevich, Candidate of History, Lecturer, V.V. Bartenev Samara Multidisciplinary College, Samara, Russia; mmedinec@mail.ru

УДК 94(410):327"19"

Прокопов А.Ю.

Роль Коминтерна в создании Компартии Великобритании (1920–1921 гг.)

В статье, написанной с использованием архивных материалов, автор прослеживает, как руководители Коминтерна способствовали консолидации британских крайне левых организаций, поддерживали и направляли их переговоры о создании Коммунистической партии, а после первого съезда Компартии приложили немало усилий, чтобы привлечь в нее новые объединения.

Ключевые слова. Коммунистический Интернационал, Коммунистическая партия Великобритании, 1920–1921

III, Коммунистический Интернационал был основан в марте 1919 г. Целью этой международной организации было низвержение капитализма и осуществление мировой пролетарской революции [3, с. 536]. В. Ленин и ряд других большевиков в 1919 – начале 20-х годов оказывали определяющее влияние на разработку стратегии и тактики Коминтерна.

По мнению Ленина, в 1919–1920 гг. главной задачей английских сторонников левых идей было создать коммунистическую партию [4, с. 162; 5, с. 71]. В Британии в это время существовало несколько разрозненных левых организаций и групп, некоторые из них еще до основания Коминтерна пытались добиться объединения. В середине июня 1919 г., после прибытия в Великобританию представителя III Интернационала, активизировались переговоры Британской социалистической партии (БСП), Социалистической рабочей партии (СРП), Рабочей социалистической федерации и Южно-Уэльского социалистического общества об основании коммунистической партии [11, с. 47]. Консультации продолжились и в начале 1920 г.,

Исполком Коминтерна (ИККИ) рекомендовал скорейшим образом прийти к соглашению [13, с. 63].

В конце июля – начале августа 1920 г. в Москве проходил II Конгресса. Ленин с трибуны этого форума призвал британских коммунистов не отказываться от участия в борьбе за места в Палату общин, работать в профсоюзах и добиваться вступления Компартии в Лейбористскую партию Великобритании (ЛПВ) [6, с. 255-259; 7, с. 260-267].

31 июля – 1 августа 1920 г. в Лондоне состоялся съезд представителей БСП, СРП и некоторых других левых объединений, который провозгласил создание Коммунистической партии Великобритании (КПВ), которая просуществовала более 70 лет. Участники первого съезда высказались за присоединение партии к Коминтерну, что означало принятие основных принципов этой организации: классовой борьбы, диктатуры пролетариата, системы Советов, революционного свержения капитализма. Большинство делегатов съезда проголосовали за участие КПВ в парламентской деятельности и за вступление в ЛПВ. Однако, немало было и тех, кто не поддерживал последнее решение [10, с. 78].

Еще в 1918-1920 гг. власти Советской России снабжали различные левые организации Британии немалыми денежными средствами [14, р. 29], а после основания КПВ финансовые дотации от Коминтерна были ориентированы на Компартию, что сыграло определенную роль в ее быстром организационном становлении [8, с. 15; 12, с. 45, 16, 121, 137].

После завершения первого съезда КПВ противоречия внутри партии, связанные с вопросом об отношении к Парламенту и к ЛПВ, не были полностью преодолены. С августа 1920 г. по январь 1921 г. численность КПВ уменьшилась с 5,1 тыс. до 2 – 2,5 тыс. [14, р. 284]. Вне КПВ осталось немало левых объединений, которые вскоре стали создавать сепаратные компартии [10, с. 78].

10 августа 1920 г. состоялось заседание Исполкома Коминтерна под руководством его председателя Г. Зиновьева. Он выразил обеспокоенность сложившейся вокруг КПВ ситуацией и предложил подготовить за 3-4 месяца новый съезд для формирования коммунистической партии в расширенном составе [9, с. 37]. В дискуссии приняли участие несколько представителей левых и рабочих организаций Великобритании (Е.О. Ньюболд, У. Галлахер, С. Панкхерст, У. Маклейн и другие) [9, с. 37-39]. По окончании обсуждения Исполком Коминтерна принял решение провести Объединительный съезд, были определены организации, которые примут участие в его работе. [9, с. 39]. 20 августа на заседании ИККИ председателем

объединительной комиссии был назначен известный большевик Ф.А. Сергеев [2, с. 7].

Инициированная Коминтерном работа по сплочению левых сил Британии закончилась успехом. В январе 1921 г. в ходе работы объединительного (второго) съезда в ряды Компартии удалось привлечь Рабочую социалистическую федерацию, Коммунистическую рабочую партию, ряд коммунистических групп, представителей шоп-стюардов (фабрично-заводских старост) во главе с У. Галлахером. В марте 1921 г. к Компартии присоединились представители левого крыла Независимой рабочей партии.

Появление КПВ в начале 20-х годов было обусловлено в первую очередь внутрибританскими причинами, эволюцией взглядов представителей местных левых организаций. Без этого никакое внешнее влияние не имело бы долговременных и значимых последствий. Руководители III Интернационала содействовали усилению тенденций по сплочению крайне левых политических сил Британии. Одновременно Коминтерн направлял и формировал этот объединительный процесс, способствовал радикализации взглядов английских социалистов и помог им в разработке идейно-теоретических основ и тактико-стратегической платформы для будущей КПВ. III Интернационал и российские большевики сыграли значительную роль в создании и организационном становлении Компартии Великобритании.

Библиография

1. Всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. // Исторический архив. 1995. № 1. С. 26.
2. Краткий протокол заседания ИККИ от 20 августа 1920 года // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.
3. Второй конгресс Коминтерна. М.: Партиздат, 1934. 754 с.
4. Ленин В.И. Письмо к Сильвии Панкхерст. 28 августа 1919 // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Политиздат, 1969. С. 160-166.
5. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1970. С. 1-104.
6. Ленин В.И. Речь о парламентаризме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1970. С. 255-259.
7. Ленин В.И. Речь о вхождении в Британскую Рабочую партию // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1970. С. 260-267.
8. Матюнин Э. Уильям Галлахер и английская политика Коминтерна. 1919-1943. М.: Луч. 1992. 209 с.
9. Протокол заседания Исполкома Коминтерна 10 августа 1920 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 1. Д. 10. Л. 34-39.
10. Ундасынов И. Коммунисты и лейбористская партия. 1919-1923. М.: Наука. 1979. 268 с.
11. Ундасынов И. Становление Коммунистической партии Великобритании // Вопросы истории международного рабочего движения. Ученые записки Пермского университета. № 313. Вып. 15. Пермь, 1974. С. 43-82.

12. Фирсов Ф.И. Секретные коды истории Коминтерна. 1919-1943. М.: Серия «АИРО – Первая публикация в России», 2007. 574 с.

13. Letter of the Executive Committee of the Communist International // The ILP and the 3rd International. London: National Labour Press. 1920. P. 13-64.

14. Thorpe A. The British Communist Party and Moscow. 1920-1943. Manchester; New York: Manchester University Press. 2000. 308 p.

Прокопов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; AUP276@mail.ru

The role of the Comintern in the creation of the Communist Party of Great Britain (1920-1921)

In this article, which was written with the use of archival data, the author has shown how the leaders of the Communist International assisted the consolidation of the British far left organizations, supported and in some way directed their negotiations concerning the establishment of the Communist Party and after the first Congress of the party applied every effort in order to involve new organizations and groups in the ranks of the party.

Keywords: Communist International, Communist Party of Great Britain, 1920-1921

Prokopov Aleksandr Iurevich Candidate of History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; AUP276@mail.ru

УДК 94(470) "1927"

Соколов А.С.

Участие СССР в Международной экономической конференции 1927 г.

Рассматриваются взаимоотношения Советского государства с Лигой наций в конце 1920-х гг. Особо внимание уделяется участию СССР в Международной экономической конференции 1927 г. Анализируется позиция советского руководства по вопросу международного экономического сотрудничества с Европой

Ключевые слова: внешняя торговля, дипломатические отношения, Лига наций, международная торговля, монополия внешней торговли, экономическое сотрудничество

После окончания Первой мировой войны возник вопрос о налаживании международного регулирования экономических проблем. Проблема отмены импортно-экспортных запретов рассматривалась на Брюссельской финансовой конференции (1920 г.), конференции в Порте-Розе (1921 г.), Генуэзской конференции (1922 г.) и Женевской конференции об упрощении таможенных формальностей (1923 г.). Собрание Лиги Наций в сентябре 1924 г. поручило экономической комиссии рассмотреть вопрос о возможности соглашения по данному вопросу между государствами членами Лиги

Наций. XII международная парламентская конференция по торговле, состоявшаяся в 1926 г. в Лондоне признала желательным «изучение во всех странах в возможно кратчайший срок устранения импортно-экспортных запрещений и ограничений» [1, д. 225, л. 3]. Целью конференции было достижение соглашения о международном регулировании распределения важнейших категорий сырья между производителями и смягчение покровительственной таможенной политики путем пересмотра пошлин, репараций, займов, регулирования валют. В апреле 1926 г. Лига наций пригласила советское правительство участвовать в подготовительных работах мировой экономической конференции. Народный комиссариат иностранных дел воспринял экономическую конференцию как «один из важных моментов в истории взаимоотношений Лиги наций и СССР» [9, с. 108]. В апреле 1927 г. Политбюро утвердило директивы делегации СССР на конференции. В них указывалось, что «исходным пунктом выступления сделать противопоставление противоположных систем построения: а) хозяйства (социалистического и капиталистического), б) отношений между странами (политика мира и политика насилия), в) отношений между нациями внутри государства (братское сотрудничество и эксплуатация слабых сильными)» [5]. Месяц спустя Политбюро на нескольких заседаниях рассмотрело вопрос о директивах советской делегации на конференции по аграрному вопросу и сельскохозяйственной системе [6, с. 540-541].

Международная экономическая конференция проходила под эгидой Лиги наций со 2 по 23 мая 1927 г. и имела полуправительственный характер, так как эксперты, как и подготовительный комитет, приглашались лично, хотя и утверждались правительствами своих стран. В состав советской делегации входили хозяйственные руководители: В.В. Осинский, Г.Я. Сокольников, Л.М. Хинчук, а также эксперты: В.Г. Громан, Е.С. Варга, Б.Е. Штейн, М. Кауфман и другие. Советская делегация была размещена в Женеве в гостинице «Англия». Свобода перемещения делегатов была существенно ограничена. В результате протеста советской делегации полицейские меры были смягчены, снят контроль над телефонными разговорами. Хинчук в записке, направленной И.В. Юрьеву в советское торгпредство в Лондоне жаловался, что «делегация настолько плохо оборудована средствами, что приходится писать от руки» [1, д. 225, л. 12.].

Подготовленная советскими специалистами программа содержала меры по оживлению внутренних рынков, пути расширения международной внешней торговли и пропагандистскую составляющую, например, национализацию банков. Основной задачей

делегации СССР были агитация и критика капиталистической системы [10, с. 34]. Накануне начала работы конференции Осинский, выступая перед немецкой прессой заявил, что советское правительство никогда не отказывалось от участия в каком-либо международном совещании, которое имело бы целью рассмотрение вопросов, важных для международной жизни.

На конференции с докладом выступил заместитель председателя Госплана СССР. Г.Я. Сокольников. Он отметил, что «сам факт созыва Международной экономической конференции является своего рода доказательством того, что развитие производительных сил на нынешней ступени мощности ставит перед человечеством задачу организации в гораздо более совершенных формах, чем те, которые до настоящего дня сумела найти капиталистическая форма хозяйства» [7, с. 490]. Речь Сокольникова была выслушана с напряженным вниманием. В конце речи в зале раздались аплодисменты, в том числе на скамьях английской делегации [4]. Председатель советской делегации В.В. Осинский в своем докладе на пленарном заседании конференции, состоявшемся 7 мая 1927 г. заявил о необходимости прекращения всех видов экономического и политического бойкота Советского Союза. Он выдвинул предложение аннулировать все военные долги и платежи и предоставить Советскому Союзу кредиты, усиливавших его покупательную способность [2, с. 188]. В письме к Микояну представитель советской делегации Кауфман писал: «...в результате наших выступлений в наши отношения с капиталистическим миром внесена ясность» [1, д. 226, л. 81]. Позже советские эксперты активно работали в специальных комиссиях конференции: Хинчук, Кауфман, Эвентов - торговой, Осинский и Громов - сельскохозяйственной, Сокольников, Штейн, Борилин - промышленной [11]. В письме на имя Микояна Хинчук и Кауфман указывали, что «во всяком случае Конференция могла убедиться, что советская делегация не столько занимается разъяснениями своих позиций (чтением деклараций, как здесь говорят) но и принимает участие в практической работе, несмотря на то, что СССР не был полностью подготовлен к участию в работах Экономической Конференции» [1, д. 226, л. 34].

В условиях нарастания «военной тревоги» мнения среди высшего партийного руководства относительно дальнейшего участия СССР в работе конференции разделились. Сторонники развития торговых отношений России со странами Западной Европы, посредством участия ее в работе Лиги Наций (Осинский, Сокольников), настаивали на продолжении дальнейших переговоров в Женеве. Противники этой позиции (Литвинов, Микоян) настаивали на отъезде советской делегации с конференции. К последним примкнул

Чичерин. В письме Микояну от 6 сентября 1927 г. он писал, что «мы не должны затушевывать таких фундаментальных принципов нашей экономической политики, как монополия внешней торговли» [1, д. 226, л. 3]. Позицию наркома иностранных дел поддержал Сталин. Выступая с докладом на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., он заявил: «Экономическая конференция Лиги наций в 1927 году, ставившая себе целью «объединение экономических интересов» капиталистических стран, кончилась также крахом» [8, с. 275]. С точкой зрения генерального секретаря был солидарен экономист М. Спектатор, который писал: «...точно также как Генуэзская конференция была созвана с целью «мирного» разрешения «русского вопроса», а окончилась «рурской войной», так и Женевская конференция, которая должна была, по мысли Лушера, явиться залогом мира, закончит новой угрозой войны» [3, с. 103].

Из-за жестких ограничений советская делегация отказалась принять дальнейшее участие в дальнейшей работе конференции, которую предполагалось созвать 17 октября 1927 г. Тем не менее, после Женевской конференции сотрудничество СССР с Лигой Наций по международным экономическим вопросам стало развиваться легче и полнее.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.540. Оп.18.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 10. М.: Политиздат, 1965. 688 с.
3. Женевская экономическая конференция. Материалы и статьи Н. Осинского и М. Спектатора. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. 176 с.
4. Известия. 1927. 5 мая.
5. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
6. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919-1952. Каталог / Т. 1. 1919-1929. М.: РОССПЭН, 2008. 832 с.
7. Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Т. 2. М.: Общество купцов и промышленников России, 2006. 520 с.
8. Сталин И.В. Соч. Т. 10. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1949. С. 271-353.
9. Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919—1934 гг. М.: Кучково поле, 2011. 608 с.
10. Хормач И.А. Борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919—1934 годах // Российская история. 2011. № 5. С. 29-36.
11. Экономическая жизнь. 1927. 10 мая

Соколов Александр Станиславович, доктор исторических наук, доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина, г. Рязань, Россия; falcon140770@yandex.ru

The participation of the USSR in the International Economic Conference of 1927

The relations of the Soviet state with the League of Nations at the end of the 1920s are considered. Particular attention is paid to the participation of the USSR in the International

economic conference 1927 Analyzes the position of the Soviet leadership on international economic cooperation with Europe

Keywords: foreign trade, diplomatic relations, League of Nations, international trade, monopoly of foreign trade, economic cooperation

Sokolov Aleksandr Stanislavovich, *Doctor of history, Associate professor, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkina, Ryazan, Russia; falcon140770@yandex.ru*

УДК 94(4)

Хахалкина Е.В.

Трансформация смыслового насыщения идеи Европы и европейской идентичности в рамках европейских сообществ / Европейского союза

В статье ставится вопрос о состоянии идентичности ЕС и ее составных компонентах, которые представляют собой элементы как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Делается краткий вывод о возможном будущем категории идентичности как каркаса самого Европейского союза.

Ключевые слова: идентичность Европейского союза, идея Европы

События последних лет, связанные не только с общим состоянием Европейского союза и развитием других организаций, но и обострением внешних вызовов и угроз в мире, заставляют задаться вопросом о том, что есть европейская идея в истории. Эту идею как философский и идеологический концепт долгое время наполняли разными смыслами, пытаясь найти в ней некое объединяющее начало и основу для интеграции.

В настоящее время европейская идея как спланирующая идея на примере Европейского союза по сути сводится к поиску ответа на вопрос, насколько союз представляет собой эффективно работающий механизм и какое место в нем занимает проблема общеевропейского самосознания. Вопрос доверия и солидарности внутри государств-членов, отождествления жителями самих себя с Европейским союзом занимает в настоящее время доминирующие позиции в политической повестке дня организации.

Оговоримся, что данный термин – общеевропейская идентичность – не является абсолютно корректным – в ЕС 28 государств, в Европе – более 60-ти. Хотя и сам термин «Европа» не является универсальным и географически однозначно закрепленным, наиболее корректным представляется термин «идентичность

Европейского союза». В качестве синонима мы все же будем использовать термин «общеευропейское самосознание».

К настоящему моменту Европейский союз «накопил» широкий перечень элементов, относятся как к безусловным достижениям (евро, единое гражданство, социальная система и пр.), так и безусловным недостаткам (еврократия, безработица, высокий уровень преступности и пр.) деятельности союза. Эти элементы являются составной частью (подвижной во времени и пространстве) идентичности ЕС.

Сама категория идентичности впервые была обозначена в Декларации идентичности 1973 г. Долгое время этот документ был единственным, в котором ставилась задача формирования общеευропейской идентичности и прописывались ее основные элементы, среди которых фигурировали такие как гражданское общество, верховенство закона, социальная стабильность и экономическое процветание.

В последующий период насыщение данной категории новыми элементами шло с большим трудом. Окончание холодной войны, которая позволяла выстраивать внешнеполитическую идентичность ЕС на основе образа внешнего врага, поставило ряд неразрешенных до сих пор вопросов – по каким основаниям укреплять самосознание ЕС.

Появление Декларации идентичности по времени совпало с учреждением социологической службы Евробарометра. Первое исследование было опубликовано в 1974 г. Во всех странах – членах Европейского союза (бывших Европейских сообществ) стандартные опросы Евробарометра первоначально проводились среди населения стран в возрасте 15 лет и старше. Начиная с Евробарометра (1994 г.), целевой группой является население любой национальности страны – члена Европейского союза в возрасте 15 лет и старше, проживающее в любом из государств-членов. Стало возможным включение в опросы неграждан Европейского союза [1].

Уже к середине 2000-х гг. в опросах Евробарометра стали фигурировать разнообразные элементы европейского самосознания. К этому времени действовало введенное Маастрихтским договором 1992 г. единое гражданство, создана европейская система социального обеспечения, в том числе проведена гармонизация пенсионной системы ЕС и сделаны шаги в сторону стандартизации национальных профессиональных квалификаций. Другие, более традиционные и явные, компоненты идентичности ЕС связаны с соотношением жителем ЕС себя с европейской историей, культурой, территорией, общим религиозным наследием, демократическими ценностями, символами ЕС и успехами европейской экономики [2].

Кроме этого универсального – на «все времена» – набора, Европейский союз имеет другие, более специфические достижения,

которые можно рассматривать как важные элементы идентичности ЕС. Ниже представлена таблица, данные которой позволяют проследить изменение отношения населения к ключевым составляющим общеевропейской идентичности за последние несколько лет:

Таблица 2. Отношение жителей ЕС к составным элементам идентичности ЕС [3; 4]*

<i>Что из нижеперечисленного вы считаете наиболее позитивным результатом ЕС в первую очередь (в %)</i>	2015 год	2018 год
Свободное движение людей, товаров и услуг внутри ЕС	57	58
Мир среди государств-членов ЕС	55	54
Евро	23	24
Студенческие обменные программы, такие как Эразмус	21	24
Экономическая мощь ЕС	20	21
Политическое и дипломатическое влияние ЕС на весь остальной мир	19	21
Уровень социальной защиты	18	18
Общая сельскохозяйственная политика	9	10

* Таблица составлена автором на основании обработки двух отчетов Евробарометра.

Данные таблицы показывают, что существенных изменений в приверженности населения стран ЕС ключевым компонентам интеграционного строительства в последние годы не произошло, однако на уровне отдельных стран трансформация более заметна и глубока. Например, население Великобритании в условиях неопределенности своего будущего и Брексита как такового стало ценить гораздо сильнее именно принцип свободной мобильности – 51 % в 2018 г. против 44 % в 2015 г [3].

При этом что симптоматично, только 2 % в этом же отчете Евробарометра отнесли себя к европейцам, 55 % – идентифицируют себя со своим национальным и европейским гражданством и 35 % только со своим национальным гражданством [4].

Еще один вопрос позволяет прояснить ценности на уровне отдельного жителя ЕС. Так, один из вопросов уже указанного отчета за 2018 г. звучит следующим образом: «Какие ценности наиболее важны для Вас лично». По убывающей ответы распределились (данные в среднем по ЕС) следующим образом: мир, права человека, уважение человеческой жизни, демократия, личная свобода, равенство,

верховенство закона, толерантность, солидарность, поддержка других, уважение других культур, самореализация, религия [4].

Само структурное деление Евробарометра показывает его выстроенность вокруг проблемы идентичности. Названия пяти ключевых разделов в отчете за весну 2018 г. звучат следующим образом: «Принадлежность к Европейскому союзу», «Восприятие достижений Европейского союза», «Концепция европейского гражданства», «Социальные вызовы и ценности» и «Скорость европейской интеграции» [4].

Примечательно, что в Евробарометре за весну 2018 г. отсутствовал срез данных по наиболее проблемным и слабым местам в функционировании Евросоюза. В то время как в Евробарометре 2017 г., например, среди основных угроз ЕС фигурировали:

- иммиграция,
- терроризм,
- экономическая ситуация,
- положение государственных финансов государств-членов,
- безработица,
- изменение климата,
- преступность,
- влияние ЕС в мире,
- окружающая среда,
- повышение цен/инфляция/уровень жизни,
- пенсии,
- поставки энергии,
- налоги [5].

Как видно, модель идентичности ЕС находится в постоянном движении. Еврокомиссия посредством опросов Евробарометра и данных национальных служб уже более 40 лет отслеживает процесс в динамике и старается идти в ногу со временем, отказываясь от старых, уже выполнивших свою роль компонентов и определяя новые, способные стать постоянными элементами. В условиях кризиса доверия и всплеска в разных странах ЕС антимиграционных настроений, популизма и экономических проблем Евросоюз очевидно находится перед перспективой кардинального пересмотра и переосмысления понятия идентичности ЕС и его составных элементов.

Библиография

1. Population, countries & regions. Eurobarometer Data Service. – URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/survey-series/standard-special-eb/population-countries-regions/> (дата обращения: 18.02.2019)
2. Respondents' sense of national / European Identity. – URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/search-data-access/eb-trends-trend-files/list-of-trends/identity-items/> (дата обращения: 29.04.2019)

3. Standard Eurobarometer 83. Spring 2015. European Citizenship. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb83/eb83_citizen_en.pdf; Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. Report. European Citizenship. – URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2180>

4. Standard Eurobarometer 88. Autumn 2017. First Results. Report. Public Opinion in the European Union. URL: https://www.compete2020.gov.pt/admin/images/Standard_Eurobarometer_88_UE_dez-2017.pdf

5. Standard Eurobarometer 88. Autumn 2017. First Results. Report. Public Opinion in the European Union. URL: https://www.compete2020.gov.pt/admin/images/Standard_Eurobarometer_88_UE_dez-2017.pdf

Хахалкина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет; ekhakhalkina@mail.ru

Transformation of the semantic saturation of the ideas of Europe and European identity within the framework of the European Communities / European Union

The article devoted to the question of the EU identity and its constituent components, which are elements with a plus sign and a minus sign. A brief conclusion is drawn about the possible future of the category of identity as the framework of the European Union.

Keywords: EU Identity, Idea of Europe

Khakhalkina Elena Vladimirovna, Doctor of History, Professor, National Research Tomsk State University; ekhakhalkina@mail.ru

УДК 94(73)

Храмов И.Ю.

Идейно-теоретические группы СДО во второй половине 1960-х годов

В статье поднимается проблема истории протестного движения США в 1960-е годы. На основе историко-генетического, историко-сравнительного и историко-типологического методов представляются выводы о группах организации «новых левых» СДО – Лейбористской Партии и Революционного Молодежного Движения. Являясь членами одной организации, они сохраняли свою идеологическую идентичность, одновременно обращаясь к теориям и практикам «старых левых», сочетая с новой постановкой акцентов в политической деятельности и с новым пониманием революционных субъектов. Данные противоречия привели к расколу СДО.

Ключевые слова: СДО, политические движения США, «новые левые», революционный социализм

Организация Студенты за демократическое общество (Students for a Democratic Society) возникла в США в начале 1960-х годов и является частью течения, вошедшего в историю под понятием «новые левые», которое обозначает широкий спектр интеллектуальных,

политических и социальных движений 60-х и 70-х годов XX века. СДО имела в своем составе разные группы со своим видением, теоретическим осмыслением и представлением революции. Движение студентов выражало антисистемные, антикапиталистические, антивоенные выступления, а также внесло вклад в развитие левой традиции в Америке.

Для периода существования СДО второй половины 1960-х годов было характерно расширение личного состава, поиск более радикальных революционных путей, идей и теорий, готовность к реакции «на конкретные политические проблемы и участие в протесте» [8, с. 66]. Российский исследователь А.Н. Тарасов замечает, что «"новые левые" оказались недостаточно новыми и слишком старыми». Это связано в первую очередь с отсутствием четких работ по революционной теории у «новых левых» и вызывало обращение к «старолевым» традициям [7]. Данный тезис распространяется и на идейно-теоретические группы СДО, а, именно, на две крупные фракции, существенно определявшие деятельность организации. Таковыми являлись Лейбористская партия (ЛП) и крыло регулярных членов, объединившихся вокруг Национального офиса (НО) – центрального издательского и организационного субъекта СДО.

Лейбористская партия официально была создана в апреле 1964 г. Ее предтечей была организация Прогрессивное рабочее движение, появившаяся 1 июля 1962 и имевшая в своем составе бывших членов Коммунистической партии, добровольно вышедших или удаленных за тяготение к маоизму [1, р. 38].

ЛП были ортодоксальными в вопросах теоретической оценки проблем. Они называли себя маоистами [1, р. 172]. Их партия представляла централизованную силу, с четким следованием своих сторонников программе, что позволяло использовать СДО как платформу для набора членов и активно продвигать свою идеологическую линию. В совокупности с радикализацией молодежи из-за подъема антивоенного движения, вызванного войной во Вьетнаме и призывом части студентов в ряды военного контингента США в Индокитае, позволяло ЛП приобретать новых новобранцев. В начале 1967 г. они начинают разрабатывать концепцию о союзе студентов и рабочих в поддержку бастующих рабочих, интересов работников кампуса и, естественно, антивоенного движения, что позволило бы расширять число сторонников. Они также считали, что освобождение женщин и черных придет лишь с освобождением пролетариата. На собраниях ЛП удавалось выигрывать голосования за счет субординации, в то время как другие группы были разрознены, не имели четкой цели и единения по выдвигаемым вопросам.

Остальные члены были недовольны внедрением маоистов, и они сформировали фракцию вокруг Национального офиса (НО). Им удалось представить широкой американской левой силе другую концепцию, согласно которой студенты в будущем составят новый рабочий класс, поэтому и возрастает их роль в функционировании системы капитализма [1, р. 217]. Члены фракции продолжали считать деятельность в кампусах своей основной целью. По поводу расизма отмечали, что это болезнь белого мира, в том числе белого рабочего класса, таким образом, черные являются авангардом революции из-за своего стремления к освобождению. И, по их мнению, женщина притесняется не только правящим классом, но и белыми рабочими. Разумеется, такая позиция склонила к НО феминистские группы СДО. Единение привело к тому, что на июньской конференции 1968 года два из трех руководящих поста заняли их сторонники.

Так, к 1969 году СДО насчитывал около 100 тысяч членов [5, с. 248] и имел две крупные противостоящие фракции: маоистов из ЛП и членов, объединенных вокруг НО, названные Революционным молодежным движением (РМД), что вызвало кризис внутри организации из-за их непримиримых позиций [3, с. 34].

Заключительным этапом противостояния фракций стала конференция в Чикаго 18 июня 1969 г. Несколько членов фракции РМД представило свой манифест «Метеорологов». В нем высказывались идеи о противостоянии освободительного движения «Третьего мира и империализма США, в т.ч. о создании фронта «дома», о задаче поддержки этой борьбы на стороне первых, о поддержке борьбы за освобождение черных, о создании централизованной, тайной, самостоятельной организации [2]. С этим манифестом была не согласна часть членов РМД. В результате, СДО распалась на три фракции [4, с. 21].

Таким образом, во-первых, внутри самого движения существовали разные взгляды на революционный субъект, т.е. на то, какой класс или слой общества должен начать и вести революцию, причины угнетения людей и методы действий, что мы видим на примере позиций лейбористов, а также их оппонентов, часть которых ушла в проведение террористических акций.

Во-вторых, группы «новых левых» СДО свидетельствуют о тяготении к практике и теории «старых левых». Лейбористы являлись сторонниками маоизма – одного из течений сталинизма [7]. Начался «переход к более радикальной политике заговоров и терроризма» [6, с. 844], созданию тайной организации (Метеорологи) – осознанный переход к традициям марксизма-ленинизма.

В-третьих, обращение к практике и теории «старых левых» с их разносторонностью в среде СДО, говорит о том, что организация не

имела сплоченной революционной теории. Адаптация и выстраивание ее происходило, когда массы уже были на улице. В результате организация раскололась.

Библиография

1. Sale K. SDS. New York: Vintage Books, 1973. 495 p.
2. You Don't Need A Weatherman To Know Which Way The Wind Blows. – URL: http://www.sds-1960s.org/sds_wuo/weather/weatherman_document.txt (дата обращения: 10.08.2019).
3. Кепеци Б. Идеология «новых левых». М.: Прогресс, 1977. 228 с.
4. Колбасина О.В. Молодежное протестное движение в США (вторая половина 1950-х – первая половина 1970-х годов): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 32 с.
5. Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. М.: АСТ, 2007. 542 с.
6. Пристланд Д. Красный флаг. История коммунизма. М.: Эксмо, 2011. 1444 с.
7. Тарасов А.Н. 1968 год в свете нашего опыта // Интернет журнал: Скепсис. 2008. 9 июня. – URL: http://scepsis.net/library/id_2274.html (дата обращения: 4.08.19).
8. Тимошенко А.Г., Косенко Е.И. Молодежное движение в США. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 182 с.

Храмов Илья Юрьевич, студент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; xramov.ilya@mail.ru

IDE theoretical groups in the second half of the 1960s

This article raises the issue of the history of the USA protest movement in the 1960s. Based on historical-genetic, historical-comparative, and historical-typological methods, conclusions are presented about the groups of organizations of the «new left» SDS – the Labor Party and the Revolutionary Youth Movement. As members of one organization, they maintained their ideological identity simultaneously appealing to the theories and practices of the “old left”. At the same time they combined it with a new emphases in political activity and a new understanding of revolutionary actors. These contradictions led to the split of the SDS.

Keywords: SDS, political movements of USA, «New Left», revolutionary socialism

Khramov Ilya Iurevich, student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; xramov.ilya@mail.ru

Раздел 4

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО НА ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94 (5)(093)

**Валеев Р.М., Валеева Р.З., Кириллина С.А.,
Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р.**

Центры востоковедения в России и вклад немецких ученых-ориенталистов: Казань – Санкт-Петербург (XVIII – XIX вв.)¹

В статье заявлен новый паттерн востоковедческих исследований – современная оценка вклада и влияния немецких ученых в развитие российских центров востоковедения.

Ключевые слова: Россия, Германия, история востоковедения, арабистика, тюркология, иранистика, исламоведение, Г.З. Байер, Г.-Я. Кер, Г.Ю. Клапрот, Х.Д. Френ, Б.А. Дорн, Ф.И. Эрдман, И.Ф. Готвальд, В.В. Радлов

Исследование истории востоковедения неотделимо от рассмотрения роли ключевых центров в развитии различных отраслей этой науки в России и Европе. Начиная с XIX века, ими являлись Казанский и Санкт-Петербургский университеты, Азиатский музей Санкт-Петербургской Академии наук и др. с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями. У их истоков и собственно российского востоковедения стояли немецкие ученые – теоретики и практики. В числе основоположников российского востоковедения обыкновенно называются Г.З. Байер (1694–1738), Г.Я. Кер (1692–1740), И. Иериг (1747–1795), Г.Ю. Клапрот (1783–1835), Х.Д. Френ (1782–1851), Б.А. Дорн (1805–1881), Ф.И. Эрдман (1793–1863), И.Ф. Готвальд (1813–1897), В.В. Радлов (1837–1918). Они, несомненно, сыграли большую роль в становлении и развитии востоковедения в России [2, с. 247–275; 3]

¹ Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № 20-09-00385 А.

Определяющими для вовлечения немецких ученых в российское востоковедения стали официальные мероприятия эпохи Петра I. В числе последних – активизация восточной политики, правительственные указы о преподавании восточных языков и приглашении европейских специалистов и ученых, основание Кунсткамеры (1714) и Академии наук (1725). Наследием петровской эпохи следует считать уникальные академические путешествия в Поволжье, Сибирь и Кавказ (30–70-е гг. XVIII в.). Академические путешествия и осознание неотделимости «Русского Востока» и зарубежного Востока привели к пониманию важности российско-азиатских военно-политических, дипломатических и культурных отношений. Таковы факторы формирования особой отрасли знаний по изучению Востока в России [6; 7].

Указанные вехи позволяют выделять наиболее переломные этапы и рубежи социального и институционального развития ориенталистики и ориентализма [9] в России с учётом вклада европейских (немецких, французских и др.) ученых и преподавателей.

Начиная с XVIII в., в политике, государственной жизни и науке постепенно по шкале этнической ценности важное место занимали «русские немцы». Особенно с XVIII в. Байер, Мюллер и Шлецер стояли у истоков развития российской исторической науки как академической дисциплины. Этот процесс также проявился в истории российского востоковедения в XIX – начале XX вв., но со своими этапами, направлениями, итогами и особенностями.

Процесс формирования и развития уникальных университетских и академических центров в России в первой половине XIX в. маркировался открытием университетов, началом университетского преподавания азиатских языков и созданием кафедр восточной словесности. В Московском университете такая кафедра открылась в 1756 г. под началом приглашенного специалиста Йоганна Матиаса Шадена. Первым в России университетским профессором востоковедения являлся в 1805/1806 учебном году И.-Г. Барендт. Бернгард (Борис Андреевич) Дорн читал курсы арабского и персидского языков [3]. В Казани восточные языки преподавались с 1769 г. в губернской гимназии, а далее – и в университете, основанном на её базе. С 1807 г. профессором восточной словесности являлся Христиан Данилович Френ (Христиан Мартин Иохим Фрэн), которого сменил на посту заведующего кафедрой арабо-персидской словесности Федор Иванович Эрдман (Франц Эрдман) [4; 5].

В истории Академии наук в Петербурге и развитии модели академической ориенталистики в России прослеживается взаимодействие западных и российских идей и принципов и преемственной роли приглашенных европейских ученых. Выделим наиболее

интересные взаимосвязанные события и фигуры, конечно, общее и особенное в наследии ряда поколений европейских ученых. Особое место занимают «профессор восточных древностей» АН (с 1734) Готлиб Зигфрид Байер (1726–1738); академические экспедиции по азиатским территориям империи с участием Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783, в АН – с 1725), Иоганна Эбергарда Фишера (1697–1771, с 1730 г. – в России и с 1747 г. – профессор истории и древностей АН), Петра Симона Паласа (1741–1811, с 1767 г. – в Петербурге), Самуила Готлиба Гмелина (1745–1774, в 1768–1774 гг. совершил научное путешествие по Кавказу и Ирану) и многих других [6].

К числу важных институциональных новаций следует отнести создание кафедры восточной словесности в АН с избранием в 1804 г. Генриха-Юлиуса Клапрота (с 1807 г. академик АН). Знаковыми фигурами в истории российской и европейской ориенталистики были Яков Иванович Шмидт (Исаак Якоб Шмидт) (1779–1847), Ф.Ф. Шармуа (1793–1868), Г.-Л. Флейшер (1801–1888), М.И. Броссе (1802–1880) и др. [7].

Учреждение Азиатского музея (1818) – первого специального востоковедного центра в системе АН не только влияние западной исследовательской традиции, но и переломный историко-научный рубеж в истории российской и европейской ориенталистики. Именно в Азиатском музее его директора Х.Д. Френ (1818–1842) и Б.А. Дорн (1842–1881) окончательно переломили немецкую традицию системы ориенталистики и развивали самобытную науку о Востоке в российской науке и культуре XIX в. В 1881–1882 гг. В.Р. Розен, в 1882–1885 гг. Фердинанд Иванович (Иоганн) Видеман и в 1885–1890 гг. Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов возглавляли Азиатский музей [10; 12].

Значимы проекты выпускника Венского университета Янковича де Мириево (1741–1814) о создании специального училища восточных языков, «академии восточных наук и языков» выпускника Лейпцигского университета Георга Якоба Керра (1692–1740), «Азиатской академии» С.С. Уварова и другие, которые обобщали традиции и новации востоковедения Западной Европы и России. Во многом мысли об «Ориентальной Академии» и интерес к Востоку М.В. Ломоносова определялся его знакомством с латинскими, голландскими, немецкими, французскими работами по истории и культуре народов восточных цивилизаций [6].

Традиции европейской (немецкой, французской) университетской школы и ориенталистики и в особенности самобытные национальные школы и культуры восточных народов России сыграли важную роль в развитии науки о Востоке в Российской

империи [9]. В XIX – начале XX вв. Академия наук и университетские центры сыграли ключевую роль в изменении статуса, структуры и природы востоковедения и в этом институциональном, исследовательском и научно-просветительском процессе внесли огромный вклад представители народов России и Европы – татары, азербайджанцы, евреи, грузины, армяне, поляки, французы, немцы и др. [4; 5].

Библиография

1. Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей). М., 2018.
2. Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов. Т. IV // Труды Архива. Вып. 16. М.; Л., 1959. С. 247–275.
3. Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
4. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-х гг. XX в.). Казань, 1998.
5. Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.). Lambert, 2019.
6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
7. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
8. Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки. Составитель А.А. Вигасин. М., 2012.
9. Ориентализм vs. Ориенталистика. Сборник статей. Составители: В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: ООО «Садра», 2016.
10. Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В.Р. Розена // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1909. Т. XVIII.
11. Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908–1948). под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1947.
12. Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846) / Отв. ред. Р.М. Валеев. Вступит. статьи Н.Н. Дьякова, И.Ф. Поповой, И.В. Тункиной. Казань, 2015.

Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия; rozazu@mail.ru

Кириллина Светлана Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; s.kirillina@gmail.ru

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; dmitrymartynov80@mail.ru

Хайрутдинов Динар Рафисович, кандидат филологических наук, доцент, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия; dynx@mail.ru

Oriental Centers in Russia and the Contribution of German Orientalists: Kazan – Saint Petersburg (18th – 19th centuries)

In this paper states a new pattern of oriental studies – a modern assessment of the contribution and influence of German scientists in the development of Russian centers of oriental studies.

Keywords: Russia, Germany, History of Oriental Studies, Arab studies, Turkology, Iranian studies, Islamic studies, G.Bayer, G. Kehr, J. Klaproth, C. Frähn, J. Dorn, F. Erdman, J. Gottwald, F. Radloff.

Valeev Ramil Mirgasimovich, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; valeev200655@mail.ru

Valeeva Roza Zakariyevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia; rozazu@mail.ru

Kirillina Svetlana Alekseevna, Doctor of history, Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov Moscow, Russia; s.kirillina@gmail.ru

Martynov Dmitry Eugenevich, Doctor of history, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmitrymartynov80@mail.ru

Khairutdinov Dinar Rafisovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia; dynx@mail.ru

УДК 930(092)

Жалменова О.П.

К вопросу о политическом дискурсе в научной деятельности В.В. Бартольда

Статья посвящена анализу эпистолярного наследия выдающегося востоковеда рубежа XIX–XX вв. В.В. Бартольда. Политический и социальный дискурс помог выяснить глубинные проблемы, волнующие личность и общество, противоречия между внешним отражением и реальным переживанием революционных событий и политических проблем современности.

Ключевые слова: политический дискурс, В.В. Бартольд, востоковед, общественное сознание, эпистолярные источники, восприятие повседневности, революционные события

Вариант постструктурализма, начало которого связывают с деятельностью М. Фуко [4], проявляет повышенное внимание к социальной проблематике человеческого существования. Принцип дискурса задает «общий знаменатель» объекта исследований социума. Свойства социальной системы зависят от сознания и воли индивидов лишь в ограниченной степени. Однако направленность социальных процессов связана с повседневными действиями именно

рядовых членов общества. В связи с этим правомерным является обращение к такому историческому источнику, как письма В.В. Бартольда (1869–1930 гг.) [2; 3], который, с одной стороны, был рядовым агентом исторического процесса, а с другой – признанным востоковедом с мировым именем. Выясняя проблему вклада В.В. Бартольда в историю, возможно одновременно показать, как история современного общества вписана в его язык и в чем выражаются его политические и социологические воззрения.

В связи с этим возникает проблема дискурса, одного из сложных и противоречивых научных понятий, вбирающих в себя лингвистические и экстралингвистические составляющие. Понятие «дискурс» характеризует высказывание, погруженное в реальность, место встречи научного и повседневного уровней знаний. В связи с этим чрезвычайно важным оказывается текст писем, где мы видим столкновение этих уровней. Самоценность опыта В.В. Бартольда оказывается напрямую соотносительной с самоценностью познавательного, мыслительного процесса, который разворачивается в предполагаемой беседе с адресатом, которую по нормам поведения интеллигента должны характеризовать уважительность, взаимная расположенность адресатов, доверительность, допустимость свободного перехода от одного предмета к другому. Все это способствует снятию монологического дидактизма научного дискурса, свойственного произведению востоковеда: знание размывается в мнении.

Дискурс В.В. Бартольда, отраженный в его эпистолярном наследии, выступал способом упорядочения реальности, механизмом определения ценности и его самого, и окружающего мира. При этом дискурс не являлся простым отражением процессов, а объединял смысловые элементы и практики всех сфер современной ему общественной жизни. Объектом изучения явились повседневная реальность востоковеда, условия, в которых он жил, т.е. его непосредственный опыт в историческом процессе. Исследуя политический и социальный контекст, пришлось сталкиваться теми символами, которые содержат основную информацию о центральных способах его мышления, а также нормах, идеях, ценностях всего общества.

В.В. Бартольд сквозь дискурс общения ярко продемонстрировал наличие в современном ему социуме протестную идею целых культур, народов, религиозных групп (прежде всего, мусульманских), то есть больших масс людей с ярко выраженной групповой идентичностью, которые чувствовали отсутствие своего влияния на решение ключевых государственных вопросов. Этот процесс «исключения» или маргинализации тонко ощущался ученым, не одобрялся им, но не находил своего научного определения

и выражения. При этом контекст писем позволяет выяснить, что он воспринимал мусульманские методы действий «протеста» в качестве естественных, оправданных и с точки зрения истории взаимоотношений христиан и мусульман, и с позиции современных ему событий. Тем самым дискурсивный анализ межперсонального диалога-монолога удачно выявил специфику идентификации и интерпретации В.В. Бартольдом взаимоотношений представителей двух конфессий.

Способность сочетать многочисленные, отличные друг от друга и реально используемые системы символов (дискурсивных практик) позволяет индивиду одновременно выражать разные позиции. Дискурс следует рассматривать как форму социального действия, всегда определяемую ценностями, социальными нормами, условностями (в качестве естественных идеологий) и социальной практикой, как правило ограниченной и находящейся под влиянием структур власти и исторических процессов. И, действительно, выясняется уникальная ситуация: ученый, постулирующий свою неприверженность политике, отгороженность от революционных событий («я как до, так и после революции стоял в стороне от политики») [1], либерализм, а иногда – лояльность существующей власти, на самом деле считает все происходящие революционные изменения абсолютно неверными, недопустимыми с точки зрения объективности истории. Он отталкивает от себя все, что связано с революциями 1905 и 1917 гг., с советской властью. Отрицательные частицы в наибольшем количестве применяются им при характеристике политических деятелей-революционеров (и почти совсем не используются в описании «старой» власти), партий социал-революционеров, социал-демократов, черносотенцев и других. Анализ применения В.В. Бартольдом отрицательной частицы «не» показал, что даже вырванная из контекста, она в количественном отношении (239 частиц на 11580 слов) демонстрирует отторжение востоковедом многих реалий действительности. Тем самым выясняется важнейшая роль частицы «не» в проявлении отношения востоковеда к социуму. В этом случае дискурс следует рассматривать как форму социального действия, определяемую ценностями, социальными нормами, условностями и социальной практикой его времени, ограниченной и находящейся под влиянием структур власти и исторических процессов.

В частности, в его четырех письмах 1905 г. появляются определения «раскол», «сумбур», «преступное легкомыслие революционных элементов», «кровавая развязка», «страшные события», «борьба не на жизнь, а на смерть», «страшный погром», «ужасы революции». И именно в это время ученый ассоциирует события

года с исследованными на основании мусульманских и китайских известиями страшного погрома Самарканда, учиненного монголами в 1220 г. Что это? Невольное сопоставление или позиция ученого? Скорее это проявление той бессознательной реакции, которая неизбежно должна была выразить себя. Социальное изменение для В.В. Бартольда выступает как результат осуществления желаний, превращения воображаемого в реальность. Представление – необходимый элемент социальной реальности.

Безусловно, письма показывают и влияние политического дискурса тех лет, причем мы сталкиваемся в тексте с применением клише в конструировании повседневного мира. Клише в качестве части публичного дискурса – коммуникативное средство, заполняющее пустоты, что может свидетельствовать об отчуждении В.В. Бартольда, поиске им выхода с помощью использования идеологических речевых штампов в письмах другу.

Итак, в процессе интерпретации эпистолярного наследия В.В. Бартольда путем анализа дискурсивных практик производилось исследование индивидуальных проявлений социальных отношений. Текст писем выражает амбивалентность натуры востоковеда, детерминированную сложными социальными и экономическими условиями. Это демонстрирует социологический и политический дискурс ученого «эпохи разлома мира», показывая, каким образом его внутренний мир выразил себя этим языком в этом дискурсе, и как дискурс в качестве знаковой системы откликался на социальные запросы времени. В результате выяснилась тесная связь (несмотря на внешнее отторжение) между существованием системы и человеком – в нашем случае, В.В. Бартольдом – как источником и началом любого социального изменения. Постигание образа мысли человека, его понимания происходящего сквозь исследование личных текстов В.В. Бартольда способствует пониманию специфики конкретного проявления «общественного сознания», а тем самым – изучения общества в целом.

Библиография

1. СПФ АРАН – Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 68, оп. 2, д. 52. Письмо В.В. Бартольда А. Вознесенскому. Л. 2-3.
2. СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 992.
3. ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 1009, оп.1, д. 27.
4. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. Киев: Ника-Центр, 1996.

Жалменова Ольга Петровна, кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия; zhalmenova@rambler.ru

To the question of political discourse in the scientific activity of V.V. Barthold

The article is devoted to the analysis of the epistolary heritage of the outstanding orientalist at the turn of the XIX–XX centuries V.V. Barthold. Political and social discourse helped to clarify the underlying problems that concern the individual and society, the contradictions between the external reflection and the real experience of revolutionary events and political problems of our time.

Keywords: political discourse, Bartold, orientalist, public consciousness, epistolary sources, perception of everyday life, revolutionary events

Zhalmenova Olga Petrovna, Candidate of History, Associate Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavina, Tambov, Russia; zhalmenova@rambler.ru

УДК 930(35)(092)

Косых Т.А.

«Арабские ночи» на Граб-стрит: ориенталистский дискурс в работах С. Джонсона (1709–1784)¹

В статье рассматривается образ Ближнего Востока, отраженный в сочинениях английского интеллектуала Сэмюэла Джонсона. Делается вывод о существовании трех образов, представленных в трудах доктора Джонсона: образа чарующего Востока, образа Востока – синонима Запада, образа «врага» – антипода европейской цивилизации.

Ключевые слова: Сэмюэл Джонсон, история Британии XVIII в., ориентализм, образ Востока, образ другого

Восток «ворвался» в мир «литературной республики» XVIII в. вместе с публикацией арабских сказок, собранных французским востоковедом и переводчиком Антуаном Галланом и выпущенных под названием «Тысяча и одна ночь» в 1704 г. Почти сразу же издание Галлана попало в Британию, где было переведено на английский язык анонимным автором. Англоязычный вариант «Тысячи и одной ночи», озаглавленный как «Арабские ночи», вышел в свет в 1706 г. благодаря стараниям книгоиздателей с Граб-стрит.

Произведения, окутанные аурой «экзотического ориентализма» [4, р. 2], вызвали неподдельный интерес у европейской публики и сформировали стереотипный образ чарующего, волшебного и дивного Востока. Восток становится предметом настоящего ажиотажа. Недаром английский интеллектуал и лексикограф Сэмюэл Джонсон (1709–1784), узнав о том, что Его Величество король Георг

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «"Культура Духа" vs "Культура Разума": Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)»).

III назначил ему пожизненную пенсию в 1762 г., в беседе с друзьями посетовал: «Случись это на двадцать лет раньше, я, как Покок, уехал бы в Константинополь изучать арабский язык» [2, р. 254]. Восток отныне привлекал всех и каждого. Доктор Джонсон не стал исключением. Так, после смерти литератора в его личной библиотеке было обнаружено около 40 изданий восточной тематики, включая текст Корана [1, р. 6] и коллекцию путевых заметок и пособий («История Эфиопии» Хиоба Людвига, «Азиатская поэтика» сэра Уильяма Джонса, «Путешествия» Томаса Шоу и др.).

В произведениях, принадлежащих перу Джонсона, Восток также занимает значимое место. Первым литературным опытом впоследствии знаменитого лексикографа был перевод путевых заметок португальского миссионера Иеронима Лобо (1595–1678), опубликованный под названием «Путешествия в Абиссинию» в 1735 г. Вопреки ожиданиям Джонсона, перевод «Путешествия» на английский язык не принес ему ни славы, ни денег.

Следующим произведением литератора, в котором отразилась восточная проблематика, стала пьеса «Ирэн», изданная в 1749 г. Согласно сюжету, Ирэн – пленница османского султана Мехмеда II, захваченная при осаде Константинополя в 1453 г. Желая сделать пленницу своей супругой, султан умоляет ее принять ислам. Хотя истинная цель пьесы состояла в том, чтобы показать аморальность предательства христианской веры во имя мирских благ и земной славы, мы видим отношение самого автора к исламской цивилизации. Показательным является эпилог пьесы: «Замуж за турка! Надменного, жестокого тирана, / Считавшего, что женщинам дано лишь угождать ему нарядами и песней (...) / И, к прочему, есть у него 50 жен» [3, р. 217]. Здесь литератор воспроизводит европейские стереотипы о своих восточных соседях.

Представления Джонсона о мусульманском Востоке были отражены и в «Ирэн», и в последующих работах. Без сомнения, по Джонсону, – это Восток жестоких деспотов, дворцовых интриг, сералей и бесконечных войн. Подобные суждения встречаются на страницах журнальных статей. К примеру, в № 7 журнала «Айдлер» от 27 мая 1758 г. лексикограф убеждает читателей, что «нация магометан» не может быть источником человеческой культуры и цивилизации [5, р. 126]. Отдельно стоит отметить невысокое мнение литератора об исламе. В «Айдлере» № 4, опубликованном 6 мая 1758 г., он написал: «милосердие магометан состоит лишь в том, что их учителя перевели христианское учение на арабский язык» [5, р. 14].

Не менее колоритная картина возникает на страницах «Истории Расселаса, принца абиссинского», написанной Джонсоном буквально за одну неделю в январе 1759 г. По сюжету повести, принц

Расселас, сын могущественного государя Абиссинии, беззаботно живет в неприступном дворце Счастливой долины. Однако принц осознает бессмысленность безмятежного времяпровождения во дворце и решает сбежать из долины со своей сестрой Некаей, её служанкой Пекуей и мудрецом Имлаком. Беглецы путешествуют по Абиссинии и Египту, знакомясь с жителями Востока и их бытом, рассчитывая отыскать наисчастливейший образ жизни. Но в итоге, осознав, что их желание быть счастливыми неосуществимо, они возвращаются обратно.

Восток в «Истории Расселаса, принца абиссинского» представлен разноцветной палитрой образов. Во-первых, это идеализированный Восток, Восток, выраженный в описании Счастливой долины, где образ жизни состоит в развлечениях и удовольствиях. Подобное представление о Востоке существовало в Европе со времен Средневековья. Во-вторых, Восток – это иносказательный Запад. Под маской Каира, описанного в «Истории Расселаса...» скрывается Лондон Джонсона, а не египетская столица. Литератор вовсе не задавался целью изложить правдивую картину повседневности Каира, предпочитая в данном случае использовать Восток как фон для философских умозаключений по поводу западного миропорядка. Последний образ Востока в «Истории Расселаса» – это мусульманский Восток, сущностью которого являются лишь войны и грабежи. Здесь Джонсон вторит устоявшимся европейским представлениям об исламской цивилизации как главном анти-поде Запада.

Для англичан, как и европейцев в целом, Восток был важнейшим и неотступным образом «другого». Сочинения доктора Джонсона о Востоке лишь подтверждают это. Тем не менее, Восток в европейских сочинениях не был монолитным. Мы можем выделить три ключевых образа Ближнего Востока, нашедших свое отражение в сочинениях литератора. Во-первых, это Восток-утопия, отражающий европейские стереотипы о чарующем Востоке. Во-вторых, это Восток, уподобленный Западу, используемый лишь в качестве таинственного ореола для нравоучений и морализаторства. В-третьих, это мусульманский Восток, олицетворявший образ «Врага», а сами мусульмане изображались воинственной нацией магометан. По сути, британское общество не мыслило себя вне галереи образов Востока, и каждое изображение «другого» прямо противопоставлялось собственному «я» жителей туманного Альбиона.

Библиография

1. Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books of the Late Learned Samuel Johnson, Esq., LL.D. L., 1785. 28 p.

2. Forster J. The Life and Adventures of Oliver Goldsmith: A Biography in 4 Books. Vol. 1. L.: Bradbery and Evans, 1818. 704 p.
3. Johnson S. Irene: A Tragedy // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 6. Poems / Ed. by E. L. McAdam, G. Milne. New Haven and L.: Yale University Press, 1964. P. 110-218.
4. Nassir G.Q. A History and Criticism of Samuel Johnson's Oriental Tales. Tallahassee: Florida State University Press, 1989. 306 p.
5. The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 2. «The Idler» and «The Adventurer» / Ed. by W.J. Bate, J.M. Bulitt, L.F. Powell. New Haven and L.: Yale University Press, 1963.

Косых Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, ассистент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; kskhtt@gmail.com

“Arabian Nights” on Grub Street: Oriental Discourse in Works of S. Johnson (1709–1784)

In this article is discussed the image of the East, reflected on the writings of Samuel Johnson. The author comes to the conclusion about the existence of three images, presented in the works of Dr. Johnson: the image of the enchanting East, the image of the East as a synonym for the West, the image of the «enemy» as the antipode of European civilization.

Keywords: Samuel Johnson, Eighteenth-century Britain, orientalism, image of the Orient, image of the Other

Kosykh Tatiana Anatolevna, Candidate of History, Assistant Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; kskhtt@gmail.com

УДК 930(510)(092)

Мартынов Д.Е.

Чжан Бинлинь и китайская историография

Доклад посвящён вкладу Чжан Бинлиня (1869–1936) в развитие новой китайской исторической науки. В 1902 г., находясь в эмиграции в Японии, Чжан переписывался с Лян Цичао. В ответ на начало издания его «Новой исторической науки», Чжан Бинлинь огласил проспект «Общей истории Китая», замысел которой остался неосуществленным. Чжан утверждал, что традиционная историография Китая разработала аналитический метод и дедуктивный подход, на основе которых Чжан Бинлинь собирался реализовать свой проект.

Ключевые слова: синология, теория и методология истории, историческое познание, историографическая революция, Лян Цичао, Чжан Бинлинь

После публикации в 1902 г. «Нового учения об истории» Лян Цичао (1873–1929), заложившего фундамент «историографической революции» в Китае, его оппонент Чжан Бинлинь (1869–1936) никак не мог не откликнуться на начало дискуссии об основах

исторического письма. «Новое учение об истории» Лян Цичао в известной степени предвосхитило методологические дискуссии 1930–1950-х гг. и более поздние. В первую очередь это касается понимания того, что новому восприятию исторической реальности должна соответствовать новая форма письма. Однако в рамках той реальности, в которой существовал Лян Цичао, задача выработки нового историописания была неотделима от апологии необходимости и полезности исторического знания в эпоху необратимых перемен [3, с. 108]. В критике традиции Лян Цичао декларировал социальную функцию историописания. В первую очередь для Лян Цичао очевидно, что традиционные китайские дисциплины не совпадают с европейским пониманием наук и научности [там же]. С этим тезисом решительно не соглашался Чжан Бинлинь, которого, по нашему глубочайшему убеждению, можно сравнивать, пожалуй, с Томмазо Кампанеллой, ибо в своём столетии не существовало одновременно мыслителя, более правого и более левого в своих убеждениях [2, с. 165]. Публикуемые ниже заметки Чжан Бинлиня были созданы в 1902 г., когда он жил в эмиграции в Токио, и переписывался с Лян Цичао, которому они, собственно, и посвящены [1, с. 63]. Нам представляется, что в дополнительных комментариях они не нуждаются.

Перевод на русский язык выполнен впервые по электронным изданиям [4; 5]. Последнее представляет оцифрованный текст ксилографического издания 1906 г., подготовленного самим автором.

Чжан Тайянь (Чжан Бинлинь)

«Общая история Китая»: краткий проспект

[Предисловие]

Сколько многочисленны исторические труды, создававшиеся в Китае со времён династий Цинь и Хань! [Изложение истории в порядке] аналов, жизнеописаний, трактатов заложил Шицян [Сыма Цянь]¹, а в хронологическом порядке – Сюнь Юэ². [Жанр] развернутого

¹ Сыма Цянь (司马迁, 145? – около 86 г. до н.э.) – сановник и историк эпохи Хань. Занимал наследственную должность придворного историографа-астролога. Известен как создатель «Ши цзи» – грандиозного обобщающего труда, описывающего историю Китая от мифических родоначальников и до современных Сыма Цяню времён. Свод в 130 главах считается родоначальником жанра образцовой истории. Перечисленные «анналы», «жизнеописания», «трактаты» – это тематические разделы «Ши цзи», по которым группировались главы.

² Сюнь Юэ (荀悦, 148–209) – философ эпохи Хань. Потомок философа-конфуцианца III в. до н.э. Сюнь-цзы. Известен также как историк, автор сочинения «Хань цзи».

повествования о событиях во всей полноте создал Юань Шу¹. Все эти сочинения включают подробные описания конкретных фактов, и не содержат отвлеченных умствований. Ду и Ма составили и упорядочили законодательные акты, классифицировав их по категориям, и почти приблизились к использованию аналитического метода. [Записи о] совещаниях государя и сановников кратки, тем ценнее, когда в них отделены аргументация от мелкого и малоценного. Добро и зло [подобны] двум детям², хотя лучшие светила науки не в состоянии разделить их, ибо не вполне овладели дедуктивным методом. Мудрец из Хэнъяна³, читая «Тун цзянь»⁴ и «Сунскую историю»⁵, воздавал должное отточенности и высочайшей рафинированности их стиля, и в своем методе был чрезвычайно близок дедукции; он был красноречив и возвращался к этим темам снова и снова, и отвергал неорганизованность, подобно тому, как семь переходов Ткачихи из одной области небосвода в другой, не соткут ничего. Переходя к вопросам общества, политики и закона, скажу, что изначальной причиной упадка и процветания являются изменения, но люди темны, и не понимают этого. Правители и величайшие умы домогаются драгоценнейшего знания, но, даже проштудировав все главы до конца, не остаются ли они великими невеждами, коих презирают истинные мудрецы?

Ныне затеяв [написать] «Общую историю Китая», [я] желаю ограничиться 100 цзюанями, в которых переплаваю высшие истины мироздания. Дабы не увлечься низким и не гнаться за второстепенным, следует извлечь из прошлого эссенцию; дабы поднять дух, и не погружаться в тьму неверия, как Мо Ди, я предлагаю план совершенно нового труда, замысел которого ближе военным трактатам и «Цзо-чжуани»⁶.

¹ Юань Шу (袁枢, 1131 – 1205) – историк эпохи Южная Сун. Главное сочинение «Цзи ши бэнь мо» (纪事本末) в 42 свитках-цзюанях, разделенных на 239 рубрик.

² Аллюзия к классическому памятнику «Ши-цзин» (I, III, 19).

³ Имеется в виду философ Ван Фучжи (王夫之, 1619 – 1692), глубоко почитаемый Чжан Бинлинем.

⁴ «Всепроницающее зеркало, помогающее в управлении» (资治通鉴) – летописное сочинение Сыма Гуана, опубликованное в 1046 г. Свод в 294 главах охватывает период китайской истории от 403 г. до н.э. по 959 г. н.э., описывая правление 16 династий. В XII в. переработан великим неоконфуцианцем Чжу Си.

⁵ «Сун ши» (宋史) – история Сунской династии (960–1279), составленная в 1346 г. в правление монгольской династии под редакцией первого министра Токто и его преемника Алу-ту. Свод из 496 глав был составлен коллективом из более чем 40 монгольских и китайских учёных; по объёму он является крупнейшим из канонического свода «24 историй». Включает более 2000 биографий разных персон (255 глав), а также 15 тематических трактатов (в том числе по экономике и административному праву), по объёму составляющих треть всего свода.

⁶ 左傳 – исторический свод, охватывающий период с 722 до 468 гг. до н.э. Включает около 180 000 иероглифов, тематически охватывает события во множестве древнекитайских царств. Традиционно считался комментарием к канонической летописи Конфуция «Чунь цю», но в современной историографии считается

Историки Запада большое внимание уделяют периодизации, китайские – в основном библиографии и ценят дифференциацию и классификацию; они не проводят границы между эпохами должным образом, хотя и те, и другие занимаются систематизацией¹. В просветительских целях это приходится излагать в самых общих чертах, поскольку [ход времени] от древности к современности еще не завершился. Поэтому те [историки], которые занимаются периодизацией, годятся для школьного обучения, шлифовки и систематизации познаний, и всякий, кто имеет представление о систематике, может рассуждать о цивилизации и варварстве. Всякая вещь имеет начало и конец, и потому все может быть сопоставлено со всем. Те, кто проводят разделение по родам, также способны обучиться и мастерству полемики. Тот, кто стремится познать большую землю², пожалуй, сможет овладеть всей страной. Тот же, кто пожелает узнать первооснову гор и рек, их исток и завершение, навряд ли достигнет своих целей. Познавая единичную реку или гору, следует непременно обобщать и стремиться к познанию целых хребтов и потоков от истока до устья; неужели же [историк] сможет замкнуться в пределах только лишь [единичных] областей и княжеств?! В стародавние времена Юя³ и Конфуция [знание] не было изощренным, и скрытые смыслы излагались кратко, ибо еще не стерлись из памяти; ныне мы следуем установленным образцам идеологии и стиля, [ведаем] об изменении имен, и именуем это «классикой»; что и порождает различия в именовании жанров *люэ* (略) и *дянь* (典).

Все упомянутые классические своды теснейшим образом связаны с изменениями общественного строя. Дела человеческие, хотя и крайне запутанны, но не могут быть сведены только к общественным отношениям, однако связаны с общественными взлетами и падениями, ослаблением и усилением государств, и не могут быть признаны ничтожными. Г-н Чжан из Гуйцзи передал последующим поколениям историю⁴, но стиль ее письма неизменен, и не отличается от множества подобных сочинений. Важность отображения в истории естественных законов можно назвать эссенциальной, и тенденция именно такова. Поэтому делам человеческим я посвящаю целых 10 глав; это именуется «судьбой». <...>

компиляцией более позднего времени, которой присуща строгая хронологичность изложения при отсутствии идеологической обусловленности.

¹ Используется традиционный термин китайской философии «основа и уток» (经纬).

² Отсылка к литературной энциклопедии «Вэнь сюань» (530 г.).

³ Легендарный аналог Ноя в китайской традиции и основатель первой императорской династии Ся (традиционная дата 2205 г. до н.э.)

⁴ Имеется в виду компиляция Чжан Гуанчао (章广朝) о последних годах правления монгольской династии Юань и воцарении Мин, увидевшая свет в 1896 г.

Краткий индекс «Общей истории Китая».

Таблицы: царствований императоров и королей, материков и стран, военных и гражданских чинов, глав правительств, крупнейших ученых.

Трактаты: племена и расы, жилища, гидротехнические сооружения, мастерство и ремесла, товары и деньги, язык и литература, вероучения, науки, народные обряды, официальная одежда и знаки различия, законы и указы, военное дело.

«Записки»: о династии Чжоу, империи Цинь, южных царствах, Танской династии и ее вассалах, искоренении феодализма, революции, шести переворотах, морских сообщениях, вторжении варваров, восстановлении величия Китая.

Монографии: о Цинь Ши-хуане, Ханьском У-ди, Ван Мане, Сунском У-ди, основателях династий Тан, Юань и Мин, третьем императоре Цин, Хун Сюцюане.

Отдельные биографии: Гуань Чжунхэ и Шао И, Сяо Гэ, Ли Сы, Гуньсунь Яна, Конфуция, Лао-цзы и Мо-цзы, Ван Мэна, Доргоня, Кан Ювэя, странствующих рыцарей, торговцев, наемных убийц, отшельников, астрологов и знахарей, астрономов. Всего 60 глав.

Библиография

1. Калюжная Н.М. Традиция и революция. Чжан Бинлинь (1869–1936) – китайский мыслитель и политический деятель Нового времени. М.: Упрполиграфиздат правительства Московской области, 1995. 342 с.

2. Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Нирвана и анархия: учение о «пяти исчезновениях» Чжан Бин-линя // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 164–181.

3. Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. «Новое учение об истории» Лян Ци-чао. Лян Ци-чао. Новое учение об истории. [Традиционная история Китая]: Пер. с кит. и прим. Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 107–117.

4. Чжан Тайянь (章太炎). Чжунго тунши люэли (中国通史略例) // 中国思想与文化名家数据库(近现代版). URL: <http://www.cnthinkers.com/thinkerweb/literature/24145>

5. Чжан Тайянь (章太炎). Куй шу (楮书): 6, 9-24 // The Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=775698&remap=gb>

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; dmartynov@yandex.ru

Zhang Binglin (1869–1936) and chinese historiography

Our lecture is devoted to the Zhang Binglin contribution for development of new Chinese historical science. In 1902, while he was in exile in Japan, Zhang corresponded with Liang Qichao. In response to the start of the publication of Liang's "New Historical Science", Zhang Binglin announced the prospectus of "China's General History", the plan of which remained unfulfilled. Zhang claimed that China's traditional historiography developed an analytical method and a deductive approach, on the basis of which Zhang Binglin was going to implement his project.

Keywords: Chinese studies, theory and methodology of history, historical knowledge, historiographical revolution, Liang Qichao, Zhang Binglin

Martynov Dmitrii Evgenievich, Doctor of History, Professor; Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmartynov@yandex.ru

Набиев Р.Ф., Курлович П.Н.

Япония: новые подходы к решению старых проблем

В статье предлагаются нестандартные подходы к решению застаревших противоречий между Российской Федерацией и Японией. Предлагаемые авторами пути позволяют обойти (а не преодолевать) антагонизм взаимных претензий. В основу предлагаемых решений заложено иррациональное начало и основные тенденции ускоряющегося мира. П предлагаемые решения при благоприятных условиях позволяют многократно ускорить темпы экономического и социального развития Дальнего Востока и обеих стран в целом.

Ключевые слова: Япония, Российская Федерация, США, Юго-Восточная Азия, экономика, общественное мнение, цунами, опасность, страх, надежда, «резервные города»

Ключевой темой и камнем преткновений в проблеме развития российско-японских отношений является тема подписания мирного договора и проблема «северных территорий». Однако она не решается, несмотря на искреннее стремление обеих сторон к этому. Одной из главных причин является тот факт, что проблема была создана «третьими лицами», стоящими за игроками, и без их учета она не может быть разрешена окончательно.

Проблема была создана мировой финансовой элитой силами США и Великобритании, поэтому принципиальное ее решение, как в сюжете сказки про Кощея Бессмертного, находится «за морем, на дубе в яйце птицы». Многие страны в настоящее время предпринимают усилия для демонтажа мировой финансовой системы и замены ее более справедливой. После этого весь миропорядок изменится в корне.

Однако имеются и иные пути к ускорению интеграционных процессов. Одним из наиболее эффективных факторов, на основе которого возможно построение новых подходов и изменение ориентиров японской политики, может стать иррациональная составляющая. Основные усилия, как нам представляется, следует обратить на конструктивную эксплуатацию **чувства страха и надежды**. Населению нашей страны трудно осознать иное мироощущение большой нации. Мы привыкли ощущать себя в относительной безопасности: землетрясения, вулканы и великие войны веками не угрожали и не могут угрожать всему населению страны.

Поэтому нам недоступно глубокое понимание того **хронического страха**, в условиях которого постоянно живет население японского архипелага. Этот страх не явный и очевидный, а замаскированный и «загнанный в подкорку»: это постоянное ожидание очередных неизбежных катаклизмов и, возможно, трагического конца

их нации, культуры и государства. Если отвлечённые эсхатологические настроения присущи многим религиям планеты, то для японцев это ощущение приближающейся катастрофы, это перспектива реального и неизбежного будущего. Неизвестно лишь время крупного землетрясения и цунами.

Не столкновение планет, а просто крупное извержение и цунами, каких было немало в истории Японии, способно гарантированно уничтожить значительную или, может быть, даже большую часть ее населения. Причём пострадают без выбора и «патриоты», и «предатели», и старые, и младенцы...

Та же перспектива ожидает и в случае войны, причём необязательно своей войны. Получив доступ к американским технологиям и рынку, по существу, став их «непотопляемым авианосцем», японцы стали коллективным заложником политики США. К примеру, нападение США на РФ с японских баз неизбежно вызовет уничтожающий ответный удар. К тому же за истекшие десятилетия не только супердержавы, но и бывшие жертвы (Китай, Северная Корея) могут нанести удары, способные уничтожить большую часть архипелага.

Для спасения своей элиты «Нихон коку» давно готовит плацдармы и базы в разных частях света. Однако в случае катаклизмов у островитян будут считанные часы для спасения. Большинство беженцев не успеет добраться до отдаленных убежищ. К тому же не все созданные базы будут гарантированно безопасны. Их инвестиции в разных частях планеты — это ещё и попытки застраховать позиции хотя бы для части элиты. Таким образом, нация в целом не может рассчитывать на спасение. Это обстоятельство осознают все. Надежды нет. В этом отношении представляется, что некоторые проблемы российско-японских отношений мы можем решать, используя вышеуказанную особенность ментальности японцев. Надо предоставить им надежду или хотя бы иллюзию спасения.

В этих условиях особую роль для японской нации может играть наша евразийская держава. На ее абсолютно безопасные пространства давно с завистью посматривают жители малых стран. Исторический опыт свидетельствует о том, что само пространство евразийской державы («Скифия», «Страна гуннов», «Тартария», Россия) в течение многих столетий были одним из стратегических аргументов в противостоянии с врагами и капризами природы.

В настоящее время пространственный потенциал России по-прежнему остается важнейшим стратегическим фактором. Причём он может сыграть положительную роль в процессе сближения наших стран. Следует лишь обозначить возможность доступа населения Японии к этой безопасности. В этом случае проблема «северных территорий» становится ничтожной величиной.

Одним из частных решений, основанных на этой идее, видится создание «городов спасения» на территории РФ. В рамках этого проекта японские фирмы на правах концессии создадут резервные города (таковых в Китае насчитывается несколько десятков) с логистикой, инфраструктурой и законсервированным производством. Причем уже на этапе строительства «резервных городов» экономика РФ может получить избыточный объем инвестиций, возможность сформировать развитую логистику, а также доступ к новейшим технологиям вопреки американскому эмбарго, т.к. японцы будут строить формально свои города.

Создание даже одного-двух таких городов способно существенно повлиять на настроения населения Японии по отношению к российской государственности. Возможные пути решения организационных и технических вопросов этого проекта были представлены нами на конференции 2018 года [2]. Важно то, что подобные рокировки с территориальными автономиями уже осуществлялись СССР. В частности, отказ от претензий США в 1954 году Н.С. Хрущев оформил формальной передачей Крыма Украинской ССР, которая не имела обязательств перед «Джойнт» [1]. В результате реализации проекта российский Дальний Восток многократно увеличит свой экономический потенциал. Японские интересы вокруг «городов спасения» неизбежно станут препятствием для китайской экспансии, опасность которой осознается уже всеми на Дальнем Востоке.

Второй проект позволяет вывести «курильскую тему» за пределы японской юрисдикции путем осуществления административно-территориальных изменений. Известно, что коренным населением Курил по отношению к русским и японцам являлись айны. Айны ещё живы, хотя и указываются подчас в переписях иначе [3]. Поэтому создание «Айнской республики» возможно. Провозглашение Айнской республики на спорных островах лишит Японию моральных и юридических оснований для территориальных претензий. Решение о создании Айнской республики не может быть оспорено или пресечено третьими странами и способно облегчить процесс разрешения ряда политических и экономических проблем. Авторам представляется, что в этих условиях наши страны могли бы достичь устойчивых положительных результатов в сфере экономики и политики, которые на длительное время определили бы вектор сотрудничества.

Таким образом, авторы полагают, что новые нестандартные подходы способны привести к прорывным решениям в сфере российско-японских отношений, что и требует от науки руководство страны.

Библиография

1. Крым чуть не стал Израилем. – URL: https://aif.ru/society/history/krym_chut_ne_stal_izrailem_pochemu_ukraina_ne_hotela_zabirat_poluostrov (дата обращения: 12.11.2019).
2. Набиев Р. Н. О некоторых аспектах российско-японских отношений: недавнее прошлое и перспективы // Россия – Япония: политика, история и культура: сб. статей и докладов Международной научной конференции. Казань: АН РТ, 2018. С. 167-174.
3. Осипова М. В. Традиционная педагогическая культура айнов вчера и сегодня // Россия и АТР. 2017. № 2 (96). С. 162-176.

Набиев Рустам Фанисович, доктор исторических наук, доцент, Казанский юридический институт МВД РФ, г. Казань, Россия; Nabiev_bulg@mail

Курлович Павел Николаевич, кандидат философских наук, доцент, Казанский юридический институт МВД РФ, г. Казань, Россия; kurlovitsch@mail.ru

Japan: new approaches to resolving old problems

The article proposes new non-standard approaches to solving the long-standing contradictions between the Russian Federation and Japan. The approaches proposed by the author allow to circumvent (and not overcome) the antagonism of mutual claims. The proposed solutions are based on the irrational beginning and the main trends of an accelerating world. According to the author, the proposed solutions under favorable conditions can accelerate the pace of economic and social development of the Far East and both countries as a whole.

Keywords: Japan, Russian Federation, USA, Southeast Asia, economy, public opinion, tsunami, danger, fear, hope, «reserve cities»

Nabiev Rustam Fanisovich, Doctor of History, Associate Professor, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Russia; Nabiev_bulg@mail

Kurlovich Pavel Nikolaevich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Russia; kurlovitsch@mail.ru

УДК 94(470+510)"19"

Нагорных О.С., Шок Н.П.

СССР и Китай в ракурсе развития здравоохранения в 50-е гг. XX столетия: традиции – новации – интеграции¹

В работе предпринята попытка исследования одной из актуальных и слабо изученных страниц истории глобального здравоохранения советско-китайского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках проекта «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества» (№ 18-78-10018).

сотрудничества в сфере медицины в 1950-е гг. Показывается важность переосмысления значения традиционных методов китайской медицины, которые позволяют исследовать аспекты этих традиций и советских новаций в системе здравоохранения в Китае 1950-х гг., а также где были апробированы методы китайской медицины. Ракурс работы направлен на выявление основных направлений этого сотрудничества.

Ключевые слова. Здравоохранение, научная идея, история, международные связи, научная коммуникация, научная дипломатия

Сегодня Китай лидер в области глобальных инноваций не только в экономике, военной промышленности, но и в интенсивном развитии биомедицинских технологий и исследований. Скорость, охват и масштаб развития современного Китая почти не имеет аналогов. При этом, стремясь быть глобальным лидером, Китай адаптируется к своему меняющемуся положению в международной системе, а также продолжает изучение, накопление и заимствование опыта. Тема Китая стала актуальной в различных направлениях – политических, исторических, историко-медицинских, экономических и др. [7; 8; 10].

Не только среди отечественных исследователей, но и зарубежных есть политологи и историки, которые активно занимаются анализом исторических предпосылок и оценкой причин технологического подъема современного Китая [11; 12]. Это относится не только к возрастающей роли этого государства в экономическом мировом пространстве в последние годы, но и лидерства в биомедицине.

В центре нашего научного внимания – начальный этап формирования национальной системы здравоохранения в Китае и роли СССР в этом процессе. В качестве основных источников выступают фонды Министерства здравоохранения СССР, а также Управления по научно-техническому сотрудничеству [2; 3], документальный комплекс которых позволяет реконструировать содержательную часть различных форм научного сотрудничества, взаимный научный и клинический обмен, командировки.

Новый тип здравоохранения Китайской народной республики формировался с учетом достижений национальной медицины, сочетая советские принципы оказания медицинской помощи населению. КНР с момента своего образования демонстрировала готовность сотрудничества. Это касалось практически всех сфер деятельности, о чем неоднократно упоминалось в советской историографии, исследовавшей социально-экономические, политические и культурные процессы в Китае в 1950-х гг. [1; 4; 5; 6] Реорганизация коснулась многих сфер: клинической практики, медицины как науки, академического процесса, профессионального сотрудничества Академий медицинских наук. Но при этом советская практика

общения врача с пациентом и закладывающиеся в СССР основы этики и деонтологии, как показала дальнейшая практика, развития не получили.

Проблема интеграции медицинских практик и методов в различные отрасли медицины стала актуальной достаточно давно. Одним из масштабных примеров этого процесса в середине XX века (1950-е гг.) стало появление в советской врачебной практике традиций иглорефлексотерапии, массажа, прижигания и фитотерапии, заимствованных из китайской медицины. Поэтому среди многочисленных командировок советских врачей, организованных Министерством здравоохранения СССР в КНР, были и такие, в ходе которых советские медицинские работники не просто внедряли в сферу китайского здравоохранения новые современные на тот момент методики и способы лечения, но и сами занимались изучением методов традиционной китайской медицины с последующей перспективой ее апробации и дополнения в СССР.

Таким образом, имел место взаимный обмен рядом достижений в сфере медицины и здравоохранении в период пика сотрудничества двух стран. Безусловно, речь идет не только о равномерном взаимобою, но и о самом факте потенциальной интеграции медицинских традиций на данном историческом этапе, что заслуживает особого внимания историков медицины.

Научные идеи советской медицины, активно воспринимались китайским сообществом, перенимались последние технические достижения, организация высшего медицинского образования, структура Академии медицинских наук через активные международные связи двух стран.

Анализ исторических источников, архивных материалов позволяет отметить особенности развития Китая, который в рассматриваемый период занимал позицию, направленную на заимствование технологий. История развития медицины и здравоохранения в КНР тесно связана с помощью СССР. Одним из очевидных и наиболее ярких примеров здесь может служить научно-техническая помощь со стороны СССР, осуществлявшаяся в рассматриваемый период. Но, сосредоточившись на заимствованиях медицинских технологий, китайская клиника почти обошла вопросы деонтологического характера – отношений врача и пациента – а также и других этических принципов.

Современное правительство КНР продолжает ставить задачи ускорения реализации государственных научно-технических проектов в инновационных сферах (особенно биотехнологий), но практически не затрагивает основы врачебного кодекса. Вопрос

современной этико-правовой и институциональной базы развития биомедицинских технологий в КНР становится особенно актуальным.

Историческая реконструкция становления, развития и трансфера медицинских технологий в КНР в середине XX века будет способствовать лучшему пониманию современных социальных вызовов, формирующихся в том числе в академической науке КНР сегодня.

Библиография

1. Аварин В. Международное значение победы китайского народа // Новое время. 1950. №39. С. 7-11.
2. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 34.
3. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 10.
4. Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР 1950-60-гг. М.: Наука, 1980. 264 с.
5. Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 1951. 584 с.
6. Капица М.С. КНР: два десятилетия – две политики. М.: Политиздат, 1969. 352 с.
7. Лексютина Я.В. Сложности внутреннего и внешнего развития Китая сквозь призму европейского восприятия // Проблемы Дальнего Востока. 2015. №. 2. С. 173-176.
8. Лексютина Я.В. Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т. 16. №2 (53). С.60-72.
9. Непомнин О.Е. История Китая XX век. М: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. 736 С.
10. Петровский В.Е. О перспективах развития российско-китайских отношений. Россия-Китай: стратегическое взаимодействие в XXI веке. // Материалы международной школы-семинара. Новосибирский государственный технический университет. Новосибирск, 2015. С. 15-16.
11. Darryl E. Brock and Chunjuan Nancy Wei. Mr. Science and Chairman Mao's Culture Revolution: Science and Technology in Modern China. Lanham, MD: Lexington Books, 2013.
12. Sigrid Schmalzer, Red Revolution, Green revolution: Scientific Farming in Socialist China. Chicago: University of Chicago Press, 2016.

Нагорных Ольга Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент, Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород, Россия; aldan12@yandex.ru

Шок Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород, Россия; shok.nataliya@gmail.com

The USSR and China from the perspective of healthcare development in the 50s. of XXth century: tradition – innovation – integration

The study attempts to discuss one of the relevant and poorly studied pages of the history of global health of the Soviet-Chinese cooperation in medicine in the 1950s. The work also shows the importance of rethinking the importance of traditional methods of Chinese medicine, which allow us to study aspects of these traditions and Soviet innovations in the

healthcare system in China in the 1950s, as well as where Chinese medicine methods were tested. The perspective of the work is aimed at identifying the main directions of this cooperation.

Keywords: Health care, scientific idea, history, international relations, scientific communication, scientific diplomacy

Nagornyykh Olga Stanislavovna, Candidate of History, Associate Professor, Volga Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia; aldan12@yandex.ru

Shok Nataliia Petrovna, Doctor of History, Professor, Volga Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia; shok.nataliia@gmail.com

УДК 930(520)

Павловская Е.А.

Самурайское сословие в англо-американской историографии в межвоенный период

В статье анализируется изучение истории самурайства в период между двумя мировыми войнами. В круг исследования входят научные и научно-популярные монографии, изданные в период 1920-х – 1930-х гг., посвященные истории Японии или её отдельных периодов, современной политической ситуации, культуре и быту японцев. В основу анализа положены стороны самурайской истории, культуры и идеологии, которые для рассматриваемых авторов были ключевыми при рассмотрении влияния на современные им события.

Ключевые слова: самурайское сословие, история Японии, американская историография, межвоенный период.

Период между двумя мировыми войнами был богат на крутые повороты в мировой политике, которые становятся основным объектом интереса различных исследователей.

Место Японии в мировой политике начала и первой трети XX в. обусловило изменение в восприятии ее истории и культуры. Контраст между самоизоляцией и последующим скачком в развитии принес Японии главенство среди государств Юго-Восточной Азии и способствовал росту значительности «Британии Дальнего Востока» в глазах как научного сообщества Европы и Америки, так и популяризаторов образа Японии. Со времени японо-китайской и русско-японских войн и до Первой мировой войны происходит рост интереса к самурайскому сословию. Но если в период войн начала XX в. основным содержанием анализа самурайской истории была их роль в экономическом росте и побед в регионе (естественно, речь не всегда идет о прямом влиянии, но чаще о том вкладе в японское самосознание и культуру, которые способствовали этому росту), то Первая мировая война впервые приносит опасения

усилившимся влиянием Страны восходящего солнца на континенте и в Тихоокеанском регионе в целом. Как и ранее, склад ума и видение мира, основы которых исследователи связывали с бусидо, служили одним из обоснований политики японцев, но в силу перехода практически к прямой экспансии на континент (речь идет в первую очередь о «Двадцати одном требовании») происходит заметно более критический пересмотр влияния военного кодекса на современную и прошлую политику страны.

1920–1930-е гг. в таком содержании продолжают исследования начала XX в. Основным вызывающим интерес сюжетом истории самурайства остается бусидо [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9; 11], которое, по мнению некоторых авторов, позволяет Японии сохранять независимость и отличаться судьбой от континентальных государств региона [5; 16; 20]. Сохраняется мысль, что самураи, приняв новые, бюрократические функции, стали двигателем преобразования новой Японии [10; 12–15; 17].

Несмотря на сохранение тенденций предыдущего этапа, исследования указанного периода должны сопровождаться двумя важными оговорками. Во-первых, это время формирования диктаторских и тоталитарных режимов (и данная тенденция не обошла стороной Японию), причём концентрация событий в эти два десятилетия настолько увеличивается (в отношении Японии это справедливо начиная с середины 1920-х гг.), что монографии (в силу своего большого объема и значительного времени на их создание) не успевают вовремя реагировать на перемены. Поэтому сокращается количество монографических исследований и одновременно стремительно увеличивается число статей, посвященных Японии, подавляющее большинство которых освещают текущую геополитическую обстановку на Дальнем Востоке.

Мы остановимся только на монографиях (научных и научно-популярных). Также необходимо уточнить, что в рассматриваемый период большая часть исследователей истории Японии оставались либо публицистами, либо политиками и лишь их небольшая часть (в частности, Э. Сатоу, К.С. Латоретт) относилась к историкам.

Во-вторых, основное содержание «историй Японии», в полном или усеченном варианте, повторяет исследования прошлых периодов (за тем исключением, о котором будет сказано ниже), либо описывает быт современного японского общества, затрагивая и сохранившееся влияние самурайства [4; 18; 21]. При уменьшившемся (особенно в 1930-е гг.) количестве этих историй их авторство сводится почти полностью к нескольким ключевым фигурам, уже сделавшим имя на изучении страны (Э. Сатоу, К.С. Латоретт, Д. Мёрдок).

Единственным исключением, которое на фоне обозначенной обстановки в исследовательской работе тем более выглядит выдающимся, можно назвать исследование Дж.Б. Сэнсома «Япония: краткая история культуры» [19], в котором он углубил и уточнил предыдущие исследования истории Японии, провел более глубокий анализ источников права, выстроил логику исторической эволюции институтов военного правительства. Тем не менее в вопросе оценки роли самурайского сословия его «Краткая история культуры» сохранила традиционное видение роли самурайства в прошлом Японии, которое, как и его исследование, остаются актуальными до сих пор.

Таким образом, если рассматривать состояние исследований в целом, в межвоенный период происходит очевидный застой в изучении военного сословия Японии, связанный со смещением интереса к текущей политике. Но несмотря на это, появляется важный всеобъемлющий труд, который в том числе подробно освещает историю самурайства вплоть до Реставрации Мэйдзи.

Библиография

1. Ballard G.A. The influence of the sea on the political history of Japan. London, 1921.
2. Boxer C.R. A Portuguese Embassy to Japan 1644-1647. London, 1928.
3. Buchan J. Japan The Nations of Today. London, 1923.
4. Cousins J.H. The New Japan. Madras, 1923.
5. Etherton P.T., Hessel H. Japan Mistress of the Pacific. London, 1934.
6. Franck H.A. Glimpses of Japan And Formosa. London; New York, 1924.
7. Gowen H.H. An Outline History of Japan. London; New York, 1928.
8. Greenbie S. Japan Real and Imaginary. New York; London, 1920.
9. Grousset R. Civilizations of The East. Vol. IV. Japan. London, 1934.
10. Gubbins J.H. The making of modern Japan. London, 1922.
11. Gunther J. Inside Asia. 1939.
12. Hill C E. Leading American treaties. New York, 1922.
13. Holtom D. C. The Political Philosophy of Modern Shinto: A Study of the State Religion of Japan. Chicago, 1922.
14. Latourette K.S. Japan; suggested outlines for a discussion of Japan, her history, culture, problems, and relations with the United States. New York, 1921.
15. Mcgovern W. M. Modern Japan Its Political Military and Industrial Organization. London, 1920.
16. Murdoch J. A. History of Japan. London, 1925.
17. Pooley A.M. Japan's foreign policies. London, 1920.
18. Redman V.H. The Problem of The Far East. London, 1935.
19. Sansom G.B. Japan. A Short Cultural History. London, 1938.
20. Satow E. A diplomat in Japan. Philadelphia, 1921.
21. Venables E.K. Behind the Smile in Real Japan. London; Bombay; Sydney, 1936.

Павловская Елизавета Анатольевна, аспирант, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; pavlovskayaea89@gmail.com

Samurai class in Anglo-American historiography during the interwar period

The article analyzes the study of the history of samurai in the period between the two world wars. The circle of research includes scientific and popular science monographs published in the 1920s – 1930s, devoted to the history of Japan or its individual periods, the current political situation, culture and life of the Japanese. The analysis is based on the sides of samurai history, culture and ideology, which for the authors in question were key in considering the impact on contemporary events.

Keywords: samurai class, history of Japan, American historiography, interwar period

Pavlovskaja Elizaveta Anatolevna, Postgraduate Student, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; pavlovskayaea89@gmail.com

УДК 930

Чикалова И.Р.

Российская иранистика: становление научных школ (XIX – начало XX в.)

Персия на протяжении XIX – начала XX вв. изучалась комплексно, в круг интересов иранистов – ученых и дипломатов – входили вопросы географии, истории, персидского языка и его диалектов, литературы, культуры, традиций и быта, экономики, обороноспособности страны, ее место в геополитической борьбе Российской и Британской империй.

Ключевые слова: иранистика, Персия, Россия, Казанская школа иранистов, Восточный факультет С.-Петербургского университета, Лазаревский институт восточных языков, Учебное отделение восточных языков

Основными научными центрами по изучению стран Востока в императорской России (в соответствии с хронологией появления) были Казанский университет, Азиатский музей при Императорской академии наук, Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, Лазаревский институт восточных языков в Москве, Русское Географическое Общество.

Преподавание в российских университетах восточных языков (арабского, персидского и турецкого) вводилось по университетскому уставу 1804 г. В то время ведущим центром изучения восточных языков в России был Казанский университет (совместно с первой казанской гимназией), уже в 1807 г., на третий год после открытия, обеспечивший преподавание персидского языка. Во главе Казанской школы иранистов был профессор А.К. Казем-Бек. В Казанском университете он служил с 1826 по 1849 г.,

занимая кафедру арабо-персидской словесности. Казем-Бек создал труды по персидскому языку и литературе, оставил исследования по религиозной секте бабидов. В 1849 г. Казем-Бека перевели в Санкт-Петербургский университет заведующим арабо-персидской кафедрой.

Важнейшим центром подготовки ориенталистов в России и проведения востоковедческих исследований со временем стал Санкт-Петербургский университет, где персидский язык преподавался с 1819 г. С тем, чтобы «сосредоточить здесь изучение и преподавание восточных языков», в 1854 г. в нем создавался факультет восточных языков, в связи с чем подразделения по их изучению в других университетах упразднялись. Деканом факультета был назначен Казем-Бек. Все востоковедческие учебные материалы и коллекции из Казанского университета были переведены в столицу. Так факультет восточных языков превращался в главный центр востоковедения в России.

Факультет пополнялся кадрами из нескольких источников. После закрытия восточного отделения Казанского университета некоторые его преподаватели перешли на службу в Санкт-Петербург. Преподавать приглашались образованные носители языка, а также выпускники зарубежных и российских университетов. Б.А. Дорн, выпускник Лейпцигского университета, профессор востоковедения в Харьковском университете, работал на факультете в 1838–1842 и 1855–1857 гг. Темой его исследований являлась история Табаристана (так называлась территория Ирана в средние века), воссозданная им на основе широкого круга источников, собранных в ходе нескольких экспедиций, отчеты о которых он также публиковал [4]. Выпускник Московского университета К.А. Коссович преподавал на факультете с 1867 по 1882 г., вырос в выдающегося санскритолога, ираниста и гебраиста. Подготовил к печати в 1872 г. полный корпус латинских переводов древнеперсидских клинообразных надписей эпохи Ахеменидов. Постепенно ядро преподавательского состава образовали лучшие выпускники самого факультета: Г.В. Мельгунов, К.Г. Залеман, С.И. Черняев, В.А. Жуковский [5; 7], Н. И. Веселовский [9], В.В. Бартольд [1].

Особую роль в изучении Персии сыграли дипломатические службы. Активность в этом направлении МИД стал проявлять с появлением в его составе в 1819 г. Азиатского департамента (с начала 1897 г. – Первый департамент). В нем прошли службу многие выдающиеся дипломаты, среди которых были те, кто сочетал дипломатические функции с научными исследованиями. С 1824 г. для российских миссий в восточных странах стали готовиться переводчики в специально созданном при нем Учебном отделении восточных

языков, получившем в 1835 г. статус высшего учебного заведения. Среди его первых студентов были выпускники Виленского университета, получившие там первоначальную подготовку по персидскому языку [см. подробнее: 9].

Таким образом, Санкт-Петербург, где находились Академия наук, Азиатский музей, Публичная библиотека с богатым собранием восточных книг и рукописей, учебное отделение Азиатского департамента МИД, факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, превратился в основной центр российского востоковедения.

Определенные традиции и собственная школа иранистики сложились в Москве. Начало изучению восточных языков в Московском университете положил А.В. Болдырев. Сам он языки мусульманского Востока изучал в Париже, куда был направлен в 1806 г. после защиты диссертации на степень магистра. По возвращении в 1811 г. был назначен адъюнктом по кафедре восточных языков Московского университета. В 1828–1832 гг. занимал должность декана отделения словесных наук, а в 1833–1836 гг. был ректором университета, продолжая преподавать восточные языки – арабский, турецкий и персидский. Он подготовил и издал «Персидскую хрестоматию» [2; 3], которая стала основным пособием по изучению персидского языка на протяжении всего XIX века. В Московском университете работали такие признанные авторитеты, как Ф.Е. Корш и А.Е. Крымский.

Важным центром ориенталистики в Москве был Лазаревский институт восточных языков. Из его стен вышли крупные востоковеды-иранисты И.А. Зиновьев, удостоенный Советом Санкт-Петербургского университета степени магистра восточной словесности за сочинение «Эпические сказания Ирана» [6], В.Ф. Минорский – автор множества работ о Курдистане, северных районах Ирана и смежных с ними турецких землях.

В императорской России сформировалась и действовала первоклассная школа иранистики, представленная несколькими ключевыми центрами и высококвалифицированными исследователями [см. подробнее: 10].

Библиография

1. Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана: университетский курс. СПб., 1903.
2. Болдырев А.В. Персидская хрестоматия, изданная Алексеем Болдыревым, профессором восточных языков при Императорском Московском университете: Ч. 1-2. М.: Унив. тип., 1826.
3. Болдырев А.В. Персидская хрестоматия, составленная Алексеем Болдыревым, профессором восточных языков при Императорском Московском университете. 2-е изд., испр. и знач. умнож. Ч. 1-3. М.: Унив. тип., 1833-1834.

4. Дорн Б.А. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1861. [2], 73 с.
5. Жуковский В.А. Человек и познание у персидских мистиков. СПб.: типо-лит. Б.М. Вольфа, 1895. [2], 32 с.
6. Зиновьев И.А. Эпические сказания Ирана: Рассуждение напис. для полужения степ. магистра И. Зиновьевым. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1855. [2], 125 с.
7. Образцы персидского народного творчества: Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания / Собр. и пер. В.А. Жуковский. СПб.: типо-лит. И. Бораганского, 1902. [4], 10, X, 279 с.
8. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изданы под ред. [и с предисл.] Н.И. Веселовского. Т. 1-3. СПб.: Т-во паров. скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890-1898.
9. Чикалова И.Р. Изучение Персии в императорской России: роль дипломатических служб // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / Витеб. гос. ун-т. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. С. 64-68.
10. Чикалова И.Р. Иранистика в Российской империи (XIX – начало XX в.): научные школы и их представители // Туркманчайский мирный договор: к 190-летию события: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. С. 25-48.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка / Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь; irina_chikalova@mail.ru

Российская иранистика: становление научных школ (XIX – начало XX в.)

Persia throughout the 19th – early 20th centuries studied comprehensively, the scientists and diplomats investigated the questions of geography, history, the Persian language and its dialects, literature, culture, traditions and everyday life, the economy, the country's defense, its place in the geopolitical struggle of the Russian and British empires.

Keywords: Iranian studies, Persia, Russia, Kazan School of Iranists, Oriental Department of St. Petersburg University, Lazarevsky Institute of Oriental Languages, Training Department of Oriental Languages

Chikalova Irina Romualdovna, Doctor of History, Professor, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University / Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus; irina_chikalova@mail.ru

УДК 930:29 (47)

Ахмадиев Ф.Н.

**У истоков презентации проблемы возникновения
ислама в России: опыт профессора М.Н. Петрова**

Автор рассматривает малоизвестную страницу творчества одного из первых русских всеобщих историков М.Н. Петрова, связанную с представлением научному сообществу в России книги немецкого ориенталиста А. Шпренгера. В опубликованном в 1868 г. очерке «Мохаммед. Происхождение ислама» он высоко оценил книгу, назвав её автора «Нибуром ориентальной историографии».

Ключевые слова: М.Н. Петров, А. Шпренгер, происхождение ислама, географический детерминизм

Жизнь, творчество и научно-педагогическое наследие профессора Харьковского университета Михаила Назарьевича Петрова (1826–1887 гг.) заслуженно продолжает привлекать внимание исследователей [4; 5; 6; 7]. Полагаем справедливым тезис Н.В. Остапова: «Обращение к жизни и творчеству М.Н. Петрова для нас не простое любопытство к “забытой старине”, а возможность лучше осмыслить наши современные идеи» [5, с. 165].

По оценке В.П. Бузескула, «учено-литературная деятельность» М.Н. Петрова «не была обширна» [1, с. 122]. И из опубликованного при жизни ученого, кроме двух диссертаций, выделяются «Очерки из всеобщей истории» [6]. Эту, «одну из распространенных научно-популярных книг» в России», составили «ряд мастерских исторических характеристик, выдающихся по своей художественности, меткости, по пластичности и выразительности языка» [1, с. 124]¹. В основу десяти очерков, по признанию автора, был положен «преимущественно» тот материал, которым он располагал «при обработке читанных им университетских курсов» [7, с. 1]².

¹ Книга выдержала несколько изданий – в 1868, 1882, 1896 и 1904 г. Со 2-го издания называлась «Из всемирной истории очерки». Содержание: Евангелие в истории; Германик; Мохаммед; Ульрих фон-Лихтенштейн; Жанна д'Арк; Людовик XI; Савонарола; Томас Мюнцер; Эразм Роттердамский; Филипп II.

² В архиве ученого – свидетельствует М.К. Кеда – из четырех лекций (о Магомете, Жанне д'Арк, Савонароле и Т. Мюнцере) сохранилась лекция о пророке Магомете. Ценность данного рукописи, по мнению украинской исследовательницы, состоит в том, что «во вступительной части М. Петров подробно обосновывает цель этой серии лекций – «развенчать загадность "визионеров" с помощью синтеза методов истории, психологии и естествознания» [4, с. 10].

Нельзя не заметить, что из общего контекста книги «выпадает» очерк «Мохаммед. Происхождение ислама» [7, с. 111-206], поскольку остальные посвящены историческим деятелям европейского Запада, о которых русское общество все же имело большее представление. И верно. Харьковский ученый вступал на ту же дорогу, что и его московские коллеги – «первоначальники» науки всеобщей истории в России Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев¹.

Представляемый «очерк», посвященный Мохаммеду и – шире – теме происхождения ислама, не только весьма объемён (6 п.л.), но и может быть отнесен к числу первых трудов об основателе ислама, задуман автором вписаться в процесс «научной разработки истории Мохаммеда». Она, по определению Петрова, в Европе «началась только с сороковых годов нынешнего столетия» [7, с. 111]. В России же читателю разве что был доступен в труд В. Ирвинга «Жизнь Магомета» в переводе П. Кириевского [3]. Вполне возможна постановка вопроса: можно ли утверждать, что харьковский профессор явился не только историком-всеобщником, но и историком – исследователем средневекового Востока, конкретно – истории происхождения ислама? Думается, что нет. Прежде всего потому, что в основе названного очерка о Мохаммеду и начальной истории ислама лежат материалы, почерпнутые им из работ зарубежных исследователей – французского историка Э. Ренана («Этюды из истории религии») и – главным образом – из труда «Жизнь и учение Мухаммеда» немецкого историка А. Шпренгера (1813–1893) [7]. Выбор этих авторов для составления очерка Петров мотивирует, во-первых, уже указанным обстоятельством – недавним началом «научная разработка истории Мохаммеда» и, во-вторых, тем, что только Ренану удалось, с точки зрения Петрова, «так естественно, живо и просто» показать личность Мохаммеда «не как сверхъестественного существа, а просто даровитого человека со всеми его слабостями, интересами и страстями» [7, с. 113], деятельность которого стала «плодом совокупного действия времени, местных условий и обстоятельств» [7, с. 114].

Продолжая сравнение Ренана и Шпренгера, Петров отмечает, что, в отличие от Ренана, который «отводил Мохаммеду всё же главную, господствующую роль», немецкий историк был убежден, что ислам как «новая религия возникла из духа и потребностей времени» [7, с. 114], т.е. Шпренгер трактовал начало истории ислама в гегелевском понимании. Поэтому для Шпренгера личность Мохаммеда имеет как бы «прикладной» характер, т.е. если не Мохаммед, то был бы другой пророк, поскольку уже существовали объективные

¹ Из публичных лекций выросли «Четыре исторических характеристики» Т.Н. Грановского [2]. В числе статей серии исторических портретов П.Н. Кудрявцева – труды «Дант, его век и жизнь», «Карл V», «Жозеф Бонапарт в Италии» и др.

предпосылки – «дух» и «потребности времени». Поэтому Шпренгер, по словам Петрова, «беспощадно налег» на личные слабости пророка, обнаруживая «лицемерие, обман, коварство, хитрую расчетливость, грубую чувственность и порою даже холодную жестокость». Другими словами, Шпренгер обнаруживает в деятельности Мохаммеда те черты, которые характерны для действий политика, а вовсе не пророка. Только «умение приноровиться к обстоятельствам, прислушиваться к требованиям окружающей среды, понимать ее неясные инстинкты и удовлетворять их» привели в результате к превращению «полуневежественного курейшитского купца» в «пророка своего народа и основателя религии и царства, совершивших громадный переворот в культурных судьбах человечества» [7, с. 115].

В архивных материалах ЦГИА Украины (Киев) Национального архива Украины в личном деле М.Н. Петрова много подготовительных выписок из трудов европейских историков, в первую очередь Шпренгера [I. Ф. 2048. Оп. 1, ед. хр. 40-42]. Причем эти выписки датируются 1860-ми годами, т.е. именно тем десятилетием, когда Петров в Харьковском университете читал курс истории средневековья и готовил к изданию свои «Очерки». Это обстоятельство, а также контекст очерка о Мохаммеде и истории возникновения ислама доказывают, что харьковский историк опирался в первую очередь на исследование Шпренгера. Но он не мог позволить себе просто встать на путь пересказа содержания книги немецкого историка. В очерке сочетаются очень интересные, с точки зрения Петрова, новые подходы Шпренгера к биографии пророка. В качестве основного источника в этом плане Шпренгер обращается к истории Корана, и на основании его (Корана) становления, в контексте его истории рассматривает превращение Мохаммеда из «кахина», одного из мудрецов, одинаково не воспринимавших ни христианство, ни иудаизм в качестве арабской религии (или религии для арабов) в пророка арабов.

Таким образом, Шпренгеру первому удалось создать «критическую биографию Мохаммеда» [7, 119], «подорвать авторитет догматической биографии пророка» [7, с. 118]. Подчеркивая, что Шпренгер «пошел далее своих предшественников», удачно включив в свой труд «около двух третей всего корана, назначая каждому отрывку принадлежащее ему место в истории и объясняя его происхождение», М.Н. Петров не боится заключить: «Так возник классический труд по начальной истории ислама, классический в том смысле, что до-ныне никто еще не овладел так мастерски материалом и не подчинил его такой смелой и твердой критике, как Шпренгер». И далее: «...наконец, и ориентальная историография дождалась своего Нибура» [7, с. 120].

Русский историк находит и серьезное упущение в исследовании Шпренгера. Оно заключается, по его мысли, в том, что «Шпренгер не достаточно ярко выявил и оценил влияние местной природы на развитие монотеизма, составляющего, как известно, основу и сущность этой религии» [7, с. 120]. Петров имеет в виду, что «пустыня порождает в душе человека чувство, которое действует особенно на ту нежную и тайную струну, которую мы называем религиозным инстинктом, религиозным чутьем» [7, с. 121]. Петров ссылается на собственные воспоминания и рассказывает о собственных ощущениях в ночной степи. Этот рассказ можно свести к нескольким посылам: (1) степь – «огромный, гладкий круг, расстилающийся во все стороны», (2) «вокруг границы горизонта возвышается небесный купол», (3) «кругом ни души, ни звука... весь доступный нам мир здесь, перед нами». Далее речь заходит о (4) «младенческой душе» араба, в которую проникает «темное чувство целостности, единства природы». И как итог, «нас поражает развернувшееся перед нами громадное “всё”, – и врожденная нам потребность поклонения и религии хоть смутно почувствует “единого” Бога» [7, с. 121].

Далее Петров, видимо, чтобы соблюсти корректность сравнения добавляет: «во сколько же раз сильнее чувство это овладеет душой в тех глухих, необозримых песчаных пространствах...». И обобщая свои размышления, ученый так представляет картину: «Этот бедный сын природы (т.е. араб, бедуин) падёт на колени и задолго до Мохаммеда воскликнет: Аллах экбэр – Бог велик, и нет Бога, кроме его» [7, с. 121-122]. Более того, он полагает: «Пустыня, с ее неотразимым впечатлением единства и целостности мироздания, с незапамятных времен научила семита призывать и поклоняться единому Богу», а потому «...ко временам Мохаммеда, встречаем мы в Аравии – и христиан, и евреев, и огнепоклонников и даже простой грубый фетишизм; но это были, большей частью, из-чужа, занесенные элементы» [7, с. 122]. Единственным же культом, носившим «все признаки туземного происхождения», особенно распространенным среди южно-аравийских племен, Петров называет «поклонение звездам» [7, с. 122].

Обращение столь подробно к этому фрагменту «очерка» позволяет не только обнаружить критическое отношение к исследованию Шпренгер [7, с. 123], но и увидеть личное отношение харьковского автора к истории и ислама, и биографии Мохаммеда. Это тот подход и те акценты, которые были свойственны научным взглядам ряда российских историков-всеобщников, включая творчество Т.Н. Грановского. Это явление в истории российской науки всеобщей истории получило название «географического детерминизма» и зачастую рассматривалось в контексте гегелевской философии истории,

которая была, пожалуй, доминирующей в системе исторического мировоззрения российских историков в «героический» период истории российской науки.

Библиография

1. Центральный государственный исторический архив Украины, Киев. Ф. 2048. Оп. 1, ед. хр. 40-42 «Средняя история».

* * *

1. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Ч. 1. С. 121-125.

2. Грановский Т.Н. Четыре исторических характеристики. Публичные лекции, читанные в 1851 году. М., 1852.

3. Ирвинг В. Жизнь Магомета. Перевод с английского Петра Киреевского. Москва, 1857

4. Кеда М.К. Михайло Назарович Петров (1826–1887) та його внесок в історичну науку. Автореф. ...дис. К.і.н. Київ, 2006.

5. Остапов Н.В. М.Н. Петров – профессор-новист Харьковского университета // Российские университеты в XVIII – XX веках. Вып. 5. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. С. 154-168.

6. Остапов Н.В. Становление преподавания всемирной истории в университетах России: научно-педагогические взгляды и деятельность М.Н. Петрова: 1850–1880 годы. Автореф. дис. ...к.и.н. Сыктывкар, 2006.

7. Петров М.Н. Очерки. Из всеобщей истории. Харьков: В университет. тип., 1868. – 536 с.

8. Sprenger A. Das Leben und die Lehre des Mohammad..., Bd.1-3, Berlin, 1861-1865.

Ахматиев Фарит Нафисович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; jurgarantiya@rambler.ru

At the origins of the presentation of the problem of the emergence of Islam in Russia: the experience of Professor M.N. Petrova

The article considers a little-known page in the work of one of the first Russian general historians M.N. Petrov, related to the presentation to the scientific community in Russia of the book of the German Orientalist A. Sprenger. In the essay published in 1868, “Mohammed. The Origin of Islam”, he highly appreciated the book, calling its author “Nibur of Oriental Historiography”.

Keywords: M.N. Petrov, A. Sprenger, the origin of Islam, geo-graphic determinism

Akhmadiyev Farit Nafisovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; jurgarantiya@rambler.ru

Ибрагимов Р.Р., Саматова Ч.Х.

Ислам в СССР в 1980-е гг.: афганский фактор

Статья посвящена особенностям положения ислама в СССР после ввода советских войск в Афганистан. Авторы изучили взаимоотношения власти и мусульман СССР в данный период, выявили особенности в процессах, протекавших внутри мусульманского социума страны, исследовали формы и методов контроля государством деятельности верующих и духовенства.

Ключевые слова: Советское государство, ислам, атеистическая пропаганда, Афганистан, Совет по делам религий при Совете Министров СССР

Государственно-конфессиональные отношения в советском обществе определялись атеистическим характером Советского государства. На всём протяжении его истории власть рассматривала религию исключительно с точки зрения её скорого и неизбежного «вымирания» (исключение составляют лишь последние 3–4 года истории СССР, когда в рамках политики перестройки отношение власти к религии кардинально изменилось). В этой связи политика государства в отношении религии в основном сводилась к массовой атеистической пропаганде, жёсткому контролю над верующими и духовенством, применением в их отношении административных, а иногда и репрессивных мер воздействия. В то же время было бы ошибочно думать, что политика советской правящей элиты была абсолютно однообразна и не допускала никаких корректировок. Иногда внешнеполитические обстоятельства ставили власть перед необходимостью варьировать методы в своей политике в отношении религии в целом или отдельных конфессий, разумеется, с сохранением «генеральной линии» советской власти в данном вопросе.

Особым периодом в отношениях власти и ислама в Советском Союзе были 1980-е гг., время, когда после ввода советских войск в Афганистан, пошатнулся авторитет СССР в исламском мире. Руководство страны оказалось в ситуации, при которой, с одной стороны, было необходимо восстановить позиции в мусульманском мире, с другой – не допустить усиления влияния ислама и его радикализации внутри страны.

В начале 1980-х гг. в СССР, особенно в среднеазиатском и кавказском регионах стали проявляться негативные отголоски ввода советских войск в Афганистан. Так, в отчёте Совета по делам религий при Совете Министров СССР о состоянии ислама в СССР за 1982 г. говорилось, что «...наиболее реакционная часть

незарегистрированного духовенства (к которой можно отнести более 200 потомков ишанов, действующих в Средней Азии, руководителей около 400 мюридских братств, функционирующих в республиках Северного Кавказа...) подстрекает население отказываться от службы в Советской Армии, запрещает своим детям вступать в пионеры и комсомол, размножает и распространяет материалы зарубежных радиостанций..., разжигает религиозный фанатизм» [3, с. 425]. Действительно, влияние «афганского фактора» в республиках в данных регионах, порой, принимало крайние формы. Так, задержанный в Таджикской ССР неофициально действовавший мулла Н. Иноятов с группой других мусульман распространял фетву, в которой говорилось: «Советских солдат, погибших в Афганистане, нельзя хоронить по шариату, так как они воевали против истинных мусульман Афганистана» [4, л. 41].

В этой связи власть оказалась в двойственной ситуации: с одной стороны, продолжалась дальнейшая борьба с религиозными проявлениями, в том числе и мусульманскими, с другой – для противодействия вышеописанным действиям нелегальных мулл приходилось корректировать тактику. Так, в сентябре 1983 г. председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедов в письме председателю Совета Министров Узбекской ССР Н.Д. Худайбердыеву говорил о необходимости увеличить подготовку лояльного к советской власти мусульманского духовенства в медресе Мир-Араб и Высшем исламском ма`хаде, напрямую увязав это с необходимостью борьбы с усилившимся влиянием “реакционных” мулл [2, л. 91].

В начале 1980-х гг., в прямой связи с “афганским фактором” советская дипломатия активизировала усилия по налаживанию связей советских мусульман со своими единоверцами за рубежом. Так, в письме председателя Совета по делам религий В.А. Куроедова, адресованного советским послам в странах мусульманского мира, прямо говорилось о необходимости значительного расширения связей с международными, региональными и национальными мусульманскими организациями, отдельными видными и влиятельными деятелями ислама, активного ознакомления зарубежной общественности с советской действительностью [1, л. 116].

В 1970 – 1980-х гг. несколько изменился подход власти в отношении религиозных объединений, действовавших на нелегальной основе, но функционировавших уже давно и имевших постоянный состав верующих. Если ранее в их отношении действовали директивы о немедленном прекращении незаконной религиозной деятельности, то позднее подобные действия были признаны неэффективными и нецелесообразными [5, л. 92]. Наряду с другими причинами, большое значение в изменениях в данном подходе имел

«афганский фактор». Например, в отчёте Совета по делам религий при Совете министров СССР за 1982 г. было указано, что «Империализм и реакция в своём стремлении перебросить в СССР “пламя исламского возрождения” ...ставку делают на незарегистрированные религиозные объединения и служителей культа. И нельзя сказать, что их попытки не доходят до цели» [3, с. 427].

Во-первых, спустя некоторое время после разовых административных мер нелегальные религиозные объединения возобновляли свою деятельность; во-вторых, создавались многочисленные прецеденты о возможности сравнительно безнаказанного нарушения законов; и в третьих, неофициальный характер функционирования религиозных общин, затруднял для власти контроль над их деятельностью. К тому же после появления «афганского фактора» именно в нелегально действовавших мусульманских объединениях Средней Азии и Кавказа были заметны признаки радикализации ислама.

Таким образом, специфика положения ислама СССР в рассматриваемый период во многом определялась негативным восприятием определённой частью мусульман страны, особенно в Средней Азии и Кавказе, ввода советских войск в Афганистан; «афганский фактор» обусловил для государства необходимость поиска внутри страны и за рубежом союзников среди лояльно настроенных к советской власти представителей мусульманского духовенства и верующих; в немалой степени из-за ситуации в Афганистане власть стала более прагматично и рационально относиться к положению мусульманского образования в стране, а также пошла на придание официального статуса некоторым ранее нелегально действовавшим мусульманским объединениям.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1785.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2491.
3. Ислам и советское государство (1944–1990): сборник документов. Вып. 3. Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. М.: Изд. дом Марджани, 2011. 528 с.
4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 89. Д. 82.
5. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 8. Д. 1275 г.

Ибрагимов Руслан Рустамович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; rus-ibr@inbox.ru

Саматова Чулпан Хамитовна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия;

Islam in the USSR in the 1980s: the “Afghan factor”

The article is devoted to the peculiarities of the situation of Islam in the USSR after the Soviet troops entered Afghanistan. The authors studied the relationship between the authorities and Muslims of the USSR in this period, revealed features in the processes taking place within the Muslim society of the country, investigated the forms and methods of state control of the activities of believers and clergy.

Keywords: Soviet state, Islam, atheist propaganda, Afghanistan, Council on Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR

Ibragimov Ruslan Rustamovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; rus-ibr@inbox.ru

Samatova Chulpan Khamitovna, Candidate of History, Associate professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; rus-ibr@inbox.ru

УДК 94(560) "19"

Кадыров Р.Р.

Религиозной вопрос в Турецкой Республике в 1950-е годы и поиск путей его решения правительством А. Мендереса

В статье рассматриваются меры, направленные на решение религиозного вопроса правительством А. Мендереса в Турции (1950–1960 гг.). Острые социальные противоречия в турецком обществе вызывал вопрос политики лаицизма. Отделение религии от государства с конфискацией огромной материальной базы у духовенства, закрытие теологических учебных заведений значительно подорвали авторитет и влияние турецкого духовенства на общественно-политическую жизнь страны, яркой причиной необходимости пересмотра политики секуляризма стало возрождение и бурный рост движения нетрадиционного ислама.

Ключевые слова: лаицизм, Турецкая Республика, Демократическая партия Турции, А. Мендерес, М.К. Ататюрк, секуляризм, азан, ислам, медресис, Народно-республиканская партия

К концу 40-х годов XX в. в турецких правящих кругах проявились отчетливые дискуссии о необходимости пересмотра ряда революционных реформ, в том числе политики лаицизма. К тому времени принцип лаицизма или секуляризма, выдвинутый М.К. Ататюрком, не находил широкой поддержки среди местного населения, большая часть которого оставалась верующей. Лаицизм подразумевал развитие Турции как светского государства. В соответствии с ним в 1928 г. ислам перестал быть государственной религией. Под запретом оказалось шариатское право, также был введен запрет на религиозное образование. Отсюда также вытекало недовольство духовенства, которое было лишено значительного имущества и потеряло влияние на социальную сферу жизни турецкого общества.

С приходом к власти в 1950 г. первым делом лидеры Демократической партии (ДП) пересмотрели политику Народно-республиканской партии (НРП) в отношении религии. В качестве начальной меры смягчения религиозной политики был принят закон, разрешающий читать «азан» не только на турецком, но и на арабском языке [1, с. 185]. Далее были полностью сняты все запреты на преподавание религиозных предметов в школах и высших учебных заведениях. В стране проводилась обширная программа по строительству новых мечетей. В 1951 г. был принят закон, поощрявший религиозные публикации.

Данные нововведения были встречены положительными откликами среди верующего и сельского населения страны. Также среди членов партии были сторонники, выступающие за отмену европейской одежды, латинского алфавита и возврату исламских законов.

Однако несмотря на все эти шаги в сторону ислама, правящая партия продолжала курс вестернизации и либерализации, стремилась соблюдать осторожность в проведении религиозной политики. Власти были вынуждены сдерживать рост религиозных общин и сект. С этой целью через меджлис был проведен ряд законопроектов, направленных на борьбу с исламским фанатизмом. Главную обеспокоенность вызывал дервишский орден «Тиджани» во главе с Кемаль Пилавоглу. Сторонники «Тиджани» разрушали памятники и бюсты М.К. Ататюрка, распространяли религиозные листовки с требованиями «положить конец эпохе идолов, продолжающейся 27 лет», «закрыть кинотеатры и театры». Рост недовольства среди интеллигенции, военных, отстаивавших основные устои светского режима и представлявших взгляды М.К. Ататюрка, вынудили правительство в июне 1951 г. принять специальный закон о защите всех памятников, связанных с именем М.К. Ататюрка [2].

Позже правительство А. Мендереса стало использовать религию в новом политическом ключе. Так, в июле 1952 г. по санкции суда, инициированного правящей партией, была закрыта Исламская демократическая партия, а её основатель Джеват Рифат Атилхан был арестован. В судебном решении говорилось, что «устав ИДП противоречит статьям гражданского кодекса».

Такая же судьба ожидала Национальную партию (НП). По сообщениям газеты «Зафер», образовался раскол среди членов партии. Более 40 ее членов во главе с Хикметом Баюром объявили, что они являются противниками «Белой революции». Они утверждали, что в партии взяли верх противники М.К. Ататюрка и его реформ, которых волнует только их избрание в меджлис. Председатель НП Муштафа Кентли и члены руководящего совета Ахмет Тахтакылыч, Эртугрул Акча, Фуад Арна и Нуреддин Ардычогулу тесно сотрудничали

с закрытым судом, Обществом националистов и обществом «Великий Восток». Также М. Кентли активно выступал в пользу защиты прав на создание религиозных сообществ и организаций, о чем неоднократно публиковал свои заявления в исламском журнале «Себилиюррешад». Национальная партия, заметно усилившая свое влияние на мелкого хозяйственника, средний класс, могла представлять значительную политическую угрозу для ДП. Также она могла стать солидным соперником на политической арене. Против нее были применены судебные санкции «за нарушение закона об обществах, поскольку она хотела создать новый социальный порядок на теократической основе». Национальная партия была закрыта в начале 1954 г.

В феврале 1954 г. бывшие руководители НП образовали новую Республиканско-национальную партию (РНП), в уставе партии религии уже не отводилась первостепенная роль.

Для отстаивания принципов кемалистской революции была учреждена культурная организация «Очаги революции». Широкой поддержкой среди политических партий эта организация не получила. Политическая элита поняла, что может использовать религию в своих политических интересах. «Консерватизм и религия, – писал Кемаль Карпат, – теперь защищаются всеми политическими партиями в Турции как средство противостоять коммунизму» [3, р. 115].

Страх перед коммунизмом буржуазных политических партий свидетельствовал о слабости их идеологии, влияние которой на широкие массы постоянно подрывалось антидемократическими, реакционными мерами, грубыми нарушениями буржуазных свобод.

В ноябре 1958 г. в Стамбуле начала действовать Высшая школа ислама. Её выпускники могли работать преподавателями в начальных школах и теологических факультетах вузов. Так, к 1959 г. в Турции насчитывалось 19 религиозных школ с 4233 учащимися.

Эти процессы привели к активизации духовенства в общественной жизни страны: имамы активно стали выступать против перевода Корана на турецкий язык и чтения его на турецком языке. В печати и меджлисе все чаще стали звучать призывы к признанию ислама государственной религией.

Демократическая партия начала активно использовать исламскую карту в своих политических интересах. Поддержкой среди высшего руководства ДП пользовался профессор Али Фуад Башгиль, который с 1950 г. в печатных изданиях и других СМИ развернул борьбу с атеизмом и «безбожием», а также с «подражателями Запада». В своих интервью и выступлениях он требовал прекратить контроль Министерства просвещения за религиозным обучением. «В религиозных делах – писал А.Ф. Башгиль, – путь, по которому

мы следуем, приведет нас к пропасти. Для такой страны, как Турция, где 85% населения составляют крестьяне и рабочие, из которых самое меньшее неграмотны 60%, национальная и историческая обязанность состоит в том, чтобы показать опасности нарушения религиозных и духовных связей, укреплявшихся в течение веков». Ученый также считал, что только вера может оказать влияние на моральное и этическое воспитание, что верующий человек терпим и не алчен: «Религиозный человек не будет покушаться на имущество другого» [4, S. 15, 20, 295].

Увеличивали свое влияние как в городе, так и в селе различные мусульманские секты – бекташи, накшбенди, мевлеви, акифы и др.

Отход от политики лаицизма, широкое внедрение религиозной идеологии как сдерживающего средства от социальных потрясений в обществе, как мощный инструмент для манипуляций общественным настроением стал важным элементом политики правительства ДП. Громкие заявления о своей верности реформам М.К. Ататюрка, конституционным принципам «секуляризма и революционности» были отодвинуты на второй план. В ходе политической борьбы исламский фактор оставался ведущим. Некоторые меры правительства, направленные на преследование наиболее ярых сектантов, имели скорее показательный, формальный характер.

Мусульманское духовенство открыто поддерживало Демократическую партию и призывало всех голосовать за нее. В распространяемых повсюду листовках духовенства с цитатами из Корана и рисунками на исламские темы ярко и активно велась пропаганда ДП. Лидера ДП А. Мендереса за особые заслуги в деле возрождения ислама даже причислили к святым. В 1959 г. во время авиационной катастрофы турецкой делегации, направляющейся в Лондон, погибло более половины делегации, при этом премьер-министр отделался лишь синяками. Это дало повод подтвердить духовенству «святость» А. Мендереса.

Сам А. Мендерес утверждал, что принцип лаицизма нанес вред стране. Для снижения политической популярности НРП среди народа правительство обвиняло их лидеров в отрицании религии и мусульманских ценностей. В газете «Себилиюррешад» говорилось по этому поводу: «Власть Демократической партии – это мусульманская власть, а А. Мендерес – мусульманский премьер-министр» [5, S. 121].

Апогеем религиозной политики ДП можно считать начавшиеся повсеместно акции духовенства среди местного населения и в органах печати с призывом объявить Турецкую Республику Исламским государством.

Происходило тесное использование исламского фактора в политике и игра на религиозных чувствах избирателей. Ислам превращался в идеологическое и социальное оружие. Политика Демократической партии привела к тому, что мусульманское духовенство стало обладать широкими политическими и экономическими правами и свободами. Духовенство, в свою очередь, стало проводить мощную политику лоббирования политических интересов Демократической партии.

Такая политика не снискала поддержку среди интеллигенции и военных. Кроме того, либерализационный курс ДП стал способствовать исламскому возрождению в стране, включая возвращение азана на арабском языке вместо турецкого, отмену множества запретов в отношении мусульман, строительство новых мечетей и т.п. [6]. Можно сделать вывод, что в религиозной политике делался основной упор на исламизацию страны. ДП старалась отвлечь большую часть местного населения от нерешенных социально-экономических проблем, что и привело к военному перевороту 1960 г. Демократическая партия вновь поставила в общественную повестку дня религиозную проблему, по своей сути, не решенную до сегодняшнего дня.

Библиография

1. Данилов В.И. Политическая борьба в Турции. 50-е – нач. 80-х гг. XX в. М.: Наука, 1985. 328 с.
2. Sitembölükbaşı Ş. Türkiye’de İslam’ın Yeniden İnkişafı (1950–1960). Ankara: İSAM&TDV, 1995. 206 s.
3. Karpat K. Turkey`s Politics. The transition to a multi Party System. Princeton, 1959. 385 p.
4. Başgıl A.F. Din ve laiklik. İstanbul, 2007. 318 s.
5. Ç- Özek, Türkiye’de laiklik. İstanbul, 1962.
6. Сидоров Х. "Исламский меньшевизм" и "культурный консерватизм" в Турции. – URL: <https://golosislama.com/news.php?id=34225>. 31.03.2018 (дата обращения: 12.12.2019).

***Кадыров Рамиль Рашитович**, кандидат исторических наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; kadyrovramil@mail.ru*

The religious issue in the Republic of Turkey in the 1950s and the search for ways to solve it by the government of A. Menderes

He article discusses measures aimed at resolving a religious issue by the Government of A. Menderes in Turkey (1950-1960). Acute social contradictions in Turkish society raised the issue of the policy of Laicism. The separation of religion from the state with the confiscation of the enormous material base of the clergy, the closure of theological educational institutions, significantly undermined the authority and influence of the Turkish clergy on the country's social and political life, the revival and rapid growth of the movement of non-traditional Islam became a clear reason for the need to revise the politics of secularism.

Keywords: Laicism, Republic of Turkey, Democratic Party of Turkey, A. Menderes, M.K. Atatürk, secularism, azan, Islam, Mejlis, People's Republican Party

Kadyrov Ramil Rashitovich, *Candidate of History, Kazan Federal University, Kazan, Russia; kadyrovramil@mail.ru*

УДК 94(569.1) "16"

Краюшкин Н.Р.

Историческая память Великой Сирии в «путевых заметках» мусульманских паломников XVII в.

После османского завоевания арабских стран Великая Сирия сохранила статус одного из главных центров мусульманского мира по формированию исторического сознания. На основе изучения написанных в жанре «путевых заметок» (*рихла*) трактатов мусульманских паломников Мухаммада Кибрита (ум. в 1659 г.), Эвлия Челеби (ум. в 1682 г.) и 'Абд ал-Гани ан-Наблуси (ум. в 1731 г.) автор моделирует основные формы «оживления» истории и выделяет такие характерные черты исторической памяти Великой Сирии XVII в. как избирательность, символичность и мифологичность. Глубоко укоренившиеся представления о религиозной исключительности сирийских мусульман способствовали замкнутости арабской культуры османского периода перед научными достижениями западной цивилизации.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Османская Сирия, литературный жанр *рихла*, 'Абд ал-Гани ан-Наблуси, Восток и Запад

После османского завоевания в 1516 г. Великая Сирия сохранила свое особое культурное значение в мире ислама по формированию исторического сознания и культурных образов мусульманского прошлого. Тем не менее, до относительно недавнего времени в научной литературе османскую эпоху в истории арабских стран характеризовали преимущественно как период повсеместного упадка (*'аср ал-инхитат*), длившийся до *Нахды* – арабского возрождения XIX века [3, с. 476-477]. Это связывалось с распространением на Ближнем Востоке в это время культа религиозного знания, институционализацией мистического ислама и господством в интеллектуальной деятельности мусульманских ученых принципа *таклида*, который предполагал не создание принципиально новых трудов и концептов, а изучение и комментирование трудов наиболее авторитетных мыслителей мусульманского прошлого [4, р. 9-10; 5, р. 1-10].

Действительно, хотя османское общество XVII века знало о многих научно-технических достижениях Европы того времени, они почему-то не получали широкого распространения на просторах империи. Так, еще в начале XVII столетия в Дамаске появился перевод

и подробное изложение системы Коперника (1473–1543), не имевшей особой популярности у образованного населения города. Более того, в это время в Палестине и Сирии было построено несколько мануфактур, действующих по самым современным испанским технологиям с использованием водяного колеса в качестве двигателя, однако и эти предприятия не смогли пережить своих основателей [1, с. 6–7].

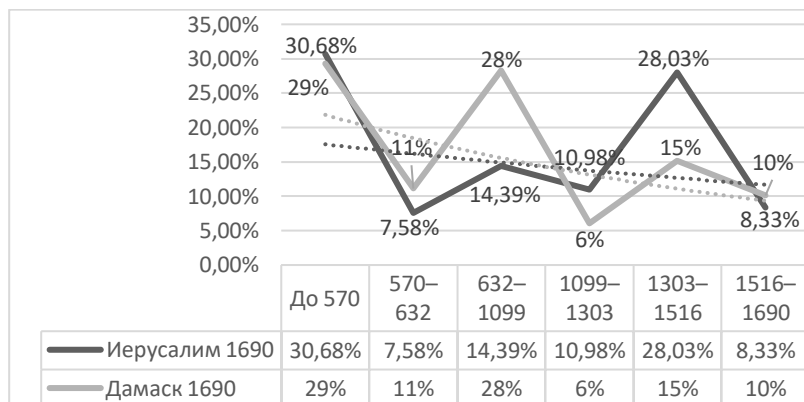
Одно из возможных направлений исследований, в которых предпринимается попытка объяснить, почему новые идеи оказывались невостребованными в арабо-мусульманских высокообразованных кругах Великой Сирии, лежит в изучении исторической памяти жителей Великой Сирии XVII в., напрямую влиявшей на формирование их интеллектуальной культуры, ценностных ориентиров и представлений о будущем [2, с. 404; 4, р. 10–13]. Среди основных источников, анализ которых позволяет смоделировать культурную жизнь сирийской провинции, можно выделить трактаты мусульманских путешественников, написанные в литературном жанре «путевых записок» (*рихла*). В XVII в. описание своих «хождений» по Великой Сирии оставили мединский богослов Мухаммад Кибрит (ум. в 1659 г.) [7], турецкий путешественник из семьи стамбульских придворных Эвлия Челеби (ум. в 1682 г.) [6] и мусульманский поэт и мистик из Дамаска ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси (ум. в 1731 г.) [8; 9]. В их произведениях детальным образом описаны различные формы присутствия прошлого в настоящем в сирийском обществе и принятые практики «оживления» истории.

Основными материальными объектами исторической памяти были разбросанные по различным уголкам сирийской провинции мечети, школы-*медресе* с богатыми библиотеками, могилы мусульманских «святых», суфийские обители (*завии*), старинные хаммамы и крепости. Проведение в местах религиозного культа и у захоронений особо почитаемых праведников общественных молитв, суфийских практик по поминанию имени Аллаха (*зикров*) и народных празднеств (*маулидов*) для получения «божественной благодати» (*бараки*) способствовало приобщению паломников к легендарной истории ислама. Параллельно в целях поиска знания (*талаб ал-‘илм*) пилигримы стремились послушать лекции известных мусульманских ученых, принять участие в научных беседах (*маджлисах*) и обменяться книжной продукцией и дипломами (*иджазами*).

Описание всех этих составляющих позволяло путешественникам создать многогранный образ региона на основе нового исторического нарратива. Их рассказы отличаются, с одной стороны, избирательностью, символичностью, мифологичностью и персонифицированным характером интересующих их сюжетов. В то же время,

в отличие от авторов из других культурных миров в описаниях мусульманских паломников XVII в. не встречается четко сформулированных концептов наподобие прошедшего «Золотого века» или «Святой Руси». Это было связано с их уверенностью в том, что османская эпоха в жизни Великой Сирии была еще одним периодом триумфальной истории мусульманской религии. Причем номинально роль политического центра арабского мира в османскую эпоху продолжал играть «город халифов» Багдад (концепт «вечного Рима»), взятие которого султаном Мурадом IV (1623–1640 гг.) в 1638 г. упрочило в глазах мусульман законность притязаний османских правителей на халифат [7, с. 143].

Линия времени в истории Иерусалима и Дамаска по количеству упоминаний у ан-Наблуси

Из уверенности в культурном превосходстве над другими народами вытекала слабая заинтересованность мусульманских авторов в изучении исторических катастроф и триумфов, пережитых арабами-сирийцами. В этой связи, тяжелая эпоха крестовых походов осталась слабо освещенной в их историческом дискурсе (11 % в Иерусалиме против 6 % в Дамаске). Наравне с доисламской историей жители Иерусалима больше гордились мамлюкским периодом в истории Великой Сирии (1260–1517) (28 %), а дамаскинцы — эпохой становления и расцвета классического ислама (632–1099) (28 %).

Глубоко укоренившиеся представления о религиозной самобытности, исключительности и богоизбранности сирийских мусульман объясняют многие причины замкнутости арабской культуры XVII в. и слабой заинтересованности исламских интеллектуалов в достижениях европейской цивилизации.

Библиография

1. Иванов Н.А. Восток: новые походы к изучению истории // Восток. 1993. № 4. С. 5-12.
2. Радловский М.А. Историческая память Хадрамаута и литературный жанр рихла // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 году. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), 2012. С. 397-404.
3. Фильштинский И.М. История арабской литературы X–XVIII века. М.: Главная редакция восточной литературы, 1991.
4. Chih R., Mayeur-Jaouen C. Le soufisme ottoman vu d’Egypte (XVI–XVIII siècle) // Le soufisme à l’époque ottomane XVI–XVIII siècle. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale, 2010.
5. El-Rouayheb K. Islamic Intellectual History in the Seventeenth Century: Scholarly Currents in the Ottoman Empire and the Maghreb. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
6. Evliya Çelebi in Medina: the relevant sections of the Seyahatname. Edited with commentary and introduction by Nurettin Gemici; translation of the Ottoman Turkish text by Robert Dankoff. Brill. Leiden: Brill, 2012.
7. Кибрит Мухаммад. Рихлат аш-шита’ ва-с-сайф (Путешествие зимой и летом). Бейрут, 1965.
8. Ан-Наблуси ‘Абд ал-Гани. Ал-Хадра ал-унсиййа фи-р-рихла ал-кудсиййа (Дружеское сообщение о Иерусалимском путешествии). Бейрут: ал-Масадер, 1990.
9. Ан-Наблуси ‘Абд ал-Гани. Ал-Хакика ва-л-маджаз фи-р-рихла ила билад аш-Шам ва Миср ва-л-Хиджаз (Достоверное и образное описание путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу). Такдим Ахмад ‘Абд ал-Маджид Хариди. Ал-Кахира: Марказ Таусик ат-Турас, ал-Хайа ал-Мисриййа ал-Амма ли-л-Китаб, 1986.

Краюшкин Никита Романович, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия; *kranr@mail.ru*

Historical memory of Greater Syria in travelogues by Muslim pilgrims of the 17th century

After the Ottoman conquest of the Arab countries, Greater Syria retained the status of one of the main centers for the formation of historical consciousness of the Muslim world. Based on the study of travelogues (*rihlat*) treatises written by Muslim pilgrims Muhammad Kibrit (d. in 1659), Evliya Celebi (d. in 1682) and ‘Abd al-Ghani an-Nablusi (d. in 1731), the author models the main forms of history «revival» and identifies such historical memory characteristics of Greater Syria as selectivity, symbolism and fabulosity. Deep-rooted ideas about the religious exclusivity of the Syrian Muslims contributed to the isolation of Arab culture in front of scientific achievements of Western civilization.

Keywords: intellectual history, Ottoman Syria, genre of rihla, ‘Abd al-Ghani al-Nablusi, East and West

Kraiushkin Nikita Romanovich, Postgraduate student, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Research Assistant, Institute of Oriental Studies RAS Moscow, Russia; *kranr@mail.ru*

Набиев Р.А., Нафиков И.З.

Ислам как субъект межконфессионального диалога в евразийском пространстве: актуализация сфер его участия

В статье рассматривается место и роль ислама в межконфессиональном диалоге в современном евразийском пространстве. На примере поликонфессионального татарстанского общества показано соблюдение баланса интересов двух крупных конфессии – ислама и православия. Выделены значимость взаимодействия общественных и государственных институтов в развитии межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: ислам, православие, межконфессиональный диалог, евразийское пространство, социальная доктрина, религиозное образование

Евразийское пространство как для исследователей, так и для политиков и в прошлом, и в настоящем является источником вдохновения для выработки различных концепций и конструкций с тем, чтобы выстроить наиболее оптимальную парадигму общественно-культурного и экономического развития проживающих здесь народов. Соприкосновение нескольких цивилизации на этой площадке, прежде всего исламо-тюркской и славяно-православной вызывал и вызывает научно-праксиологический интерес, что, в частности, отражается в пристальном внимании к проблеме развития межнациональных и межконфессиональных отношений. Не секрет, что стремление к постоянному движению в общественных процессах приводит к сильным региональным импульсам на евразийском пространстве, которые трансформируются в региональные и глобальные вызовы. Перед вызовами XXI века становится исключительно важным нахождения способов и эффективных мер по недопущению распространения экстремизма и терроризма в обширном евразийском пространстве, где важным субъектом межконфессионального диалога выступает ислам.

Российская Федерация, территориально целиком находящаяся в евразийском пространстве, является многонациональным и поликонфессиональным государством, формирование которого определялось особенностями исторического его развития. В рамках общего процента верующего населения России православных по разным оценкам приблизительно 70–80 %, мусульман – 7–10 % (примерное количество 20 млн чел.). В обеспечении внешнего (парламентского диалога) важную роль играют современные социальные институты российской мусульманской уммы. К началу 2017 г. в России было зарегистрировано 5513 мусульманских организаций, включая 83

централизованные [7], хотя предположительно их не менее 8500, которые являются в статусе религиозных групп. Наряду с историческим мусульманским духовным центром в Уфе во главе с Талгатом Таджуддиным в 1996 году формируется Совет муфтиев России (СМР) во главе с Равилем Гайнутдином, затем появляется Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) во главе с Исмаилом Бердиевым. Таким образом, в российском исламском пространстве образуется три духовного центра влияния с определенными соперничающими центрами. В силу ряда обстоятельств начиная с 2010 годов в России, помимо мелких региональных муфтиатов, появляется дополнительно три – четыре центра притяжения. Кроме того, имеется стремление к полной самостоятельности у ряда региональных муфтиатов, например, Татарстана (ДУМ РТ), которое занимает второе место по численности общин после Дагестана. Отсутствие единого центра управления в российской мусульманской умме, что объясняется не только особенностью исламской традиции, но и сложностями религиозного возрождения, усложняет коммуникативный процесс.

Правовое и общественно-политическое обеспечение поддержки значимости участия субъектов диалога в сфере межконфессиональных отношений, в том числе ислама предусматривается в рамках реализации важных государственных документов и решений. В частности, имеется Совет по межнациональным отношениям при президенте РФ, образованный 5 июня 2012 г. во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. «Об обеспечении межнационального согласия». Им готовятся для Президента предложения по определению и развитию приоритетных направлений государственной национальной политики, обеспечивается взаимодействие различных органов государственной власти и общественных объединений в сфере ее реализации; проводится экспертиза законодательных норм, затрагивающих вопросы национальной и миграционной политики [4]. Распоряжением Президента РФ «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» от 24 апреля 1995 г. (№ 192-рп) [4] образован Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. В нем представлены Русская православная церковь, старообрядцы, мусульмане, буддисты, иудеи, католики, лютеране, Армянская апостольская церковь и основные протестантские деноминации страны. Для обсуждения и принятия согласованных решений в области государственно-конфессиональных отношений была создана Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ. Важным законодательным актом в сфере развития межнациональных и межконфессиональных отношений стала

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года) [8].

Ислам, как и все мировые религиозные системы, имеет свою социальную доктрину, что ему обеспечивает быть весьма активным участником в сфере социального служения. В рамках этого формировать и развивать религиозную образовательную систему, ориентированную на мир и согласие в обществе и на этой основе продолжать богословскую традицию российских мусульман. В этот процесс заметную роль вносят исламские вузы: БИА, МИУ, РИИ, РИУ и другие, которые с 2007 года поддерживаются государством в рамках деятельности федерального фонда по развитию исламской культуры, образования и науки. Необходимость подготовки специалистов с углубленными знаниями ислама вызвана процессом радикализации в евразийском регионе. Как отмечает С. Шерматова, «дефицит по-настоящему глубоких и обстоятельных исследователей об исламе объясняется не только оперативным характером событий, но и редкостью специалистов, сочетающих знания в области религии с умением осмыслить происходящие события» [9, с. 206]. В то же время программа по привлечению внимания к исламскому фактору реализуются поэтапно во многих форматах. Образ ислама, его духовно-нравственные ценности становятся доступным в рамках демонстрации фильмов в ежегодном Казанском международном фестивале мусульманского кино. В последнее десятилетие XX века мусульманские СМИ переживали затянувшийся период становления, и по тиражам «Ватаным Татарстан», «Шәһри Казан», «Татаринформ» и электронной правительственной газете «Интертат.ру» можно было отследить «градус интереса общества к исламу. Конечно, это не совсем объективный индикатор, но все же определенным критерием может это быть» [10, с. 51]. Стремлением расширить свое присутствие в медийном пространстве отмечена деятельность таких издательства, как «Дом Медина», «Хозур», «Иман» и др. Были разработаны и реализовывались программы переподготовки специалистов разных отраслей – полиции [6], УФСИН, журналистов, учитывающие особенности интеграции ислама в поликонфессиональное пространство.

Знаковым явлением утверждения межконфессиональной толерантности и формирования взаимоуважительных отношений между крупными конфессиями – исламом и православием стала реализация масштабного проекта исторической реконструкции и музеефикации памятников древнего города Болгар – символа принятия в 922 г. ислама Волжской Булгарией и острова-града Свияжск – военно-инженерного опорного пункта во время осады и взятий

Казани в 1552 г. [1]. В результате эти работы получили важное признание, что подтверждено включением этих объектов в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (2014 и 2017 гг.). С 2000-х годов в России были восстановлены или заново построены более 7000 мечетей, отремонтировано христианских культовых сооружений – более 17 тысяч; восстанавливаются и заново строятся буддийские храмы: после регистрации дореволюционной постройки дацан «Гунзэчойнэй» в Санкт-Петербурге получил новое развитие. Процесс восстановления духовно-культурных основ и возвращение исторического храмового фонда религиозным конфессиям стал импульсом преодоления духовного вакуума и запустил процесс поиска религиозно-культурной идентичности народов постсоветской эпохи.

Преодолевая внутренние трудности и противоречия, мусульманское духовенство, исходя из того, что ислам является одним из слагаемых общероссийского духовного единства, стремится внести свой вклад в укрепление межрелигиозного мира и сотрудничества с православием и другими религиозными объединениями страны. Известный мусульманский лидер, шейх Равиль Гайнутдин, избранный в июне 1996 г. Председателем Совета муфтиев России, констатирует: «успешное развитие страны во многом будет зависеть от состояния межнациональных и межрелигиозных отношений...» [2, с. 164]. Он обоснованно и оптимистично подчеркивает: «Мы надеемся, что расцвет исламской религии, имеющей многовековые традиции, станет залогом процветания всего Российского государства» [3]. При этом оправданным становится решение вопроса об объективном и комплексном знакомстве поликонфессионального населения России с исламом, его историей и ценностями. Данный момент является актуальным и для национальностей и этнических групп, исторически исповедующих ислам [5, с. 243]. В 2003 году Валиулла хазрат Якубов, тогда первый заместитель муфтия, подчеркнул, что «в Республике Татарстан практически повсюду проживает христианское и мусульманское население, ее территория расположена на стыке цивилизаций, культур, является межконфессиональным пограничьем. ...Благодаря, в том числе руководства ведущих конфессий республики нам удалось создать действующую атмосферу доверия и взаимосотрудничества» [11, с. 454].

В многонациональном и поликонфессиональном российском обществе одним из важных факторов устойчивого развития общества является обеспечение полнокровного участия всех конфессий в межконфессиональном диалоге. Активизация ислама и его институтов в межконфессиональном диалоге в качестве его важного субъекта имеет неиспользованные ресурсы, требуется дальнейшее их изучение и эффективное вовлечение.

Библиография

1. Бухараев В.М., Мягков Г.П., Набиев Р.А. Ценностные ресурсы исторической памяти в формировании комплиментарного образа «Другого» в полиэтническом обществе // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти: Международная научная конференция: сборник материалов / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 297-305.
2. Гайнутдин Равиль. Ислам в современной России. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
3. Ислам в России. Электронный источник удаленного доступа. – URL <https://xstud.ru/2271/kulturologiya/vvedenie>
4. Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. – URL <https://sovetsnational.ru/sovets/>
5. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 246 с.
6. Религия. Традиция. Право (Справочное пособие по религиоведению для сотрудников полиции). Казань: Платон, 2015. 80 с.
7. Силантьев Р.А. Рейтинг мусульманских общин России // Электронный источник удаленного доступа. – URL http://www.ng.ru/ng_religii/2017-06-21/13_422_raiting.html
8. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Электронный источник удаленного доступа. – URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>
9. Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малащенко и М.Б. Олкотт. М.: Арти-Бизнес-Центр, 2001. 320 с.
10. Якупов В. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань: Иман, 2005. 144 с.
11. Якупов В. К пророческому исламу. Казань: Иман, 2006.

Набиев Ринат Ахматгалиевич, доктор исторических наук, профессор, КФУ, г. Казань, Россия; professor.nabiev@yandex.ru

Нафиков Ильсур Закирзянович, кандидат исторических наук, доцент, КФУ, г. Казань, Россия; ilsur.nafikov@gmail.com

Islam as a subject of interfaith dialogue in the Eurasian space: updating the areas of its participation

The article examines the place and role of Islam in interfaith dialogue in the modern Eurasian space. The example of a multiconfessional Tatarstan society shows the observance of the balance of interests of two major faiths – Islam and Orthodoxy. The significance of the interaction of public and state institutions in the development of interfaith relations is highlighted.

Keywords: Islam, Orthodoxy, interfaith dialogue, Eurasian space, social doctrine, religious education

Nabiev Rinat Akhmatgalievich, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; professor.nabiev@yandex.ru

Nafikov Ilсур Zakirzianovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; ilsur.nafikov@gmail.com

Рибар Л.

Образ ислама на страницах современных учебников по всеобщей истории в Словацкой Республике (с 1993 по настоящее время)

Рассматривается образ ислама, представленный на страницах учебников по всеобщей истории, изданных в Словацкой Республике с 1993 года по настоящее время. Анализируются учебники, предназначенные для начальной и средней школы, а также дидактические материалы. Теоретической основой исследования послужили методики, разработанные Институтом международных исследований по учебникам им. Георга Эккерта в Брауншвейге.

Ключевые слова: ислам, преподавание истории в школе, учебники, дидактические материалы

В современной академической науке и политике одной из приоритетных тем остается проблема ислама и Ближнего Востока. Исследовательской задачей становится вопрос о том, как реагирует на эту проблематику общественность. На взгляды и базовые знания обывателей об исламе влияет целый ряд факторов, в том числе средства массовой информации и социальная среда. Степень их влияния варьируется в зависимости от социально-экономического положения и религиозно-культурной уровня того или иного слоя общества. При этом важнейшим фактором формирования взглядов на вопросы ислама и позицию Ближнего Востока является образовательная среда, знания, полученные в начальной и средней школе и университете. В связи с этим возникает вопрос: какую информацию об исламе получают ученики и студенты? Объективность и правильность оценки полученной информации в определенной степени зависят от качества образования, которое в значительной степени демонстрируют школьные учебники как основное дидактическое средство обучения. При изучении истории и традиций ислама и Ближнего Востока, помимо учебников по географии, основные базовые знания учащихся об исламе как религиозном, культурном и историческом явлении, предоставляют учебники по истории. Целью данного исследования является анализ образа ислама в Словакии на примере ряда школьных учебников по истории для гимназий и средних учебных заведений.

Теоретической основой анализа учебников по истории, изданных в Словакии, послужили новейшие исследования дидактиков истории, в первую очередь специалистов Института международных исследований по учебникам им. Георга Эккерта в Брауншвейге.

Автором доклада проводился анализ учебников для начальных и средних школ Словакии (гимназия и среднее училище). Предметом исследования стали учебники, представленные ниже в списке литературы [1-9]. Исследовательские задачи были сформулированы автором следующим образом:

1. На основе общей характеристики учебников (библиографические данные, авторы) провести типологию учебников.
2. Проанализировать структуру учебников и общие аспекты текста.
3. Анализ содержания учебников (количественный, качественный), проверить достоверность представленных фактов, их объективность и актуальность, способ интерпретации, присутствие рациональности / эмоциональности).
4. Определить общую дидактическую концепцию (цели и текст учебника, иллюстрации, источники, задачи).

В заключении автор пришел к следующим выводам: Ряд словачских учебников по истории не соответствуют современным методологическим и дидактическим критериям и подходам по созданию учебников истории. Некоторые учебники содержат фактические ошибки, а также неверные интерпретации, требующие корректировки. Так, например, интерпретация некоторых исторических концепций и событий в учебниках истории (например, джихад, крестовые походы, битва при Пуатье и др.) не учитывают современного состояния исторических исследований по истории ислама. Более того, в некоторых учебниках замечен идеологический подтекст в форме стереотипной дихотомии двух религий и цивилизаций (христианство против ислама). Тексты, построенные таким образом в учебниках истории, могут влиять на мировоззрение учащихся начальной и средней школы и, таким образом, способствовать созданию стереотипного образа других культур.

Библиография

1. Bada M., Bocková A., Krasnovský B., Lukačka J., Tonková M. Dejepis pre 1. Ročník gymnázií a stredných škôl. Bratislava, SPN, 2011. 271 c.
2. Bartl J., Kamenický M., Valachovič P. Dejepis pre 1. Ročník gymnázií. Bratislava, SPN, 2000. 269 c.
3. Chylová E., Fremal K., Chromeková V., Martuliak P. Dejepis pre stredné odborné školy a stredné odborné učilištia 1. Od praveku k novoveku. Bratislava, Orbis Pictus Istropolitana, 2003. 43 c.
4. Daniš M., Kratochvíl V. Dejepis. Stretnutie s minulosťou. [Učebnica dejepisu pre 5. Ročník základných škôl]. Bratislava, Orbis Pictus Istropolitana, 1999. 63 c.
5. Krasnovský B., Miháliková M., Tonková M. Dejepis pre 6. Ročník základnej školy a 1. Ročník gymnázia s osemročným štúdiom. Bratislava, SPN, 2011. 95 c.
6. Kratochvíl, V., Daniš, M. Dejepis 5. Pátrame po minulosti. [Učebnica pre 5. Ročník základných škôl]. Bratislava, Orbis Pictus Istropolitana, 2012. 55 c.

7. Miháliková M., Tonková M. Dejepis pre 5. Ročník základných škôl. Bratislava, SPN, 2009. 79 c.
8. Múcska V., Skladaný M., Kratochvíl V. Dejepis 2. Európa v období stredoveku [Učebnica pre 7. Ročník základných škôl a pre 2. Ročník osemročných gymnázií]. Bratislava, Orbis Pictus Istropolitana, 1996. 63 c.
9. Valachovič P., Kratochvíl V., Múcska V. Dejepis I. Od staroveku k stredoveku [Učebnica pre 6. Ročník základných škôl a pre 1. Ročník osemročných gymnázií]. Bratislava, Orbis Pictus Istropolitana, 2000. 71 c.
10. Beneš Z. Dějepisné učebnice. // Manuál encyklopedie českých dějin. Praha, Historický ústav AV ČR, 2003. 314 c.
11. Bergmann K. Multiperspektivität // Handbuch Methoden im Geschichtsunterricht. Schwalbach/Ts, VochenschauVerlag, 2004. C. 64-77.
12. Kratochvíl V. K niektorým didaktickým a metodickým problémom tvorby učebníc dejepisu // Paedagogica 18. Didaktika humanitných predmetov. Bratislava, Univerzita Komenského, 2006. C. 177-189.
13. Kratochvíl V. K problémom tvorby didakticko-historického textu // Historické štúdie. K životnému jubileu Mikuláša Pischa. Acta Historica Posoniensia VIII. Bratislava, Stimul, 2008. C. 86-97.
14. Kratochvíl V. Przelomowe wydarzenia historyczne we współczesnych polskich i czeskich podręcznikach szkolnych // Historické mezníky v súčasných poľských a českých školských učebniciach. Poznaň, Instytut historii UAM, 2018. C. 343-350.
15. Mayer U. et al. Wörterbuch. Geschichtsdidaktik. Schwalbach/Ts: Vochenschau Verlag, 2006.
16. Pingel F. Schulbuchbegutachtung und international Schulbuchempfehlungen // Zur Darstellung der jüdischen Geschichte sowie der Geschichte des Staates Israel in österreichischen Schulbüchern. Dokumentation der Tagung von FachwissenschaftlerInnen und Schulbuchverantwortlichen. Wien, 2000. C. 17-32.

Рибар Лукаш, доктор философии, кандидат исторических наук, Университет им. Я.А. Коменского, г. Братислава, Словацкая Республика; lukasrybar21@gmail.com, lukas.rybar@uniba.sk

The Image of Islam on the Pages of Modern History Curriculum Textbooks in the Slovak Republic (from 1993 to the present)

According to the recent research respective study based on a didactic-methodological scope analyses the image of Islam in the history curriculum textbooks in Slovakia (from 1993 until the very recent publications). The introductory part examines both initial questions and methods of the respective research. Firstly, I attempt to introduce the current definition of history textbook and at the same time both its desired qualitative as well as quantitative content. Furthermore, curriculum concerning Islam in the respective both elementary and high schools' history textbooks have been scrutinized. Moreover as a conclusion, the paper suggests reexamination of some of the historical both terms and events (Jihad, Battle of Poitiers, Crusades) which have been incorrectly interpreted.

Keywords: Islam, teaching history at school, curriculum textbooks, Slovakia, didactic materials

Rybar Lukas, Ph.D, Candidate of History, University named after Ya.A. Comenius, Bratislava, Slovak Republic; lukasrybar21@gmail.com, lukas.rybar@uniba.sk

Фазлиев А.М., Саттарова А.И.

Современные подходы к исследованию ислама и мусульманской цивилизации

В настоящее время методологические подходы к изучению богатого духовного наследия мусульманских обществ должны быть более точно определены. Мы должны исходить из того, что мусульманская цивилизация, развиваясь в едином духовном пространстве, аккумулировала в себе различные национальные и религиозные элементы. Научному сообществу необходимо преодолеть глубоко укоренившийся стереотип о том, что универсальная восприимчивость и динамичное творчество Ислама были заморожены в раннем Средневековье. Именно джадидизм и мусульманский реформизм доказали высокую гибкость ислама, его огромный внутренний потенциал, способность приспосабливаться к новым социальным и политическим условиям.

Ключевые слова: исламские исследования, мусульманская цивилизация, Волго-Уральский регион, культура ислама

Изучение истоков духовной культуры народов Татарстана, богатой и вместе с тем, непростой истории формирования и развития – как части духовного наследия народов Волго-Уральского региона – является одним из важных исследовательских направлений Казанского (Приволжского) федерального университета и АН РТ.

Большой интерес ученых к прошлому нашего края продиктован огромным влиянием, которое оказывали народы Поволжья на развитие материальной и духовной жизни России, всей Евразии. Уникальный симбиоз культур, сложившийся в Среднем Поволжье, играл значительную роль в становлении и развитии тюркского мира, внес несомненный вклад в историю мировой цивилизации.

Среди ключевых проблем истории Волго-Уральского региона есть одна чрезвычайно актуальная, решение которой дает возможность ответить на широчайший спектр вопросов, связанных с духовной, культурной, политической, экономической жизнью, этносоциальными процессами в нашем крае. Нельзя сказать, что история ислама в Поволжье была обойдена вниманием ученых. Но методология изучения этого сложного, многофункционального и многопланового явления в советский период истории, основанная на жестких идеологических подходах, зачастую приводила к искажению роли ислама в истории народов Поволжья, размывала тот фундамент, на котором строилась и развивалась тюрко-мусульманская цивилизация России.

В начале нового тысячелетия религиозный фактор стал во многом определяющей доминантой в понимании многих сложных

явлений современного мира, является важнейшим условием социокультурной интеграции, способствует сохранению и продлению культурной традиции, совмещает в себе не только собственно религиозные представления, верования, ритуалы, но также и нормативную мораль, право, философские учения. Через этот опыт общество в немалой степени определяет свое отношение к внешнему миру и свое видение перспектив дальнейшего развития.

В духовной жизни и культуре народов Волго-Уралья до начала XX в. религиозный компонент был определяющим. Настало время более четко определить методологические подходы к изучению богатейшего духовного наследия. Необходимо признать профпригодность цивилизационного подхода к изучению общества. Он, безусловно, имеет существенные преимущества перед формационным, согласно которому культура не имеет другого содержания, кроме как быть надстройкой над социально-экономическим базисом, его функциональным придатком. Кроме того, для изучения мусульманского наследия Поволжья принципиально важным является признание того, что мусульманская цивилизация, развиваясь в едином духовном пространстве, аккумулировала в себе разнообразные национальные и религиозные элементы. А для концептуального понимания сущности и специфики духовных ценностей местных магометан актуальным является преодоление укоренившегося в исламоведческой науке ложного стереотипа о том, что универсальная восприимчивость и динамическая созидательность ислама были заморожены уже в раннем средневековье. Данная точка зрения сложилась, в основном, из-за недооценки роли тюрко-мусульманского компонента в мировой цивилизации.

Ислам в Поволжье имеет длительную историю, которую можно разделить на ряд ключевых периодов, имевших свои отличительные черты и особенности в социальном положении ислама, его догматике и соответственно его месте и роли в обществе.

Богатые религиозные и этнополитические традиции, заложенные в Волжской Булгарии, Золотой Орде, татарских ханствах стали фактором внутреннего единства тюрко-мусульманских народов Евразии. Ярким своеобразием свободного развития ислама в этих средневековых государствах стало обогащение его местными этнокультурными традициями, что, несомненно, открыло широкие возможности для всестороннего, динамического развития, как самих этих государств, так и многочисленных народов, населявших их [1, с. 35].

Характер и специфика мусульманского наследия в Поволжье в значительной степени были обусловлены геополитическим положением этого региона. Находясь вдали от основных центров

исламской цивилизации, мусульманская община Волго-Уральского региона, тем не менее, сохраняла постоянную духовную и информационную связь со странами мусульманского Востока. В этих условиях лучшие интеллектуальные силы мусульманского общества были нацелены не только на сохранение и распространение классического общемусульманского наследия, но и на его развитие, в соответствии с местными традициями и передовыми идеями Российской и Западной цивилизации. Мусульманские традиции способствовали здесь разрушению догм об исламе, как о самой консервативной и агрессивной силе, находящейся в непримиримом антагонизме ко всему прогрессивному. Татарская богословская мысль особенно убедительно раскрыла универсальную сущность ислама, присущую ему восприимчивость идеям прогресса, цивилизованных и равноправных отношений между народами и конфессиями. Значение мусульманского наследия Волго-Уралья выходит далеко за рамки региональных особенностей.

Все эти вопросы настоятельно требуют глубокого и широкого обсуждения. Сегодня, наметилась попытка синтеза классического исламоведения с современными междисциплинарными исследованиями, стремление преодолеть известную ограниченность, выражавшуюся в рассмотрении религии как замкнутого феномена, мало подверженного внешним воздействиям, в том числе и политическим. Значительно возрос интерес и к российскому исламу. Но, к сожалению, методологические клише, идеологические и психологические предубеждения в отношении ислама, до сих пор не преодолены. Насущной стала необходимость всестороннего, комплексного и объективного изучения сути, влияния и функционирования мусульманской религии в России. Но одновременно ясно и то, что для этого необходимо уточнить и методологические подходы, а некоторые из них предстоит осмыслить принципиально по-новому.

Библиография

1. Бродовская Л.Н., Буравлева В.В., Фазлиев А.М. Поволжье: опыт межкультурного диалога // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1. С. 34-37.

Фазлиев Айваз Миннегосманович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет» г. Казань, Россия; aivazik@mail.ru

Саттарова Аделя Ильхамовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Казанский федеральный университет» г. Казань, Россия; satadel@inbox.ru

Modern approaches to the study of Islam and Muslim civilization

The methodological approaches to the studies of the rich spiritual heritage of Muslim societies are to be more exactly determined nowadays. Firstly, it is necessary to recognize the priority of civilization approach to the studies of society. Secondly, we should proceed from the fact that Muslim civilization developing in united spiritual space accumulated in itself various national and religious elements. And in the third place, there is a need to overcome a deep-rooted stereotype about that universal receptivity and dynamic creativity of Islam were frozen in the early Middle Ages. Specifically Jadidizm and Muslim reformism proved the high flexibility of Islam, its enormous internal potential, and the ability to adjust to new social and political conditions.

Keywords: Islamic studies, Islamic civilization, Volga-Ural region, the culture of Islam

Fazliev Aivaz Minnegosmanovich, *Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; aivazik@mail.ru*

Sattarova Adelia Ilkhamovna, *Candidate of History, Senior Lecturer, Kazan Federal University, Kazan, Russia; satadel@inbox.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Бобкова М.С. Концепция всеобщей истории в историописании Раннего Нового времени	3
Деметьева В.В. Концепции «универсальной» всеобщей истории («типологическая модель» Я. Буркхардта и «культурные круги» Эд. Мейера): влияние на «ромейскую теорию»	6
Лаптева М.П. Идея всеобщей истории от И. Канта до М. Вебера	9
Леонтьева О.Б. «Историософический размах, широта мировых перспектив»: концепции всеобщей истории российских марксистов и религиозных мыслителей начала XX в.	13
Лубский А.В. Геоисторический дискурс и конструирование концепций всеобщей истории	16
Мельникова О.М. Археология и всеобщая история в университетском пространстве XX – начале XXI века	19
Петелин Б.В. Юваль Харари: Homo Sapiens и алгоритмы будущего в книгах популярного автора	23
Рокина Г.В. Всеобщая история на страницах научного-практического ежегодника «Запад – Восток»	27
Сидорова Т.А. Всеобщая история в академических традициях Оксфорда и Кембриджа конца XIX – начала XX вв.	31
Синицын О.В. Валентин Андреевич Гавриличев как историограф и методолог	35
Соколов А.Б. Эдвард Радзинский об истории Французской революции и наполеоновского времени	38
Соломеин А.Ю. Репрезентация всеобщей истории в «Опыте о нравах и духе» Вольтера: роль и структурная организация эмпирического материала	43
Старкова Н.Ю. Изучение и преподавание всеобщей истории в УдГУ: эпоха профессора В.Е. Майера	46
Чернова Л.Н. Британские штудии в Саратовском университете в XX – начале XXI века	50
Горшкова К.Г. Вклад археолога Луиса Сирета в музейно-выставочное дело Испании	55
Шпак Г.В. Типологизация в истории на примере европейских travelogov XVII–XVIII вв.	58

Проблемы преподавания истории

Ernesto Ferrando L. Diachronic approach to the history teaching. From the Historical Canon to the Social History	62
Ковалев А.В. Феномен Просвещения в школьных учебниках истории ...	65
Крих С.Б. «Преодоление непреодолимого: дихотомия Запада и Востока в советских курсах по древней истории»	68
Леонова Т.А. Популяризация популяризации документальной истории Западноевропейского Средневековья	72
Метель О.В. Становление институциональной структуры советской новистики (1920 – 1930-е гг.)	75
Павлова Т.В. Всеобщая история на страницах отечественных школьных учебников	79
Пфаненштиль Н.Г. К учебнику – с вопросом: особенности историографического анализа «учебника-источника» по всеобщей истории	82

Раздел 2. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Древний мир

Востриков И.В. Структура военного командования Афин в поздне-классический и раннеэллинистический периоды	87
Ляхин Е.В. Гракханский проект по восстановлению Коринфа	91
Макарова О.М. Г.Б. Мэттингли и А.Е. Паршиков: разные судьбы исследователей одной проблемы	95
Можайский А.Ю., Пичугина В.К. Город как пространство образования и власти в поэме «Фиваида» Стация	98
Обидина Ю.С. Мистические культы и практики как способ трансляции интеллектуальных знаний в архаической и классической Греции ...	102
Соколов И.Ю. О композиции Каталога кораблей в «Илиаде»	105
Шмелева Л.М. Отношения Рима с этрусским городом Вейи в VIII – IV вв. до н.э.	110
Яковлев А.Е. К вопросу о пересечении территориальных границ в Древней Греции	114

Средние века

Бикеева Н.Ю. Агиографические образы св. Радегунды и современные исследования святости	116
Богданова А.А. Феномен средневекового ирландского жанра «Плаваний» в диссертациях: общее и особенное с глобальной исследовательской традицией	120
Главатских К.В. «Конституционное» положение остготского короля Теодориха в историографии	123
Ильичев В.А. «Круг Земной» Снорри Стурлусона: образ идеального правителя в скандинавских сагах XII – XIII вв.	126

Кириллова Е.Н. «20 лет тому назад», или «как король ушёл за море»: датировка «Книги ремёсел» Парижа	130
Кирюхин Д.В. Образы власти в неолатинской поэзии придворных авторов английского двора начала XVI в. (стихотворения на рождение принца Артура Тюдора)	132
Киясов С.Е. Тамплиеры: путь с Востока на Запад (духовные рыцари, еретики, масоны)	135
Мокрополова А. Образ королевской власти в скальдической поэзии об Олаве Святом	139
Сыченкова Л.А., Никитин А.А. Вклад Дмитрия Федоровича Беляева в развитие казанского византиноведения	142
Яблонская О.В. Английские купцы в системе власти Эдуарда III	148

Раздел 3. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Новое время

Гелла Т.Н. Империализм или/и национализм во внешней политике Великобритании в последней трети XIX века	152
Евграшин Д.А. Франко-Савойские отношения в свете антигабсбургской политики Генриха IV	156
Жолудов М.В. К вопросу об образовании Либеральной партии Великобритании в первой половине XIX века	159
Кирюхина Е.М. Образы героев славного прошлого в творчестве британских художников второй половины XIX – начала XX веков в контексте становления национальной идентичности	163
Котляров Д.А. К вопросу об имперском характере Московской Руси	167
Крючков Н.Н. Феномен «бионовщины» в отечественной публицистике и художественной литературе первой половины XIX в.	170
Лабутина Т.Л. Разведывательная деятельность британских дипломатов при дворе Екатерины II	175
Николашина Е.А. Мемуары Дэвида Ллойд Джорджа как источник по истории парламента Великобритании начала XX века	179
Скоробогатов А.В. Петиция о праве 1628 г. как паллиативный этап Английской буржуазной революции	184
Харитонов А.М. Отражение внешней политики Российской Империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв. в дневниках российского дипломата Г.А. Плансона	187
Юрганова И.И. Интеллектуальные практики духовного сословия Якутии начала XX столетия: локальный контекст	190

Новейшее время

Бодров О.В. Том Хейден и становление организации «Студенты за демократическое общество» (SDS)	194
Болтаевский А.А. Постколониальное общество в Карибском регионе: опыт Королевства Нидерланды	198

Данилов Е.С. Безопасность как «краеугольный камень» идеи европейского единства	201
Ерохин В.Н. Кельтские окраины и центральная власть в Великобритании: взгляд Майкла Хечтера	204
Мединец М.Я. Характеристики политических элит Восточной Европы в эпоху посткоммунистического транзита (на примере Польши)	208
Прокопов А.Ю. Роль Коминтерна в создании Компартии Великобритании (1920–1921 гг.)	213
Соколов А.С. Участие СССР в Международной экономической конференции 1927 г.	216
Хахалкина Е.В. Трансформация смыслового насыщения идеи Европы и европейской идентичности в рамках Европейских сообществ / Европейского союза	220
Храмов И.Ю. Идеино-теоретические группы СДО во второй половине 1960-х годов	224

Раздел 4. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО НА ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Валеев Р.М., Валеева Р.З., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Центры востоковедения в России и вклад немецких ученых-ориенталистов: Казань – Санкт-Петербург (XVIII – XIX вв.)	228
Жалменова О.П. К вопросу о политическом дискурсе в научной деятельности В.В. Бартольда	232
Косых Т.А. «Арабские ночи» на Граб-стрит: ориенталистский дискурс в работах С. Джонсона (1709–1784)	236
Мартынов Д.Е. Чжан Бинлинь и китайская историография	239
Набиев Р.Ф., Курлович П.Н. Япония: новые подходы к решению старых проблем	244
Нагорных О.С., Шок Н.П. СССР и Китай в ракурсе развития здравоохранения в 50-е годы XX столетия: традиции – новации – интеграция	247
Павловская Е.А. Самурайское сословие в англо-американской историографии в межвоенный период	251
Чикалова И.Р. Российская иранистика: становление научных школ (XIX – начало XX в.)	254

Ислам и диалог цивилизаций во всемирной истории

Ахмадиев Ф.Н. У истоков презентации проблемы возникновения ислама в России: опыт профессора М.Н. Петрова	258
Ибрагимов Р.Р., Саматова Ч.Х. Ислам в СССР в 1980-е гг.: афганский фактор	263
Кадыров Р.Р. Религиозный вопрос в Турецкой Республике в 1950-е годы и поиск путей его решения правительством А. Мендереса ..	266

Краюшкин Н.Р. Историческая память Великой Сирии в «путевых заметках» мусульманских паломников XVII в.	271
Набиев Р.А., Нафиков И.З. Ислам как субъект межконфессионального диалога в евразийском пространстве: актуализация сфер его участия	275
Рибар Лукаш. Образ ислама на страницах современных учебников по всеобщей истории в Словацкой Республике (с 1993 по настоящее время)	280
Фазлиев А.М., Саттарова А.И. Современные подходы исследования ислама и мусульманской цивилизации	283

Научное издание

**ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Сборник статей и сообщений

Том 2

Оригинал-макет

Г.П. Мяжкова

Дизайн обложки

Э.Р. Рахматуллиной

Подписано в печать 27.01.2020 г.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84¹/₁₆. Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 17,25

Тираж 500 экз. Заказ 448/11

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. профессора Нужи́на, 1/37

Тел. (843) 233-73-59, 233-73-28